

ISSN 2949-124X

Российская история

 НАУКА
— 1727 —

2 2024

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

*В столице противника:
французы в Москве и русские в Париже в 1812–1815 гг.*

*Царь и министр
во время русско-польской войны 1830–1831 гг.*

Первая мобилизация в Российской империи

Как мобилизовывали подданных царя в Китае

*Женщины на службе в военной цензуре
в период Первой мировой войны*

Исследование повседневной жизни Балтийского флота

*Кандалакшское направление
в советском военном планировании*

Срыв немецких планов на Курской дуге

*Механизмы экономической победы
в Великой Отечественной войне*

*Обсуждаем книгу
А.Г. Гуськов, К.А. Кочегаров, С.М. Шамин.
Русско-турецкая война 1686–1700 гг.*

МОСКВА

2 март
апрель
2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Захаров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Аракчеев, А.Н. Артизов, Б.В. Базаров, В.П. Булдаков, Р.Г. Гагкуев, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, В.В. Кондрашин, В.А. Кучкин, А.К. Левыкин, Д. Ливен, Е.А. Мельникова, С.В. Мироненко, К.В. Никифоров, Ю.А. Петров, Е.И. Пивовар, Р.Г. Пихоя, Д. Свак, А.В. Сиренов, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У Эньюань, В.С. Христофоров, В.В. Шелобаев, А.В. Юрасов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.Г. Агеева, А.Л. Беглов, О.В. Большакова, О.В. Будницкий, П. Бушкович, П.Г. Гайдуков, А.А. Горский, В. Дёнингдаус, С.В. Журавлёв, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, А.А. Иванов, Д.Ю. Козлов, Н.В. Козлова, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.Н. Круглов, Д.В. Лисейцев (зам. главного редактора), П.В. Лукин, А.В. Мамонов (зам. главного редактора), Л.В. Мельникова, А.П. Павлов, Д.Б. Павлов, Д.А. Редин, К.А. Соловьёв, П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723 69 10
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: К.А. Савицкий. На войну (1888)

А.Г. Гуськов, К.А. Кочегаров, С.М. Шамин. Русско-турецкая война 1686–1700 годов.

В российской исторической науке со времени, когда учёные, преодолев этап написания хронологически широких обобщающих трудов, стали специализироваться на изучении того или иного увлékшего их периода, сложилось несколько своеобразных рубежей, разделяющих пространство прошлого на несколько слабо связанных между собой эпох. К их числу, в частности, относится Батыево нашествие XIII в., дающее учёным основания специализироваться на исследовании «домонгольского» периода или, напротив, истории России времени ордынского владычества¹. Не менее глубокая пропасть пролегла между специалистами по истории XVII и XVIII вв. Историки, отдавшие сердце первому из этих двух столетий, не любят заглядывать во второе (как правило, увлекаясь «экзотикой» Московской Руси и, в лучшем случае, указывая на ошибки первого императора и цену проводимых им преобразований). Учёные же, специализирующиеся на истории XVIII в., напротив, обыкновенно имеют самое общее представление о предшествующем периоде, часто воспринимая его как негативный фон, обосновывающий необходимость и гениальность петровских реформ, вырвавших Россию из оков «азиатской дикости» и превративших её в страну европейскую. Об ограниченности таких шаблонных представлений немало сказано и написано исследователями, работающими по обе стороны «рубежа XVII–XVIII вв.», но приходится констатировать, что прочных мостов, позволяющих преодолевать эту пропасть, до сих пор не так уж и много.

Тем отраднее видеть появление работы, представляющей собой, по сути, ещё одно звено, связующее «старую Русь» и «новую Россию». Таковым по праву можно считать недавно опубликованную монографию А.Г. Гуськова, К.А. Кочегарова и С.М. Шамина о русско-турецкой войне конца XVII в.² Помимо бесспорно важного магистрального сюжета монографии, в контексте сказанного выше она интересна ещё и тем, что изучаемый авторами военный конфликт хронологически относится как к «закату Московской Руси», так и к «зарю петровской эпохи». И именно на материале исследуемых событий (гораздо более широком, нежели традиционная «военная история») становится особенно очевидной искусственная природа барьера, по разные стороны которого лежат «бесславные крымские походы Голицына» и «блестящее Азовское взятие Петра I». Авторам книги удалось показать, что речь идёт о непрерывной цепи событий, исторически и логически связанных между собой и составляющих часть единого полотна российской истории XVII–XVIII вв.

В дискуссии о достоинствах и спорных моментах монографии приняли участие доктор исторических наук Б.В. Носов и Д.В. Сень, кандидаты исторических наук П.А. Аваков, Т.А. Базарова и Г.М. Казаков.

Материал подготовлен Д.В. Лисейцевым

¹ Историография новейшей эпохи возвела для себя ещё два труднопреодолимых «вала», разделив события последних ста с небольшим лет на периоды «досоветский», «советский» и «постсоветский».

² Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М.: Русское слово — учебник, 2022. 528 с.

Монография А.Г. Гуськова, К.А. Кочегарова и С.М. Шамина представляет собой масштабное исследование самой продолжительной войны в истории многовековых взаимоотношений России и Османской империи, именуемой авторами «Русско-турецкой войной 1686–1700 годов». Они последовательно шли к написанию столь объёмного труда, опубликовав в последние годы несколько больших научных статей по теме исследования. Одна из сильных сторон труда — использование нескольких взаимосвязанных территориальных и иных «оптик», позволяющих *системно* уяснить содержание и характер различных событий, происходивших на многочисленных театрах военных действий. Это осуществлено путём последовательного установления общего и отличительного в реализации многочисленных военных кампаний и менявшихся военных стратегий сторон. Отрадно, что авторы не поставили во главу угла описание лишь военных действий — напротив, они последовательно представлены в логике «комплексного взгляда на историю войны» (с. 8), в котором нашлось достойное место анализу военно-мобилизационной логистики, дипломатического сопровождения, идеологического обоснования боевых действий, форм и способов распространения информации воюющими сторонами. В тексте удачно сочетается анализ событий как международного масштаба, так и насыщенных деталями микроисторических сюжетов. Такие аккуратные «переходы» могут послужить для взыскательного читателя важным основанием для аналитической верификации общеавторской концепции. Её внутреннее единство, на мой взгляд, подчёркивается и тем, что соавторы отказались от привычного для изданий такого рода указания на индивидуальное авторство той или иной главы.

Книга вносит заметный вклад в изучение истории взаимоотношений не только России и Османской империи, но также России и Крымского ханства, в историографии изучения которых не хватает крупных работ о периоде 1680–1690-х гг. Более того, не достаёт современных дискуссий о перспективах сохранения («живучести»³) державы Гиреев в XVIII в. в связи с итогами его развития на рубеже XVII–XVIII вв.⁴, причём ухудшение позиций ханства на международной арене уместно связать именно с итогами войны 1686–1700 гг. Авторы поставили перед собой несколько масштабных задач методического характера, направленных на преодоление историографических стереотипов о соотношении характера, итогов того или иного этапа войны в сравнении *допетровского/петровского периодов* в истории России, их якобы органического противопоставления. Они корректно указали, что в отечественной науке

³ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 421.

⁴ Сень Д.В. Крымское ханство в конце XVII — начале XVIII вв.: внешняя и внутренняя политика в условиях новых исторических «вызовов» // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки. 2018. № 2. С. 88–95; Сень Д.В. Русско-крымские отношения в условиях нового «пограничного порядка» (конец XVII — начало XVIII вв.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 20–21 ноября 2019 г. М., 2019. С. 655–659.

такое противопоставление (применительно к истории войны 1686–1700 гг.) до сих пор дробится на «бесславные» Крымские походы 1687 и 1689 гг. кн. Голицына и «удачные» Азовские походы 1695–1696 гг. Петра I» (с. 6). Между тем скептическое отношение к итогам развития «допетровского» Российского государства в сравнении с достижениями петровской эпохи, к сожалению, ещё сопровождает изучение других крупных явлений или даже периодов прошлого России (истории европеизации, истории регентства царевны Софьи и пр.). Как здесь не вспомнить об образном (и не вполне историчном) высказывании М.П. Погодина о фигуре Петра I, «которая бросает от себя длинную тень на всё наше прошедшее (выделено мной. — Д.С.) и даже застит нам древнюю Историю»⁵. Выразюсь определённо — необходимо приветствовать новые академические практики, связанные с наблюдениями за развитием целей внешней политики России при помощи более функциональных критериев, нежели деление многих явлений российской истории на «допетровский» и «петровский» периоды⁶.

Обзор источников и историографии представлен авторами во введении. Они не стали подробно анализировать историографическое пространство темы, обосновав это тем, что не видят смысла анализировать во введении все работы, касающиеся отдельных эпизодов четырнадцатилетнего конфликта... Те из них, что сохраняют научное значение для комплексного изучения Русско-турецкой войны 1686–1700 гг., читатель обнаружит в примечаниях, снабжённых при необходимости критическими комментариями». Однако историки несколько противоречат сами себе, утверждая, что разветвлённая историография этого многолетнего конфликта отсутствует (с. 11). К тому же, из «суммы» отдельных историографий столь большой темы они выбрали лишь два блока, относящиеся к истории изучения, прежде всего, Крымских и Азовских походов. Что ещё более существенно, ссылки на те или иные научные издания в основном тексте не заменяют собой полноценного историографического обзора. При этом авторы монографии не всегда демонстрируют те или иные критические суждения о работах предшественников. Из «рассыпанного» по введению и основному тексту историографического обзора выпали действительно заметные труды. Их критический анализ позволил бы историкам ещё более аргументированно обосновать новизну своего масштабного исследования, а также определить дальнейшие перспективы работы над темой⁷. Не вполне справедлив упрёк, адресованный современной украинской историографии, «гиперболизирующей и героизирующей роль запорожского (украинского) казачества в истории Восточной Европы» (с. 10). Как всякая национальная историография, она неоднородна. Применительно к проблематике книги, помимо использованных

⁵ Погодин М.П. Пётр Великий // Москвитянин. 1841. Ч. 1. С. 3–4.

⁶ Примерно о том же, оправданно критикуя слишком частое проведение граней между XVII и XVIII вв., высказался недавно Н.Н. Петрухинцев (Петрухинцев Н.Н. Великое посольство как часть «восточного проекта» Петра I и внешнеполитической кризис 1698 г. // Исторический вестник. 2022. Т. 41. С. 17).

⁷ Boeck B.J. Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. Cambridge, 2009; Петрухинцев Н.Н. «Восточный проект» Петра I [Peter I's «Oriental project»] // Cahiers du Monde Russe. 63/2. 2022. P. 367–412; Станіславський В.В. Маловідомі документи щодо планів південної політики Московської держави у другій половині 80-х рр. XVII ст. // Українська козацька держава: витоки та шляхи історичного розвитку. Вип. 7. Київ, 2000. С. 340–357; Кузнецов В.И. Немецкая и австрийская историография об участии России в войне Священной лиги // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14(6). С. 127–139.

авторами трудов В.Н. Зарубы, можно также обратиться к работам В.В. Станиславского — эмпирически фундированным, взвешенным, аналитическим⁸.

Стоило уделить большее внимание анализу эвристического потенциала использованных источников (в книге он занял менее трёх страниц (с. 20–23)), авторскому видению такого понятия, как «малая война». Не вполне ясно, каким образом критерии для трёх периодов войны соотносятся с утверждением, что «за рамками данной хронологии остались боевые действия на Кавказе, специфика которых заставила выделить их в отдельную главу» (с. 8). Текст книги сопровождается интересным иллюстративным материалом, среди которого — новые для темы исследования карты, нечасто встречающиеся в аналогичных изданиях по военной истории. К слову, авторы справедливо уделили внимание обоснованию тематической выборки, представленной на этих картах (с. 23). Однако ни одна из представленных карт не сопровождается авторским знаком.

Основное содержание монографии изложено в 11 главах, имеющих оригинальную структуру — без деления на параграфы, но с выделением внутри каждой из глав «дробных» тематических блоков. Это существенно облегчает восприятие «плотного» текста, в том числе насыщенного ссылками на первоисточники. Исследователи оправданно обратились к итогам русско-турецкой войны 1672–1681 гг., уделив особое внимание нормализации отношений Москвы с Бахчисараем и Стамбулом. Более детально, чем в предшествующей историографии, они сумели объяснить выгоду обеих сторон в пространстве менявшихся русско-крымских отношений (другие историки, включая В.А. Артамонова, подчёркивают негативные для Крымского ханства последствия ухудшения отношений с Россией). В настоящей книге подробно исследована дипломатическая, военная и административно-финансовая подготовка Россией первого Крымского похода, а также ответные мероприятия Крымского ханства по отражению российского наступления. Чрезвычайно важно, что в монографии приведены новые (после давнего исследования А.Х. Востокова) фактические и аналитические данные о вариантах возможной политики России в отношении Крымского ханства (весьма удачная формулировка на с. 70 — «московские альтернативы», в том числе предложение хану Селим-Гирею I принять российское подданство). Их стоит предметно рассматривать в пространстве давней научной дискуссии о целях, задачах и оценках итогов первого и второго Крымского походов — включая даже предположения о намерении России после захвата Крыма выступить на Стамбул⁹. Как верно отметил по схожему поводу П.А. Аваков, в «России пронизанная крестоносными мотивами традиционная антиосманская и антиисламская пропаганда в 1686–1699 и 1711 гг. всего лишь играла роль идеологического обрамления реальной политики»¹⁰. События первого Крымского похода показаны в монографии на широ-

⁸ Станіславський В.В. Політичні відносини Запорозької Січі з Річчю Посполитою та Правобережною Україною в 1686–1699 рр. // Український історичний журнал. 1999. № 1. С. 18–31; Станіславський В.В. Запорозька Січ у політичних відносинах з Кримським ханством (початок XVIII ст.) // Український історичний журнал. 1995. № 6. С. 3–21; Станіславський В.В. Участие запорожских казаков в Азовско-Днепровской кампании 1695–1698 гг. // Запорожская старина. Киев-Запорожье, 2007. Специальный выпуск. № 4. С. 169–178.

⁹ Станіславський В.В. Маловідомі документи... С. 346–348; Аваков П.А. «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII — начала XVIII века. СПб., 2022. С. 164–165.

¹⁰ Аваков П.А. Константинопольские мечты Петра I: навет, реальность или миф? // Новое прошлое/The New Past. 2023. № 3. С. 92.

ком событийном фоне, включая освещение сюжетов, связанных с реакциями на события украинского казачества, бунтом полка Г. Косагова. Эти и подобные события (в том числе неудачные переговоры с ханом) органично вплетены в системное объяснение не только военных, но и политических итогов первого Крымского похода.

В книге подробно исследованы события, случившиеся между первым и вторым Крымскими походами, включая сюжеты, подчёркивающие органическую связь между целями и задачами обоих походов на время «передышки» между ними. Характерно, что в начале 1689 г. в наказе кн. В.В. Голицыну вновь говорилось о возможном переходе хана в российское подданство (с. 173). Авторы утверждают, и с этим можно согласиться, что организация второго Крымского похода оказалась на ещё более высоком уровне, чем первого, однако это не гарантировало его успеха. Уделено внимание анализу готовности крымцев защищать полуостров, освещена история создания в 1688 и 1689 гг. двух новых российских крепостей — Новобогородицка и Новосергиевска, игравших не последнюю роль в дальнейшем продвижении российских позиций. Нужно добавить, что основание этих крепостей обострило отношения Москвы с Запорожской Сечью, что запорожцы по-прежнему оставались важным фактором русско-крымских отношений. Приведены в книге некоторые новые данные о снижении военной активности Крымского ханства после второго похода (с. 253–255), что имело значение для европейских союзников России по Священной лиге. В целом авторы взвешенно отнеслись к оценке итогов обоих Крымских походов (с. 255–256). Принципиально важно их суждение о том, что походы показали существенно возросший потенциал Российского государства и его способность организовывать, перебрасывать на дальние расстояния огромное количество войск. Безусловно, это нужно учитывать в ходе системного анализа уже «“петровской” фазы русско-турецкой войны 1686–1700 гг.»¹¹, определения влияния накопленного потенциала на активизацию (начиная с 1695–1696 гг.) вялотекущей на тот момент русско-турецкой войны.

Военные действия 1690–1694 гг. авторы монографии осветили прежде всего как оборонительные для России, против которой велась якобы непрерывная «малая» война (с. 258). Полагаю, что военные акции далеко не всех участников войны (ногайцы, калмыки, черкесы, казаки-старообрядцы, турки-османы из Азова, украинские казаки) подпадают под определение «малой войны»¹². Жизнь на степном пограничье изобиловала конфронтационными практиками (различные варианты взаимонаправленной набеговой системы — между запорожцами и крымскими татарами, донцами и ногайцами, донцами и калмыками), которые не сводились к интересам их сюзеренов. Не за каждой вооружённой акцией подданных Османов и Гиреев можно усмотреть «коварную руку» Стамбула или Бахчисарая. Жизнь пограничных сообществ была насыщена собственной развитой системой сдержек-противовесов и своими пограничными интересами, далеко не всегда направляемыми «из центра». Некоторые их участники (например, калмыки хана Аюки), считаясь подданными царя, одновременно могли вступать в ситуативные альянсы с азовцами и ногайцами против российских подданных. Аюка прагматично поддерживал связи с Крымом

¹¹ Петрухинцев Н.Н. «Восточный проект» Петра I... С. 371.

¹² Черепанов А.Ю. Малая война: социально-философский анализ понятия // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Философские науки. 2020. № 1. С. 40–47; Лонкин И.В. Концепт малой войны // Право и образование. 2018. № 7. С. 12–23.

и с Азовом, в первой половине 1690-х гг. нападая на других российских подданных (башкир, яицких казаков, «владельцев» Северного Кавказа). Казачье движение П. Иваненко (Петрика) не было инспирировано крымцами — его проблематично системно оценить, игнорируя сложную палитру взаимоотношений Москвы и Запорожской Сечи¹³, Москвы и гетманской старшины. Авторы книги не вполне учитывают динамику менявшегося в худшую сторону положения многочисленных пограничных сообществ под влиянием продвижения России на Юг; негативные реакции таких сообществ (прежде всего, казаков и номадов) ставили под угрозу их лояльность по отношению к Москве и обостряли ситуацию в южном пограничье.

Впрочем, в отдельной главе (с. 403–433) уделено внимание различным акторам войны, а также территориям, традиционно мало привлекаемым в историографии для разговора о периферии войны 1686–1700 гг. Можно согласиться с мнением исследователей о том, что процессы в пространстве «буферного» региона тоже вносили вклад в формирование генеральных итогов противостояния сторон (с. 403). В то же время нет нужды видеть во всех походах, например, казаков-старообрядцев Кумы, Аграхани и Кубани проявление «малой войны» против России — их военная и иная активность в разных частях Северного Кавказа имела более разнообразные адаптационные «ритмы», нежели следование в фарватере интересов «крупных» противников Москвы. Многочисленные факты из жизни этих казаков ранее получили освещение в новейшей российской и зарубежной историографии 2000-х гг.¹⁴ Ситуация в пограничном пространстве Северного Кавказа до и после заключения мира в 1700 г. представляется более сложной, чем утверждает в книге: её авторы полагают, что Россия придерживалась в регионе сугубо оборонительной стратегии, перестав вести переговоры о переходе на службу подданных Гиреев и Османов, а целью Крыма было покончить с присутствием России в регионе (с. 432). Ведь и Крымское ханство, и Османская империя тогда перешли к сдержанной пограничной политике, к ограничению набеговой активности своих подданных, к налаживанию *взаимовыгодного* пограничного диалога с новыми российскими региональными властями.

Подробнейшее освещение в книге получили кампании на днепровском и азовском направлениях в 1695 и 1696 гг., выяснен состав лиц и мотивы активизации военных усилий России. В последние годы эта крупная и далеко не решённая проблема получает новое перспективное освещение¹⁵. Как и многие другие историки, авторы монографии оправданно уделили внимание личной роли Петра I в определении планов будущей кампании, а также связи принятого решения с военно-дипломатическими практиками предыдущего периода. Однако, несмотря на верное суждение, что днепровский театр стал основным

¹³ Грибовский В.В. «Ханская Украина» // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 270.

¹⁴ Боук Б.М. К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток (Oriens). 2001. № 4. С. 30–38; Сень Д.В. Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации и освоения пространства (1690-е гг. — начало XVIII в.) // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и Средневековье. М., 2011. С. 289–320; Сень Д.В. Из «вольных» казаков — в подданные крымских ханов: казачьи сообщества Дона и Кавказа в конце XVII — начале XVIII вв. // Восток (Oriens). 2011. № 5. С. 46–54.

¹⁵ Петрухинцев Н.Н. «Восточный проект» Петра I... С. 370–374; Аваков П.А. «Азовский проект»... С. 169–190.

в 1695 г. (с. 303), большая часть главы отведена первому Азовскому походу, при этом роли украинских казаков в захвате османских крепостей на Днепре внимания уделено недостаточно¹⁶. Соглашусь, что несмотря на неудачу первого Азовского похода (хотя в историографии справедливо говорится о важности для России захвата Каланчей и строительства Сергиева), кампания 1695 г. активизировала российскую внешнюю политику (с. 318–332).

События второго Азовского похода рассмотрены в книге на широком фоне донского театра военных действий, включая оперативные мероприятия турок-османов и их союзников по укреплению Азова в преддверии очередной осады. Достаточно взвешенно проанализированы формы и методы действий как осаждённых, так и осаждающих, их количественный состав; существенно уточнён мой вывод о роли казаков-ахреян в затягивании турками-османами сдачи крепости. Критически оценена роль российской галерной эскадры в блокировании Азова с моря¹⁷. К сожалению, военно-политические итоги второго Азовского похода описаны весьма сжато (с. 362–364), почти не отмечено влияние столь крупного события на настроения в Крыму, на формирование новых элементов политики России по отношению к кубанским ногайцам, на развитие её пограничной дипломатии с региональными властями Крымского ханства и Османской империи. Не стали авторы и вдаваться в дискуссию о связи целей Азовских походов с планами России построить военно-морской флот и добиваться выхода к Чёрному и Азовскому морям. В соответствующей части книги, по сравнению со статьей 2021 г.¹⁸, приведено меньше аргументов, подтверждающих ключевое для России и её союзников значение обороны днепровских городков в 1697 г.

Новым словом в науке является раздел о распространении информации и презентации военных событий в публичном пространстве России и европейских государств (с. 434–462). Данная тематика привлекает всё большее внимание специалистов, изучающих информационное пространство (различные формы коммуникации: слухи, почтовую корреспонденцию и газеты, расспросные речи) военных кампаний и народных движений в России. Обсуждаемый труд носит фундаментальный характер, который определяется разработанным и реализуемым авторами системным подходом к сбору и анализу эмпирического материала, установлением общего и частного в истории войны 1686–1700 гг., комплексным анализом механизмов военно-политического планирования и реализации кампаний, внимательным отношением к социальным контекстам военного противостояния. Очевидно, что книге суждена долгая научная жизнь, в том числе и по причине заложенных в неё перспективных идей, необходимых для развития новых направлений изучения внешней политики России последней четверти XVII — начала XVIII в.

¹⁶ Станіславський В.В. Участь лівобережного та запорозького козацтва в боротьбі з Османською імперією (за даними неопублікованих епістолярій гетьмана Івана Мазепи 1695–1696 років) // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). 2005. Вип. 5. С. 581–585; Игнатъева А.В. К вопросу о потерях украинских казаков Ивана Мазепы во время осады и штурма турецкой крепости Казикермен в 1695 г. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2013. № 1(13). С. 213–223.

¹⁷ См. другую точку зрения: Аваков П.А. «Азовский проект»... С. 211–213.

¹⁸ Гуськов А.Г., Шакин С.М. Оборона днепровских городков в 1697 году — ключевой эпизод русско-турецкой войны 1686–1700 годов // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2021. № 3. С. 27–35.

Татьяна Базарова. Русско-турецкая война 1686–1700 гг.: походы и дипломатия

Tatiana Bazarova (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences). The Russian-Turkish War of 1686–1700: campaigns and diplomacy

DOI: 10.31857/S2949124X24020025, EDN: HKIVFC

Недавно отмеченное 350-летие со дня рождения Петра Великого вызвало в российском обществе значительный всплеск интереса как к биографии первого российского императора, так и к его государственной деятельности. Петровские преобразования ознаменовали отход от устоявшихся традиций и показали дальнейшие пути развития общества и государства. Круглая дата стала для историков прекрасным поводом по-новому взглянуть на эпоху, оценить вклад предшественников и дать иные оценки событиям как прекрасно изученным, так и малоизвестным.

Практически вся история царствования Петра Великого — это история войн. Не случайно основной вектор петровских реформ был направлен на преобразование армии, создание военно-морского флота и ориентированной на их потребности промышленности. Современные исследователи справедливо называют Россию петровской эпохи военно-фискальным государством¹⁹. Наибольшее внимание учёные уделяют главному военному конфликту, в котором участвовала петровская Россия, Северной войне (1700–1721). Это, безусловно, оправдано, поскольку именно успехи в войне со Швецией позволили России нарушить уже сложившийся баланс сил в Европе и уверенно войти в число великих держав.

Продолжавшаяся 14 лет война с Османской империей (1686–1700) стала вторым по продолжительности конфликтом России петровской эпохи и самым длительным в истории русско-турецких взаимоотношений. Тем не менее нужно констатировать, что для историков она «оставалась в тени» Северной войны, являлась только преддверием будущих великих событий. С вступлением России в боевые действия против Швеции русские интересы сместились в сторону Западной Европы, события на южных рубежах государства в политике Петра отошли на второй план. Неудача в следующем военном противостоянии Османской империи (1710–1713) «свела на нет большую часть достижений России на южном направлении» (с. 9)²⁰. К тому же в отечественной историографии с XIX в. сложилась традиция разбивать военные действия на отдельные походы — Крымские (1687, 1689) и Азовские (1695, 1696). В первые походы русская армия отправилась в годы регентства царевны Софьи Алексеевны, вторые пришлось на начало самостоятельного правления Петра Алексеевича. Крымскую и Азовскую кампании разделяет несколько насыщенных политическими событиями лет (стрелецкий бунт и борьба за власть в Кремле).

¹⁹ См., например: *Нефёдов С.А.* Петровские преобразования в контексте теории военной революции // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2023. № 2. С. 82–96.

²⁰ Авторы монографии указывают на неудачу Прутского похода (1711). Между тем ситуацию усугубила недалёковидная политика русского правительства, затянувшего выполнение условий Прутского мира. Значительно сильнее ударил по политическому престижу России ознаменовавший завершение конфликта Адрианопольский мирный договор (1713), в который вернулась статья «о крымской даче».

Монография А.Г. Гуськова, К.А. Кочегарова и С.М. Шамина нарушает устоявшуюся традицию и даёт возможность по-новому оценивать события на южных рубежах России в конце XVII в., включив их в контекст общеевропейской военной, политической и дипломатической истории. Их подход можно оценить как новаторский.

Как показали авторы монографии, впервые выделять конфликт в «самостоятельную» русско-турецкую войну начали только во второй половине XX в. в статьях энциклопедий и справочников. Они констатировали, что в отечественной историографии не сложилось единого мнения, с каким событием нужно связывать окончание войны — с Карловицким конгрессом (1699), на котором было подписано перемирие, или с Константинопольским мирным договором (1700). Большинство современных историков склоняются к 1700 г., хотя по-прежнему есть сторонники и 1699 г.²¹ Как представляется, после выхода монографии Гуськова, Кочегарова и Шамина можно поставить точку в этой дискуссии. Исследователи убедительно показали, что «Константинопольский мир завершил русско-турецкую войну 1686–1700 гг. и подвёл черту под активностью московской дипломатии XVII в. на южном направлении» (с. 502).

После обстоятельного историографического обзора, в котором отмечены основные вехи изучения русско-турецкой войны²², авторы выделили три её основных хронологических периода: «Крымский» (1686–1689), «Оборонительный» (1690–1694) и «Османский» (1695–1700). Данная периодизация позволила выстроить логичную структуру монографии. Но достоинство её определяется не только последовательным описанием хода сражений на различных театрах военных действий или особенностей подготовки армии к грядущим походам, скрупулёзным выявлением и анализом архивных источников, которые наряду с опубликованными материалами стали надёжной базой исследования. Авторы сформулировали и, как представляется, успешно решили сложную задачу «показать место войны в формировании идеологических и политических основ внешней политики России эпохи Петра I». Русско-турецкую войну они изучили в контексте международных отношений, активизации политики Петра Великого не только на южном, но и европейском направлении. С учётом этого значительное место в монографии уделяется деятельности Посольского приказа. Как военные действия разбиваются на отдельные кампании, так и действия русских дипломатов последовательно изучаются в контексте реализуемых государем на различных этапах войны политических целей.

Поставленные Петром I задачи решали самые опытные дипломаты Посольского приказа конца XVII в., досконально знавшие посольский обычай представители «старого поколения», начинавшие службу ещё при царе Алексее Михайловиче — К.Н. Нефимов, П.Б. Возницын, Е.И. Украинцев. С одной стороны, огромный дипломатический опыт, уже давно налаженные связи

²¹ Аваков П.А. Зачем Пётр I предпринял поход на Азов? // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 659–663.

²² В историографическом обзоре учтены, пожалуй, все ключевые работы отечественных историков, затрагивавшие различные аспекты заявленной темы. Однако авторы оставили без внимания труды В.Е. Возгрина, уделявшего большое внимание русско-крымским и русско-турецким отношениям конца XVII — первой четверти XVIII в. (Возгрин В.Е. История крымских татар. Очерки этнической истории коренного населения Крыма. В 4 т. Т. 1. СПб., 2013; и др.).

и контакты давали им ряд преимуществ, с другой — старые дипломаты привыкли действовать в привычных рамках и не умели оперативно реагировать на менявшуюся международную обстановку. В книге впервые в историографии анализируется миссия Нефимонова в Вене. Он был направлен Посольским приказом ко двору цесаря Леопольда I в декабре 1695 г. с целью «получить письменные гарантии о продолжении совместной войны до полного разгрома турок и “общего согласия” при ведении мирных переговоров» (с. 319–320). По сложившейся традиции при назначении главой важной миссии дипломата повышали в чине или должности. Авторы монографии уточняют дату производства Нефимонова из старых подьячих в дьяки Посольского приказа — 24 марта 1695 г.²³ Статейный список посланника был опубликован ещё в XIX в. в восьмом томе «Памятников дипломатических сношений древней России с державами иностранными», однако миссия дьяка ранее не получала развёрнутой оценки в трудах историков. Как правило, исследователи только вскользь упоминали о действиях Нефимонова в Вене²⁴. В сочинении о Великом посольстве Д.Ю. и И.Д. Гузевичи писали о неподготовленности миссии, серии грубых ошибок, допущенных Посольским приказом при её подготовке, а также ошибках самого русского посланника²⁵.

А.Г. Гуськов, К.А. Кочегаров и С.М. Шамин последовательно, день за днём, изучили деятельность Нефимонова в Вене, установив, что во время пребывания в австрийской столице (с 19 марта 1696 г. по 14 февраля 1697 г.) русский дипломат провёл более двух десятков встреч и «разговоров». Для детального анализа дипломатических ходов и результатов деятельности дьяка они применили не только хронологический, но и проблемный подход. Отмечу, что ранее именно такие подходы применительно к изучению миссии Украинцева в Стамбуле использовал и М.М. Богословский. Авторы коллективной монографии отметили низкий дипломатический статус Нефимонова и его чёткое следование инструкциям Посольского приказа. Перед дьяком не стояла задача подписать союзный договор. Как указывают авторы, основными целями были только предварительные переговоры о двустороннем союзе, а также обеспечение приезда австрийских инженеров в Россию. Они также выдвинули гипотезу, что как раз во время переговоров в Вене и родилась идея Великого посольства. Важнейший итог миссии Нефимонова — подписание Венского соглашения, которое стало первым опытом России в заключении многосторонних договоров.

Несомненно, при анализе русско-турецких и русско-крымских отношений конца XVII — начала XVIII в. нельзя оставить без внимания Карловицкий конгресс. В 1698–1699 гг. в Карловицах проходили сложные переговоры между странами Священной лиги и Османской империей, которые должны

²³ В историографии встречалась другая дата — 24 июля 1695 г. По мнению А.В. Захарова, Нефимонов стал первым из сотрудников Посольского приказа, отправленным к европейскому двору в звании секретаря. Это произошло ещё в 1686 г. во время регентства Софьи (*Захаров А.В.* Первый в России секретарь и посольские звания при Петре I // *Порядок и смута. Государство, общество, человек на востоке и западе Европы в Средние века и раннее Новое время: К 85-летию Владислава Дмитриевича Назарова.* М., 2023. С. 229, 231).

²⁴ *Богословский М.М.* Пётр Великий: Материалы к биографии. Т. I. Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 — 9 марта 1697. М., 2005. С. 273.

²⁵ *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство. Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008. С. 22–23.

были завершить многолетнюю Великую турецкую войну. Россия впервые участвовала в совместном с партнёрами по коалиции международном форуме. Ранее русским дипломатам не приходилось вести переговоры с османскими послами на таком высоком уровне и при посредничестве англичан и голландцев. В отличие от миссии Нефимонова, деятельность на конгрессе русских дипломатов, во главе с Возницыным (ему для повышения статуса присвоили ранее не существовавший чин думного советника) не раз попадала в фокус внимания исследователей. Значительное место в своей незаконченной истории Петра Великого Карловицкому конгрессу уделит Богословский²⁶. Оценивая ход и итоги переговоров, одни учёные отмечали, что Австрия оставила Россию без дипломатической поддержки (в частности, в претензиях на Керчь)²⁷, другие придерживались точки зрения, что австрийцы всё-таки не бросили союзников и оказывали русским посильную помощь²⁸. Основные положения данного подраздела монографии ранее нашли отражение в статье одного из её авторов²⁹. Формат монографии позволил ему подробнее остановиться на анализе различных этапов переговоров, заострив внимание на малоизученных обстоятельствах, которые он был вынужден опустить в статье (например, посреднической роли и связям П.В. Постникова).

14(24) января 1699 г. Османская империя и Россия подписали двухлетнее перемирие. Авторы монографии справедливо не стали оценивать заключение короткого перемирия вместо длительного договора (к которым пришли союзники России по антитурецкой коалиции) как поражение русской дипломатии. Весной 1699 г. для подписания мирного договора в Стамбул на военном судне «Крепость» отправились чрезвычайные посланники Е.И. Украинцев и И. Чередеев. Им надлежало добиваться сохранения за Россией всех завоеванных земель, а также разрешения на торговлю с Османской империей через Чёрное море. Принятое Петром Великим решение отправить дипломатическую миссию на одном из новых кораблей Гуськов, Кочегаров и Шамин рассмотрели в контексте стремления «заявить о России как новой морской державе». Действительно, в отечественной историографии устоялось мнение, что прибытие к берегам Босфора русского военного судна продемонстрировало Высокой Порте силу молодого Азовского флота и оказало положительное воздействие на ход переговоров. Однако, скорее всего, это имело противоположный результат, вызвало опасение и недоверие у османских министров, создало излишнюю напряжённость, которые в течение долгих месяцев приходилось преодолевать русским посланникам. Всего у посланников с представителями Порты состоялось 23 или 24 конференции. Оценивая общий ход переговоров, авторы монографии подчёркивают, что он «в целом соответствовал канве дипломатического противостояния на Карловицком конгрессе» (с. 489). В тексте Константинопольского договора нашли отражение ключевые итоги мирных переговоров — зафиксированы

²⁶ Богословский М.М. Пётр I: Материалы для биографии. Т. III. Стрелецкий розыск, воронежское кораблестроение, городская реформа 1699 г., Карловицкий конгресс: 1698–1699 гг. М., 1946. С. 336–461.

²⁷ Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 17–18; Павленко Н.И. Пётр Великий. М., 1994. С. 116.

²⁸ Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое посольство... С. 113.

²⁹ Гуськов А.Г. Участие России в Карловицком конгрессе (1698–1699 годы): русская дипломатия в раннее Новое время // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 119–141.

изменения границ двух государств и прекращение выплаты дач Крымскому ханству. Вопрос о торговом соглашении отложили до прибытия великого посла с ратификацией договора.

Коснулись авторы книги и проблем ратификации мирного договора и размежевания земель между двумя государствами, хотя хронологически это выходит за рамки заявленной темы. Тем не менее исследователи справедливо рассматривают их в качестве итогов русско-турецкой войны, повлиявших на дальнейшее развитие взаимоотношений соседних государств. Мирный договор не снял напряжённости в русско-турецких отношениях. В декабре 1702 г. Высокая Порта потребовала уничтожить крепость Каменный Затон и военные корабли в Азове и Таганроге, прекратить строительство флота в Воронеже и приступить к пограничному размежеванию. Занятый войной со шведами, Пётр I согласился пойти на некоторые уступки. Переговоры о границе между Османской империей и Россией проходили в 1704–1705 гг. Условия Константинопольского мира подразумевали разные подходы для различных регионов. Частичное разграничение новых присоединённых к России земель состоялось в октябре 1704 г. У Азова со стороны Кубани насыпали каменно-земляные курганы («признаки»). Разграничение остальной территории оговорили только на письме, что соответствовало желанию Петра I не чинить «явных знаков», чтобы в «пустынных землях» сохранить за подданными обоих государств возможность заниматься различными промыслами. Письменное соглашение («межевая запись») о границе появилось только 22 октября 1705 г. Межевые записи, определившие в 1705 г. русско-турецкую границу по Бугу и степью до Днепра, русские пограничные комиссары использовали при разграничении земель в 1714 г.

Совместный труд трёх учёных, признанных специалистов в области исследования истории России конца XVII — начала XVIII в., не только стал заметным явлением в современной историографии, но и показал дальнейшие перспективы изучения событий петровской эпохи. Авторы монографии пришли к выводу, что итоги русско-турецкой войны 1686–1700 гг. оказались положительными для России. В начале царствования будущего российского императора перед политиками, военными и дипломатами ставились новые проблемы, многое делалось впервые. Неслучайно слова «впервые» и «в первый раз» так часто встречаются на страницах книги. В годы русско-турецкой войны удалось приобрести неоценимый опыт не только подготовки армии к походу, строительства новых крепостей, ведения военных действий, но и дипломатических переговоров, который был востребован во время Северной войны. После неудач предпринятых правительством царевны Софьи Крымских походов, Пётр I решительно сменил направление военных действий, переключившись на турецкую крепость Азов. Всего несколько лет спустя, потерпев поражение под Нарвой (1700), государь также поменял направление похода в Ингерманландии: по его указу русские полки выдвинулись к Нотебургу и Ниеншанцу. Именно в годы русско-турецкой войны Россия вошла в общеевропейскую систему договоров и коалиций. В начале XVIII в. на смену «старой гвардии» Посольского приказа пришли новые люди. Одним из дипломатов следующего поколения стал кн. Д. М. Голицын, доставивший в Адрианополь ратификацию Константинопольского мирного договора. Постоянные представители Петра Великого активно действовали как при османском, так и при западно-европейских дворах.

Борис Носов. События 1686–1700 гг.: серия конфликтов или война?

Boris Nosov (Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow). The events of 1686–1700: a series of conflicts or a war?

DOI: 10.31857/S2949124X24020033, EDN: HKFWNO

Аннотация обсуждаемой монографии открывается утверждением, что это «первое в историографии комплексное исследование малоизвестной и самой долгой в истории русско-турецкой войны 1686–1700 гг.». С одной стороны, это утверждение едва ли вызовет возражения, с другой — его содержание носит очевидно дискуссионный характер. В какой мере военные акции России в отношении Крымского ханства и Османской Порты рассматриваемого периода могут быть объединены некой общей рамкой и расценены как война в целом, с точки зрения её целей и стратегии? Имела ли эта война общее социально-политическое основание? Каким образом она повлияла на положение России на международной арене, в частности, на статус Московского царства во взаимоотношениях с государствами Священной лиги? Наконец, в какой мере военные события рассматривались российским обществом как русско-турецкая война? Представляется, что именно эти и другие дискуссионные проблемы и имели в виду авторы, определяя свой труд как «комплексное исследование». Разумеется, все эти вопросы в тех или иных аспектах затрагивались и ранее в российской и зарубежной историографии. Авторы постарались отразить это в монографии, охарактеризовав вклад коллег в изучение поставленных проблем, что следует отметить как существенное их достижение.

Вместе с тем, к сожалению, в монографии отсутствуют систематический обзор источниковой базы исследования и её структурный анализ. Заявляя своей задачей «комплексное» изучение такого многосложного явления, как война, авторы не потрудились проанализировать, какие источники и каким образом позволяют решить эту задачу. Об источниковой базе монографии читатель может судить только по отдельным фрагментарным тезисам (с. 20–22) и подстрочным примечаниям. Основой работы стал актовый материал Разрядного приказа, Донские и Малороссийские дела, а также фонды РГАДА по сношениям России с Крымом, Турцией и Польшей. Упомянуты и иные фонды того же архива, обладающие большим исследовательским потенциалом, в частности о положении на Северном Кавказе и на севере Каспия, в регионах традиционного русско-турецкого противостояния и встречной экспансии. Авторы кардинально расширили круг источников путём введения в научный оборот новых архивных материалов. Специалистам известно, какого большого труда, эрудиции и специальной архивоведческой и источниковедческой подготовки требуют работы с документами Разряда. Поэтому можно с удовлетворением констатировать, что именно введение в научный оборот уникальных архивных материалов российских архивов и сделанные на их основе выводы представляют собой наиболее важный вклад, внесённый авторами в отечественную науку. В дополнение к архивным материалам авторы детально и творчески проанализировали корпус опубликованных исторических источников. Это отрадно, поскольку в последние годы некоторые исследователи поверхностно подходят к их анализу, нередко полагаясь на некритическое заимствование этого материала из разного рода литературы, иногда второго или третьего ряда.

Центральное место во введении занимает историографическое обоснование тезиса о внутреннем политическом единстве заявленного периода в истории России, в частности, с внешнеполитической точки зрения. Авторы критически анализируют доводы предшественников и оппонентов. Последние полагают, что походы кн. В.В. Голицына в Крым 1687–1689 гг. и Азовские походы Петра I принадлежат к разным историческим эпохам: допетровской и петровской; сами походы мало согласуются друг с другом. По словам авторов монографии, иной подход, представленный в новейшей историографии, состоит в том, что «помощь полякам и военные операции против Крыма и Азова являются “внешними действиями” по отношению к конфликту (войне Священной лиги против Османской Турции. — *Б.Н.*), и лишь в 1697 г. с подписанием Венского договора К. Нефимоновым Россия стала полноправным членом Священной лиги» (с. 20). Таким образом, по мнению авторов монографии, видение военных акций описываемого периода как войны в целом основывается на правовых актах объявления войны и заключения мира. Однако и это формально юридическое обоснование участия России в антиосманской коалиции и, следовательно, русско-турецкой войны 1686–1700 гг., устанавливается авторами не без сомнения с точки зрения действовавших норм международного права и традиций политической практики.

В историографическом обзоре авторы подчёркнуто игнорируют зарубежную историографию (за исключением упоминания двух переведённых на русский язык работ Л. Хьюз и П. Бушковича). Разумеется, для исследования роли России в военных и внешнеполитических событиях рассматриваемого периода в трудах зарубежных историков, в сравнении с работами отечественных исследователей, найдется не так много важных свидетельств и конкретно-исторического материала. Но поскольку монография исследует внешнеполитические сюжеты (оценка эпохи и места России на международной арене, значение русско-османского театра военных действий, Великое посольство Петра I), наблюдения зарубежных учёных, несомненно, заслуживают внимания. В первую очередь это касается польской историографии, начиная с работ В. Конопчиньского и З. Вуйчика. Думается, не стоит обходить вниманием работы немецких учёных³⁰. Нелишне было бы обратить внимание и на воззрения новейшей турецкой историографии, представители которой в последние годы довольно часто обращаются к вопросам османо-русских отношений конца XVII и XVIII вв. Разумеется, требовать от авторов в рамках и без того обширного труда обстоятельного анализа зарубежной историографии было бы иезуитством, но указать на важнейшие тенденции зарубежных исследований и интерпретаций, на мой взгляд, стоило бы.

Авторы монографии поставили задачей обоснование тезиса о том, что военно-политические акции русского правительства 1686–1700 гг. были реализованы как русско-турецкая война, в ходе которой Россия присоединилась к возглавляемой Габсбургами Священной лиге. Поставленную задачу усложняло стремление авторов к комплексному исследованию и, соответственно, к комплексному её разрешению. В свете этих целей и следует анализировать содержание монографии.

³⁰ См., например: *Handbuch der Geschichte Rußlands*. Bd. 2. 1613–1856 / Hrsg. C. Zernak. Stuttgart, 1988.

Первая её глава содержит подробное изложение истории отношений России с Крымом и Турцией с 1677—1678 гг. до Бахчисарайского мира и заключения российско-польского договора 1686 г. о Вечном мире. Однако авторы так и оставили читателя в неведении, в чём же состояли причины описываемой войны. В центре изложения оказалась история борьбы за Украину, где России с середины XVII в. противостояли Польша, Османская империя и Крымское ханство. Но авторы не определили связи, обусловившие переход Московского царства от обороны южных границ к стратегии «покорения Крыма».

Ни слова не сказано о социально-экономических и внутривнутриполитических предпосылках войны, особенно в виду перспектив аграрной колонизации Юга России и сословного характера этого процесса, что особенно важно. Заинтересованность боярства и дворянства в активизации внешней политики на южном направлении выразилась в перспективах крепостнического освоения Черноземья и в прямых поместных пожалованиях. К сожалению, в монографии ничего не говорится о раздачах земли и крестьян за участие в походах, хотя из литературы известно, что походы 1695—1696 гг. правительство отметило щедрыми пожалованиями. Вероятно, авторы основывались на том, что указанные проблемы в достаточной степени освещены в историографии и не требуют дополнительного рассмотрения. Однако обращение к социально-политическим предпосылкам войны было бы нелишним, поскольку в новейшей литературе вопросы о причинах и целях войн нередко трактуются в духе разного рода цивилизационистских концепций и геополитических воззрений, что, хотя и в малой мере, но всё же нашло отражение и на страницах монографии в рассуждениях об «антиисламских мотивах» в декларациях официальных властей и в общественном мнении стран, противостоявших Османской Порте. Выводы авторов о причинах исследуемой русско-турецкой войны ограничились двумя утверждениями: об опосредованном присоединении России к державам Священной лиги и о том, что «крымский фактор» был в этом «важнейшим военным аспектом» (с. 42). К сожалению, авторы уделили недостаточно внимания отнюдь не последнему по значению вопросу об участии Венского двора в привлечении России к содействию антитурецкой коалиции, поскольку противостояние Порте и соперничество из-за разделов её владений почти на два столетия в значительной степени определили отношения между державами Романовых и Габсбургов.

Центральное место в монографии принадлежит главам, посвящённым Крымским походам Голицына 1687 и 1689 гг. и событиям 1695 и 1696 гг. Два выделенных периода кардинально отличались друг от друга как по целям войны, так и по стратегии и тактике военных действий. Это очевидно уже из повествования о дипломатической подготовке первого Крымского похода. Тогда, по замыслу польского короля Яна Собеского, России предлагалось действовать в низовьях Днепра — к Очакову или в Приднестровье для поддержки польских войск, а также в низовьях Дона — к турецкой крепости Азов (с. 44). В ходе войны Османской Порты с державами Лиги днепровско-днепровский и азовский театры военных действий являлись для Турции второстепенными, там не было значительных турецких сил. Указанные направления наступления оказались удобны для русской армии в виду наличия надежных коммуникаций по Днепру и Дону. Преимущество операций в низовьях Днепра и Днестра заключалось и в возможности непосредственного взаимодействия с польскими королевскими войсками. Позже этот план в об-

ших чертах был реализован в ходе Азовских походов Петра I. Однако в 1686 г. замысел отверг Голицын, убеждённый в «необходимости нанесения главного удара именно по Крымскому ханству с целью его военно-политического подчинения». Таким образом, начавшаяся в 1686 г. война оказалась войной с Крымом, а поход в Запорожье Г.И. Косагова — не более чем отвлекающей военной демонстрацией. Цель этой войны в 1687–1689 гг. лишь частично совпадала с целями Священной лиги, а следовательно, Россия скорее действовала независимо от образованной Венским двором и папским престолом антиосманской коалиции, преследуя собственные цели, на столетие определившие стратегию Московского государства и Российской империи.

Чрезвычайно ценный материал представлен в главах, отражающих подготовку русской армии к Крымским походам и Российского государства к войне. Я осознанно употребляю понятие «русская армия», поскольку, помимо дворянского ополчения и служилых людей разных категорий прежних времён, в войсках Голицына в немалом числе участвовали и полки нового строя. К сожалению, введённые в научный оборот и отражённые в историографии источники не позволяют судить, насколько беспрецедентны были мероприятия по мобилизации сил и средств в сравнении с кампаниями предыдущих лет. Возможно, в поисках ответа на этот вопрос в дальнейшем исследователи смогут продвинуться в работе с фондами Разрядного приказа. И всё же в монографии представлен уникальный материал о подготовке к походам 1687 и 1689 гг. Установлено, что численность главной армии составила соответственно около 113 и 117,5 тыс. человек (с. 76, 87 и 194). Если иметь в виду, что помимо главных сил в военных действиях участвовали и другие войска, можно констатировать, что на Крым был направлен удар беспрецедентной силы.

Представлен в монографии и ценный материал о составе войсковых частей и соединений, выступивших в поход под командованием Голицына: большинство армии составляли полки нового строя. Он имеет самостоятельное значение и может послужить основанием для исследования организационной структуры русской армии конца XVII в. — для изучения дворянских корпораций служилого города и служилых людей по прибору. Разумеется, исходя из предмета исследования и задач монографии, авторы не преследовали цели развивать наблюдения в указанном направлении, однако это только повышает ценность внесённого ими вклада. Они подробно исследовали и подготовку к походам: сбор служилых людей, обеспечение вооружением, продовольствием и прочими припасами, мобилизацию подвод и других транспортных средств. Приведённые в монографии наблюдения и выводы имеют большую ценность для изучения действий царского государственного аппарата и анализа их эффективности. Подводя итоги первого этапа войны (1686–1689), авторы констатировали, что «военная машина Московского государства смогла выполнить поставленную перед ней чисто военную задачу», что «причины неудачи первого “крымского” периода войны лежали в большей степени в политической плоскости» (с. 256). Политическая безуспешность Крымских походов, понесённые потери и политические издержки повлекли за собой опалу Голицына, кризис и падение правительства царевны Софьи. Сделанные авторами наблюдения и выводы имеют существенное значение, позволяя скорректировать преобладающую в отечественной историографии точку зрения об упадке и недееспособности Московского государства периода боярского правления 1682–1689 гг.

Вместе с тем едва ли можно согласиться с тезисом об избранной Голицыным якобы «изначально неверной стратегии». Действительно, опыт русско-турецких войн XVIII в., походы Миниха и Ласси в Крым в 1730-х гг. показали, что само по себе занятие полуострова не означало решения крымского вопроса. Только победы на Дунае в 1770-х гг. предопределили присоединение Крымского ханства к России. С этой исторической перспективы стратегия Голицына на исходе XVII в. выглядит сомнительной. Однако воевода не имел того опыта, на который почти столетием позже могли опереться его преемники. Вклад Голицына и в целом русской военной мысли его времени в стратегию военных действий на южных рубежах России состоял в том, что он первый совершил кардинальный поворот в военной и политической истории России, перейдя в наступление против Крыма и опосредованно против Турции. Вклад состоял и в том, что с основанием Новобогородицка получила развитие стратегия продвижения к границам Крымского ханства укрепленных линий, сохранявших военное значение до 1770-х гг. Думается, что всё это позволяет по-иному оценить ошибки и колебания Голицына, не вдаваясь в обсуждение вопросов стратегии, в чём авторы выглядят не всегда убедительно.

В решающей степени опыт Крымских походов повлиял на формирование планов военных действий в период Азовских походов Петра I. Однако им предшествовало пятилетие, названное авторами «вторым — “оборонительным” — периодом войны» (с. 295). Ему посвящена специальная глава, представляющая собой погодную хронику разного рода военных действий казачества и калмыков на южных рубежах России, «не слишком удачных» для русского оружия, а также «поискам возможностей выйти из борьбы с наименьшими потерями». Возникает ощущение, что в композиции монографии эта глава выполняет единственную функцию — обосновать тезис о преемственности в ходе описываемой русско-турецкой войны. Вместе с тем материал главы представляет интерес для описания положения на окраинах Московского государства первой половины 1690-х гг.

В 1695 г. открылся новый этап военных действий, главными направлениями которых стали наступление Б.П. Шереметева на турецкие крепости в низовьях Днепра и первый поход Петра I к Азову. Подробно и в мельчайших деталях, широко используя впервые вводимый в научный оборот архивный материал, авторы исследуют Азовские походы Петра I. Им не только удалось воссоздать уникальную картину описываемых событий, но и подвергнуть критике ряд сложившихся в историографии представлений. Вместе с тем главный вывод авторов, что с падением Азова и угрозой захвата Очакова «стратегическая ситуация в исследуемом регионе радикально изменилась» (с. 402), вызывает сомнение. Приведённые в монографии свидетельства пленных и выходцев из турецких владений интересны сами по себе, однако их анализ в контексте описываемых событий затруднён из-за их условной достоверности и несопоставимости имеющихся данных с реальными возможностями и военным потенциалом Оттоманской Порты. Данный материал скорее говорит не столько об изменении «стратегической ситуации», сколько о том, что Пётр I мог с полным правом гордиться завоёванными победами, а Россия продемонстрировала возросшее могущество и претензии на равноправное участие в антитурецкой коалиции европейских держав. Указанные обстоятельства и послужили основанием для заключения Венского соглашения 1697 г. Его оценке и последствиям в монографии уделено особое место, поскольку одним из основополагающих

тезисов авторов является утверждение об участии России, хотя и опосредованном, в антитурецкой Священной лиге.

Следует остановиться и на описании авторами второстепенных театров военных действий от украинско-крымского пограничья до берегов Каспия. Им уделено в монографии заслуженное внимание, в применённом уже ранее стиле хроники представлен богатый и красочный исторический материал, что является большим достоинством этого труда. Но концепцию авторов по данному вопросу едва ли можно считать достаточно обоснованной и тем более убедительной. Она сводится к утверждению, что любая война сопровождается неким военно-политическим контекстом, который «вносит важный вклад в формирование генеральных итогов противостояния» (с. 403). Однако повторение этой аксиомы не избавляет от ответа на главный вопрос: в какой мере постоянно тлеющие на протяжении столетий военные действия в упомянутой пограничной зоне являлись составной частью войны, инспирированы ли они в соответствии с неким генеральным планом сторон или же стали следствием местной инициативы казацких, племенных и прочих предводителей, действия которых в той или иной мере были обусловлены московским или крымским и турецким влиянием. Ведь сами авторы признают, что окончание войны не означало прекращения конфликтов на Северном Кавказе (с. 432) (добавлю — и во всей упомянутой пограничной зоне). Оставленные без ответа подобного рода вопросы, очевидно, связаны с центральной авторской концепцией войны 1686–1700 гг. и её внутренней периодизацией, что, кажется, может вызвать недоумение читателя.

Заключительные главы монографии посвящены не столько военным действиям, сколько сопутствовавшим им политическим и дипломатическим проблемам. Авторы рассуждают об отражении целей и характера войны в общественном сознании. Сама по себе такая задача может только приветствоваться, однако её решение в монографии едва ли выдержит самую благожелательную критику. Во-первых, авторы злоупотребили бессодержательной политологической терминологией. Они даже для себя не потрудились определить понятие «идеология», применяя его явно не к месту. То же касается понятия «элита». Например, на с. 461 констатируется: «Для изученной нами войны в плане её идеологического сопровождения имелось несколько уровней циркуляции информации. Верхний уровень составляла политическая элита, принимавшая стратегические решения. Второй уровень включал служилых людей, которым приходилось воевать на полях сражений. Третий — остальные сословия». Это утверждение отражает полную путаницу в вопросе о сословной структуре русского общества XVII столетия. Из него следует, что элита — это, вероятно, думные чины, а если говорить о боярстве, то почему оно не названо? Почему тогда в третьей категории представлены сословия, во второй — служилые люди, а в первой некая элита? Вряд ли авторам удастся ответить на этот вопрос сколь-нибудь убедительно. Нередко встречаются и другие примеры подобного рода модернизационных казусов, как то «думские дебаты» (с. 436) или названный «царским манифестом» указ 12 января 1687 г. (с. 437). Модернизаторский оттенок имеют и неоднократные упоминания авторов о неких «антиисламских» мотивах в дипломатической практике и в пропаганде властей России и других держав Священной лиги. В этом, несомненно, присутствовали характерные для эпохи элементы конфессионализации, т.е. разрешения в религиозной форме политических проблем. Однако несомненно, что упомянутые «антиисламские

мотивы» конца XVII в. не имеют ничего общего с религиозной нетерпимостью нашего времени, тем более с каким-либо умозрительным противоборством цивилизаций, выразившемся в религиозной войне. Уже в XVII столетии Османская империя была включена в европейскую систему международных отношений в качестве одной из держав организованного Францией так называемого восточного барьера в противостоянии Бурбонов и Габсбургов, а антиисламская фразеология того времени являлась лишь данью политико-дипломатической традиции. Не хотелось бы, чтобы высказанные сомнения рассматривались сугубо как придирки. Мода на терминологическую модернизацию, заимствованная из политологии и публицистики, оказывает негативное влияние на новейшие исследования, демонстрируя их методологическую эклектичность.

Заключительная глава монографии посвящена истории русской внешней политики, дипломатии и международных отношений от Великого посольства до Константинопольского мирного договора. Они многократно и подробнейшим образом описаны как в русской, так и в зарубежной историографии. Авторы широко опираются на труды российских исследователей (из их поля зрения выпала, пожалуй, только монография В.Д. Корольюка). Читатель невольно задаётся вопросом: чем обусловлено появление такого обстоятельного и относительно независимого от основного содержания монографии очерка? Думается, основания для этого были.

Во-первых, напомним, монография открывается вводной главой, посвящённой русской внешней политике времени Бахчисарайского мира 1681 г.: отсюда логичным представляется завершение труда очерком о формальных итогах русско-турецкого противостояния, оформленных договором 1700 г. Упомянутые главы как бы обрамляют целый период не только в истории русской внешней политики, но и в истории международных отношений в Европе — от осады османами Вены до войны за испанское наследство. Во-вторых, один из центральных тезисов монографии — утверждение, что Россия, хотя и опосредованно, принадлежала к антитурецкой Лиге. Это требовало дополнительного обоснования путём анализа участия русской дипломатии в итоговом политическом урегулировании на юго-востоке Европы. Здесь, кажется, допустимы сомнения. Детальная дискуссия по этому вопросу потребовала бы специального исследования, поэтому ограничусь несколькими замечаниями. Задачей Великого посольства было выяснение реального положения Московского царства в системе европейских держав и пределов его политических возможностей. Следовательно, в Москве, где слабо ориентировались в делах Европы, всё же не переоценивали собственные политические перспективы. Неудачу в решении поставленной перед послами задачи продемонстрировал Карловицкий конгресс. Даже образованная усилиями России в 1699—1700 гг. антишведская коалиция приобрела существенный вес в европейской политике только после Полтавской победы 1709 г.

Характеризуя монографию в целом, можно с удовлетворением отметить, что её авторы успешно справились с нелёгкой задачей представить комплексную картину важного этапа в истории России с военно-политической точки зрения и в контексте изучения места Московского государства в системе международных отношений. В этой связи хочу особо отметить помещённые в книге на вклейке карты и планы. Они не заимствованы из других изданий, а впервые вводятся в научный оборот. Помещённые здесь как в изображениях, так и в легендах сведения дают читателю уникальный материал, в котором в кон-

центрированном виде воплощены свидетельства большого количества исторических источников. Карты и планы выступают не как иллюстрация к тексту, а как существенная составляющая монографического исследования.

В заключении авторы уделили немало внимания военно-историческим и историко-дипломатическим проблемам, продемонстрировав высокий профессиональный уровень проведённого исследования. Однако формулируя центральный вывод, они явно «поскромничали», отметив только, что в итоге войны 1686–1700 гг. Россия «покончила с пережитками даннических отношений с татарами... усилила своё влияние на соседние народы, получила выход к Азовскому морю», добилась пограничного размежевания с Османской Портой, что привело «к снижению значения и статуса буферных полугосударственных и государственных образований, таких как Запорожская Сечь, Войско Донское, Крымское ханство» (с. 508). Не вдаваясь в детали многолетней дискуссии о формировании «государств современного типа», а также в рассмотрение концепций советской историографии о природе, процессах и критериях государственной централизации периода феодализма, отмечу, что данные авторами определения в отношении казачьих объединений и Крымского ханства им абсолютно не соответствуют. В этом случае мы встречаемся ещё с одним примером влияния политологической моды.

Думается, что исследование А.Г. Гуськова, К.А. Кочегарова и С.М. Шамина гораздо более значительное и глубокое по содержанию, нежели об этом заявили сами авторы. Оно посвящено важному периоду в истории России, когда начался переход от Московского царства к Российской империи. Главным итогом войны 1686–1700 гг. стал исторический поворот от противостояния крымско-турецкому натиску к завоеванию выхода к Черному морю. Монография хотя и посвящена главным образом военно-политическим проблемам, имеет всё же более широкое значение. Во-первых, потому, что военная функция государства Нового времени играет центральную роль и в решающей степени влияет на все стороны государственной деятельности и общественной жизни. Во-вторых, содержащийся в монографии богатейший исторический материал служит благодатной почвой для наблюдений и выводов не только сугубо по военной, но и по политической истории, истории государственного хозяйства, сословий, окраин Российского государства и живших там народов. Книга может стать источником полезных сведений в самых разных областях исторических знаний, вплоть до исторической географии. Она даёт немало поводов для постановки спорных вопросов, для обсуждения дискуссионных проблем. Это ещё раз доказывает, что авторы обратились к исследованию важной темы, а внесённый ими вклад послужит развитию отечественной исторической науки.

Глеб Казаков. Не Азовом единым

Gleb Kazakov (Justus Liebig University Giessen, Germany). Not just about Azov

DOI: 10.31857/S2949124X24020047, EDN: HJTFYS

Рассматриваемая книга представляет собой довольно редкий в исторической науке формат публикации — коллективную монографию. Её авторы — известные исследователи истории России второй половины XVII в., специали-

зирующиеся, впрочем, не на военной истории, как можно было бы ожидать, исходя из заглавия монографии, а на изучении культурных связей, коммуникационных процессов и дипломатии Московского царства времени первых Романовых. Работа, посвящённая русско-турецкой войне, таким образом является своеобразным дебютом авторов на поприще военной истории³¹. Как справедливо отмечено в предисловии книги, военная история России XVII в. является динамично развивающимся исследовательским полем. Новые публикации появляются с завидной частотой, впрочем, в большинстве случаев исследования оказываются посвящены конфликтам Московского царства с западными соседями — Речью Посполитой и Швецией. Русско-турецкая война 1686—1700 гг. обладает в историографии противоречивым статусом. С одной стороны, обзор Крымских и Азовских походов традиционно занимает важное место в политической биографии кн. В.В. Голицына (да и царевны Софьи) и Петра I, так что данные эпизоды безусловно следует признать хорошо изученными. С другой стороны, как подчёркивают авторы книги, вся война целиком ни разу не становилась предметом монографического исследования и в целом крайне слабо отрефлексирована в историографии как единый конфликт. Заполнить эту лакуну и стараются авторы книги.

Ознакомившись с работой, приходишь к заключению, что авторами преследовались две основные задачи, которые условно можно охарактеризовать как микро- и макроуровень. На микроуровне учёные постарались уделить больше внимания и подробно осветить менее известные эпизоды войны, в особенности боевые действия на Северном Кавказе и в Прикаспии, а также кампании вокруг днепровских городков. Макроуровень отражает стремление очертить общие рамки военного конфликта: выделить его основные хронологические этапы, показать цели и задачи сторон, обрисовать общий исторический фон и, наконец, дать оценку результатам войны.

Выход за рамки традиционной дуалистической парадигмы «от неудач под Крымом до успеха под Азовом» является удачным решением авторов. Они убедительно демонстрируют, что театр боевых действий был намного шире этого традиционного историографического клише. Особенно интересны главы, затрагивающие кампанию по захвату и удержанию городков в низовьях Днепра в 1695—1697 гг. По признанию авторов, именно борьба за Тавань и Казы-Кермен в 1697 г. стала моментом, когда «русско-османский конфликт достиг наибольшей интенсивности» (с. 507—508). Отдельная глава посвящена событиям на Северном Кавказе и в Прикаспии, где османские войска не присутствовали напрямую, а боевые действия часто велись через посредничество прокси-сил — черкесских властителей, калмыцкого хана и казачьих общин. В изучение Крымских и Азовских походов авторами также добавлено много нового фактологического материала. Заполнение лакун в исследовании русско-турецкой войны стало возможным благодаря широкому привлечению новых архивных документов. Авторы не стали следовать традиции и опираться

³¹ Следует упомянуть, что ещё до выхода монографии авторы опубликовали ряд статей, посвящённых различным эпизодам русско-турецкой войны: Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686—1700 гг. // *Российская история*. 2020. № 6. С. 30—49; Гуськов А.Г., Шамин С.М. Оборона днепровских городков в 1697 году — ключевой эпизод русско-турецкой войны 1686—1700 годов // *Вестник Воронежского государственного университета*. Сер. История. Политология. Социология. 2021. № 3. С. 27—35; Башнин Н.В., Гуськов А.Г., Шамин С.М. Война на Северном Кавказе (1686—1698 гг.) // *Российская история*. 2021. № 4. С. 30—43.

ся преимущественно на нарративные источники (дневники, мемуары, записки участников боевых действий и дипломатов), а решили изложить историю конфликта с опорой на делопроизводственные документы. Данное решение кажется вполне уместным в рамках военной истории. Деловой язык служебных отписок, донесений и наказов, сухо сообщающих о количестве заготовленного фуража, темпах передвижения войска, понесённых потерях и проч., как нельзя лучше подходит для воссоздания подробной картины боевых действий. Так, с опорой на архивные источники авторам удалось перепроверить информацию о численности русского войска в первом и втором Крымских походах, которая оказалась оценена приблизительно в 100 тыс. человек. Внимание к деталям и статистическим данным, скрупулёзная реконструкция хода событий отражают стремление авторов как можно более полно насытить монографию о русско-турецкой войне 1686–1700 гг. данными на микроуровне. Впрочем, одновременно нельзя не признать, что такая манера изложения, когда несколько страниц текста оказываются перенасыщены датами, именами начальников отрядов и географическими локациями, сказывается на темпе чтения и лёгкости восприятия текста.

Удалось ли авторам провести исчерпывающий анализ русско-турецкого конфликта на макроуровне? Предложенная в книге периодизация войны с её делением на семь этапов кажется убедительной. Нельзя не поприветствовать решение авторов не ограничивать монографию описанием боевых действий, а добавить главы, посвящённые распространению информации и публичной пропаганде о войне и дипломатическим усилиям России по заключению мирного договора соответственно. Они, безусловно, отражают исследовательский профиль авторов, много и плодотворно работавших над смежными темами³². Подробный рассказ об участии П.Б. Возницына в Карловицком конгрессе в 1698–1699 гг. и миссии Е.И. Украинцева в Константинополь в 1700 г., включающий рассмотрение разных версий наказов послам, позволяет лучше понять логику внешнеполитических замыслов Петра I (который даже весной 1699 г. ещё не полностью отказался от идеи дальнейшего наступления на турок на Чёрном море) и методы работы русских дипломатов. В целом взгляд авторов на итоги войны для Российского государства можно охарактеризовать как умеренно оптимистичный. Они отмечают «рост международного авторитета страны», выразившийся в том числе в прекращении выплаты поминок крымскому хану и ведении переговоров с османами о разделении сфер влияния в Причерноморье в обход Крыма, формального вассала турецкого султана. Упоминается и приобретение Россией выхода к Азовскому морю, причем, без итогового упоминания о том, что без завоевания Керчи, сдавать которую на переговорах османы категорически отказались, ни о каком мореплавании на Чёрном море не могло идти и речи. В определённой степени реабилитируются и голицынские Крымские походы, во время которых, особенно в 1689 г., мобилизация и обеспечение армии были организованы достаточно эффективно, позволив осуществить «успешный переход по степной и ненаселённой местности огромного по тем временам войска» (с. 504). Приходя к такому выводу, авторы, к сожалению, не ссылаются на работу американского историка Б. Дэвиса, по-

³² *Шамин С.М.* Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011; *Гуськов А.Г.* Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005.

священную военному делу в южной части Восточной Европы XVI и XVII вв., где также высказывалась мысль об эффективности логистического обеспечения московского войска во время Крымских походов³³.

Несомненно, авторы не могли не коснуться вопроса о том, как русско-турецкий конфликт в целом повлиял на ход войны Священной лиги, составной частью которой он, по сути, и являлся. Наиболее проработана история данной войны, пожалуй, в работах немецких и австрийских историков³⁴, ведь именно держава Габсбургов внесла наибольший вклад в дело антиосманской коалиции и в итоге получила наибольшие территориальные приобретения по результатам Карловицкого конгресса. Авторы монографии уделяют достаточно внимания дипломатическим контактам России с союзниками, впрочем, наиболее подробно анализируя конкретно русско-польские связи и совместные планы. Кажется, не будет ошибкой предположить, что такое расставление акцентов явилось в том числе следствием специфики профиля исследований одного из соавторов, занимающегося преимущественно отношениями России с Речью Посполитой³⁵. Вопрос же о том, насколько участие России в войне и прежде всего её попытка отвлечь на себя силы Крымского ханства повлияли на ход боевых действий на Балканах, оставлен открытым, хотя авторы всё же дистанцируются от гиперболизации роли России в антиосманской коалиции, характерной для советской историографии. В целом события на западном фронте османов упоминаются в монографии лишь эпизодически (например, битва при Зенте в 1697 г.). Авторы, безусловно, правы, оговаривая, что для поиска ответа на озвученный выше вопрос «необходимо выйти за рамки исследованной в книге проблематики и изученных источников» и что «подобная работа... не входила в число поставленных авторами данной книги исследовательских задач» (с. 507). И всё же кажется, что более подробная обрисовка хода всей войны Священной лиги с опорой на зарубежную историографию помогла бы полнее раскрыть значение русско-турецкой войны в общем контексте европейской истории конца XVII в.

Вопрос о том, как информация о ходе русско-турецкой войны воспринималась за рубежом, поднят авторами в главе «Война и идеология: распространение информации и презентация событий в публичном пространстве». В ней существенное внимание уделено попыткам царского правительства распространить в Европе — как в придворных кругах, так и в публичной сфере, т.е. в печати — нарратив о победоносных кампаниях русского войска. В целом такие попытки авторы признают удачными. Анализ реакции зарубежной прессы при этом сделан преимущественно с опорой на данные вестей-курантов — русских переводов из иностранных газет, делавшихся для царя и его окружения переводчиками Посольского приказа. Обращение к оригиналам газетных номеров, вероятно, могло бы скорректировать такой, как кажется, излишне

³³ Davies B.L. Warfare, State and Society on the Black Sea steppe, 1500–1700. L.; N.Y., 2007. P. 178–183.

³⁴ В качестве примеров можно привести монографии: *Hochedlinger M.* Austria's wars of emergence: war, state and society in the Habsburg monarchy, 1683–1797. L., 2003; *Böttcher H.-J.* Die Türkenkriege im Spiegel sächsischer Biographien. Herne, 2019; *Eickhoff E.* Venedig, Wien und die Osmanen: Umbruch in Südosteuropa 1645–1700. Stuttgart, 2008; *Bremm K.-J.* Die Türken vor Wien: zwei Weltmächte im Ringen um Europa. Darmstadt, 2021.

³⁵ *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире 1686 года. М., 2008.

оптимистичный взгляд, по крайней мере для периода «бесславных» Крымских походов. Анализу сообщений немецкой прессы о вступлении России в анти-османскую коалицию и походах 1687 и 1689 гг. посвятил раздел своей работы немецкий историк М. Вельке³⁶, пришедший к выводу, что оптимизм первых реляций о русско-польском союзе быстро сменился нотами разочарования. Уже в июне 1687 г. гамбургская газета писала, что русские, по всей видимости, «не собираются всерьёз вести войну с турками... и нашему извечному врагу в этом году со стороны русских опасаться нечего»³⁷. Исследование реакции европейской — немецкой, голландской, французской, английской — прессы на перипетии русско-турецкой войны, возможно, станет интересным полем для будущих исследователей, тем более что сегодня газеты XVII в. в большинстве оцифрованы и находятся в открытом доступе в интернете.

Несмотря на высказанные критические замечания, коллективная монография о русско-турецкой войне 1686–1700 гг. — важная веха в истории исследования данного конфликта. Написанная с привлечением обширного архивного материала, книга непременно станет справочником для каждого, кто занимается военной историей России раннего Нового времени. Менее известные, но имевшие колоссальное влияние на окончательный итог войны эпизоды, такие как захват и оборона городков в низовье Днепра, получили в монографии должное освещение. Анализ же театра боевых действий на Северном Кавказе и в Прикаспии не только добавляет новую страницу в историю русско-турецкой войны, но и позволяет лучше понять методы взаимодействия Российского государства с локальными правителями и сообществами на своей периферии.

Пётр Аваков. Первая монография о первой войне Петра I*

Pyotr Avakov (Federal Research Centre the Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, Rostov on Don). The first monograph on Peter I's first War

DOI: 10.31857/S2949124X24020059, EDN: HJDSRJ

Русско-турецкая война конца XVII в. — самая продолжительная за всю историю противостояния России и Османской империи и первая в царствование Петра I — имеет сложную историографическую судьбу. Долгое время она не осмысливалась историками как единый конфликт и дробилась ими даже не на кампании, а на отдельные военные операции. Самые известные из них — Крымские походы 1687 и 1689 гг. и Азовские походы 1695–1696 гг. — традиционно представляются в литературе своеобразными «пьесами без начала и конца», слабо связанными друг с другом. До сих пор отсутствует чёткое понимание хронологических рамок войны. Совместный труд А.Г. Гуськова, К.А. Кочегарова и С.М. Шамина представляет собой первый опыт её цельного комплексного изучения. Данный факт уже сам по себе делает книгу незаурядным явлением отечественной историографии.

³⁶ Welke M. Rußland in der deutschen Publizistik des 17. Jahrhunderts (1613–1689) // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 23. Berlin, 1976. S. 236–243.

³⁷ Ibid. S. 240.

* Материал подготовлен в рамках выполнения государственного задания Южного научного центра РАН на 2024 г. (проект № 122020100347-2).

Читателя, избалованного в последние годы литературой о различных проблемах военной истории России XVII в., ждёт нечто большее, чем пошаговое схематизированное описание хода боевых действий, сухой анализ стратегических планов и тактических приёмов и подсчёт потерь. Авторы монографии следуют классической формуле К. фон Клаузевица, квалифицировавшего войну как «продолжение политики другими средствами», одновременно подтверждая верность высказывания конкретным историческим материалом. Перед нами — фундаментальное исследование, основанное на внушительной и репрезентативной источниковой базе, представленной прежде всего материалами текущего делопроизводства Посольского и Разрядного приказов из собрания РГАДА, а также документами из фонда Астраханской приказной палаты Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН, фонда Радзивиллов Центрального архива исторических актов в Варшаве и портфелей Нарушевича из Библиотеки Чарторыйских в Кракове. Количество использованных при написании книги архивных дел насчитывает не одну сотню (к сожалению, их общий список отсутствует), причём большая часть выявленных документов впервые вводится в научный оборот.

Свою задачу авторы видели в обеспечении комплексного взгляда на историю недооцененной в историографии войны, поэтому они «не замыкаются лишь на описании военных действий, но и затрагивают, по возможности, военно-мобилизационные усилия, логистику, специфику малой войны в отдалённых и периферийных регионах, идеологическое обрамление кампаний и военно-дипломатическую активность русского правительства» (с. 8). Как всякое интересное и фундированное исследование, монография вызывает желание поспорить с авторами.

В отличие от мастерского анализа историографии (с. 10–20), демонстрирующего несомненную новизну исследования, предпринятый его авторами беглый обзор привлечённых источников, уместившийся на трёх страницах, имеет формальный характер. Он недостаточно систематизирован и не содержит вдумчивых источниковедческих наблюдений, что вряд ли уместно в исследованиях такого жанра и уровня (с. 21–23).

Предложенная во введении трёхчленная периодизация войны не лишена резона, но довольно противоречива. Если при выделении первого и третьего периодов («Крымского» 1686–1689 и «Османского» 1695–1700 гг.) исследователи отталкивались от непосредственных стратегических противников России в указанные временные отрезки, то отличительной чертой второго периода («Оборонительного» 1690–1694 гг.) является уже качественная характеристика (с. 8). Между тем оборонительный характер в равной степени имели кампании как 1688, так и 1697–1698 гг., а отчасти даже 1696 г. — на крымском направлении. И наоборот, трудно считать оборонительными набеги объединённого двухтысячного отряда правобережных и левобережных украинских казаков на Очаков и Буджакскую орду в 1694 г. (с. 293–294). При этом Очаков — османская крепость, а нагайцы Буджака — подданные крымского хана. Другое дело, что наступательные действия, проводившиеся в 1690–1694 гг. силами украинских и донских казаков, представляли собой «малую войну», чьё значение несравнимо с крупномасштабными походами 1697–1698 гг., предпринятыми для удержания сделанных ранее завоеваний. Объединение кампаний 1695–1696 и 1697–1698 гг. в один период представляется несколько искусственным — с учётом того, что после 1696 г. Россия практически утратила наступательный

потенциал и сосредоточилась на стратегической обороне, на что обращают внимание и сами авторы (с. 363).

В 1699–1700 гг., во время Карловицкого перемирия, военные действия между российскими и османскими войсками вообще не велись. Происходившие же в эти годы на Дону и на других южных окраинах России эпизодические стычки с крымскими татарами и ногайцами не выходили за рамки перманентной пограничной войны (с. 401–402), тесно связанной с так называемой набеговой экономикой. Набеги не прекратились и после заключения в июле 1700 г. Константинопольского мирного договора, разве что снизилась их интенсивность. В этой связи уязвимой для критики является определённая Гуськовым, Кочегаровым и Шапиным дата завершения военного конфликта, увязанная с подписанием этого соглашения. Справедливо отмечая, что «указание на 1699 г. как на время окончания войны нельзя считать ошибкой» (с. 11), они допускают вариативность в столь конкретном международно-правовом вопросе, требующем однозначности. Безусловно, Константинопольский договор 1700 г. подвёл итоги начавшейся в 1686 г. русско-турецкой войны, но прекратилась она ещё с началом в январе 1699 г. Карловицкого перемирия и до заключения мира не возобновлялась. Приведённые доводы в пользу иной датировки, пусть даже и более широко распространённой «в текущей историографии» (с. 11), данный факт отменить не могут. Следовательно, указанная в названии монографии конечная дата войны ошибочна³⁸. Согласившись с ней и приняв некоторые из предложенных в её пользу аргументов, придётся признать, что русско-польская война 1654–1667 гг. завершилась только с заключением в 1686 г. Московского договора о «вечном мире», а советско-японская война 1945 г. продолжается до сих пор.

Глава, раскрывающая причины и предпосылки войны на фоне развития русско-крымско-турецко-польских отношений в 1681–1686 гг., захватывает внимание читателя с первых страниц. Данный вопрос в той или иной степени уже затрагивался в трудах историков, но ещё не находил всестороннего освещения и не подвергался столь скрупулёзному анализу. Авторы показывают, что истоки нового конфликта лежали в не удовлетворивших Россию итогах предыдущей войны с Османской империей 1672–1681 гг. и избирательном подходе Порты к имплементации Бахчисарайского мирного договора 1681 г. Когда султан Мехмед IV решился пойти на уступки, было уже поздно: 26 апреля 1686 г. цари Иван и Пётр утвердили Московский договор о «вечном мире» и военном союзе с Речью Посполитой, начав тем самым войну с Османской империей (с. 43, 44). Заслуживает внимания суждение об «осторожности внешнеполитической стратегии Москвы», не присоединившейся к Священной лиге на правах полноправного члена, а лишь примкнувшей к ней в качестве союзника Варшавы. Такого рода аффилиация позволяла России участвовать в будущих мирных переговорах государств-членов Лиги с Портой и одновременно давала «относительную свободу в реализации союзнических обязательств», которые цари имели только перед польским королём (с. 42). Одной из главных политических задач российского правительства, ради решения которой оно начало войну, было изменение сложившегося после 1681 г. баланса в отношениях с Крымским ханством.

³⁸ См.: Аваков П. А. «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII – начала XVIII века. СПб., 2022. С. 296–297.

Следующие три главы посвящены четырём военным кампаниям 1686–1689 гг., спланированным и проведённым правительством царевны Софьи. Крымский фактор, сыгравший важнейшую роль при заключении союза с Речью Посполитой, определил и основной вектор военной активности России на ближайшие три года. В соответствии с условиями союзного договора царские войска в 1687 и 1689 гг. совершили два похода на Крым, не принёсшие стране ни крупных военных побед, ни территориальных приобретений. Авторам удалось детально изучить историю этих беспрецедентных для своего времени военных экспедиций, проследив их ход от этапа планирования до подведения итогов, причём на широком архивном материале. К заслугам авторского коллектива, имеющим принципиальное значение для науки, следует отнести определение конкретных стратегических целей Крымских походов, в предшествующей историографии изложенных туманно. Четверть века эту задачу, опираясь на литературно-публицистические источники той эпохи, тщился решить А.П. Богданов³⁹, но это равносильно изучению истории Великой Отечественной войны по передовицам газеты «Правда». В этой связи резонно предложение авторов монографии осторожно относиться к попыткам проецирования публицистических оценок на реальный ход событий (с. 15). Между тем из наказов, врученных дворовому воеводе Большого полка кн. В.В. Голицыну, и его попыток реализовать их политическую составляющую следует, что посредством военного давления Москва рассчитывала склонить крымского хана Селим-Гирея I к переговорам и заключению нового мирного договора на условиях перехода «под высокодержавную руку великих государей», либо, как минимум, отказа от ежегодных «поминков» (с. 68–73, 170–173, 227–231, 255).

Отдельная глава охватывает более продолжительный период войны с 1690 по 1694 г., что обусловлено как значительным снижением активности боевых действий, так и изменением их характера и масштаба. Ранее русско-турецкое противоборство тех лет изучалось отрывочно и изолированно, лишь в контексте истории Украины и донского казачества, но в обсуждаемой монографии разрозненные стычки и набеги впервые объединены общей канвой. Довольно странно видеть здесь упоминание о походе Красноярского воеводы против енисейских киргизов 1692 г. в качестве «эха “большой” войны», идущей в другой части света (с. 276). С таким же успехом можно было связать Крымские походы с осадами Албазинского острога китайской армией в 1685–1686 гг. Всего несколько строк уделено безуспешной дипломатической миссии В.И. Айтемирева в Крыму 1692–1695 гг., свидетельствующей о пребывании правительства Нарышкиных во внешнеполитическом тупике (с. 295). Пожалуй, этот сюжет заслуживает большего внимания.

Освещающая кампанию 1695 г. глава — самая короткая в книге, что несколько неожиданно на фоне капитального труда М.М. Богословского, где этим же событиям отведено десять глав⁴⁰. Возможно, минимизация обусловлена состоянием источников и «историографической ситуацией». Первый Азовский поход почти не оставил следов в сохранившихся делопроизводственных мате-

³⁹ Богданов А.П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. С. 163–164, 168–169, 177–178; Богданов А.П. От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. Изд. 2, испр. и доп. М.; Берлин, 2020. С. 466, 471–472, 480–482 (первое издание книги вышло в 1995 г.).

⁴⁰ Богословский М.М. Пётр Великий: Материалы для биографии: В 6 т. Т. 1. М., 2005. С. 203–265.

риалах московских приказов, но это не помешало Н.Г. Устрялову и М.М. Богословскому изучить его буквально по дням, опираясь на другие источники. Хорошо «задокументированный» Казыкерменский поход, традиционно находившийся в тени Азовского, не так давно был исследован А.В. Багров в парадигме истории украинского казачества⁴¹. Центральными сюжетами главы являются эти две операции, ознаменовавшие переход России к завоевательной стратегии в отношении османской территории и имевшие поворотное значение для дальнейшего хода войны. Наибольший интерес здесь представляет не лапидарное в сравнении с предшествующими главами описание военных действий, а осмысление резкой смены военно-стратегического курса российского руководства и выбора новых целей для нанесения удара.

Источники не позволяют дать прямого ответа на вопрос, почему к февралю 1695 г. главным объектом атаки Пётр I избрал именно Азов. В том, что выбор сделал непосредственно он, и что данная цель была главной, сомневаться не приходится — на это указывает само участие государя в Азовских походах и их подготовке. Однако авторы книги воздерживаются от такого вывода. Особенно детально они изучили планирование второй военной экспедиции, сначала задуманной как вспомогательная демонстрация на северной окраине Крымского ханства, но затем обернувшейся осадой четырёх османских крепостей у Таванской переправы через Днепр. Авторы книги утверждают: в итоге «днепровский театр военных действий стал основным», поскольку именно там «было задействовано наибольшее число войск и достигнуты основные успехи» (с. 303), ведь Казыкермень и три соседние крепости удалось взять, а Азов — нет. Любопытно, как отреагировал бы на это Пётр I, доведись ему узнать, что в 1695 г. пули свистели над ним на второстепенном театре войны? Однако в следующем году он уже «оказался» основным (с. 318).

Великолепные авторские находки ожидают читателя в главе, которая с исчерпывающей полнотой освещает события кампании 1696 г. и её дипломатическое сопровождение. Глава открывается малоизученным сюжетом о миссии посланника К.Н. Нефимонова в Вене 1696–1697 гг., окончившейся подписанием 29 января 1697 г. трёхстороннего союзного договора, по которому Россия вступила в Священную лигу. Препарированное описание хода миссии и чрезвычайное внимание к её итогам, вероятно, обусловлено живучестью в историографии ошибочного мнения о начале этого членства с 1686 г.

Второй Азовский поход рассматривается гораздо пристальнее первого, причём и с противоположной стороны — османской. Читателю открывается взгляд на происходящее из осажденного Азова и близлежащего лагеря османско-крымского войска у р. Кагальник. Авторы смогли расширить фокус благодаря введению в научный оборот процессуальных документов разрядного шатра воеводы Большого полка А.С. Шеина и разряда посольских дел — походного филиала Посольского приказа, возглавляемого Н.М. Зотовым. Допрошенные там пленные турки, ногайцы и крымские татары, а также бежавшие из Азова и кагальницкого лагеря невольники и работники сообщили уникальные сведения о положении дел у защитников города со времён его прошлогодней осады. Остаётся только догадываться, почему Гуськов, Кочегаров и Шамин не только не подчеркнули источниковедческую ценность и принципиальное значение

⁴¹ Багров А.В. Украинское казачество и первый Азово-Днепровский поход. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.

этих документов для решения поставленных исследовательских задач, но даже не упомянули об их использовании.

Сложно разделить скептицизм авторов в оценке вклада российской галерной эскадры в победоносное завершение второго Азовского похода. По их мнению, «для морской блокады Азова ввиду мелководья устья Дона был нужен не морской флот, а небольшие суда... донских казаков». Почти крамольным в контексте истории отечественного военно-морского флота выглядит суждение: «основную роль в блокировании морского и речного сообщения с Азовом сыграли не суда, а форты, снабжённые артиллерией» (с. 351). Представляется, что 40 казачьих стругов, на которых донцы 20 мая 1696 г. атаковали османскую флотилию в устье Дона (с. 350–351), едва ли были способны перекрыть его и в статичном положении выдержать огонь корабельной артиллерии противника. Науке неизвестны примеры применения казаками самоубийственной для них линейной тактики в морских сражениях с османским флотом. Тезис же об эффективности двух шанцев, построенных генералом П. Гордоном на берегах Дона, в значительной степени умозрительный, поскольку в источниках конкретные данные на этот счёт отсутствуют. Не следует забывать, что первый шанец был сооружён 19 мая — всего за день до разгрома казаками отряда османских судов и за неделю до выхода в море 24 российских галер и 4 брандеров, преградивших вход в гирло Большая Кутерьма — северный судоходный рукав дельты Дона. Второй шанец заложили уже 2 июня — спустя восемь дней после начала морской блокады Азова⁴². Укрепления на берегу основного русла реки могли контролировать лишь его и неспособны были помешать высадке османского десанта на удалённом от них морском побережье. Самым коварным «противником» османской флотилии в те майские дни оказался сильный восточный ветер, буквально сдувший воду из устья Дона в море, что привело к обмелению реки. А понимание важной роли «московских морских судов» в осаде Азова отражено в показаниях пленных и «выходцев», допрошенных в мае–июне 1696 г. в лагере Большого полка⁴³.

В последующие годы Москва, стремясь защитить свои недавние завоевания от реваншистских поползновений Константинополя, перешла к оборонной стратегии. Авторы убедительно показали, что особенно болезненной для Порты стала потеря «днепровских городков», географически близких к Крыму и приднестровским владениям султана и имевших стратегическое коммуникационное значение. Поэтому в 1697–1698 гг. основные усилия Османской империи в противоборстве с Россией были направлены на охрану Очакова и возвращение четырёх крепостей в районе Таванской переправы. Для защиты приобретённых в низовьях Днепра и Дона плацдармов Москва организовала в 1697–1698 гг. по два похода. Большое внимание в книге уделено кульминационному событию кампании 1697 г. — обороне Таванска и Казыкерменя, ставшей самым серьёзным вкладом России в коалиционную войну «с точки зрения отвлечения на себя сил противника». Именно тогда, по мнению авторов, русско-турецкий конфликт достиг наибольшей интенсивности (с. 402, 507–508).

⁴² ОР БАН, собр. Петровской галереи, № 32/2; Krigsarkivet. Utländska kartor Ryssland Floder och kanaler. 34. В. 32; РГАДА, ф. 210, оп. 12, д. 1638, л. 114; *Гордон П.* Дневник: 1696–1698. М., 2018. С. 28, 30, 31; Походный журнал 1696 года. СПб., 1853. С. 11–12.

⁴³ *Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I... С. 211–213.

Особняком стоит глава, рассказывающая о «войне на Северном Кавказе и в Северном Прикаспии». Уже сама постановка вопроса о распространении этого конфликта на данную территорию является новаторской. Но осознавали ли местные участники перманентного вооружённого противостояния, связанного с давним политическим соперничеством Москвы и Бахчисарая в буферном регионе, что они вовлечены в ту самую русско-турецкую войну? Авторы полагают, что осознавали. Подтверждением тому призваны служить факты нападения крымских отрядов на городки гребенских (терских) казаков в 1688 г. и на крепость Терки в 1689 и 1697 гг.

Читателя ждёт интереснейший рассказ об отражении войны с Османской империей и Крымским ханством в официальной российской идеологии и пропаганде, в том числе распространявшейся за рубежом. Гуськов, Кочегаров и Шамин привели немало интересных фактов и сделали ряд ценных наблюдений, из которых следует, что презентация правительством России её военных успехов (реальных и мнимых) в выгодном ключе была важна для формирования общественного мнения как в странах-союзниках, так и среди населения своей страны. Последнее не составляло для властей особого труда, учитывая устойчивость окрашенных в религиозные тона антикрымских и антиосманских настроений в русском обществе. Для продвижения соответствующих нарративов на разных уровнях правительство использовало широкий спектр методов и информационных каналов — от религиозных церемоний до печатных реляций на иностранных языках. Правда, приведённые здесь примеры средств массовой пропаганды, применявшихся во время кампаний 1687–1689 и 1695–1698 гг., разнородны по составу. Рассматривая старое и новое в официальной пропаганде «времен Азовских походов», авторы не уделили должного внимания её церковно-ритуальной компоненте, о которой подробно рассказано в контексте Крымских походов. Если уж сообщается о вручении Голицыну в феврале 1687 г. перед выступлением в Крым боевого знамени с образом Спаса Нерукотворного, которое в 1552 г. брал в поход на Казань царь Иван IV (с. 54, 441), то следовало бы упомянуть и о выдаче этой реликвии в январе 1696 г. Шеину, отправлявшемуся покорять Азов⁴⁴.

Освещена в книге, хотя и обзорно, и дипломатическая активность России на завершающем этапе войны. После Богословского сложно написать что-то принципиально новое о Великом посольстве, Карловицком конгрессе и мирных переговорах в Константинополе, но обойти их стороной в данном исследовании невозможно. Большое значение для понимания итогов конфликта имеют рассмотренные авторами вопросы ратификации и имплементации Константинопольского мирного договора 1700 г., включая сюжет о демаркации русско-турецкой границы в 1704–1705 гг.

Нельзя не отметить хорошо продуманный иллюстративный ряд книги, включающий не только воспроизведения офортов, живописных портретов, карт и планов XVII–XVIII вв., но и специально созданные исторические карты.

Чрезвычайная фактологическая насыщенность монографии делает неизбежным наличие отдельных ошибок и неточностей, на чём хочется остановиться подробнее. Утверждая, что 7 октября 1698 г., почти за месяц до начала Карловицкого конгресса, было объявлено перемирие «между странами анти-турецкой коалиции и Османской империей» (с. 401), авторы вводят читателя

⁴⁴ РГАДА, ф. 210, оп. 12, д. 1422, л. 132–133.

в заблуждение. Может создаться впечатление, будто Великая турецкая война 1683–1699 гг. прекратилась уже тогда, однако иллюзия рассеивается при обращении к статейному списку П.Б. Возницына, российского посла на конгрессе. 6 октября он узнал от австрийского коменданта близлежащей крепости Петерварадайн, «что для безопасности комиссии, постановили они от Петр-Варадына до Бела-города между цесарскими и турецкими войсками быть землею и водою армистициум, то есть уняtie оружия», который и вступил в силу на следующий день⁴⁵. Таким образом, перемирие было заключено лишь между армиями Священной Римской и Османской империй и только в том районе Сербии, где буквально на линии боевого соприкосновения проводился Карловицкий конгресс. В наши дни на языке международного права такое перемирие называется местным.

Идя на поводу присущей приказным документам XVII в. вариативности при передаче восточных имён, титулов и названий должностей, авторы воздержались от их унифицированной транслитерации, что несколько дезориентирует читателя. В одном случае это сыграло с авторами злую шутку и превратило Чакдорджаба, старшего сына калмыцкого хана Аюки, в двух других его сыновей, никогда не существовавших: Шабдара и Чапа (с. 402, 426). Пояснения некоторых османских терминов в подстрочных примечаниях предельно лаконичны и иногда лишены конкретики, например: «Чауш-баши (тур. *Çavuşbaşı*) — чиновник высокого ранга» (с. 333). Но в данном случае в источнике речь идёт не о чавушбаши (*çavuşbaşı*) — дворцовом чиновнике, возглавлявшем подразделение чавушей Дивана, а о башчавуше (*başçavuş*) — одном из высших командиров янычарского корпуса. Некоторые термины и вовсе оставлены без объяснений, например — «чюрбачей» (с. 333), т.е. чорбаджи (*çorbacı*) — младший офицерский чин в янычарском корпусе, соответствующий сотнику.

Констатируя факт последней передачи российским правительством «поминков» крымскому хану в октябре 1685 г., авторы ошибочно приписывают П.А. Авакову и Д.В. Сеню датировку этого события следующим годом (с. 39, 485). Между тем мы с соавтором писали, что «Москва перестала отправлять в Крым “поминки” не в 1700-м, а в 1686 г. — после заключения антитурецкого союза с Речью Посполитой»⁴⁶. Вполне очевидно, что год, с которого прекратились выплаты, следует за годом, когда они были сделаны в последний раз.

На карте театра войны, отражающей и территориальные приобретения России по условиям Константинопольского договора 1700 г. (рис. 8), неверно показана установленная им линия государственной границы в Северо-Восточном Приазовье, охватывающая и нейтральную зону на северном побережье Азовского моря, о которой упомянуто в последней главе (с. 491). В действительности, на западе рубеж проходил по течению р. Миус, а на юго-востоке — по диагонали от Азова до левого берега Ейского лимана, не описывая такую дугу на восток в направлении степи, как изображено на карте⁴⁷.

⁴⁵ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 9. СПб., 1868. Стб. 143–147.

⁴⁶ Аваков П.А., Сень Д.В. Крымско-российские отношения и новая система международных договоров (1700–1772 гг.) // История крымских татар. В 5 т. Т. 3. Казань, 2021. С. 383.

⁴⁷ Галкович Г.Б. Методика изучения картографических источников XVIII в. // Историко-географический сборник. Вып. 1. Краснодар, 2007. С. 50–51, 58–59; РГАДА, ф. 192, оп. 1, Таврическая губерния, д. 2.

Высказанная критика, надеюсь, побудит авторов к дальнейшему изучению данной проблематики, раскрытию некоторых затронутых сюжетов и уточнению отдельных исторических фактов. Монография Гуськова, Кочегарова и Шамина не только позволяет читателю по-новому взглянуть на многие, казалось бы, общеизвестные эпизоды истории России кануна «петровских реформ», но и существенно обогащает имеющиеся в науке знания об эпохе. Исследование может служить очередным подтверждением искусственности разделения отечественной истории на петровский и допетровский периоды, резкая грань между которыми существует только в воображении некоторых историков и публицистов. Изучение русско-турецкой войны 1686—1699 гг. помогает преодолеть этот барьер и более взвешенно оценить соотношение преемственности и новаторства в политике молодого Петра I. Перед нами впервые предстала масштабная, величественная и цельная картина 12-летней войны, наконец вышедшей из тени Великого посольства и Карловицкого конгресса и занявшей причитающееся ей в историографии место. Единство концептуально-методологических подходов и литературного стиля, высокий уровень научной культуры и профессиональной эрудиции соавторов труда выделяют его из общего ряда «коллективных монографий», многие из которых, по сути, являются сборниками статей. К авторским удачам следует отнести умелое сочетание анализа и синтеза, баланс между широтой затронутых вопросов и выразительными деталями, увлекательную (но лишённую эмоциональной окраски) манеру изложения материала и хороший литературный язык. Без сомнения, обсуждаемую монографию ждёт долгая читательская судьба, и новые поколения историков не смогут обойти вниманием её фактографическое и концептуальное богатство.

«Военное сословие» Российской империи: офицеры недворянского происхождения в Сибири рубежа XVIII–XIX вв.

Андрей Дмитриев

**The «military estate» of the Russian Empire:
officers of non-noble origin in Siberia at the turn of the 18th–19th centuries**

*Andrey Dmitriev
(Novosibirsk State University, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X24020065, EDN: HJBYFW

При изучении вопросов, связанных с влиянием регулярной армии и службы в ней на эволюцию социальной системы России имперского периода, исследователи традиционно уделяют основное внимание роли военной службы как канала социальной мобильности, особенно в промежутке с 1721 по 1845 г., когда лица непривилегированного происхождения, достигая обер-офицерских чинов, пополняли ряды потомственного дворянства. Авторы охотно цитируют соответствующий пункт 15 петровской Табели о рангах¹. Однако судьбы представителей тех семей, чьи родоначальники приобрели дворянское звание в указанный период именно таким способом, до сих пор фактически не изучались. Отмечено, правда, что «офицеры — выходцы из других сословий, ставшие дворянами по офицерскому чину... не имели никакой собственности, и в результате... офицерский корпус стал превращаться в социальную группу, подавляющее большинство которой жили только на жалованье»². Но это заставляет задаться вопросом: если большинство из тех, кто приобрёл дворянство через военную службу на протяжении почти 125 лет, всё-таки не становились «подлинными» представителями «благородного» класса, то как определить позицию их самих и их потомков в социальной структуре Российской империи?

Л.Г. Бескровный, суммируя данные о численности регулярной армии России в XVIII в., определил цифру находившихся на военной службе к концу этого столетия (по табелям 1795 г.) как превышающую 450 тыс. человек (без учёта казачьих войск), что составляло более 1% от численности населения Российской империи в целом (на 1795 г. — чуть более 41 млн человек)³. Такую долю невозможно исключить из общей структуры населения страны. Исходя из этого было предложено рассматривать военнотружущих регулярной армии, не являвшихся дворянами по происхождению, как особую группу, идентифицируемую по критерию профессиональных занятий, а не по социальной при-

© 2024 г. А.В. Дмитриев

¹ ПСЗ-I. Т. 6. № 3890. С. 492; *Keep J.L.H.* Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford, 1985. P. 126; *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 38–39.

² *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. С. 42.

³ *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII веке. Очерки. М., 1958. С. 314–327; Историческая география России, IX — начало XX в. Территория. Население. Экономика: очерки. М., 2013. С. 161.

надлежности. И.В. Волкова, ссылаясь на Г. Зиммеля, утверждает, что «“корпоративная” принадлежность составляла главную ось в самоидентификации любого военнослужащего... Полагалось еженедельно напоминать солдатам, что они уже более не принадлежат к “мужицкому” племени и с зачислением в армию поднялись над ним»⁴.

Б.Н. Миронов интерпретировал ситуацию следующим образом: «Люди, попавшие в солдаты, переходили в состав “военного сословия”, свой новый статус передавали жене и детям, если были женаты, после отставки — сохраняли... С введением всеобщей воинской повинности специфическая сословная группа “военные”, некорректно называемая сословием, перестала существовать». Но и Миронов фактически признаёт, что данный социальный феномен остаётся загадкой для российских историков, поскольку в сноске «для интересующихся историей “военного сословия”» перечисляет только работы зарубежных специалистов: Д. Байрау, Дж. Бушнелла, Дж. Кипа, Э. Виртшафтер⁵. Правомерна ли данная гипотеза? В настоящей статье я предлагаю решение этой задачи, избрав предметом анализа военнослужащих, имевших штаб- и обер-офицерские чины в полевых частях регулярной армии, дислоцированных к концу XVIII в. на «восточной окраине» Российской империи — в Сибири.

На территории Сибири на протяжении всего имперского периода почти отсутствовало потомственное дворянство (сибирские дворяне как особая категория не имели равных прав с дворянскими фамилиями Европейской России), что может, на первый взгляд, подтвердить точку зрения Миронова именно на сибирском материале. Общая численность личного состава подразделений регулярной армии к востоку от Урала на 1795 г. — не менее 17–18 тыс. человек (около 1,5% от общей численности населения зауральской части империи)⁶. На конец XVIII в. пришлась смена поколений, когда на службу в частях Сибирского корпуса пришли сыновья офицеров, служивших в середине — второй половине столетия. Опираясь на списки личного состава армейских подразделений 1740–1780-х гг.⁷, я предпринял попытку выявить среди офицеров, числившихся в шести полевых полках Сибирской дивизии к рубежу XVIII–XIX вв., тех, кто показывали себя штаб- и обер-офицерскими детьми и являлись прямыми потомками лиц, уже состоявших на военной службе в Сибири. Категорию штаб- и обер-офицерских детей ввели в формулярные и послужные списки личного состава полков и батальонов русской армии XVIII в. как раз для обозначения социального происхождения людей, являвшихся потомками тех, кто «выслужил» себе дворянство⁸.

⁴ Волкова И.В. Русская армия в русской истории. М., 2005. С. 84–85.

⁵ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. СПб., 2014. С. 446, 500.

⁶ История Сибири с древнейших времён до наших дней. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С. 183.

⁷ Данные о кадровом составе офицерского корпуса полевых и гарнизонных частей Сибирского корпуса за эти десятилетия см.: Дмитриев А.В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796 гг.): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.; СПб., 2017. С. 193–320.

⁸ Обер-офицерскими детьми назывались сыновья гражданских чиновников недворянского происхождения, имевших чины «обер-офицерских» классов — от XIV до XI по Табели о рангах, которые давали только личное дворянство, и сыновья офицеров недворянского происхождения, родившиеся до получения отцами первого офицерского чина, который приносил дворянство (Волков С.В. Русский офицерский корпус. С. 66). Штаб-офицерскими детьми звались сыновья офицеров, дослужившихся до чина секунд-майора и выше.

К 1796 г. полевые войска в составе Сибирского корпуса насчитывали девять батальонов — 1-й и 2-й егерские, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й мушкетёрские, Екатеринбургский, Семипалатинский и Колывано-Воскресенский пехотные, а также три полка — Ширванский мушкетёрский, Иркутский и Сибирский драгунские⁹. Сразу после прихода к власти императора Павла I начались преобразования, затронувшие и части, дислоцированные в Сибири. Образованная по «конфирмованному» императором 3 декабря 1796 г. расписанию войск 12-я Сибирская дивизия под командованием генерал-лейтенанта Г.Г. Штрэндмана состояла уже не из батальонов, а из полков: Екатеринбургский и Семипалатинский батальоны свели в Томский мушкетёрский, 3-й и 4-й мушкетёрские — в Селенгинский полк¹⁰. В мае 1797 г. 20-й (бывший 2-й) егерский батальон преобразовали в 20-й егерский полк (за счёт включения в его состав бывшего Колывано-Воскресенского батальона); 19-й (бывший 1-й) егерский батальон стал 19-м егерским полком. Бывшие 5-й и 6-й батальоны составили Екатеринбургский мушкетёрский полк, который, правда, не вошёл в состав Сибирской дивизии, будучи дислоцирован западнее, на Урале¹¹. На пограничных линиях остались два кавалерийских полка: Сибирский драгунский располагался между Звериноголовской крепостью и Омском (Пресногорьковская линия), Иркутский драгунский — между Омском и Усть-Каменогорской крепостью (Иртышская линия). Ширванский мушкетёрский полк квартировал в Омске, Томский — в Колывани, Селенгинский — в Усть-Каменогорской крепости, куда его передислоцировали вместо Иркутского полка. Вместе с драгунами на линиях остались и оба егерских полка, причём их расположили там, «перемешав с драгунскими эскадронами»¹².

Для изучения я использую списки штаб- и обер-офицеров шести из семи полков, относящиеся к 1798–1799 гг. (единственный список личного состава 19-го егерского полка сохранился только за 1800 г.)¹³. В пяти из этих полков (Томском и Селенгинском мушкетёрских, Иркутском и Сибирском драгунских, 20-м егерском) числились на действительной службе 29 штаб-офицеров (от секунд-майоров до полковников, в это число не включены шефы полков) и 240 обер-офицеров (от прапорщиков до капитанов), всего 269 человек¹⁴. Из них 80 показывали себя штаб- и обер-офицерскими детьми (двое штаб-офицеров, 78 обер-офицеров). В свою очередь, 30 человек из их числа, как удалось установить, были именно сыновьями офицеров, нёсших военную службу в Сибири на протяжении второй половины XVIII в. Доля в 37,5% заставляет присмотреться к этим людям, происхождению и служебной карьере не только их самих, но и их отцов.

Штаб-офицерскими детьми показывали себя 10 человек (ровно треть), остальные 20 записаны как обер-офицерские дети (в Томском — 11, в Селенгинском — 9, в 20-м егерском — 5, в Сибирском — 4, в Иркутском — 1). Нетрудно заметить, что большинство ($\frac{2}{3}$) служили в двух мушкетёрских (пехотных) полках. К концу XVIII в. двое уже состояли в чине капитана, трое — штабс-капитана, поручиков насчитывалось пятеро, подпоручиков — 17, прапорщи-

⁹ Дмитриев А.В. Русская регулярная армия... С. 171–172.

¹⁰ РГАДА, ф. 20, оп. 1, д. 280, л. 34.

¹¹ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 7. СПб., 1900. С. 10–14.

¹² РГАДА, ф. 20, оп. 1, д. 280, л. 34.

¹³ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 1575, 1603, 1619, 1751, 2375, 2573.

¹⁴ Здесь и далее все подсчёты сделаны по материалам указанных архивных дел.

ков — трое. Интересно заметить, что военную карьеру начинали с чина рядового, как это предписывалось действующим законодательством, отнюдь не все из них. Восемь человек уже при зачислении на службу получили чин капрала или даже унтер-офицера. Распространение подобной практики в отношении дворянских отпрысков, в том числе попадавших в состав частей Сибирского корпуса, на протяжении почти всей екатерининской эпохи уже отмечалось¹⁵, однако, как свидетельствуют выявленные данные, этой возможностью могли воспользоваться также штаб- и обер-офицерские дети. Например, капитан Селенгинского полка Пётр Страшников поступил в 16-летнем возрасте капра-лом в Троицкий драгунский полк, а его сослуживец подпоручик Пётр Андреев в 18 лет получил аналогичный чин в Иркутском полку¹⁶. Пятеро начали карьеру сразу с первого унтер-офицерского чина подпрапорщика, а подпоручик Томского полка Василий Кузнецов и вовсе в 15 лет был зачислен сержантом в 1-й Селенгинский пехотный батальон¹⁷. Можно предположить, что на отдалённой сибирской «окраине» империи военные власти не слишком строго следили за соблюдением правил при поступлении на службу офицерских сыновей, что и приводило к подобным казусам.

Любопытная картина обнаруживается при изучении данных о том, чьими сыновьями являлись эти офицеры. У большинства отцы в своё время несли службу не в полевых, а в гарнизонных войсках Сибири — сыновьями штаб- и обер-офицеров гарнизонных частей Сибирского корпуса оказались 23 человека. Хотя гарнизонная служба в течение XVIII в. являлась безусловно менее престижной и выгодной в карьерном отношении, нежели полевая, это обстоятельство не помешало гарнизонным офицерам обеспечить детям места в штате полевых подразделений. У 17 человек отцы сами являлись потомственными военнослужащими во втором поколении — почти в равной пропорции среди них представлены сыновья солдат (9 человек) и те же самые штаб- и обер-офицерские дети (8 человек). Таким образом, к концу XVIII в. среди населения Сибири обнаруживается более десятка фамилий, чьи представители принадлежали к армейской среде уже в третьем поколении. С военным делом потомственно связаны также двое офицеров, чьи отцы по происхождению относились к сибирскому казачеству: подпоручик Селенгинского полка Иван Вялов был сыном нарымского казака Афанасия Вялова, много лет прослужившего в гарнизонных частях Сибири и достигшего чина прапорщика, а подпоручик 20-го егерского полка Иван Куланов — сыном происходившего из тобольских казачьих детей Дениса Куланова, также ставшего прапорщиком Томского гарнизонного батальона¹⁸. Сыновья сумели достигнуть более высоких чинов, чем отцы.

У троих офицеров Томского полка отцы показывали себя выходцами из купечества, а отцом подпоручика 20-го егерского полка Алексея Козмина был егерский подпоручик Лукьян Козмин, взятый по рекрутскому набору из крестьян¹⁹. Ещё трое принадлежали к семействам, представлявшим груп-

¹⁵ Дмитриев А. В. Русская регулярная армия... С. 192–195.

¹⁶ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 1575, л. 12 об.—13, 27 об.—28.

¹⁷ Там же, д. 1603, л. 25 об.—26.

¹⁸ Там же, д. 1575, л. 27 об.—28; д. 1751, л. 54 об.—55. О службе их отцов см.: Там же, ф. 490, оп. 1, д. 302, л. 41 об.—42; оп. 5, д. 324, л. 521 об.—522; д. 508, л. 789 об.—790 (прапорщик Вялов); оп. 5, д. 324, л. 529 об.—530; д. 508, л. 793 об.—794 (прапорщик Куланов).

¹⁹ Там же, ф. 489, оп. 1, д. 1751, л. 55 об.—56. О Козмине-старшем см.: Там же, д. 1989, л. 33 об.—34.

пы служилого населения Сибири. Отец поручика Сибирского полка Василия Плотникова поступил на службу в гарнизонные части в середине века «из неверстаных детей боярских Тобольска», а отцы штабс-капитана Селенгинского полка Александра Евсевьева и поручика Томского полка Ивана Шатилова показывали себя выходцами из дворян. Правда, фамилия Евсевьевых относилась к сибирским дворянам, которые в XVIII в. не считались принадлежащими к «благородному шляхетству». Шатиловы же, судя по всему, утратили дворянское звание, поскольку дед Ивана Василий-старший, прибыв в Сибирь с Якутским гарнизонным пехотным полком ещё в 1725 г., происходил из дворян Переяславля-Рязанского. Его сын Василий-младший сохранял дворянское достоинство, а вот Ивана записали рядовым солдатом в состав Иркутской губернской роты уже как обер-офицерского сына²⁰.

Наконец, среди этих людей можно встретить и потомков лиц нерусского происхождения, с принятием «вечного российского подданства» изменивших социальный статус. Это можно определённо утверждать в отношении двоих офицеров: штабс-капитана Селенгинского полка Александра Гренинга и поручика Сибирского полка Петра Винклера. Первый — сын уроженца Пруссии Иоганна Гренинга, вероятно, военнопленного времён Семилетней войны, который, оказавшись в Сибири, сумел стать адъютантом в штабе генерал-майора К. фон Фрауендорфа, а потом продолжал службу в полевых подразделениях Сибирского корпуса²¹. Второй родился в семье саксонского дворянина Теодора фон Винклера, который, очевидно, жил в России с детства, поскольку прошёл обучение в Сухопутном кадетском корпусе, и с 18 лет всю жизнь провёл в армии, дослужившись до должности командира одного из полевых батальонов Сибирского корпуса. Поэтому Петра записали как штаб-офицерского сына с пометкой «саксонской нации из дворян»²². Этих людей можно причислять к потомственным военным «неблагородного» происхождения лишь с определённой долей условности.

Присмотримся внимательнее к нескольким представителям «офицерских династий», складывавшихся в Сибири на протяжении XVIII в., особенно к насчитывавшим уже три поколения. В 1740 г. 2-й ротой Сибирского гарнизонного драгунского полка командовал капитан Антон Поляков, попавший в ряды регулярной армии в начале XVIII в. По происхождению он принадлежал к служилым людям «старых служб», т.е. к группам приборного служилого населения, фактически ликвидированным в ходе петровских реформ²³. Он числился в формулярном списке полка как сын сотника «прежних служб» Исетского

²⁰ Там же, д. 2573, л. 66 об.—67; ф. 490, оп. 5, д. 324, л. 492 об.—493; д. 508, л. 832 об.—833 (Плотниковы); ф. 489, оп. 1, д. 1575, л. 14 об.—15; ф. 490, оп. 5, д. 494, л. 388 об.—389 (Евсевьевы); ф. 489, оп. 1, д. 1603, л. 21 об.—22; ф. 490, оп. 1, д. 321, л. 2 об.—3; оп. 5, д. 325, л. 218 об.—219 (Шатиловы). О сибирских дворянах см., например: *Громыко М.М.* К характеристике сибирского дворянства XVIII в. // *Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма)*. М., 1973. С. 350—363; *Акишин М.О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: организация и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003. С. 273—275, 343—348.

²¹ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 1575, л. 15 об.—16; ф. 490, оп. 3, д. 127, л. 405 об.—406.

²² Там же, ф. 489, оп. 1, д. 2573, л. 59 об.—60; д. 1985, л. 11 об.—12.

²³ Пути попадания представителей этих групп в ряды регулярной армии в петровскую эпоху проследил М.Д. Рабинович (*Рабинович М.Д.* Судьбы служилых людей «старых служб» и однодворцев в период формирования регулярной русской армии в начале XVIII столетия. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953).

острога одноимённой провинции Сибирской губ.²⁴ Его сына Николая Полякова записали на военную службу в 1740 г. в 14-летнем возрасте. Он сумел дослужиться до штаб-офицерского ранга — в 1784 г. командовал Семипалатинским гарнизонным линейным батальоном в чине секунд-майора²⁵. Младший брат Николая Семён, также избравший военное поприще, не добился особых успехов: в 1772 г., после четверти века службы в армии, он числился всего лишь «сверхкомплектным» прапорщиком Томского гарнизонного батальона, вероятно, имея проблемы с дисциплиной, поскольку «за пьянство и неучтивость перед командой был в аресте два раза»²⁶. Сын Николая Пётр Поляков, как и отец, сделал успешную карьеру. 16—17-летним юношей в чине подпрапорщика в одной из лёгких полевых команд (когорт) Сибирского корпуса в 1773—1774 гг. он принял участие в боевых действиях против отрядов Емельяна Пугачёва²⁷. При этом, правда, его записали по происхождению не штаб-, а обер-офицерским сыном, поскольку родился он до того, как его отец получил производство в чин прапорщика. Зато Пётр Поляков продвигался по служебной лестнице даже быстрее отца: Николая Полякова произвели в обер-офицеры по достижении 30-летия, а Пётр стал прапорщиком в 27 лет. В 1799 г. в возрасте чуть более 40 лет он был произведён в капитаны Томского полка.

Другим примером может служить семейство Сергеевых, выделившееся из многочисленного рода тобольских казаков. Василий Сергеев «тянул лямку» с 1703 г., когда в возрасте 16 лет попал в армию по рекрутскому набору. Ему пришлось четверть века ждать повышения в обер-офицеры (прапорщиком он стал в 1728 г.), зато его дальнейшая судьба складывалась благополучно. Через 20 лет, в 1748 г., его произвели в секунд-майоры Tobольского гарнизонного пехотного полка; служил он даже после достижения 60-летия²⁸. В 1732 г. у него родился сын Александр, в 15-летнем возрасте записанный на службу рядовым. Несмотря на, казалось бы, хорошую «стартовую позицию» штаб-офицерского сына, карьера Александра Сергеева не сложилась. Он быстро дослужился до поручика (в 1763 г., в возрасте 31 года), но дальше продвинуться не сумел. Причина тому — его многочисленные правонарушения и проступки. В 1770 г. Александр Сергеев учинял «шумства и обиды» копиисту Селенгинской воеводской канцелярии Березовскому, «выговаривал бранные слова, кои изъяснить не можно»; затем находился под следствием по поводу «недостающего числа экономического содержания денег» (т.е. средств, отпускаемых казной для экономических крестьян). Будучи в Селенгинске, он посылал находившегося на гауптвахте арестанта на выполнение «партикулярной» работы в пользу частного лица, а в 1779 г. незаконно добивался освобождения от постоянной повинности своих подчинённых, имевших дома в Кударинской крепости. Помимо прочего, он получил физическое увечье, потеряв глаз. В 1785 г. его сочли негодным к продвижению по службе, вынеся вердикт: «Как у него правого глаза совсем нет, то за тем и за битьем прежде в штрафе к повышению чина не устаивается»²⁹.

²⁴ РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 210, л. 39 об.—40.

²⁵ Там же, оп. 5, д. 494, л. 326 об.—327.

²⁶ Там же, д. 324, л. 524 об.—525. Состоящими «сверх комплекта» в русской армии XVIII в. считались офицеры, которые при зачислении в состав того или иного полка/батальона не могли рассчитывать на должность согласно своему чину ввиду занятости всех соответствующих вакансий.

²⁷ Там же, ф. 489, оп. 1, д. 1603, л. 15 об.—16.

²⁸ Там же, ф. 490, оп. 1, д. 22, л. 29 об.—30; д. 246, л. 118 об.—119; д. 335, л. 1 об.—2, 72 об.—73.

²⁹ Там же, оп. 5, д. 325, л. 218 об.—219; д. 510, л. 238 об.—240.

Наиболее многочисленной из офицерских династий стала семья сибирских дворян Андреевых. Уроженец Тобольска Григорий Андреев прослужил в сибирских гарнизонных частях более 20 лет, достиг капитанского чина, а в 1753 г., как записал в «Домовой летописи» его сын Иван, «отлучился в Москву для исходатайствования себе от службы увольнения» и перешёл на гражданскую службу, «получа отставку, с награждением чина коллежского ассесора, Иркутской губернии в город Илимск воеводою»³⁰. Старший брат Григория Иван не достиг особых успехов по службе, поскольку «по несчастию имел великую страсть пития, так что не было способа к воздержанию, сколько старания ни прилагает», и «будучи в Ширванском полку капралом, и как оный полк в 1751 г. взят был из Сибири в Россию, в городе Тюмени умер»³¹. Григорий Андреев, скончавшийся илимским воеводой в 1755 г., имел пятерых сыновей, все они пошли на военную службу³². По данным других источников известны трое старших: Александр, Иван и Флегонт, а о двоих младших, Анемподисте и Афиногене, из «Домовой летописи» следует, что в 1764 г. они были «определены в службу, из коих Анемподист, будучи в Ревельском драгунском полку прапорщиком, от чахотной болезни 1768 г. умре в крепости Омской; Афиноген, будучи уже в 1772 г., после расформирования полков в 10 легкой, полевой команде, и будучи во время бунта (восстания Пугачёва. — *А.Д.*) в походе, женившись в Тюмене... вышел в отставку, и потом в Тобольске в Нижнем Надворном суде по отставке поручиком»³³.

Александр Григорьевич Андреев, как и отец, дослужился до капитанского звания, однако по достижении 35 лет стал вести беспорядочную жизнь. Иван Григорьевич, повествуя о старшем брате, употреблял выражения «придерживался весьма невоздержных подгулок... начал весьма уклоняться в подгулки... будучи всегда в подгулках» (имея в виду, что Александр всё время пьянствовал). В Усть-Каменогорской крепости он поссорился с комендантом, а в 1781 г. избил до смерти собственного слугу и по завершении следствия застрелился³⁴. Флегонт служил сначала в гарнизонных, затем в полевых частях Сибирского корпуса, в 1787 г. был произведён в прапорщики, но вскоре, видимо, завершил военную карьеру. Его брат Иван упомянул, что в 1793 г. получил «письмо от брата Флегонта, что он в Енисейске при винном Каменском заводе вторым приставом»³⁵.

Сам Иван Григорьевич Андреев был человеком неординарным. Став военным инженером, он много лет прослужил на сибирских пограничных линиях, занимаясь топографическими работами и проектируя некоторые из возводимых на линиях укреплений. Имея склонность к литературному творчеству, помимо предназначенной для потомков «Домовой летописи», Иван Андреев стал автором историко-этнографического труда «Описание Средней орды киргиз-

³⁰ Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году. М., 1871. С. 5; РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 210, л. 2 об.—2а; д. 335, л. 4 об.—5, 72 об.—73. О карьере Г. Андреева см.: Акишин М.О. Российский абсолютизм... С. 196, 204.

³¹ Домовая летопись... С. 3.

³² Вторым из пяти сыновей как раз и был упомянутый Иван Андреев, автор «Домовой летописи».

³³ Там же. С. 10.

³⁴ Там же. С. 11; РГВИА, ф. 490, оп. 5, д. 324, л. 556 об.—557.

³⁵ Домовая летопись... С. 11; РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 1987, л. 333 об.—334; ф. 490, оп. 5, д. 494, л. 364 об.—365.

кайсаков»³⁶. Прослужив в армии без малого 40 лет, он в 1797 г. вышел в отставку в чине майора и в 1824 г. скончался в Семипалатинске в возрасте 80 лет³⁷. Иван Андреев, не являясь потомственным дворянином, тем не менее стал обладателем пяти «ревизских душ» с семьями, доставшихся ему по наследству от покойных родителей после раздела имущества, произведённого в Тобольске в 1783 г. Он сам повествовал об этом так: «Разделил с братьями Афиногеном и Флегонтом людей оставших отцовских и живших в деревне столько лет по смерти матери нашей с 1759 г.; не имев над собою смотра и не видя господ, при воспоследующей сего года ревизии, взбунтовав, многие подавали челобитные, называя себя вольными людьми, что было мне весьма трудно ходатайствовать»³⁸. Этих людей Иван Андреев отправил в Семипалатинскую крепость, после тянувшейся несколько лет переписки между Тобольским и Колыванским губернскими правлениями оформил их как своих дворовых на купленных землях, «где была прежде деревня государственных крестьян Ляпунова». Как он утверждал, «великаго сие мне стоило труда приводить распутных сих людей в порядок, кои еще мыслили иногда, что они вольные и будут еще моим коштом доставлены обратно в Тобольск; однако ж я, имев о сем великодушие, сносил все без роптания, а только приводил ко обзаводству, к хлебопашеству и трудам, кои несносны им казались»³⁹. Среди офицеров армейских частей в Сибири земле- и душевладение вообще было редким явлением⁴⁰.

Представителем третьего поколения семьи Андреевых стал сын Ивана Григорьевича Пётр, в конце XVIII в. подпоручик Селенгинского полка, родившийся в 1771 г.⁴¹ В 1789 г. его зачислили капралом в Иркутский драгунский полк, однако отец отвёз его к месту службы только в следующем 1790 г.: «Апреля 10 поехал я в крепость Устькаменогорскую и повез с собою сына Петра, определенного уже в полк Иркутский»⁴². Отец не оставлял сына заботой — в декабре 1800 г. он посылал ему некоторые вещи: «К 21 числу послано сыну Петру с капитаншей Ушаковой Прасковьей Гавриловной куртка синяя верверетовая на меху белом лапчатом мерлушкетом, обложена лисицами»⁴³. Кроме Петра у Ивана Григорьевича были ещё сыновья Павел и Александр (родились в 1784 и 1785 гг.), однако они не могли к рубежу XVIII–XIX вв. начать военную карьеру. Свою дочь Марию Иван Григорьевич в 1800 г. выдал замуж за капитана Петра Полякова⁴⁴. Вероятно, он давно знал отца последнего, майора Николая Полякова, поскольку упомянул, что в 1793 г. «9 апреля отдана во управление гарнизонная школа майору Полякову, коя у меня была с начала учреждения»⁴⁵. Таким образом, офицеры из числа потомственных военных даже для своих дочерей предпочитали искать супругов среди сослуживцев в армейской среде.

Можно привести ещё несколько примеров подобного рода. Капитан Страшников женился на «прапорщицъей дочери» из Бийска; супругой подпо-

³⁶ Андреев И. Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998. С. 24–118.

³⁷ Там же. С. 10; РГВИА, ф. 490, оп. 5, д. 324, л. 557 об.—558; д. 494, л. 335 об.—336.

³⁸ Домовая летопись... С. 31.

³⁹ Там же. С. 32.

⁴⁰ Аналогичные примеры см.: Акишин М. О. Российский абсолютизм... С. 363, 364.

⁴¹ Домовая летопись... С. 20.

⁴² Там же. С. 58.

⁴³ Там же. С. 112. Верверет (правильно: вельверет, от фр. *velverette*) — хлопчатобумажный бархат, вельвет. Мерлушка — шкура с ягнёнка грубошёрстной породы овец.

⁴⁴ Там же. С. 105–107.

⁴⁵ Там же. С. 65.

ручика Алексея Козмина была «Вера Яковлева дочь прапорщика Безносова»⁴⁶. Несколько человек из 20-го егерского полка, очевидно, обзавелись семьями до того, как сами достигли обер-офицерских рангов, поэтому и их супруги не принадлежали к офицерским семьям. Подпоручики Иван Куланов и Глеб Дарнин женились на солдатских дочерях, их сослуживец подпоручик Козьма Спицын — на дочери отставного капрала⁴⁷. Зато женой штабс-капитана Томского полка Петра Савельева стала «Катерина Михайлова дочь покойного секунд-майора»⁴⁸. Семьи, где оба супруга принадлежали к военной среде, не были редкостью в Сибири. И.Г. Андреев свидетельствовал, что в Омске в 1794 г. «Сибирского полку майор Скалон, Антон Антонович, женился на дочери коменданта Кеслера Каролине Христофоровне; венчаны за р. Омью в лагере, в палатке подполковника Дельпоца. Была опера “Разнощик” и изрядная гулянка»⁴⁹.

Наибольшими карьерными достижениями могла похвастать династия Воиновых. Тюменский сын боярский Егор Воинов попал в армию поздно, в возрасте почти 30 лет, когда в 1738 г. его зачислили в формирующийся в Сибири Новоучрежденный гарнизонный пехотный батальон. Через 10 лет он дослужился до чина прапорщика⁵⁰. Михаил Егорович Воинов родился в 1737 г., до 16-летнего возраста жил с матерью, а в 1753 г. поступил в гарнизонные войска рядовым солдатом. Последовательно пройдя все унтер- и обер-офицерские чины, в 1780-х гг. он стал уже секунд-майором и перешёл на службу в полевые части Сибирского корпуса⁵¹. Двое его сыновей служили в полевых полках Сибирской дивизии в чинах подпоручиков: старший, Степан, служил в 20-м егерском полку, младший, Иван — в Томском. Статус их определялся по-разному. Степан родился до получения Михаилом Егоровичем штаб-офицерского чина и был записан «из обер-офицерских детей». Иван, родившись на 11 лет позднее, числился «из штаб-офицерских детей». Хотя оба они начали службу рядовыми, но продвигались по служебной лестнице разными темпами. Степан Воинов сначала состоял во 2-м Тобольском гарнизонном пехотном батальоне и только с 1787 г. поступил во 2-й егерский полевой батальон, чин же подпоручика получил лишь в 1798 г. Иван же сразу попал в полевые войска, с 1793 г. проходя службу в Екатеринбургском пехотном батальоне, откуда его перевели в Томский полк. Там он быстро стал прапорщиком (1798), затем подпоручиком (1799)⁵². Можно предположить, что отец, устраивая карьеру младшего сына, располагал большими возможностями: как раз в начале 1780-х гг., когда Степан

⁴⁶ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 1575, л. 12 об.—13; д. 1751, л. 55 об.—56.

⁴⁷ Там же, д. 1751, л. 54 об.—56.

⁴⁸ Там же, д. 1603, л. 17 об.—18.

⁴⁹ Домовая летопись... С. 69. А.А. Скалон, сын бывшего командующего Сибирским корпусом А.Д. Скалона, принадлежал к роду французских дворян-гугенотов, перебравшихся в Россию в начале XVIII в., дослужился до генеральского чина и погиб в сражении под Смоленском 5 августа 1812 г. (*Каменецкий И.П.* Генералы Скалоны в России (1735—1812 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 4. С. 41—45). Х.С. Кеслер, уроженец Бранденбурга, уже в молодости, в 1744 г., попал в Сибирь с Луцким драгунским полком, занимал должность коменданта в Омске, стал кавалером орденов Св. Георгия 4-го класса и Св. Владимира 4-й степени (РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 6211, л. 892 об.—893; ф. 490, оп. 1, д. 427, л. 148 об.—149; д. 492, л. 144 об.—145; оп. 3, д. 83, л. 173 об.—174; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1794. СПб., 1794. С. 343).

⁵⁰ РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 242, л. 46 об.—47; д. 302, л. 22 об.—23; д. 335, л. 118 об.—119.

⁵¹ Там же, ф. 489, оп. 1, д. 1292, л. 41 об.—41а; ф. 490, оп. 5, д. 325, л. 211 об.—212; д. 510, л. 230 об.—231.

⁵² Там же, ф. 489, оп. 1, д. 1751, л. 54 об.—55; д. 1603, д. 1603, л. 26 об.—27.

начинал служить в Тобольске, Михаила Егоровича определили на должность товарища воеводы Якутской провинции⁵³. Находясь там, он не мог покровительствовать старшему сыну.

Впрочем, отнюдь не всегда отцы штаб- и обер-офицерских детей до конца жизни оставались на военной службе. Известны по крайней мере два случая, когда такие офицеры переходили на те или иные должности в аппарате гражданского управления Сибири. Отец поручика Томского полка Ивана Шатилова Василий, долгое время служивший в гарнизонных подразделениях Забайкалья, в 1786 г. числился председателем 2-го департамента Иркутского губернского магистрата с чином надворного советника⁵⁴. Николай Гаврилович Евсеев, отец штабс-капитана Селенгинского полка Александра Евсеева, в молодости побывал на кавказском театре русско-турецкой войны 1768–1774 гг. обер-офицером полевого пехотного полка, выведенного из Сибири к концу 1760-х гг.: «Был в походе в Грузии, Имеретии и Мингрелии, при взятии Кутаиси, при штурме около крепости Потти ретраншемента, занятии форштадта и осаде той крепости». Затем он вернулся в Сибирь, принимал участие в боевых действиях против Пугачёва («был в Тобольской и Оренбургской губерниях во время внутреннего замешательства»), в 1776 г. его произвели в секунд-майоры, а в первой половине 1780-х гг. он занимал должность коменданта Железенской крепости на Иртышской линии. На последней должности он «отличился» множеством неблагопристойных поступков. Его обвиняли в применении насилия к крепостному провиант-комиссару Клепикову: «Браня его, Клепикова, подлой бранью, срывал с него шпагу своими руками, в навязывании на шею ему веревки, вставлении в рот кляпа и в привязывании оного на бастионе к пушке». Комендант использовал труд ссыльных колодников и подчинённых ему солдат для постройки собственных хутора и кожевенного завода, в канцелярской отчётности путал данные относительно объёмов перевозимого провианта и уплаченных за это денег. Сначала Евсеев отделялся штрафами, но впоследствии его начальник, бригадир и омский комендант А. Клавер сделал ему «наикрепчайший выговор с подтверждением, чтобы он впредь от того воздержался»⁵⁵. Вероятно, поэтому Николая Евсеева перестали повышать в чинах, и он предпочёл перейти на гражданскую службу. В 1796 г. он состоял городничим в Енисейске, хотя и сохранил армейский чин секунд-майора⁵⁶. Репутация отца не помешала его сыну: Александр Евсеев начал службу в 17 лет с чина подпрапорщика в Семипалатинском полевом батальоне и всего через девять лет дослужился до штабс-капитана.

Подобные офицерские династии можно проследить и далее, однако приведённого материала, думается, достаточно. Правда, всего через несколько лет, в 1808–1810 гг., все полевые части русской армии вывели из Сибири,

⁵³ Месяцеслов... 1782. СПб., 1782. С. 451; Месяцеслов... 1783. СПб., 1783. С. 465.

⁵⁴ Месяцеслов... 1786. СПб., 1786. С. 327.

⁵⁵ РГВИА, ф. 490, оп. 5, д. 494, л. 388 об.–389.

⁵⁶ Месяцеслов... 1796. СПб., 1796. С. 374. Он владел полутора десятками дворовых людей (*Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. (Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск, 1985. С. 237, 238 (фамилия указана неверно: Евсеев). О практике перехода представителей фамилий сибирских дворян, к которым принадлежали Евсеевы, с военной службы к «статским делам» во второй половине XVIII в. упоминал А. Р. Ивонин (*Ивонин А. Р.* Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX в. Барнаул, 1996. С. 34–35).

и процесс дальнейшего складывания и существования потомственных семей офицеров оказался оборван на втором или третьем поколении. Однако можно предположить, что обращение к данным списков личного состава гарнизонных войск в Сибири позволит выявить даже большее количество феноменов, аналогичных уже изученным по спискам полевых частей. Гарнизонные части продолжили службу в Сибири и в XIX в., хотя с 1816 г. их исключили из организационной структуры регулярной армии и перевели в статус подразделений внутренней стражи⁵⁷.

Исходя из собранных и проанализированных данных, можно как минимум скорректировать определение «военного сословия», используемое Б.Н. Мироновым для большей части имперского периода российской истории, с первой четверти XVIII до середины XIX в. Говоря о «военном сословии» и относя его представителей к разночинцам, учёный фактически смешивает друг с другом лиц, занимавших различное положение как в рядах регулярной армии, так и в социальной системе страны — офицеров, представлявших целые потомственные династии, и рядовых военнослужащих, которые уже с конца XVIII в. могли покидать армию по истечении 25-летнего срока. Миронов признаёт, что «в составе офицерского корпуса много было выходцев из недворян... Широко практиковалось производство в офицеры из нижних воинских чинов недворянского происхождения»⁵⁸. Это заставляет усомниться в правомерности объединения офицеров, тем более потомственных, и рядовых солдат в рамках одного общего термина «военное сословие».

Некоторые современные исследователи предпочитают понимать под «военным сословием» не офицеров, а солдат. Они полагают, что «военное сословие» «с точки зрения межсословной мобильности было открытым на входе, но закрытым на выходе», считают возможным говорить о том, что «в оценках российской и зарубежной историографии военное сословие являлось особым социальным институтом, с присущими только ему групповыми интересами, настроениями, правовым статусом и социальным поведением»⁵⁹. Проследив судьбы отставных военных, они оперируют данными исключительно по рядовому составу, но не по офицерскому корпусу⁶⁰. Подобный подход выглядит более логичным, нежели механическое объединение в рамках одной социальной группы почти всех лиц, находившихся на военной службе в составе частей регулярной армии Российской империи.

При анализе социальной динамики безусловно должны учитываться особенности, характерные для регионов Российской империи на всём протяжении её существования. Армейские офицеры из числа штаб- и обер-офицерских детей на территории Сибири представляли собой определённую социальную группу⁶¹. Некоторые из них получали возможность обзаводиться земельными

⁵⁷ Кузнецов М.Ю. Местные войска в Восточной Сибири (1864–1918 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2020. С. 30–31.

⁵⁸ Миронов Б.Н. Российская империя... Т. 1. С. 448, 449.

⁵⁹ Киселёв А.С., Щербинин П.П. Историко-правовые аспекты формирования военного сословия в XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 8(148). С. 146, 148.

⁶⁰ Щербинина Ю.В., Невзоров Е.Ю. Демографическое поведение и семейная жизнь военных ветеранов в Российской империи в XVIII–XIX вв. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 24. 2019. Вып. 178. С. 121–127.

⁶¹ С.В. Волков даже определяет таких людей как «особое сословие», тем самым чётко отделяя их от рядового состава армии (Волков С.В. Русский офицерский корпус. С. 39).

владениями и дворовыми людьми, официально не имея дворянских титулов. Это позволяет поставить вопрос: можно ли рассматривать достижение обер- и штаб-офицерских чинов лицами недворянского происхождения как один из факторов социальной мобильности в имперском социуме XVIII–XIX вв. в целом и в Сибири в частности? Для ответа на него необходимы исследования на материалах других регионов. Только после выяснения во всех подробностях социального происхождения и карьерных достижений людей, связанных на протяжении нескольких поколений с армейской средой, возможны обоснованные выводы о положении этих офицеров в социальной системе России на протяжении большей части XVIII – первой половины XIX в.

Служба и быт казаков Исетской провинции в период перехода от крестьянской к казачьей жизни (1737–1740-е гг.)

Андрей Конюченко

**Service and life of the Cossacks of the Iset province
during the transition from peasant to cossack life (1737–1740s)**

*Andrey Konyuchenko
(Chelyabinsk State University, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X24020072, EDN: HISANK

Начало деятельности Оренбургской экспедиции (1734–1744 гг., с 1737 г. – Оренбургская комиссия) вызвало крупные геополитические перемены на Южном Урале и привело к масштабному башкирскому восстанию 1735–1740 гг. В связи с этим на башкирских территориях были построены русские крепости – опорные пункты на пути следования обозов к строящемуся Оренбургу. Ещё до восстания в 1734 г. заложили Верхнеяицкую пристань, в 1736 г. Чебаркульскую, Миасскую, Челябинскую, в 1737 – Еткульскую крепости. В них поселили крестьян, ставших казаками. 14 июля 1737 г. на совещании («генеральном совете») в Мензелинске с участием тайного советника В.Н. Татищева, генерал-майора Л.Я. Соймонова, уфимского воеводы С.В. Шемякина, полковников И. Бардакевича и А. Тевкелева «с прочими штаб-офицерами» для повышения эффективности управления территориями, охваченными башкирским восстанием, было решено «за Уралом новую Исетьскую провинцию учредить»¹. 13 августа 1737 г. из кабинета императрицы Анны Иоанновны поступило сообщение в Сенат об учреждении Исетской провинции с местом пребывания воеводы в Чебаркульской крепости. В её состав включались Исетский, Окуневский и Шадринский уезды. Впоследствии административный центр перенесли в Теченскую слободу². По сенатскому указу 22 сентября 1743 г. административным центром провинции стала Челябинская крепость, где решено было устраивать ярмарку – «определено по способности к торгам». Воеводой Исетской провинции назначили подполковника Оренбургского полка Петра Бахметева, его товарищем – капитана Никиту Агарёва, секретарём – канцеляриста Михаила Черемисинова³.

По мнению начальника Оренбургской экспедиции, а впоследствии первого оренбургского губернатора И.И. Неплюева, Челябинск подходил на роль административного центра более других мест по причине равной удалённости от русских и башкирских населённых пунктов. Обосновывая перенесение центра управления, Неплюев писал: «Что касается до провинциального правления,

© 2024 г. А.И. Конюченко

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-20154.

¹ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001. С. 80–81.

² ПСЗ-И. Т. 10. № 7347. С. 242, 244; Дегтярёв И.В. Основание крепости // Челябинск в разных измерениях. Челябинск, 1986. С. 59.

³ ПСЗ-И. Т. 11. № 8783. С. 896–897.

то оному определено ныне быть в Челябинской крепости... для того, что помянутая крепость жилым всем довольнее и просторнее, и как к Башкирии, так и к русским жилам способнее»⁴. Действительно, перепись населения крепостей, проведённая в декабре 1739 — апреле 1740 г., показала, что в Челябинской крепости вчерашних крестьян, записанных в казаки, оказалось больше, чем в остальных. Здесь были зафиксированы 184 семьи (1 061 человек), в Миасской — 64 (284), в Чебаркульской — 51 (261), в Еткульской — 44 (226 человек)⁵. В делопроизводственной документации 1740-х гг. Челябинская крепость стала именоваться городом.

Краткий анализ данных переписи крепостей Исетской провинции 1739—1740 гг. впервые представил Н.В. Устюгов⁶. Некоторые его выводы подверг критике челябинский краевед И.В. Дегтярёв, положивший начало более обстоятельному изучению субрегиональной истории восточной части Южного Урала⁷. Материалы переписи населения Челябинской крепости проанализировал челябинский историк и краевед В.С. Боже⁸. Адаптацией материалов переписей Челябинской, Чебаркульской, Миасской, Еткульской крепостей, выявленных и собранных Дегтярёвым, занимался челябинский краевед В.В. Поздеев⁹. На его работы впоследствии опирался Г.Х. Самигулов¹⁰. Экстраполяцию материалов переписи Челябинской крепости на конец XX в. предпринял журналист М.С. Фонотов¹¹; отдельные аспекты материалов переписи Челябинской крепости рассматривались автором настоящей статьи¹².

⁴ Дегтярёв И.В. Основание крепости. С. 59.

⁵ Дегтярёв И.В. Из истории заселения местности по среднему течению реки Миасс (начальный период) // Краеведческие записки. Вып. II. Челябинск, 1969. С. 16—17.

⁶ Устюгов Н.В. Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII веке // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958. Таллин, 1959. С. 33—42.

⁷ Дегтярёв И.В. Из истории заселения... С. 13—25; Дегтярёв И.В. Наш район по материалам переписи 1719 г. // Колхозная жизнь (Бродокалмак). 1959. 9, 14 апреля; Дегтярёв И.В., Егоров В.К. Как была построена Миасская крепость // Доклады к научно-краеведческой конференции в Красноармейском районе Челябинской области. Миасское; Челябинск, 1966. С. 51—54; Дегтярёв И.В. Русская Теча — самое старинное селение в нашей области // Маяк (Миасское). 1967. 13 мая; Дегтярёв И.В. Из истории возникновения Челябинска (обстоятельства построения Челябинской крепости) // Родной край и школа. Челябинск, 1973. С. 102—111; Переписная книга населения Челябинской крепости 1740 года // Дегтярёв И.В. Челябинская старина. Сборник статей и материалов по истории Челябинска раннего периода (30-е годы XVIII — середина XIX века). Челябинск, 1996.

⁸ Боже В.С. Кто населял Челябинскую крепость // Челябинский рабочий. 1987. 18 августа.

⁹ Поздеев В.В. Первопоселенцы Челябинской области // Союзная мысль. 2011. 25 сентября. № 53(288) (URL: http://samlib.ru/s/shetkova_o_a/mojaelektronnajagazeta-6.shtml (дата обращения: 17.07.2020)).

¹⁰ Книги переписные Исетской провинции // Самигулов Г.Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости. Чебаркуль; Челябинск, 2011. С. 179—269.

¹¹ Фонотов М.С. Первые граждане // Врата Рифея. М., 1996. С. 103—105.

¹² Конюченко А.И. Социальный состав и малая родина первопоселенцев Челябинской крепости (по материалам переписи 1739—1740 годов) // Новый исторический вестник. 2022. № 3(73). С. 6—29; Зауральские пути в Челябинскую крепость // Архив в социуме — социум в архиве. Материалы Пятой всероссийской научно-практической конференции. Челябинск, 2022. С. 250—254; Причины переселения крестьян, оказавшихся по своей и Божьей воле в Челябинской крепости // Гороховские чтения. Материалы Тринадцатой региональной музейной конференции. Челябинск, 2022. С. 216—228; Русский казачий город Ч (культурные характеристики XVIII в.) // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью. Сборник материалов V международной конференции. Челябинск, 2022. С. 87—94.

Относительно казаков Исетской провинции в дореволюционной историографии бытовало мнение, что те ведут начало от казаков Ермака. Первый историк Оренбургского казачьего войска полковник П.И. Авдеев считал, что исетские казаки назывались по месту жительства в Исетской провинции, но ошибочно связывал их появление с основанием Челябинской крепости (указывая неправильную дату её основания — 1658 г. вместо 1736-го) и пришёл к выводу: «Нет сомнения, что исетские казаки происхождением своим обязаны той знаменитой в русской истории донской вольнице, которая с Ермаком покорила Сибирь и образовала сибирских казаков»¹³. Основываясь на высказывании писателя И.И. Завалишина, считавшего, что первые русские жители Сибири были потомками казаков, «пришедших с Ермаком с Дону и Яика и оставшихся в Берёзове, Сургуте, Тобольске, Таре, Туринске и Пелыме»¹⁴, войсковой старшина Ф.М. Стариков распространил эту мысль: казаки «получили свои названия от местностей, где они основались, например: в Берёзовске стали называться берёзовскими, в Сургуте — сургутскими, на реке Исети — исетскими и т.п.»¹⁵. Ему вторили и другие исследователи: «В Исетской провинции издавна стали селиться и русские. Первыми поселенцами из русских здесь были исетские казаки, произошедшие от Донских, находившихся в отряде Ермака Тимофеевича»¹⁶; «Первыми поселенцами провинции были казаки из дружины Ермака и, поселившись на р. Исеть, назывались исетскими казаками»¹⁷. Эти авторы, вероятно, не были знакомы с указанием непосредственного участника событий, главного начальника Оренбургского края Неплюева: «По всей той линии регулярных команд нигде не было, кроме беглых крестьян, названных казаками, в некоторых местах населённых»¹⁸. Следовательно, на данной территории казаками стали крестьяне, которым государство изменило их социальный статус.

В советской историографии казачья тема глубокого развития не получила, хотя выходили работы, посвящённые региональной казачьей истории¹⁹. В постсоветский период изучение истории Оренбургского казачьего войска и исетского казачества продолжилось²⁰. В.Д. Пузанов отметил, что советские историки некритично восприняли положения дореволюционных авторов в отношении

¹³ Авдеев П.И. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная советником войскового хозяйственного правления полковником Авдеевым. 1873. Оренбург, 1904. С. 10–11.

¹⁴ Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. В 3 т. Т. 1. М., 1862. С. 277.

¹⁵ Откуда взялись казаки? Исторический очерк / Сост. Ф.М. Стариков. Оренбург, 1884. С. 84.

¹⁶ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 2. Казань, 1891. С. 451.

¹⁷ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. VII. Оренбург, 1906. С. 55.

¹⁸ Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773). Новое полное издание с примечаниями. СПб., 1893. С. 135.

¹⁹ Машин М.Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976.

²⁰ Кобзов В.С. Военно-административная структура Оренбургского казачьего войска в XVIII — первой половине XIX в. Челябинск, 1996; Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трёх веках. Челябинск, 1999; Абрамовский А.П., Кобзов В.С., Кузнецов В.А. Сквозь призму веков. Из прошлого оренбургского казачества. Челябинск, 2002; Поздеев В.В. Исетские казаки. (К вопросу о времени возникновения термина) // Челябинск неизвестный. Вып. 1. Челябинск, 1996. С. 177–184; Пузанов В.Д. Исетское казачество в XVIII в. // Пермский регион: история, современность, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. Березники, 2001. С. 134–139.

последних, исследовав истоки и формирование категории беломестных казаков²¹. В статье краеведа В.В. Поздеева говорится, что «вопрос о происхождении исетского казачества остается дискуссионным»²²; архивист А.И. Потерпеева предприняла попытку реконструировать уклад жизни челябинских жителей с момента основания крепости до 1781 г. и охарактеризовать нравы населения²³. Историк В.А. Кузнецов обратил внимание на предысторию оренбургского казачества: источники его формирования, планы и действия первого начальника Оренбургской экспедиции И.К. Кириллова, показал соотношение армейских и казачьих формирований в крепостях²⁴. Г.Х. Самигулов указал на заблуждения относительно происхождения термина «исетские казаки» и установил личность их первого атамана. Как отметил автор, казаки старых слобод, находившихся на Исети, в состав войска не входили и не назывались исетскими²⁵. А.Г. Любимов рассмотрел некоторые наиболее важные эпизоды жизни южноуральских казаков Исетской провинции: события служебно-бытовой стороны, церковной жизни, руководящий состав²⁶. Делопроизводственную документацию, исходящую из Исетской провинциальной канцелярии, как лингвистический материал исследовали филологи²⁷.

После строительства крепостей и записи в них крестьян, повёрстанных в казаки, происходила дополнительная комплектация состава иррегулярных войск — казаков крепостей Исетской провинции. Источником пополнения казачьих гарнизонов служили крестьяне, оторвавшиеся от общин и оказавшиеся вдалеке от дома, в зоне фронта. Такие люди в делопроизводственной документации назывались «шатающимися праздно беглыми крестьянами» и другими «чинами разных губерний», которые были «положены и не положены в подушной оклад». Их в соответствии с указом императрицы отсылали в новые крепости²⁸. В марте 1740 г., например, в Миасскую крепость направили пять человек в возрасте от 56 до 70 лет; лишь один из них имел семью. Малой родиной прибывших были деревни в окрестностях Шенкурска, Хлынова и Вологды. По прибытии в Миасскую крепость им полагалось отвести места под

²¹ Пузанов В.Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI — начало XIX в.) Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1999. С. 13; Пузанов В.Д. В.Н. Татищев и проблема беломестных казаков // Шестые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2006. С. 46–51.

²² Поздеев В.В. Исетское казачество // Челябинская область. Энциклопедия. Т. 2. Челябинск, 2004. С. 614, 615.

²³ Потерпеева А.И. Уклад жизни, нравы и занятия жителей Челябинской крепости // Исторические чтения. Вып. 7–8. Челябинск, 2004. С. 154–164.

²⁴ Кузнецов В.А. Казачество в истории Челябинска и Южного Урала в XVIII в. // Гороховские чтения. Материалы Третьей региональной музейной конференции. Челябинск, 2012. С. 136–142.

²⁵ Самигулов Г.Х. Развенчивая мифы истории. Откуда на самом деле пошли исетские казаки // Южноуральская панорама. 2015. 10 марта; Самигулов Г.Х. Мужицкий атаман // Южноуральская панорама. 2011. 27 октября.

²⁶ Любимов А.Г. Миасская крепость (станция). XVIII век (о некоторых событиях) // Гороховские чтения. Материалы Седьмой региональной музейной конференции. Челябинск, 2016. С. 165–172; Любимов А.Г. Из истории Еткульской станицы. Некоторые эпизоды местной жизни. XVIII век // Гороховские чтения... С. 173–179; Любимов А.Г. Об атаманах и старейшинах исетских казаков (1740–1780 годы) // Гороховские чтения. Материалы Двенадцатой региональной музейной конференции. Челябинск, 2021. С. 185–192.

²⁷ Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. II. Материалы к истории языка деловой письменности XVIII в. Челябинск, 2001.

²⁸ Объединённый государственный архив Челябинской области (далее — ОГА ЧО), ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 7.

строительство дворов и «содержать их тамо особливо, не счисляя с протчими казаками». Следовало также «репорты о них присылать особливые ж... и никуда их без указа из крепости не отпускать, и во отпуск пашпортов не давать, и смотреть того, дабы оне не разбежались»²⁹.

Не следует, однако, думать, что все новые казаки Исетской провинции находились под неусыпным контролем. 20 января 1742 г. в Исетскую провинциальную канцелярию явился Алексей Семёнов сын Романов, сказавший о себе, «что он родом Архангелогородской губернии города Тотмы волости Вотчи деревни Великого двора дворцовой крестьянин, от роду ему дватцать пять лет». В 1737 г. он записался в казаки в Миасскую крепость вместе с отцом и братом и «был де отпущен на прежнее жилище с пропускным писмом для взятъя жены своей, которую де оттуда и привез ныне с собою»³⁰. В материалах переписи Миасской крепости действительно значились жители: «Афонасей Романов двадцати лет. У него отец Семен восьмидесяти лет. Родом они Тотменской губернии волости Вотчи, государственной, а не помещичей крестьянин»³¹. Алексей Романов отсутствовал на Южном Урале около четырёх лет; по возвращении его отправили в Миасскую крепость с указанием воеводы Исетской провинции П. Бахметева: «И под дворовую селидбу, и под пашню места, и сенные луга отвесть ему против протчих казаков»³². Судя по переписи населения Миасской крепости, Романовы были не единственными выходцами из окрестностей Тотмы³³. В переписной книге Миасской крепости этот топоним упоминается 15 раз. Администрация Исетской провинции удовлетворяла ходатайства о переводе казаков из одной крепости в другую. В 1749 г. казаку Чебаркульской крепости Максиму Кадышеву разрешили перевестись в Миасскую крепость к братьям, «для того что де жил в Чебаркульской крепости один, а во оной Миасской крепости в казаках находятца братья ево родные». Кадышева перевели к ним «для наилутчаго казачьего домового обзаведения»³⁴.

Пополнение южноуральских крепостей происходило на фоне сенатского указа от 2 августа 1742 г., согласно которому следовало «смотреть, чтоб ни под каким видом беглых из российских городов людей, и крестьян, и беглых же драгун, солдат, матросов, и других служилых людей в Донские казачьи городки не принимали»³⁵. В отношении же крестьян, оказавшихся на территории Исетской провинции, Сенат в 1744 г. принял другое решение: «Которые ж беглые записаны в новопостроенных по линии к Оренбургу крепостях в казаки, и тамо уже обселились, и действительно службы служат, тех всех... оттуда не высылать, а быть им, как оные ныне есть, в казаках». В дальнейшем же брать таких людей запрещалось: «Чтоб впредь беглых отнюдь не принимали и не записывали б, а отсылали б таких на прежнее жилище в немедленном времени». Эта норма повторена в 1803 г. в докладе Военной коллегии об устройстве и штате Оренбургского казачьего войска³⁶.

²⁹ Там же, л. 7–7 об.

³⁰ Там же, л. 71.

³¹ Поздеев В.В. Первопоселенцы Челябинской области.

³² ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 71–71 об.

³³ Поздеев В.В. Первопоселенцы Челябинской области.

³⁴ ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 833–833 об.

³⁵ ПСЗ-1. Т. 11. № 8889. С. 632.

³⁶ Там же. Т. 12. № 9006. С. 186; Т. 27. № 20785. С. 641.

Об основных обязанностях казаков, их бытовом укладе можно составить представление на основании инструкции, направленной в Миасскую крепость 19 ноября 1744 г. воеводой Исетской провинции подполковником Бахметевым и капитаном Кастыриным. По сути, это инструкция, направленная в Миасскую крепость³⁷. Аналогичных документов, адресованных в другие крепости, не выявлено, но, надо полагать, они существовали. Для внутреннего управления казаки выбирали из своей среды писарей, старшин и атаманов, а также назначали к производству в войсковые чины хорунжего, сотника, есаула. Указом Оренбургской комиссии от 3 июня 1742 г. предусматривалось в крепостях иметь по одному сотнику, пятидесятнику, хорунжему и по 50 рядовых казаков³⁸.

По проекту оренбургского губернатора Неплюева в Исетской провинции должно было находиться 1 380 казаков³⁹. Для рассмотрения штата при Военной коллегии создали специальную комиссию, и 22 июля 1748 г. губернатор получил требуемое штатное расписание (см. табл.).

Таблица

**Штатное расписание казаков крепостей Исетской провинции
в 1748 г.**

	Челябинская	Миасская	Чебаркульская	Еткульская	Уйская	Укль- Карагайская
Общее количество казаков	400	200	300	350	80	50
Атаманов	1	1	1	1	1	1
Есаулов	1	1	1	1	1 есаул или сотник	1 есаул или хорунжий
Сотников	4	2	3	1		
Хорунжих	4	2	3	3		
Писарей	1	1	1	1	1	1

Составлено по: Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. VII. Оренбург, 1906. С. 84.

Всего в иррегулярных войсках Оренбургской губ. числилось 4493 человек, в том числе в Исетской провинции — 1 380, Уфимской — 1 250, в Ставропольском ведомстве — 250, Оренбургском — 800, Оренбурге и Берде — 813 человек⁴⁰.

³⁷ ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 347 об., 348, 352, 352 об.

³⁸ *Старилов Ф.М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамён и карты. Оренбург, 1891. С. 70; Материалы по историко-статистическому описанию... С. 63.

³⁹ Материалы по историко-статистическому описанию... С. 79.

⁴⁰ Там же. С. 80–84.

В Исетской провинции, таким образом, располагалась примерно треть казачьих войск Оренбургской губ. Все они значились по штату «безжалованными».

В силу возраста и отсутствия боевого опыта часть казаков Исетской провинции не могли проходить действительную службу. Исетская канцелярия обращала внимание, что некоторые «есть престарелые, а другие хотя и молоды, но к военным случаям не за обыкновения, ибо многие населились из непограничных мест, кои не то чтоб в партиях, и при боях против неприятелей бывали, но и ружья в руках у них не бывало»⁴¹.

Военная коллегия в 1738 г. предписывала в отношении крестьян, поступающих в рекруты, «воинской экзерциции обучать ружьем, а где ружья нет, то хотя деревом». Воевода Бахметев распорядился дважды в год — летом и зимой — наставлять их в стрельбе и кавалерийском искусстве: «обучать казачей экзерциции, чтоб исправно умели владеть лошадью, зарезать ружье, стрелять в цель». Для тренировок в стрельбе во всех крепостях атаману исетских казаков Севастьянову выдали необходимое для занятий количество свинца и пороха⁴².

Необходимость тренировок и учений обуславливалась ещё свежими воспоминаниями о башкирском восстании. В феврале 1738 г. башкиры «приходили всем собранием к крепости Чебаркульской и ко оной приступали», нападали на крестьян, ехавших в Чебаркульскую крепость «да ранили из луков дву человек да одну лошадь». 1 апреля того же года на 20 казаков «кои ездили из Чебаркульской крепости для рубки лесу на домовое строение, в бору напали воры башкирцы десять человек, и отбили у них семь лошадей, да ранили четырех казаков». Подобные случаи не были единичны⁴³. 10 апреля на 59 солдат и казаков, отправленных из крепости «для дранья моху к строению казенного дому... напали воры башкирцы более ста человек, и с оными был бой, и притом побито из воров три человека». 12 апреля на 45 солдат и казаков, «командированных из Чебаркульской крепости в бор для добычи лесу... напали воры башкирцы немалым собранием и учинили бой, на коем побито ворами казаков четыре, ранен один, в полон взято два человека, да отбито шесть лошадей, и несколько ружей, и протчего». Обстановка на Южном Урале оставалась нестабильной и после подавления башкирского восстания 1735–1740 гг.: теперь на первый план вышла проблема набегов казахов. В 1743 г. им удалось захватить в плен группу черкас, «кои тогда при Илецком городке у жнитвы хлеба находились, мужескаго и женскаго полу, и с ребятами, всего восемьдесят два человека, а с захваченными в других местах — до ста человек»⁴⁴. Казаки Исетской провинции в подавляющем большинстве прежде были крестьянами, но, в отличие от большинства сельских жителей России, имели некоторый боевой опыт, полученный в основном в ходе событий 1735–1740 гг.

Каждому казаку полагалось иметь годную к службе лошадь, а также конскую верховую, санную и тележную сбрую, поскольку лошадей использовали не только для верховой езды, но и впрягали в телеги летом и в сани зимой. Цены на лошадей, судя по данным об их купле-продаже в Миасской крепости в 1747 г., колебались в основном от 2 до 3 руб. Их не только покупали, но и обменивали. В Кургане в 1748 г. в драгунские полки лошадей приобретали за 6–10 руб. Главным участником сделок в Миасской крепости, зафиксированных

⁴¹ Лингвистическое краеведение... Ч. II. С. 55.

⁴² ПСЗ-1. Т. 10. № 7659. С. 618; ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 344.

⁴³ Самисулов Г.Х. От Далматова монастыря... С. 158, 159.

⁴⁴ Рычков П.И. История Оренбургская... С. 170.

в сохранившихся документах, был крестьянин Пышменской заимки Верхотурского ведомства Иван Суклемов, продававший «перекупных» и выращенных лошадей и меринов⁴⁵. Инструкция воеводы Исетской провинции предписывала обратить особое внимание на охрану лошадей: «В летняя времена надлежит беречь конския табуны, чтоб какие воровские люди, тайно подкравшись, отгонить оных не могли». Надлежало иметь необходимое количество охраны и по ночам объезжать табун. Проверка надёжности охраны возлагалась на старшину и сотников крепости с несколькими казаками⁴⁶.

В начале деятельности Оренбургской экспедиции ощущался острый недостаток конского корма. Командир Сибирского драгунского полка И.С. Арсеньев доносил В.Н. Татищеву 18 января 1736 г.: «В той Течинской слободе овса и сена не иметца, а надлежало бы в той слободе губернии заблаговременно заготовить овса и сена с удовольствием»⁴⁷. В инструкции воеводы П. Бахметева этому вопросу посвящён отдельный параграф. С казаков взяли расписки, что они будут заготавливать сено для провиантских обозов, следующих на Верхне-йицкую пристань. Атаману Миасской крепости Бахметев предписывал: «И тебе подтверждается по вся лета велеть им, казакам, сена к зиме заготавливать з довольством». Сено следовало хранить в одном месте, чтобы избавить подводчиков от хождения по дворам в его поисках⁴⁸. Проблемы с заготовкой корма для лошадей приводили к падежу скота и в более позднее время. В 1786 г. у исетских казаков лошади гибли от бескормицы во время похода, а в Верхне-уральске «от большого снега и холодной погоды, так как были изнурены зимой вследствие бескормицы»⁴⁹.

Казацкие караулы должны были состоять из четырёх человек во главе с «нароचितым» казаком и ходить дозором трижды за ночь. Казаков обязали также следить за исправностью крепостных укреплений: «Город, и надолбы, и рогатки чтоб во всем были исправны, а где обветшает, велеть немедленно казаками починивать, ибо оное для собственной их безопасности служит»⁵⁰. Согласно плану начала 1740-х гг., Миасская крепость представляла собой четырёхугольник 38 на 40 саженей (80,94 на 85,2 м) земляного вала с фасадами по углам. С наружной стороны находились рвы, с восточной, западной и северной — рогатки⁵¹. Челябинская крепость, по замечанию И.Г. Гмелина, была «похожа на Миасскую, но побольше и окружена только деревянными стенами из лежащих бревен. Каждая стена имеет примерно 60 саженей»⁵². Кроме ремонта крепостных укреплений казаков запрещалось отправлять на выполнение других трудовых повинностей без ведома Исетской провинциальной канцелярии.

Много внимания уделялось пожарной безопасности. Оговаривалась ширина улиц и переулков (по 8 и 6 сажен)⁵³. Бани не следовало связывать с другими строениями и ставить на огородах. Особые правила имелись для размещения

⁴⁵ ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 344, 776–777 об., 780 об., 781; Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири. М., 1867. С. 131.

⁴⁶ ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 345–345 об.

⁴⁷ Самигулов Г.Х. От Далматова монастыря... С. 141.

⁴⁸ ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 346–346 об.

⁴⁹ Материалы по историко-статистическому описанию... Вып. IV. Оренбург, 1905. С. 20–21.

⁵⁰ ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 346, 346 об.

⁵¹ Откуда взялись казаки... С. 95.

⁵² Гмелин И.Г. Путешествие по Сибири // Дореволюционный Челябинск в слове современников. Челябинск, 2020. С. 217.

⁵³ ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 346, 348 об., 350; ПСЗ-I. Т. 11. № 8556. С. 602.

в постройках печей, а в летнее время следовало пользоваться печами, возведёнными во дворах и на огородах: «того накрепко смотреть и объезды чинить». Если из-за тесноты дворов сложить там печь не получалось, с мая по сентябрь разрешалось топить домашнюю печь два дня в неделю, «и то с великою осторожностью». Ежегодно полагалось у всех жителей осматривать печи везде, «где огонь водитца», чтобы по хозяйскому недосмотру не произошло возгорания. При пожаре по крайней мере один человек от двора должен был принимать участие в тушении. Для этого следовало иметь «в готовности кошело, ведры, топоры, лесницы, лопаты и вилы»⁵⁴.

Оговаривались правила использования заготавливаемой в лесу древесины и правила пожарной безопасности в лесах: «Иметь крепкое и неослабное смотрение, чтоб леса бездельно никем трачены не были, и на дрова годного к строению рубить не велеть, также и бересту на крышки и на дело с растущих и годных к строению дерев драть запретить». Разрешалось снимать бересту с валежника, «дабы валежник напрасно не погнил». Разводить в лесах костры предписывали с осторожностью: «Великих огнищ в лесах раскладывать не велеть», а после приготовления пищи заливать костровище, «чтоб пожару не учинилось». Тех, кто, пренебрегая мерами предосторожности, «пожар спустит или, паче чаяния, хлебные скирды или сенные стоги погорят», ждал «немалый штраф»⁵⁵. Сенатский указ 1740 г. со ссылкой на Соборное уложение и Военный устав повелевал довести до всеобщего сведения, что виновные в поджоге и доносительстве на поджигателей, как и уличённые в краже, произведённой во время пожара, подлежат смертной казни⁵⁶. Пожары представляли собой страшное бедствие. Например, 15 апреля 1770 г. перед отъездом П.С. Палласа из Челябинска ночью было видно сильное зарево. Степь горела три дня, и, если бы не дождь, город мог погибнуть⁵⁷.

Казакам Миасской крепости и крестьянам из деревень и слобод позволялось беспопытно торговать хлебом и продуктами питания неместного производства. Администрации следовало «смотреть того, чтоб оным в продаже тех припасов ни от кого обид не было», сохраняя таким образом заинтересованность «в привозе таковых припасов». За торговлей осуществлялся контроль, в Исетскую канцелярию опрашивали отчёт: «В котором месяце таких харчевых и хлебных припасов на продажу в привозе и по какой цене продаваться будет»⁵⁸. В Екатеринбурге в 1730-х гг. пуд ржи стоил 4–5 коп., ячменя — 3, пшеничной муки — 10, пуд свинины — 20–30 коп.⁵⁹ В Уфе в январе–феврале 1739 г. четь (8 пудов) ржи в зависимости от сорта стоила 75–80 коп.; пшеница — вдвое дороже; ячмень — 80–85 копеек за четверть. Пуд ржаной муки продавали за 12–13 коп., пшеничной — за 20–21, солода — за 15–17, ячневой крупы — за 15–18, гороха — за 13–15, свежей говядины — за 30, свежей свинины — за 35 коп.; пуд коровьего масла стоил 1 руб. 10 коп.⁶⁰ Согласно инструкции, в торговых рядах и «в прочих местах, в которых продаются всякия съестныя харчи», следовало

⁵⁴ ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 348 об.–349 об.

⁵⁵ Там же, л. 346.

⁵⁶ ПСЗ-И. Т. 11. № 8184. С. 198–200.

⁵⁷ Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. II. Кн. II. СПб., 1786. С. 18.

⁵⁸ ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 348.

⁵⁹ Черкасова М.С. Мастерские и рабочие люди Урала в XVIII в. М., 1985. С. 146.

⁶⁰ РГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 134, л. 1196–1197.

наблюдать, чтобы «никакого нездорового и вонючего харчу... не продавали». Для убоя скотины были отведены особые места за городом. Требовалось проверять продавцов, «чтоб меры и весы были верные... и цену хлебных и съестных товаров не возвышали». Употреблявших фальшивые весы и меры штрафовали и отправляли в провинциальную канцелярию в Челябинск⁶¹.

В крепостях полагалось следить за чистотой. В городе запрещалось оставлять навоз и «всякий сор», на улицах не должно было быть «никакого помета и мертвичины». От мусора избавлялись по субботам, отвозя его в находящиеся в удалении «ямы и боераки». Особое внимание уделялось чистоте водоёмов и прибрежной полосе: «В воду никакого помету бросать не велеть и около реки навоз не класть». Нарушителей из казаков полагалось наказывать при старшине, о нарушителях «ис протчих чинов» доносить в канцелярию. О случаях обнаружения в крепостях и башкирских деревнях моровой язвы следовало немедленно сообщать в Челябинск в канцелярию⁶².

Воевода Исетской провинции предписывал в случае падежа скота, даже если это был единичный случай, закапывать трупы в удалении от мест происшествия и дорог⁶³. Подобное отмечалось в этих местах и раньше. В июле 1735 г. майор Я. Павлуцкий доносил В.Н. Татищеву, что «в Теченской слободе объявилась поветряная язва, а как видится, что скот оною валится, от которого и людям пристаёт». В ответ последовало распоряжение «ныне скотину бить и из нея молоко есть на некоторое время накрепко запретить»⁶⁴. Эта предосторожность не была излишней. Массовые случаи падежа скота происходили в 1740–1750-х гг. в смежных с Исетской провинцией районах Западной Сибири. Тарская воеводская канцелярия сообщала, что в течение июня 1740 г. пали 280 лошадей. В Верх-Иртышских станицах с 29 июня по 13 июля 1750 г. погибли 592 лошади и 27 коров. Аналогичные случаи отмечены в Верхотурской, Тюменской воеводской и Тобольской подгородной канцеляриях, а также в районах восточного склона Урала. Паллас писал, что в южных районах Исетской провинции свирепствовала «опасная для коней зараза, которая, однако ж, редко в народе оказывается»⁶⁵.

Согласно инструкции, принимались особые меры «к пресечению воровства, и воровских приходов, и протчих непотребных людей». На ночь большие улицы перекрывали рогатками, для обслуживания которых привлекали жителей этих улиц; в дежурствах участвовали даже старики и малолетние дети. Для оповещения о пожарах, драках, преступлениях использовались трещотки, «дабы всяких чинов жители для бывших пожаров, и разнимательства драк, и поимки воров, слыша тот трещеточный бой, из домов своих выходили на помощь». Виновников тревоги и беспорядков надлежало ловить и доставлять в Исетскую провинциальную канцелярию⁶⁶. Отдельно упоминаются в инструкции «по улицам и переулкам слоняющиеся люди», буянящие пьяницы, которые «не в указанные часы ходить и шататься будут». Возможно, этот параграф позаимствовали из другого источника: «В протчих городех бывает много беглых солдат, и матросов, и протчих воров, и бывает от них воровство и смертное убийство». Подоб-

⁶¹ ОГА ЧО, ф. И-63, д. 1, л. 351.

⁶² Там же, л. 348, 350–351.

⁶³ Там же, л. 348.

⁶⁴ *Самигулов Г.Х.* От Далматова монастыря... С. 146.

⁶⁵ *Потанин Г.Н.* Указ. соч. С. 246, 250, 251; *Паллас П.С.* Путешествие... Ч. II. Кн. II. С. 16, 21.

⁶⁶ ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1 д. 1, л. 350, 350 об.

ный контингент обретался при кабаках, торговых банях и харчевнях, и на него требовалось обращать особое внимание: «Таких непотребных людей в рогатках не пропускать и во всех означенных местах осматривать, а где такие найдутся, или на улицах и в переулках шататца будут, тех ловить и присылать» в Челябинск. О случаях обнаружения притонов, «где явятца подозрительные дома, а имянно тайно корчемныя, бляцкия и другия похабства», надлежало доносить письменно в провинциальную канцелярию⁶⁷.

Распоряжения исетского воеводы относительно охраны общественного порядка не были излишними, о чём свидетельствует информация о чрезвычайном происшествии в Миасской крепости. 17 сентября 1742 г. из дома казака Нифонта Рукавишникова «из собственных его пожитков» неизвестные украли жемчужный кокошник и другие предметы «женского убору». Украли также 15 аршин конопляного холста у казака Игнатия Суботина, жившего в том же доме⁶⁸. Оба пострадавших — 33-летний Рукавишников и 29-летний Суботин — значились холостыми и, видимо, поэтому проживали в одном доме. Предметы «женского убору» они могли иметь для своих будущих жён.

Иррегулярные формирования восточной части Южного Урала — Исетской провинции — создавались в экстремальной обстановке зоны фронта, сопряжённой с противостоянием российской власти с народами, закрепившимися на этой территории до прихода русских. Государство было заинтересовано во включении этих земель в состав империи наименее затратным способом — с помощью казачьих формирований. Казаки Исетской провинции изначально государственного жалованья не получали, и это рассматривалось как вариант сотрудничества, устраивающий обе стороны — государство, экономившее немалые средства, и крестьян, чей социальный статус с причислением к казачеству повышался. Поскольку казачьи формирования Оренбургского края создавались сверху, то и основные стороны казачьего быта выстраивались, регулировались и контролировались государством.

⁶⁷ Там же, л. 351 об.

⁶⁸ Там же, л. 228.

Французы в Москве и русские в Париже: взаимовосприятие и культурная память

Любовь Мельникова

The French in Moscow and the Russians in Paris: mutual perception and cultural memory

Liubov Melnikova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24020087, EDN: HIPXBF

Война — это не только военные действия, политика и дипломатия. Важное место в ней занимают идеология, пропаганда и взаимные представления воюющих наций, что, несомненно, оказывает существенное влияние на отражение событий в исторической и культурной памяти народов. Так, французская исследовательница М.-П. Рэй в монографии «1814. Царь в Париже» справедливо отмечает, что военную кампанию 1814 г. невозможно отразить в полной мере без антропологического аспекта, который «долгое время недооценивали как русские, так и французские историки». «Война 1814 года, — пишет она, — была ещё и войной слов и образов, в которой важную роль сыграли идеологические послы, понятия и особенности взаимного восприятия сторон»¹. Разумеется, это относится не только к кампании 1814 г., но и ко всей войне 1812–1814 гг., которую в российской историографии традиционно делят на Отечественную войну 1812 г. и Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг.

Антропологическое, или человеческое, измерение войн (прежде всего — восприятие и оценка происходившего современниками, представления противников друг о друге, информационная сторона военных конфликтов) в последнее время становится сравнительно новым, перспективным направлением исторической науки как в России, так и в Западной Европе. В частности, историко-антропологический подход с успехом применяется во Франции к изучению Первой мировой войны 1914–1918 гг., в России он обретает всё большую популярность при анализе истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В историографии войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. также существует ряд работ с использованием военной исторической антропологии, в которых акцент делается на восприятие противника. Большая часть из них посвящена изучению формирования представлений о русских и России во французском и шире — европейском обществе. Среди авторов наиболее значимых исследований на эту тему следует выделить Н.В. Промыслова, проанализировавшего французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 г., а также роль наполеоновской пропаганды в формировании исторической памяти об этом важнейшем собы-

© 2024 г. Л.В. Мельникова

¹ Рэй М.-П. 1814. Царь в Париже / [Пер. с франц. А.Ю. Терещенко]. М., 2017. С. 12.

тии русской и европейской истории²; А.В. Гладышева, показавшего участие казаков в военной кампании 1814 г. и их восприятие гражданским населением Франции³; М.-П. Рэй, рассказавшую о пребывании русской армии в Париже в 1814 г.⁴; а также А.А. Постникову, исследовавшую процесс формирования исторической памяти о войне 1812 г. в европейских национальных традициях⁵. Гораздо менее изучено восприятие Франции и французов русскими участниками военной кампании 1814 г.⁶

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы провести сравнительный анализ восприятия русскими и французами друг друга в ходе войны 1812 г. и военной кампании во Франции 1814 г., а также проследить, каким образом и в какой мере эти масштабные контакты повлияли на трансформацию у представителей противоборствующих сторон прежних стереотипных представлений о стране-противнике.

Итак, в ходе войны 1812–1814 гг., когда наполеоновская армия, пройдя пол-России, побывала в Москве, а затем русская армия, прошагав пол-Европы, вошла в Париж, противники получили уникальную возможность в массовом порядке познакомиться с российской и французской действительностью, а также сравнить увиденное с имевшимися у них прежде ожиданиями и представлениями. Это не только нашло отражение в огромном количестве писем, дневников и мемуаров, но и вылилось на страницы французской и российской периодической печати того времени. Конечно, прямые контакты между Россией и Францией существовали и прежде, однако они были достаточно фрагментарными. В XVIII – начале XIX в. Россию посещали в основном французские путешественники, торговцы и дипломаты. Их впечатления стали основой для формирования довоенного образа России во Франции. Согласно стереотипным представлениям французского общества рубежа XVIII–XIX вв., Россия являлась азиатской державой, населённой полуварварами и далеко отстоящей от ценностей европейской цивилизации. Британский историк А. Форрест пишет, что французские путешественники, побывавшие в России, «часто подчёркивали азиатский облик городской архитектуры, нищету жизни обычных русских, неизбежную суровость стихий, жестокость телесных наказаний, “рабство” и “варварство” крепостного права. В их описаниях Россия отнюдь не была просвещённой или цивилизованной — она представляла жестоким, диким обществом, отрицавшем те самые ценности, на которых строилась “цивилиза-

² *Промыслов Н.В.* Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М., 2016.

³ *Гладышев А.В.* 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М., 2019.

⁴ *Рэй М.-П.* 1814. Царь в Париже.

⁵ *Постникова А.А.* Русская кампания Наполеона: история «европейского мифа». Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2022.

⁶ Среди немногочисленных работ на эту тему см., например: *Губина М.В.* Образы противников в восприятии покорителей Европы (1805–1812) // Французский ежегодник. 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 252–264; *Мельникова Л.В.* Франция и французы глазами русских участников военной кампании 1814 г. // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы. Материалы международной научной конференции (Москва, 25–26 марта 2014 г.). М., 2014. С. 116–124; *Мельникова Л.В.* «La belle France?»: трансформация образа Франции в представлениях русского дворянства во время военной кампании 1814 года // Всегда оставался верен себе. Сборник памяти доктора исторических наук Станислава Васильевича Тютюкина. М., 2021. С. 133–145.

ция» в понимании Запада»⁷. Неким «культурным оазисом» в записках французов представал Санкт-Петербург, элита которого проникалась западным духом и говорила на французском языке, однако и столица Российской империи, по мнению многих, находилась ещё «на полпути между цивилизацией и варварством»⁸. Так, посол Франции в России гр. Л.-Ф. де Сегюр, приехав в Санкт-Петербург в 1784 г., сказал, что «речь идёт о запутанном сочетании десятого века с восемнадцатым, азиатских манер с западноевропейскими»⁹.

Французская революция 1789 г. и успехи России на международной арене конца XVIII в. (особенно её участие во Второй антифранцузской коалиции 1798 г.) привели к тому, что к усилению негативного образа России подключилась французская пропаганда, чётко противопоставлявшая «цивилизованную Европу» и «варварскую Россию». Победы А.В. Суворова в Италии трактовались как повторение древних варварских нашествий на Европу. Даже официальный «*Le Moniteur Universel*» писал о дикости и кровожадности казаков и о пьянстве Суворова, который представлялся как «невежественный и свирепый маньяк»¹⁰. «Словарь суеверий, заблуждений, предрассудков и народных традиций» А. де Шенеля гласит, что, когда Суворов появился в Швейцарии и Италии, распространился слух, будто русские «едят на обед детей, как мы едим котлеты»¹¹. Слух о каннибализме казаков, под которыми нередко понимались не только казахи, но и вообще все русские воинские части, продержался во Франции вплоть до 1814 г.

Накануне войны 1812 г. вышел объёмный труд Ш.-Л. Лезюра «Об усилении русской мощи: от истоков до начала XIX столетия», призванный подготовить общественное мнение к предстоящей войне с Россией¹². В нём развивалась мысль, что «варварская» Россия — экспансионистская держава, стремящаяся к господству на европейском континенте и представляющая собой безусловную угрозу для «цивилизованной» Европы. Поскольку текст Лезюра был ответом в том числе и на оформившийся русско-английский союз, то Франция представлялась как бескорыстная защитница интересов европейских народов не только от русского «варварства», но и от английского «монополизма». Автор предрекал, что «гений великой империи» «отомстит за все оскорбления, нанесённые цивилизованной Европе», «скоро дикие дети Севера проклянут союз с Альбионом»¹³.

В историографии уже обращалось внимание на то, что даже в посланиях Наполеона в Сенат в то время в адрес русских неоднократно звучало слово «варвары». В ходе кампании 1812 г. в наполеоновских бюллетенях рисовался

⁷ Форрест А. Московская кампания 1812 года и создание наполеоновской легенды / [Пер. с англ. А.Ю. Терещенко] // Французский ежегодник. 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 242.

⁸ Там же. С. 243.

⁹ Там же.

¹⁰ Гладышев А.В. 1814 год... С. 14.

¹¹ Chesnel de A. Dictionnaire des superstitions, erreurs, préjugés et traditions populaires. P., 1856. P. 934 (здесь и далее перевод текстов из французских изданий мой).

¹² Lesur Ch.-L. Des progrès de la puissance russe: depuis son origine jusqu'au commencement du XIX-e siècle. P., 1812.

¹³ Подробный разбор книги Ш.-Л. Лезюра см.: Трыков В.П. Образ России в книге Шарля-Луи Лезюра «Об усилении русской мощи» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 2(831). С. 230–242.

мрачный образ России, описывались варварские методы войны, подчёркивалось, что русские воюют не по правилам, а по-татарски¹⁴.

Мемуары и письма французских военных — участников Русской кампании — свидетельствуют о том, что их непосредственные контакты с русским населением в 1812 г. в значительной степени подтвердили в их глазах стереотипные довоенные представления о русском азиатском варварстве. На мой взгляд, этому способствовали прежде всего обрушившаяся на них «дубина народной войны» и в целом действительно крайне тяжёлое положение, в котором они оказались осенью—зимой 1812 г. из-за просчётов французского командования, а также благодаря применяемой русскими тактике «выжженной земли». Большую роль сыграла также разница менталитетов двух наций, непонимание ценностей и традиций русского народа.

Пренебрежительные термины «варвары» и «татары» по отношению к русским встречаются в записках многих участников похода в Россию. Так, например, накануне Бородинского сражения французы, наблюдавшие за молебном в русском лагере и слабо понимавшие происходившее, считали религиозность русского народа проявлением невежества, чувствуя себя носителями разума и цивилизации в стране варваров. Единение армии с главнокомандующим генерал¹⁵ гр. Ф.-П. де Сегюр объяснял рабством солдат: «Когда русский генерал (М.И. Кутузов. — Л.М.) убедился, что его солдаты достаточно взволнованы этим необыкновенным зрелищем (Смоленской иконой Божией Матери. — Л.М.), он возвысил голос и заговорил с ними о небе — этой единственной родине, остающейся рабству! И во имя религии равенства он старался побудить этих крепостных рабов защищать имущество и жизнь своих господ... Дальше генерал указывал русским солдатам на их города, обращённые в пепел, напомнил об их жёнах и детях, говорил об их императоре и кончил призывом к благочестию, патриотизму, ко всем этим примитивным добродетелям грубых народов, находящихся ещё во власти ощущений»¹⁶. Как и другие французские мемуаристы (которые, как правило, сами относились к религии и вере более чем прохладно и отстранённо), Сегюр утверждал, что религиозность русских носила якобы в значительной степени внешний, обрядовый характер, что являлось следствием необразованности населения: «По невежеству они поклоняются образам и настолько идолопоклонники, насколько могут быть идолопоклонниками христиане, превратившие религию духа, чисто интеллектуальную и нравственную, в физическую и материальную, чтобы сделать её более доступной своему грубому и недалёкому пониманию»¹⁷. Сравнивая русский лагерь с французским, генерал Ж. Рапп писал: «У нас не было ни вдохновителей, ни проповедников, ни даже продовольствия, но мы несли наследие долгой славы, мы должны были решить, кто должен установить законы для мира: либо татары, либо мы»¹⁸.

¹⁴ Гладышев А.В. 1814 год... С. 20–21.

¹⁵ Здесь и далее чины французских и русских мемуаристов указаны на время описываемых событий.

¹⁶ Сегюр Ф.-П. де. Поход в Россию. Мемуары адъютанта. М., 2002. С. 94.

¹⁷ Там же. С. 94–95.

¹⁸ *Rapp J. Mémoires du général Rapp, aide de camp de Napoléon, écrits par lui-même. P., [1823]. P. 209.*

Случившийся вскоре после Бородинского сражения пожар Москвы су-лейтенант граф Ц. Ложье де Белькур назвал «варварским торжеством»¹⁹, устроили его, по выражению барона Л.Ф.Ж. де Боссе, «получивилизованные варвары»²⁰. Генерал барон Ж.-Л. Шарьер писал 27 сентября²¹ 1812 г. из Москвы: «Русские варвары подожгли этот великолепный и очень большой город... Все жители покинули свои дома и своё состояние из-за тирании правительства, которое вынудило их бросить всё... эти жалкие варвары всё разрушили, всё сожгли и, по всей видимости, сожгут Санкт-Петербург, как только к нему подойдёт [наполеоновская] армия»²².

Сегюр, рассказывая об отказе Наполеона от идеи отменить крепостное право и опереться на восстание крестьян, отмечал: «Ведь у варварского народа и свобода варварская, необузданная, ужасная распущенность!»; потому Наполеон и «решил стараться не подымать движение, которое он не смог бы направить»²³. Русских крепостных тот же Сегюр называл «отупевшими от всевозможных тягостей», что якобы позволило священникам обмануть их «своими лживыми речами»: «крестьян уверили, что мы легионы дьявола под начальством Антихриста, духи ада, вид которых вызывает ужас, что наше прикосновение оскверняет. Пленные французы заметили, что несчастные не решались пользоваться посудой, которая служила им, и что они её сохраняли для самых нечистых животных»²⁴. И, конечно же, варварскими французы считали методы ведения русскими войны. Сегюр писал: «Помещики со своими крепостными спасаются в глубь страны, как при наступлении сильной заразы. Богатства, жилища, всё, что могло бы... послужить нам — всё это приносится в жертву. Они выдвигают между собой и нами преграду — голод, пожары и опустошение... Приходилось уже вести не войну с королями, но войну с классами, войну с партиями, войну религиозную и национальную — все войны разом»²⁵.

Интересны впечатления французских военных от знакомства с Москвой. В многочисленных характеристиках русской первопрестольной столицы прежде всего обращает на себя внимание восприятие её французами в качестве восточного, азиатского города. Так, например, капитан Л.Э.А. де Лабом, описав панораму открывшейся ему с пригорка Москвы, сделал вывод: «Всё вместе взятое делало эту картину необычайно оригинальной и разнообразной, а большие террасы у дворцов, обелиски у городских ворот и высокие колокольни на манер минаретов — всё это напоминало, да и на самом деле представляло из себя картину одного из знаменитых городов Азии, в существование которых как-то не верится и которые, казалось бы, живут только в богатом воображении арабских поэтов»²⁶. Ему вторил Ц. Ложье де Белькур: «Мы не устаём смотреть на огромный город с его разнообразными и причудливыми формами... дворцы с цветущими террасами, островерхие башни, бесчисленные колоколь-

¹⁹ Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. В 3 ч. Ч. 1–2. М., 2012. С. 309.

²⁰ Там же. С. 288.

²¹ Все даты, кроме специально оговорённых случаев, даются по новому стилю (григорианскому календарю).

²² *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812*. P., 1913. P. 37.

²³ Французы в России... С. 141.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 262–263.

ни заставляют нас думать, что мы на границе Азии»²⁷. Открывшийся издалека вид Москвы у капитана и помощника главного хирурга французской армии Д. де Ла Флиза также вызвал ассоциации с Азией: «Тысячи куполов и колоколен отражали лучи ярко блиставшего солнца. Зрелище это было так ново, что можно было вообразить себя в Азии»²⁸. При этом в своём дальнейшем повествовании мемуарист назвал первопрестольную хоть и «дальним рубежом», но всё же Европы: «Когда я прошёлся по улицам Москвы, я нашёл, что она не походит ни на один из европейских городов. Архитектура зданий представляла смесь всевозможных стилей: татарского, китайского, индийского, византийского, греческого, итальянского, готического... Бесчисленное множество церквей представляли из себя группы колоколен, башен, башенок, куполов самых пёстрых цветов и самых разнообразных форм, красиво рисовавшихся на горизонте. Подле богатых домов вельмож странно было видеть деревянные невзрачные домишки, жилища их крепостных слуг. Такого рода контраст не встретишь в других европейских городах»²⁹. Как справедливо заметил историк Н.В. Промыслов, представления о российской географии у французских участников войны 1812 г. были весьма приблизительными и противоречивыми; границу между Европой и Азией они чаще всего были склонны проводить либо по Днепру, либо в районе Москвы³⁰.

Практически все французские мемуаристы отмечали обширность Москвы, её красоту и богатство; довольно часто они сравнивали древнюю столицу России с Парижем, при этом по тем или иным критериям сравнение нередко оказывалось не в пользу последнего. Например, капитан Ф.-Ш. Лист 22 сентября 1812 г. писал жене из Москвы: «Город чрезвычайно велик... Представьте себе, что Москва имеет в окружности на 3 лье больше, чем Париж, то есть 10 лье. Однако в ней столько же жителей. Я считаю, что она красивее, чем Париж. Все улицы очень широкие и удобные, а главное очень чистые»³¹. 29 сентября 1812 г. Борвот (имя и чин неизвестны) сообщал супруге: «Эта древняя столица Московии, столь же огромная, как Париж, если не больше его, более не существует, но является лишь тенью. Русские — великие варвары»³². Генерал Л.-Ж. Грандо называл Москву «центром российской торговли»³³; Д. де Ла Флиз также отмечал, что в торговом отношении она являлась «складочным местом между западом и востоком», теперь же её «магазины, содержавшие в себе все богатства Европы и Азии, обратились в груды пепла»³⁴. Капитан К.-Ж. Ван Бекон сетовал: «Огромные склады товаров, великолепные дворцы — всё разрушено», представление о былом богатстве Москвы, по его мнению, можно составить, например, по наличию в ней «15 тыс. магазинов, торговавших только сукном, бельём и фарфором»³⁵. Описывая достопримечательности Москвы, главный хирург Великой армии барон Д.Ж. Ларрей обратил «особенное внимание» на больницы, которые, по его словам, «сделали бы честь самой цивилизованной

²⁷ Там же. С. 269.

²⁸ Ла Флиз де. Поход Наполеона в Россию в 1812 году. М., [1912]. С. 39.

²⁹ Там же. С. 41, 44.

³⁰ Промыслов Н.В. Французское общественное мнение о России... С. 219–220.

³¹ Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812. P. 27.

³² Ibid. P. 58.

³³ Ibid. P. 39.

³⁴ Ла Флиз де. Поход Наполеона в Россию в 1812 году. С. 41, 44.

³⁵ Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812. P. 49–50.

нации»³⁶. Д. де Ла Флиз, передавший раненых «императорской гвардии» в Шереметевскую больницу, служившую прежде госпиталем для русской армии, с удовлетворением отметил, что здание представляет собой «прекрасное строение с колоннами, скорее, похожее на дворец», а палаты расположены так хорошо, «как нельзя ожидать лучше в первых европейских столицах»³⁷.

Характеризуя Москву, французские мемуаристы, скорее всего, опирались не только на личные впечатления, но и на бюллетени Наполеона и парижскую прессу того времени, которые также писали о московском пожаре, акцентируя особое внимание на красоте и богатстве города, а главное — на ущербе, нанесённом российской экономике, что якобы должно было отбросить Россию на целое столетие назад. Так, в 20-м бюллетене Великой армии от 17 сентября 1812 г. говорилось: «Москвы, одного из самых красивых и богатых городов мира, больше не существует... Эта потеря неисчислима для России, для её торговли, для её дворянства, оставившего там всё. Цифра в несколько миллиардов не будет слишком завышенной»³⁸. 21-й бюллетень от 20 сентября 1812 г. гласил: «В течение 19-го и 20-го числа пожары прекратились. Три четверти города сожжены, в том числе прекрасный дворец Екатерины... Мануфактуры, начавшие процветать в Москве, уничтожены. Пожар этой столицы отбросит Россию на сто лет назад»³⁹. Эти же мысли развивала и французская публицистика. Газета «Le Moniteur Universel» разместила обзор промышленной, торговой и культурной жизни допожарной Москвы. Первопрестольная была названа в ней одним из самых великолепных после Парижа, Лондона и Константинополя городов мира и настоящей столицей России «в силу своего прекрасного местоположения» (в Петербург, «на окраину империи», резиденцию правительства перенёс якобы «недальновидный дух новаторства»); пожар Москвы, утверждалось в заметке, задержит развитие промышленности Российской империи на целое столетие⁴⁰. Подобная риторика, отличавшаяся значительным преувеличением истинного положения дел, должна была показать французскому обществу, что России якобы нанесён сокрушительный удар и что победа наполеоновской армии уже близка.

В целом 1812 г. не внёс каких-либо существенных корректив в стереотипные довоенные представления французов о России. В письмах родным участники Русской кампании часто писали о чрезвычайно холодном климате, «пустынности» и бедности России. Во французской корреспонденции можно найти множество упоминаний об обмороженных и замёрзших насмерть французах. Так, маршал И. Мюрат в письмах семье отмечал, что «к такому холоду, как в этой стране, привыкнуть невозможно»⁴¹. Интендантский служащий Ф. Шартон 27 сентября 1812 г. писал матери из Москвы: «Мы находимся... в холодной стране. Я скажу вам, что буржуа одеваются в овечьи шкуры; так что вы можете судить о суровости погоды. Мы потеряли много людей в этой ужасной стране России»⁴². Иногда участники похода объективно заявляли, что

³⁶ Французы в России... С. 267.

³⁷ Ла Флиз де. Поход Наполеона в Россию в 1812 году. С. 39.

³⁸ Le Moniteur Universel. 1812, dimanche, 4 octobre. № 278. P. 1.

³⁹ Le Moniteur Universel. 1812, mercredi, 7 octobre. № 281. P. 1.

⁴⁰ Le Moniteur Universel. 1812, samedi, 10 octobre. № 284. P. 1–2.

⁴¹ Промыслов Н.В. Представления о России в письмах участников похода Великой армии 1812 года // Уральский исторический вестник. 2012. № 1(34). С. 47.

⁴² Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812. P. 49.

причиной опустошения территорий, по которым они проходили, была война. Так, генерал гр. М.В. Латур-Мобур 31 августа 1812 г. докладывал начальнику Главного штаба Великой армии маршалу Л.А. Бертье: «Все деревни [между Юхновым и Вязьмой] пустынные и разграблены и не могут предоставить никакого пропитания ни для людей, ни для лошадей»⁴³. Курьер Главного штаба Бастье писал 17 октября 1812 г. из Гжатска: «Мы здесь настолько несчастны, насколько это возможно в пустынной стране, где не осталось ничего, кроме огня и пламени, которые русские каналы, спасаясь, устроили повсюду»⁴⁴. Несколько особняком стоят письма Э. Мунье (чин неизвестен), который сравнил территорию бывшей Польши с коренной Россией, отдав предпочтение последней. «Истинная Россия», несмотря на «маленькие и нищие деревни», показалась ему более обустроенной, а русские, на его взгляд, «более приятная нация», чем поляки («бороды, которые они носят, длиннее и придают им вид более мужественный и гордый, что им особенно идёт») ⁴⁵. Довольно часто в письмах упоминаются нападавшие на обозы, курьеров и фуражиров казаки, которых французы сравнивали с мамлюками, служившими одним из символов восточной дикости и варварства⁴⁶.

Тезис о том, что французам в 1812 г. пришлось сражаться не только с русской армией, но также с суровым климатом, природными стихиями, бесконечными пустынными пространствами и полудиким местным населением, занял значимое место и в мемуарах наполеоновских солдат и офицеров, на страницах которых Русская кампания нередко представлена как очередной этап эпической борьбы цивилизации и варварства. В исторической литературе уже обращалось внимание на то, что корреспонденция и мемуары французских участников войны 1812 г., содержавшие бесконечные жалобы на лютый холод и всевозможные лишения, а также заявления самого Наполеона о решающем влиянии зимы на постигшее его поражение (см., например, 29-й бюллетень Великой армии) привели к закреплению в исторической и культурной памяти Франции положения, что наполеоновскую армию победили не русские войска и народное сопротивление, а «генерал Мороз» (или «генерал Зима») ⁴⁷. При этом, как справедливо заметил Н.В. Промыслов, «мало кто из участников похода задумывался о роли интендантских служб в неудовлетворительном снабжении продуктами, фуражом и тёплыми вещами. Гораздо чаще тяжёлые бытовые условия списывались на особенности страны. Такое объяснение было проще и, в конечном счёте, не бросало тень на императора, культ которого, без сомнения, был очень силен в армии, не наводило на мысль, что именно он виноват в катастрофическом исходе войны» ⁴⁸.

Тема русского варварства особенно активно эксплуатировалась наполеоновской пропагандой во время Французской кампании 1814 г. с целью поднять против русских войск движение народного сопротивления. С помощью карикатур, памфлетов и даже официальных бюллетеней в сознание населения Франции всячески внедрялся образ казака — варвара, вора, насильника и пожирателя

⁴³ Промыслов Н.В. Представления о России... С. 48.

⁴⁴ *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812.* P. 173.

⁴⁵ Промыслов Н.В. Представления о России... С. 48—49.

⁴⁶ Там же. С. 51.

⁴⁷ См., например: Отечественная война 1812 года в культурной памяти России. М., 2012. С. 66—77; Промыслов Н.В. Французское общественное мнение о России... С. 227—238.

⁴⁸ Промыслов Н.В. Французское общественное мнение о России... С. 214—215.

детей. В. Гюго, которому было в то время 12 лет, вспоминал об этом так: «Все стены домов покрыты были огромными изображениями казаков в мохнатых шапках, с зверскими лицами, со свирепо вытаращенными глазами, с поднятыми копьями, обогранными кровью, с ожерельями из человеческих ушей и часовых цепочек. Некоторые были изображены поджигающими хижины поселян и греющими руки у пылающих деревень. Париж был весь увешен этими лубочными пугалами, к которым Наполеон прибег как к последнему средству»⁴⁹.

Внешний вид и образ действий русских войск, прибывших во Францию, в значительной степени смог развеять эти враждебные стереотипы. А.И. Михайловский-Данилевский писал: «Они (французы. — Л.М.) воображали найти в нас людей необразованных... говорящих языком для них непонятным, в странных одеждах, с зверскою улыбкою, предающихся грабежу, и не могли поверить глазам своим, видя красоту русских мундиров... весёлую наружность воинов... ласковое обращение офицеров и слыша остроумные ответы их на французском языке. “Вы не русские, — говорили они нам, — вы, верно, эмигранты”»⁵⁰.

Как и следовало ожидать, предметом особого интереса французов (особенно парижан) стали казаки. Эти иррегулярные воинские части, которые расположились в Париже прямо под открытым небом, разбив бивуаки на Елисейских полях и Марсовом поле, на два месяца оккупации французской столицы союзными войсками стали для местных жителей одной из главных достопримечательностей. Поглазеть на казаков ежедневно приходила масса обывателей. Интересно, что в многочисленных свидетельствах об этом современников, как правило, отмечается не только экзотический вид казаков (необычные военная форма и вооружение), но также их доброжелательность и миролюбие. Так, в одной из наиболее популярных парижских газет «*Journal des débats*» сообщалось: «Большая часть жителей Парижа отправляется на Елисейские поля, чтобы посетить бивуаки союзных войск. По большей части это кавалеристы Российской императорской гвардии необыкновенного размера и силы. Многие кажутся ростом шесть футов... Удивительно, что люди и лошади сохранились в таком хорошем состоянии после того, как они пересекли так много отдалённых стран и выдержали частые бои, а также претерпели суровую и продолжительную зиму... Остатки сена, которое лошади не съели, служат солдатам постелью. Тюки соломы, подвешенные к скрещенным железным копьям, расставленным вокруг деревьев, образуют своего рода крышу, которая укрывает всадников и их припасы. Перед каждой лачугой на костре солдаты готовят еду, один режет саблей куски скота, другой колет дрова, чтобы их приготовить; этот чинит подковы своей лошади; тот чистит и полирует оружие, другие отдыхают на лежащих конях. Многих из них забавляют наблюдения, которые прогуливающиеся делают над их костюмами и обычаями; ответы же, даваемые ими на множество предлагаемых им вопросов, кажутся непонятными, но всё же отчасти воспринимаются по их выразительным жестам, изображающим доброжелательность, доброе согласие и сердечность»⁵¹. Эта газетная заметка перекликается с воспоминаниями графини Э.-А. де Буань: «Удивительным зрелищем для глаз и для умов были эти донские жители, мирно жившие согласно своим

⁴⁹ Виктор Гюго и его время, по его запискам, воспоминаниям и рассказам близких свидетелей его жизни / [Пер. с франц. Ю.В. Доппельмайер]. Изд. 2. М., 1890. С. 192.

⁵⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1814 года // Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары. 1814–1815. СПб., 2001. С. 41.

⁵¹ *Journal des débats, politiques et littéraires*. 1814, vendredi, 8 avril. P. 3.

привычкам и обычаям посреди Парижа... Их униформа была очень красивой: широкие синие штаны, туника из плотной шерстяной ткани, также синяя, с простёганной грудью и туго перехваченная широким поясом из блестящей чёрной кожи, со сверкающими медными пряжками и украшениями. За пояс было заткнуто их оружие. Этот полувосточный костюм и их странная посадка на лошади (они почти стояли, поскольку высота их седла позволяла им не сгибать колени) сделали казаков предметом любопытства всех ротозеев Парижа. Они не возражали, чтобы люди к ним подходили. В особенности это касалось женщин и детей, которые стали буквально ездить на них... Время от времени они забавлялись тем, что издавали что-то вроде ворчания; любопытные женщины отшатывались в ужасе. Тогда... они хохотали от души, и те, кого они успели напугать, смеялись вместе с ними»⁵². Гюго вспоминал, что «в казаках они не нашли никакого сходства с их изображениями: не только из человеческих ушей, но и никаких ожерелий на них не было, часов они также не крали и домов не поджигали; напротив, они держали себя очень смирно и вежливо и относились к Парижу с каким-то особенным почтением. Очевидно, он поражал их своим великолепием, и они чувствовали себя как-то неловко, словно стыдясь своего вторжения»⁵³. Англичанин Т.Р. Андервуд, также заглянувший во время прогулки на Елисейские поля, отозвался о казаках гораздо более грубо: «Взорам представала лишь беспорядочная орда варваров с границ Дона, из пустынь Татарии и с берегов Каспийского моря. Казалось, что время отступило назад, и перед нами предстала другая эпоха, другое состояние общества и другие люди». Впрочем, и он был вынужден признать, что не заметил «ни малейшей склонности к дерзости у какой-либо из союзных армий; напротив, все они проявляли доброту и мягкость, которые отнюдь не могли быть следствием одной лишь дисциплинированности»⁵⁴.

Наряду с положительными характеристиками казаков, данными французами в 1814 г., существует также немало отрицательных отзывов о них, которые относятся, как правило, к началу Французской кампании. Это заставляет предположить, что на мемуаристов оказали влияние испытываемый ими страх перед неизвестностью, пропагандистские клише, а порой и желание преувеличить увиденное ради красного словца. Так, профессор шомонского колледжа П. Дарден, бывший свидетелем вступления казаков в Шомон, в январе 1814 г. в письме другу, проживавшему в Сен-Жироне, представил их как полулюдей-полузверей: «Я уверен, мой друг, Вы никогда не видели казаков. Не сожалеете об этом: это не слишком интересное животное, хотя по праву завоевания оно и обитает в окрестностях Азовского моря, на берегах античного Танаиса. Представьте себе людей довольно подозрительного вида, среднего роста, бородатых, как козлы, и уродливых, как обезьяны... У них нет униформы, они носят одежду разных цветов, часто изорванную или штопаную. Эти казаки — попросту русский сброд. И это — покорители Франции! До какой же степени унижения мы дошли!»⁵⁵.

Помимо казаков неизгладимое впечатление производили на французов и другие представители иррегулярных русских войск, в частности, башкиры. Одетые в национальные одежды, вооружённые луками и стрелами, они выгля-

⁵² Цит. по: *Рэй М.-П.* 1814. Царь в Париже. С. 177–178.

⁵³ Виктор Гюго и его время... С. 193.

⁵⁴ Цит. по: *Рэй М.-П.* 1814. Царь в Париже. С. 176–177.

⁵⁵ Там же. С. 165–166.

дели ещё более экзотично и заслужили у местных жителей прозвище «северные амурь».

Личные контакты, позволившие населению Франции если не совсем отбросить, то существенно скорректировать ряд пропагандистских клише в отношении русских военных, привели также к ряду объективных наблюдений за особенностями их менталитета. Одной из подмеченных черт стала религиозность русских. По свидетельству А.И. Михайловского-Данилевского, «парижане... были крайне удивлены, видя, что государь и офицеры, принадлежавшие к его свите, ежедневно посещали церковь»⁵⁶. В «*Journal des débats*» спасение русскими Парижа от разграбления, несмотря на полное «право мстить за столько причинённых им оскорблений», объяснялось религией: «Никакая другая человеческая причина не могла побудить их к тем жертвам, которым нет примера в истории народов»⁵⁷.

Что касается восприятия французов русскими, то следует отметить, что довоенные стереотипные представления о Франции русского дворянства в ходе войны 1812–1814 гг. претерпели серьёзную трансформацию. Воспитанные французскими гувернёрами, говорившие по-французски русские офицеры привыкли считать Францию государством, во многих отношениях приближённым к идеалу, а Париж — законодателем мод и столицей мира. До Отечественной войны 1812 г. проживавшие в России французские эмигранты почти с благоговением принимались в лучших домах Санкт-Петербурга и Москвы. Согласно критическому замечанию писателя Р.М. Зотова, «при слове *француз* все чувстваталяли, все губы улыбались... Француз везде был принят, обласкан, француз всегда был умён и во всём прав»⁵⁸. С началом войны многое изменилось: сначала внешне и даже нарочито («французский язык был изгнан из гостиных и зал большого света»), а затем более осознанно и глубоко. Поведение наполеоновских солдат, грабивших и осквернявших православные храмы, вызывало изумление и негодование в разных слоях русского общества. Через всю антинаполеоновскую пропаганду красной нитью стало проводиться противопоставление безбожной, отвергающей нравственные принципы наполеоновской Франции и православной, руководствующейся велениями совести России⁵⁹. В особом «Известии о состоянии Москвы» от 17 октября (ст. ст.) 1812 г. имевшее место накануне войны подражание Франции признавалось ошибочным и говорилось о необходимости порвать с ней «все нравственные связи», возвратившись к чистоте и непорочности «наших нравов»⁶⁰.

Таким образом, Отечественная война 1812 г., поколебав имевшееся у русских офицеров стереотипное представление о французах, в то же время вызвала дополнительный интерес к ним. Переходя через границу Франции в первые дни 1814 г., они хотели собственными глазами увидеть, что же на самом деле представляет собой эта вожденная страна.

⁵⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1814 года. С. 52.

⁵⁷ *Journal des débats*... 1814, vendredi, 8 avril. P. 3.

⁵⁸ Зотов Р.М. Два брата, или Москва в 1812 году. М., 2012. С. 152–153.

⁵⁹ Подробнее см.: Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007; Отечественная война 1812 года в культурной памяти России; Мельникова Л.В. Антинаполеоновская пропаганда в России 1806–1814 гг.: формирование образа внешнего врага // Французский ежегодник 2013... С. 162–178.

⁶⁰ Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 50–57.

Первые впечатления русских офицеров от увиденного, записанные образно и эмоционально, выражают недоумение и разочарование авторов. Разорённая революцией и двадцатилетием непрерывных войн страна не только не соответствовала стереотипному идеалу, но и не выдерживала сравнения со Швейцарией и германскими государствами, где недавно побывали наши военные. Например, полковник М.И. Каховский писал: «Право, я не знаю, что так много наши господа обожатели французов говорят о Франции, земля эта, как и все другие, и мне нисколько не нравится»⁶¹. Ф.Н. Глинка отмечал: «“La belle France! Прелестная Франция! — восклицают беспрестанно французы-учители. — Вот земной рай!.. Переезжаю за Рейн — и где votre belle France! Где ваша прелестная Франция!.. Ужасно опустелые края, земля нагая, деревья увядшие и повсеместное безлюдье»⁶². Одна из наиболее резких оценок принадлежит кн. А. Щербатову: «Ну! брат, уж земелька хваленая Франция. Не стоит выеденного яйца. Учителя наши нас обманули, я и не воображал найти такую дрянь»⁶³.

Французские деревни и жилища местных крестьян произвели на русских военных угнетающее впечатление. «Здесьние деревни совершенно бедные и без войны, — писал Каховский, — домики маленькие и как клетки»⁶⁴. «Здесьние деревни, — вторил ему Глинка, — совсем не то, что немецкие: тут нет ни красивых улиц, ни светлых домиков, ни порядка, ни опрятности... улицы в навозе, народ в лохмотьях»⁶⁵. Впрочем, Глинке понравились живописные окрестности Меца, покрытые садами и виноградниками, и «хорошо обстроенные» сёла и деревни около Парижа⁶⁶. Наконец, его подлинное восхищение вызвали ровные дороги (видимо, сказалось сравнение с российским бездорожьем)⁶⁷.

Во французских постройках, в том числе принадлежавших лицам высших сословий, русских офицеров больше всего расстраивало отсутствие нормального отопления. Большая часть домов отапливалась лишь каминами, не способными в достаточной мере прогреть воздух. Михайловский-Данилевский писал: «Квартиры наши во Франции были самые невыгодные; дома французов строятся не для зимы, а для лета, и потому холод в горницах их был для нас, привыкших к теплу, нестерпим»⁶⁸.

Особенно любопытны высказывания русских офицеров о французах. Михайловский-Данилевский писал: «Жителей Франции мы нашли несравненно на низшей степени образованности, нежели немцев... Я часто говорил с французами различных состояний, ибо квартировал то у помещиков, то у крестьян, то у купцов, то у духовных, и во всех находил мало просвещения, и в редком — патриотизм»⁶⁹. Поручик Н.Н. Муравьёв отмечал: «Жители были бедны, необходимы, ленивы и в особенности неприятны. Француз

⁶¹ [Каховский М.И.] Записки генерала Каховского о походе во Францию в 1814 году // Русская старина. 1914. № 2. С. 456.

⁶² Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода россиян противу французов, в 1805 и 1806, также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. Ч. 7. М., 1815. С. 118–119.

⁶³ Письмо кн. А. Щербатова В.И. Похвисневу, 28 февраля 1814 г. // Шукшинский сборник. Вып. 9. М., 1910. С. 189–190.

⁶⁴ [Каховский М.И.] Записки генерала Каховского... // Русская старина. 1914. № 3. С. 680.

⁶⁵ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера... Ч. 7. С. 127.

⁶⁶ Там же. С. 133, 200.

⁶⁷ Там же. С. 121.

⁶⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1814 года. С. 28.

⁶⁹ Там же. С. 28–29.

в состоянии просидеть целые сутки у огня без всякого занятия и за работу вяло принимается. Едят они весьма дурно вообще как поселяне, так и жители городов; скряжничество их доходит до крайней степени; нечистота же отвратительная как у богатых, так и у бедных людей. Народ вообще мало образован, немногие знают грамоте... даже городские жители»⁷⁰.

Слыша чистую французскую речь из уст представителей самых низших слоёв общества, русские офицеры ощутили, по словам поручика И.Т. Раджицкого, «ничтожность нашей моды»⁷¹: «Языком, которым у нас щеголяют все модники большого света, здесь всякая дрянь болтает»⁷².

Описывая одежду местных жителей, многие мемуаристы обращали внимание на сабо — деревянные башмаки, или, как называл их Глинка, «выдолбленные колодки на ноги»: «Наши лапти гораздо красивее, легче и покойнее. Но вывези к нам сабо — и чего доброго! они как раз войдут в употребление и будут в чести!»⁷³.

Осматривая город Нанси, Каховский обратил внимание на кафедральную церковь, которую французы во время революции «совершенно оголили», и пустой пьедестал, где прежде стояла статуя короля Людовика XV, и испытал «какое-то невольное отвращение... к народу, могшему истребить законного государя... и теперь рабски повинующемуся тирану, проливающему кровь их для собственной славы»⁷⁴.

Именно в революции большинство мемуаристов видят корень зла и причину бедствий современной им Франции. По словам Глинки, «*Революция* — значит *переворот* и, конечно, во Франции всё переворотилось». Прежде «Франция молилась, пела и любила государей своих. Но... настали другие времена и привели с собой другие нравы... “Свобода! братство! равенство! или смерть!” — кричал беснующийся народ, но свобода, братство и равенство были только на языке и в мечтах, а смерть» и разрушение «на самом деле»⁷⁵. Раджицкий отметил, что видел во Франции «liberté et égalité под бременем неограниченного деспотизма»⁷⁶.

Проезжая по Франции, многие офицеры отметили наличие среди местного населения антинаполеоновских настроений. Попытка Наполеона объявить всеобщую мобилизацию и поднять восстание не удалась. «Чувство народной чести не было во французах столь сильно, как в русских, — писал Михайловский-Данилевский. — Некоторые деревни, однако же, вооружились, но вред, ими нам нанесённый, не был значителен»⁷⁷. Уставшие от бесконечных войн французы ждали мира и надеялись, что приход союзных войск принесёт с собою окончание их бедствий. Многие мемуаристы определяли состояние мирного населения Франции в начале кампании 1814 г. как «равнодушие» («ступор», «оцепенение»). По словам Михайловского-Данилевского, «французы равнодушно внимали голосу правительства, и при нашем вступлении говорили толь-

⁷⁰ [Муравьёв Н.Н.] Записки Н.Н. Муравьёва. 1814 и 1815 годы // Русский архив. 1886. Кн. 1. № 2. С. 75.

⁷¹ Раджицкий И.Т. Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год. Ч. 3. М., 1835. С. 37; см. также: Глинка Ф.Н. Письма русского офицера... Ч. 7. С. 129.

⁷² Раджицкий И.Т. Походные записки артиллериста... Ч. 3. С. 37.

⁷³ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера... Ч. 7. С. 137.

⁷⁴ [Каховский М.И.] Записки генерала Каховского... // Русская старина. 1914. № 2. С. 458.

⁷⁵ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера... Ч. 7. С. 123–125.

⁷⁶ Раджицкий И.Т. Походные записки артиллериста... С. 33.

⁷⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1814 года. С. 30.

ко о мире. Они ходили с мрачным, потупленным взором, с холодной вежливостью принимали постояльцев, и слышны были только их общие желания, чтоб скорее кончилась война»⁷⁸. В дальнейшем, по его же признанию, к «холодной вежливости» добавились и более тёплые эмоции: «Что признательность к нам французов была искренняя, а не притворная, то доказывается между прочим тем, что многие селения (*communes*) просили, чтобы к ним перевезли русских раненых офицеров, дабы оказать им всякое вспомоществование, зависящее от человеколюбия»⁷⁹. Упомянутое мемуаристом вооружённое сопротивление некоторых деревень М.-П. Рэй объясняет действием не призыва Наполеона к общему восстанию, а грабежей, имевших место со стороны союзных армий⁸⁰.

Кульминацией впечатлений от Франции стало для русских военных пребывание в Париже. Описывая торжественное вступление в город союзных войск 31 марта 1814 г. и «восклипания радости» местных жителей, Н.Н. Муравьёв назвал французов «непостоянным народом»⁸¹. Полковник А.Г. Краснокутский, описывая восторг, с которым парижане встречали Александра I («все с жадностью устремляли глаза на государя... бросали вверх шляпы, шапки; преграждали улицы; хватались за его коня», кричали «Да здравствует император Александр, воскреситель Бурбонов!»), отметил: «Сие неограниченное исступление едва ли свойственно великому народу. Давно ли Буонапарте, чтимый ими за Бога, подобными восклицаниями был встречаем во время наглого побега своего из России?.. Необдуманные переходы из одной чрезвычайности в другую означают ветреность характера»⁸².

К выводу о непостоянстве и ветрености французского народа приходили многие русские офицеры. В качестве примера, иллюстрирующего эти отличительные черты французов, мемуаристы приводили, как правило, попытки парижской толпы свергнуть статую Наполеона с Вандомской колонны на одноимённой площади. В частности, Михайловский-Данилевский писал: «На колонне сей, сооружённой в честь побед французских войск, поставлена была статуя Наполеонова, над которою народ с самого вступления нашего в Париж ругался. Он привязывал неоднократно верёвку к статуе и таким образом тащил её вниз при ужасных криках; однажды один француз взлез на плечи оной и бил её по щекам»⁸³. Попытки парижан свергнуть статую Наполеона с вершины Вандомской колонны уже в день вступления в Париж союзных войск зафиксированы и французской прессой⁸⁴. Сообщалось также об устранении французами и других изображений, напоминавших о правлении Наполеона. Так, газета «*Journal des débats*» писала, что вечером 1 апреля 1814 г. в оперном театре, где ожидали прибытия монархов России и Пруссии, «несколько голов потребовали снести орла, чьи крылья раскинулись над ложей Бонапарта». Поскольку эта операция требовала определённого времени, перед спектаклем французы ограничились тем, что накрыли скульптуру белым покрывалом, но

⁷⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Описание похода во Францию в 1814 году. Ч. 1. СПб., 1836. С. 60–61.

⁷⁹ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1814 года. С. 55.

⁸⁰ Рэй М.-П. 1814. Царь в Париже. С. 72.

⁸¹ Муравьёв Н.Н. Записки Н.Н. Муравьёва... С. 102.

⁸² Краснокутский А.Г. Взгляд русского офицера на Париж во время вступления Государя Императора и союзных войск в 1814 году. СПб., 1819. С. 2–3.

⁸³ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1814 года. С. 52.

⁸⁴ *Journal des débats*... 1814, vendredi, 1 avril. P. 2.

сразу «после зрелища» «орёл упал»⁸⁵. Французские газеты неистово ругали Наполеона, называя его «тираном», «монстром», «чудовищем», «чужаком для нашей родины», «виновником всех общественных бедствий»⁸⁶. Интересно, что среди обвинений в адрес бывшего французского императора было также отступление от религии. Так, в «Journal des débats» сообщалось: «Бонапарт был атеистом, он говорил только о судьбе... Будучи первым консулом, он хотел быть включённым в “Словарь атеистов”; и именно от астронома Лаланда, автора этого словаря, мы узнали этот факт»⁸⁷. Считалось символическим то, что Наполеон отрёкся от престола во дворце Фонтенбло, где прежде держал в заключении папу римского Пия VII⁸⁸. Встречались даже намёки на некоторую демонизацию его личности. Например, одно из сообщений гласило: «Напрасно мы искали имя Наполеона во всех древних календарях и в житиях святых; его нигде не было, кроме “Деяний святых” болландистов; но этот Наполеон был не святой. Это был, напротив, очень злой демон, который пять лет подряд с удовольствием жестоко мучил тело бедной женщины и от которого она была избавлена лишь по заступничеству святого»⁸⁹. Возвращаясь к статуе Наполеона на вершине Вандомской колонны, следует отметить, что её снятие, состоявшееся 8 апреля 1814 г. по распоряжению «нового временного правительства», сопровождалось, по утверждению парижских газет, «аплодисментами огромной толпы, спешившей со всех районов Парижа»⁹⁰. При этом, по свидетельству артиллерийского офицера И.С. Жиркевича, реакция парижан на это действие оказалась более чем сдержанной: «Народу собралось несколько тысяч, но такая была тишина, что слышно было каждое слово распорядителя работами; статую спустили, и народ разошёлся в безмолвии»⁹¹. Это, безусловно, свидетельствует о неоднозначных общественных настроениях в городе.

Российский император, решивший пощадить Париж и спасти его от разграбления, сразу стал предметом практически всеобщего поклонения. Его называли «великодушным», «северным Агамемноном», «царём царей», «императором Европы», «ангелом мира». Парижские газеты практически ежедневно сообщали обо всех его передвижениях по городу, неизменно подчёркивая при этом, что он пересекает встречающую его толпу в сопровождении лишь нескольких офицеров своего штаба, и повсюду бывает встречем «тысячекратными» возгласами: «Да здравствует Александр!». Остроумные высказывания российского императора, произнесённые во время этих прогулок, также попадали на страницы газет, их характеризовали как «трогательные, возвышенные и великодушные». Прочитав пару таких сообщений: «Его Величество, проходя перед колонной на Вандомской площади, глядя на статую Бонапарта, сказал окружавшим его сеньорам: “Если бы меня поместили так высоко, у меня закружилась бы голова”»; «“Уже давно, государь, — сказали [француз] российскому императору, — вашего приезда ожидали и желали в Париже”. “Я бы раньше к вам прибыл, — ответил монарх, — вините в моём промедлении

⁸⁵ Journal des débats... 1814, dimanche, 3 avril. P. 2.

⁸⁶ Ibid. P. 3; Journal des débats... 1814, lundi, 4 avril. P. 2.

⁸⁷ Journal des débats... 1814, vendredi, 8 avril. P. 2.

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ Journal des débats... 1814, dimanche, 10 avril. P. 1.

⁹⁰ Journal des débats... 1814, samedi, 9 avril. P. 2.

⁹¹ Записки И.С. Жиркевича. 1789—1848 // Русская старина. 1874. № 12. С. 659.

храбрость ваших войск”»⁹². Широкое освещение в прессе получил также вос- торженный приём, оказанный союзным монархам 1 апреля в оперном театре, где известный французский актёр Лаис перед началом спектакля пропел на мелодию национальной песни «Да здравствует Генрих IV!» два свежих купле- та, посвящённых соответственно королю Пруссии и императору России, чем «довёл энтузиазм до предела». Куплет в честь российского императора гласил: «Да здравствует Александр, / Да здравствует сей царь царей, / Не предъявля- ющий никаких притязаний, / Не диктующий нам законы, / Сей августейший государь / Обладает тройной доброй славой: / Героя, справедливого человека / И возвращающего нам Бурбона»⁹³. По словам Михайловского-Данилевского, «в скором времени» эта песня («в особенности последний куплет оной, отно- сящийся до [российского] императора») «сделалась народной», по требованию зрителей её исполняли «во всех театрах»⁹⁴.

Следует отметить, что отношение парижан к Александру I не менялось, в то время как общее восприятие союзных войск в течение двух месяцев их пребывания в городе эволюционировало от эйфории до напряжённости, раз- дражительности и даже определённой враждебности. Полицейские бюллетени и другие источники зафиксировали во второй половине апреля — мае 1814 г. многочисленные стычки французских военных с союзными, в том числе рус- скими, офицерами. Причём в эти ссоры нередко вмешивались на стороне французов и мирные жители. Поводом для дуэлей часто становились попытки французских военных сорвать с головных уборов союзников зелёные ветви, которые те носили. Имели место даже попытки сорвать с груди русских офице- ров серебряные медали за Отечественную войну 1812 г. Подобные настроения М.-П. Рэй объясняет тем, что французы считали невыгодными условия переми- рия, а затем и мирного договора. В подтверждение она цитирует полицейские бюллетени от 4 мая и 28 мая 1814 г.: «В целом состояние умов сейчас такое, что все действия союзных монархов толкуются в дурную сторону, тогда как вначале их воспринимали куда более благожелательно. Впрочем, общественное мнение всегда выделяет императора Александра, но многих людей не удаётся переубе- дить в том, что Пруссия и Австрия требуют огромной контрибуции»⁹⁵; «В об- щественных местах продолжают вовсю заниматься политикой. Условия мира, в той мере, в какой они известны, не удовлетворяют национальную гордость. Как говорят, союзники заявили, что хотят видеть Францию великой и сильной. Чтобы она была такой, ей нужны завоёванные ею естественные границы, ко- торые пожелал перейти опрометчивый Бонапарт со своими амбициями... Люди досадуют на союзные державы, которые отнюдь не оказались столь умеренны- ми, как заявляли»⁹⁶.

Как известно, Александр I во многом оправдал ожидания и впечатления французов, действительно проявив благородство и великодушие в определении дальнейшей судьбы Франции. При обсуждении условий первого Парижского мирного договора, подписанного 30 мая 1814 г., российский император, вер- ный идее «европейского равновесия», поддержал возвращение Франции к гра- ницам 1792 г., но не допустил её максимального ослабления и обременения

⁹² Journal des débats... 1814, mardi, 5 avril. P. 1.

⁹³ Journal des débats... 1814, dimanche, 3 avril. P. 2.

⁹⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Журнал 1814 года. С. 57.

⁹⁵ Рэй М.-П. 1814. Царь в Париже. С. 171.

⁹⁶ Там же. С. 171–172.

выплатой контрибуции. Под влиянием Александра I, полагавшего неправомерным прямой возврат к «старому режиму», французский король Людовик XVIII даровал своему народу конституцию. Даже в отношении Наполеона Александр проявил снисходительность: бывший французский император отрёкся от престола и переехал на остров Эльба, отданный ему во владение, в то время как союзники хотели применить к нему более жёсткие меры.

Генерал барон Ф.В. Остен-Сакен, которого российский император 31 марта 1814 г. назначил военным губернатором Парижа, в свою очередь, сделал всё возможное для того, чтобы успокоить население и поддержать порядок в городе. Его усилия не остались незамеченными. 30–31 мая 1814 г., накануне отбытия русских войск из Парижа, он получил целый ряд наград как с французской, так и с русской стороны: от короля Людовика XVIII — золотую табакерку с портретом и алмазами стоимостью 40 тыс. руб., от французской национальной гвардии — золотую шпагу, от Парижа — карабин, пару пистолетов и золотую шпагу с алмазами и надписью «Город Париж генералу Сакену», от императора Александра I — орден Св. Андрея Первозванного. В том же году Ф.В. Остен-Сакен был награждён французским орденом Св. Людовика 1-й степени⁹⁷.

Что касается эмоций русских в Париже, то они также были смешанными. Эйфория первых дней уступила место внимательным и взвешенным наблюдениям. Письма и мемуары русских офицеров содержат крайне любопытные оценки, данные ими Парижу и особенно — парижанам.

Многие мемуаристы отмечают безмерную любовь парижан к зрелищам. Огромной популярностью у них пользовались театры, которым, по мнению А.Г. Краснокутского, действительно можно было отдать «первенство над всеми европейскими»⁹⁸. Полковник М.М. Петров, посетив Парижскую оперу и так называемый Французский театр на ул. Ришелье, был «изумлён превосходным искусством оркестра, совершенством перспективы декораций, а всего более — дивною игрою театральных артистов Тальмы, Лаиса и других»⁹⁹. Всевозможные представления шли также на улицах, где постоянно собирались толпы горожан. «На каждом почти шагу в Париже что-нибудь да показывают! — писал Глинка. — Кроме известных главных театров, множество шутовских и гаерских рассеяно по бульварам... В одном месте показывают *Китайские тени*, в другом — *искусственного слона*; там целую роту учёных чижей; далее болтливое общество попугаев... Слово *показывают* (on montre) вертится беспрестанно на языке парижан. С некоторого времени у них всё сделалось *показным* — и все великие происшествия как будто им были только *показаны*!.. В одном конце Парижа рубили головы, а в другом смеялись, говорили: “Там *показывают* действие гильотины!”»¹⁰⁰.

В то время как парижские театры и другие увеселительные заведения были переполнены, церкви практически пустовали. Посетив несколько парижских храмов, И.Т. Раджицкий обратил внимание на то, что среди прихожан, кроме

⁹⁷ Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Биобиблиографический справочник. СПб., 2006. С. 596.

⁹⁸ Краснокутский А.Г. Взгляд русского офицера на Париж... С. 69–70.

⁹⁹ Петров М.М. Рассказы служившего в 1-м Егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трёх родных братьев его, зачавшейся с 1789 года. 1845 г. // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания Отдела письменных источников Государственного исторического музея. М., 1991. С. 269.

¹⁰⁰ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера... Ч. 8. М., 1816. С. 216–217.

нескольких стариков и детей, находились только дамы, «бросавшие взгляды» на русских офицеров, «набожности ни в ком не было видно»¹⁰¹. По выражению Михайловского-Данилевского, «с начала революции» парижане «оставили религию»¹⁰². Своеобразной иллюстрацией к этому выражению служит запись поручика А.Д. Черткова: «Цирк Франкони занимает место, где до революции находился монастырь капуцинов. 20 лет назад там жили монахи. Но волею случая сейчас на месте церкви находится конюшня... А старинную церковь на улице Больших августинцев, сломав купол, превратили в рынок, где продают мясо, птицу и т.д.»¹⁰³. Тем не менее подавляющее большинство парижских храмов в ходе революции уцелели, в чём Краснокутский увидел надежду на лучшее будущее: «Бесчисленность святых церквей и богоугодных заведений спасает испорченный нравами Париж от грозящей гибели!.. Добродетель борется ещё с умножающимися пороками!»¹⁰⁴.

Полковник С.И. Маевский, рассказывая о своём пребывании в Париже, отметил свойственные парижанам «общий дух весёлости», «всеобщую вежливость» и «страсть к новостям». «Их стихия — новость, лёгкость и рассеяние, — пишет он, — их улицы и площади похожи на волну людей, сменяющую одна другую»¹⁰⁵. Впечатления Маевского перекликаются с оценками Краснокутского: «Можно сказать, что Париж волнуется, как бурное море! Человеческие чувства истощаются излишеством удовольствий, нравственность истлевает, способности притупляются!»¹⁰⁶. Парижан Краснокутский характеризует как весьма любезных, добрых и покорных, «когда [они] обузданы силою строгости. Склонны к вымыслам и изобретениям всякого рода; трудолюбивы, и вместе пристрастны к удовольствиям. Всему восхищаются без меры, всё опорочивают и во всём переменчивы. Одарены талантами, превосходным вкусом и каждую чужую вещь с насмешливостью осуждают... Любопытны и беззаботливы до крайности. Остроумны и храбры; тщеславны и честолюбивы. Отменно способны к наукам, художествам и к познаниям всех родов. Вкусный стол, женщины и публичные зрелища много их занимают. Постоянство в любви почитают они несносным игром... Они любят щёгольство, пышность, великолепие, роскошь, и всё сие совершенно их изнеживает... Часто жалуются на модные болезни. Все они любят проводить время в кругу прелестных нимф или на публичных гульбищах. Там пустословят они без умолку, и особенно судят о новостях, до которых все страстные охотники; стараются пересмеивать друг друга; для острых слов (*bon-mots*) не щадят даже и святыни... От пьянства удалены, а любят хорошее вино. Наконец, они воображают, что веселее и счастливее их никто в свете жить не может»¹⁰⁷.

Одной из положительных сторон парижан Глинка считал их склонность к чтению: «Склонность сия господствует в Париже во всех состояниях народа...

¹⁰¹ *Раджицкий И.Т.* Походные записки артиллериста... С. 162, 182.

¹⁰² *Михайловский-Данилевский А.И.* Журнал 1814 года. С. 52.

¹⁰³ *Чертков А.Д.* Мой путевой журнал, или Дорожный дневник от берегов Рейна до Парижа и во время моего пребывания в этом городе // 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров Русской армии: Из собрания Государственного исторического музея. М., 1992. С. 435.

¹⁰⁴ *Краснокутский А.Г.* Взгляд русского офицера на Париж... С. 19–20.

¹⁰⁵ *Маевский С.И.* Мой век или история генерала Маевского. 1779–1848 // Русская старина. 1873. № 9. С. 284, 286–287.

¹⁰⁶ *Краснокутский А.Г.* Взгляд русского офицера на Париж... С. 68.

¹⁰⁷ Там же. С. 77–79.

В каждом доме увидишь книги, найдёшь семейные чтения. *Учёные общества*, которых в Париже очень много, в непрерывных занятиях; в типографиях вечное движение, и сколько б ни напечатали, всё раскупят!.. *Художники...* и *писатели* пользуются... всеобщим уважением... Если уже суждено *роком* нам, русским, передразнивать во всём парижан и слепо покоряться модам их: то почему вместо всего, что занимаем у них *худого*, почему не переймём *хорошего*? — Для чего, например, заражаясь их развратом, не заразимся страстью к чтению и не займём у них благородной склонности к ободрению наук, свободных художеств и к почитанию всего отечественного?»¹⁰⁸.

Пребывание русской армии в Париже мало походило на его оккупацию. Многие офицеры ходили по городу не в военной форме, а во фраках, с интересом осматривали достопримечательности: Собор Парижской Богоматери, Лувр (М.М. Петров был в этом «музее» «более десяти раз» и назвал его «первейшим дивом Парижа и всего света»)¹⁰⁹, Пантеон, Дом инвалидов, Тюильри и др. Особым интересом пользовался Пале-Рояль, представлявший собой, по выражению Краснокутского, «средоточие разнородных утончённых удовольствий и сладострастных прихотей, словом сказать: маленький Париж в большом Париже»¹¹⁰. В этом бывшем королевском дворце, национализированном в 1793 г. и ставшем общим достоянием Франции, в частности, располагались рестораны, игра в рулетку, публичный дом и ссудная касса. Прапорщик И.М. Казаков называет это место «самым приятным, весёлым и, вместе с тем, самым пагубным»¹¹¹, А.Д. Чертков — «подробной и истинной картиной того, к чему приводит разгул страстей»¹¹². Глинка отмечал: «Напиши подробную историю Пале-Рояля... и будешь иметь историю всех важнейших перемен во Франции, историю изменения нравов и упадка их»¹¹³. По мнению Краснокутского, «царское сие жилище преобразилось в скопище бесстыдства, соблазна и позора! Неможно никогда себе вообразить, до какой степени сумасбродные распутства заразили человечество... Беги, страшись, смиренная Россия, заимствоваться сими скотоподобными неистовствами! Процветай всегда под благословением Всещедрого Создателя! Да будет тебе нелicenseмное благочестие крепкою оградой от сих постыдных гнусностей!.. Тогда благоденствие и слава твоя никогда не поколеблются!»¹¹⁴. Однако, несмотря на утверждение мемуариста, что «благоразумный человек видит здесь ясно гнездо разврата и вместилище ужаснейших пороков»¹¹⁵, целому ряду русских офицеров не удалось побороть искушение и как следствие — избежать «модных» болезней. При этом Краснокутский подчеркнул также, что нравы и обычаи жителей французской столицы отнюдь не свойственны стране в целом: «Чистота нравственности во многих странах (регионах. — Л.М.) Франции не обрызгана ещё парижскою грязью; следственно, приписывать всему государству обольстительную картину Парижа было бы несправедливо»¹¹⁶.

¹⁰⁸ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера... Ч. 8. С. 243–245.

¹⁰⁹ Петров М.М. Рассказы служившего в 1-м Егерском полку полковника Михаила Петрова... С. 269.

¹¹⁰ Краснокутский А.Г. Взгляд русского офицера на Париж... С. 59.

¹¹¹ Казаков И.М. Поход во Францию 1814 года // Русская старина. 1908. № 5. С. 358.

¹¹² Чертков А.Д. Мой путевой журнал... С. 433.

¹¹³ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера... Ч. 8. С. 18.

¹¹⁴ Краснокутский А.Г. Взгляд русского офицера на Париж... С. 62–63.

¹¹⁵ Там же. С. 62.

¹¹⁶ Там же. С. 1.

Основной чертой практически всех характеристик Парижа, данных русскими военными, является его противоречивость. Например, по словам Радожицкого, Париж — «столица роскоши, средоточие всех наук, искусств и удовольствий, Капитолий немногих добродетелей и лабиринт величайшего разврата»¹¹⁷. Краснокутский назвал его городом противоположностей: «великолепия и скудости, богатства и бедности, роскоши и нищеты... Он возвышается подобно Колоссу Родосскому первенством просвещения; но в той же степени унижается развратностью, утончённой к человеческой пагубе»¹¹⁸. Глинка отметил, что русские видели в Париже «много любопытного; немало хорошего и очень много худого»¹¹⁹. Прощаясь с городом, он полушутя произнёс: «Избави, Господи, от мора, потопа, огня и *Французского духа!* ... Разница между нами и вами, господа французы, ещё очень велика: *Москва* и *Париж* свидетельствуют в том!»¹²⁰. Мысли Глинки перекликаются со сравнительной оценкой характеров двух наций, данной генерал-майором М.Ф. Орловым: «Мне кажется, ничто не сходствует так мало с истинным французом, как настоящий русский»¹²¹.

Таким образом, Отечественная война 1812 г. и кампания во Франции 1814 г. стали для русских и французов масштабным опытом контактов друг с другом. У тех и других прежде существовали определённые стереотипные представления о стране-противнике. Война 1812 г. в силу ряда причин не внесла каких-то существенных коррективов в довоенные суждения французов о России как о стране «северных варваров». На страницах писем и мемуаров французских участников Русской кампании 1812 г. речь нередко идёт о суровом климате, бесконечных пространствах, борьбе со стихиями и полудиким, невежественным населением. Формированию и закреплению подобных представлений в значительной степени способствовала и наполеоновская пропаганда, в частности, трактовка происходивших событий в бюллетенях Великой армии. В то же время пребывание русской армии в Париже в 1814 г. позволило мирному населению Франции если не отбросить, то существенно скорректировать ряд пропагандистских клише в отношении русских военных. Знакомство русских офицеров с французской действительностью привело к пересмотру имевшегося у них прежде образа Франции и определённой переоценке ценностей. Прежнее представление о Франции и французах как государстве и обществе, приближённых к идеалу, безвозвратно рухнуло. Вместо этого у русских офицеров сформировался иной, многогранный образ Франции, в котором присутствовали как достоинства, так и недостатки. Многие русские участники военной кампании 1814 г. при знакомстве с французской реальностью были разочарованы. Во многих источниках личного происхождения (как русских, так и французских) присутствует сравнение увиденного во время похода с собственной страной. Сопоставление традиций, поведения, культуры, религии, духовного развития французов и русских уже многим современникам позволило воспринимать войну 1812–1814 гг. не только как военно-политическое столкновение государств, но и как цивилизационный конфликт. Эта точка зрения имеет место и в современной историографии. Всё это отразилось на исторической и культурной памяти двух народов о событиях того времени.

¹¹⁷ Радожицкий И. Т. Походные записки артиллериста... С. 133.

¹¹⁸ Краснокутский А. Г. Взгляд русского офицера на Париж... С. I.

¹¹⁹ Глинка Ф. Н. Письма русского офицера... Ч. 7. С. 191.

¹²⁰ Там же. Ч. 8. С. 174–175.

¹²¹ Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 17.

Граф Е.Ф. Канкрин и Николай I во время русско-польской войны 1830–1831 гг.

Анна Комзолова

Count E.F. Kankrin and Nicholas I
during the Russian-Polish War of 1830–1831

Anna Komzolova
(Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24020091, EDN: HIIIDKO

Как отмечали ещё дореволюционные историки, русско-польская война 1830–1831 гг. имела долгосрочные последствия. По словам Н.К. Шильдера, после 1831 г. Николай I «был уже не тот, каким он являлся на престол в 1825 г.». Теперь император всё более начал «склоняться на сторону абсолютизма»¹. А.А. Корнилов указывал на то, что после 1831 г. Польша признавалась «страной, завоёванной русским оружием» и требовавшей интеграции с «коренными великороссийскими землями»². М.А. Полиевктов отмечал, что восстание 1830–1831 гг. в значительной мере определило «весь дальнейший ход внешней политики императора Николая I». Более того, в правительственной программе «надолго умерла мысль об исправлении “исторической несправедливости” польских разделов XVIII в., и политика суровой безжалостной действительности вступила в свои права», найдя своё выражение в политике обрусения³.

В современной историографии анализируются возможности и пределы авторитарной власти и роль самого императора и высших сановников в формировании правительственного курса в Польше и Западном крае. При этом особо отмечаются инициативы Николая I, стремившегося к «сближению» этих окраин с империей⁴. По мнению Т.В. Андреевой и Л.В. Выскочкова, одной из важнейших особенностей «николаевской модели преобразовательной политики» являлось «соединение личного начала и управления посредством учреждений»⁵. Неудивительно, что и ключевые государственные институты, и ближайшее

© 2024 г. А.А. Комзолова

¹ Шильдер Н.К. Император Николай и Польша в 1825–1831 годах // Русская старина. 1900. № 1. С. 303; № 2. С. 522, 540; № 8. С. 263.

² Корнилов А.А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XIX века. Пг., 1915. С. 30–39.

³ Полиевктов М. Николай I: биография и обзор царствования. М., 1918. С. 135, 136.

⁴ Выскочков Л.В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2018. С. 380–398; Андреева Т.В., Вибс И.Н., Миловидов Б.П., Шилов Д.Н. Комитет западных губерний в системе государственных учреждений Российской империи в 1831–1835 гг. // Журналы Комитета западных губерний. Т. 1. СПб., 2017. С. 23.

⁵ Андреева Т.В., Выскочков Л.В. Николай I: личность и эпоха. Отечественная историография конца XX – начала XXI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 21. 2022. № 1. С. 118.

окружение Николая I всё чаще привлекают к себе внимание исследователей⁶. Интересуют учёных и причины, помешавшие монарху инкорпорировать представителей польской элиты в состав российской высшей бюрократии, а также в полной мере использовать их потенциал для разработки правительственной программы, направленной на объединение Польши с империей⁷.

Среди советников Николая I особое место занимал министр финансов гр. Е.Ф. Канкрин. Его взгляды и деятельность не раз рассматривались в научной литературе, однако в ней совершенно не отражена та роль, которую он играл в событиях 1830–1831 гг., а также позиции, занятые им тогда при решении польского вопроса.

В правящих кругах Канкрин выделялся скромным происхождением, интеллектом, компетентностью и профессионализмом. Барон М.А. Корф перечисляя такие человеческие слабости графа, как тщеславие, самоуверенность, упрямство и «упорное сопротивление всему, что исходило не от него самого», тем не менее признавал «чрезвычайный дар» министра финансов, заключавшийся в способности «находить простую и удобоисполнимую развязку для самых сложных и щекотливых вопросов». «В речах его, — утверждал барон, — несмотря на странный немецкий их *склад* и ещё более странный *выговор* (выделено Корфом. — А.К.), всегда было что-то пластическое, осязательное для умов и понятий всех степеней. Когда не удавалось взять рассуждениями, он призывал на помощь иронию, даже площадную шутку, которая только ему одному и шла к лицу, нередко исторгая согласие на свои мысли и предложения действием возбуждённого им гомерического смеха»⁸. При этом долго живший в России обрусевший немец Канкрин свободно, хотя и не всегда правильно, писал по-русски, а в разговорах любил вставлять русские пословицы⁹.

Канкрин считал «священной обязанностью» не скрывать от императора свои мысли, пусть «даже ошибочные»¹⁰. Николай I внимательно читал поступающие от графа бумаги, оставляя на полях многочисленные, иногда довольно пространственные пометы, позволяющие судить о его представлениях и темпераменте¹¹. Согласно «достоверному преданию» современников, вступив на престол, он сразу же объявил Канкрину, что «доклады русскому царю должны быть на языке русском»¹².

⁶ См., в частности: *Бибиков Г.Н.* А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009; *Ружицкая И.В.* Просвещённая бюрократия (1800–1860-е гг.). М., 2009; *Ружицкая И.В.* Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.; СПб., 2018; *Кривопапов А.А.* Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг. М., 2019.

⁷ *Андреева Т.В.* Трансформация имперской политики в Польше от конституционализма к бюрократической централизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 65. 2020. Вып. 3. С. 721–749.

⁸ *Корф М.А.* Император Николай в совещательных собраниях. (Из современных записок статс-секретаря барона Корфа) // Сборник Императорского русского исторического общества (далее — Сборник ИРИО). Т. 98. СПб., 1896. С. 139–140.

⁹ Однако, по свидетельству Корфа, Канкрин «немилосердно обходился с русским языком» (Из записок барона М.А. Корфа // Русская старина. 1899. № 12. С. 517).

¹⁰ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 57, л. 30 об.

¹¹ Собственноручные карандашные записи императора на полях докладов Е.Ф. Канкрин сделаны на русском языке, что являлось для Николая I обычной практикой. См. также: *Андреева Т.В., Корсакова Н.Л.* К истории крестьянского вопроса в России. Записка неизвестного автора «Об освобождении крестьян в России» с пометами на полях императора Николая I // Петербургский исторический журнал. 2015. № 3. С. 175.

¹² Граф Егор Францович Канкрин. Очерк его жизнеописания // Русский архив. 1866. № 1. Стб. 118, 114.

Летом—осенью 1830 г. министр финансов с беспокойством следил за развитием революционных процессов в Европе и приготовлениями России к войне. После Июльской революции 1830 г. Николай I попытался выяснить отношение Пруссии и Австрии к возможности прямой военной интервенции во Францию. В сентябре, когда беспорядки охватили Бельгию, и король Нидерландов Вильгельм I попросил о помощи, царь собирался отправить ему русский корпус, чему помешало лишь восстание, вспыхнувшее в ноябре в Варшаве и переросшее в русско-польскую войну.

30 июля, одним из первых получив известия из Берлина об «ужасных происшествиях» в Париже, Канкрин уведомлял о случившемся императора, который отметил на этой записке: «Сегодня утром узнал и, признаться, крайне сим огорчён: хотя давно сего ожидал»¹³. Министр финансов полагал, что революции в Европе вскоре могли негативно отразиться и на экономическом положении России. В секретной записке 10 октября Канкрин делился с монархом своими «мрачными видами», опасаясь, что в случае начала большой европейской войны у России не окажется надёжных союзников: «Вообще, я смотрю с сокрушением сердца на возможность перемены мирных обстоятельств. На Германию надеяться нельзя, коль скоро она почувствует тягости войны. Один *casus foederis*¹⁴ не убедит тамошних людей о необходимости войны. Английская министерия слаба, вероятно, будет стараться откладывать всякую решимость и, если решится после, не даст субсидий, а многого и дать не может. Если Франция остаётся нейтральной, то опасно, чтоб бешенство республиканцев не взяло верх. Война с Францией может иметь последствия крайне невыгодные, особливо по духу времени». Опасаясь политического радикализма, хаоса и разгула насилия, провоцировавшихся революционно настроенными заговорщиками, Канкрин отмечал: «Печальнее всего, что представляются таковые препоны и опасения, кои гидра самовольства угрожает опустошить Европу, законность не признаётся и чернь распоряжает по научению хитрых возмутителей». Николай I, балансировавший тогда на тонкой грани защиты принципов легитимизма и невмешательства во внутренние дела других государств, 12 октября откликнулся на размышления своего советника: «Я совершенно и в глубине души разделяю мнение Ваше, но весь вопрос состоит в том: умирать ли с честью, если Богу угодно, чтобы права трона пали, или со стыдом?». Император не скрывал, что ожидал инициативы от союзников, и прежде всего от Австрии, но для него это «праведная война», и он должен был «действовать по совести»¹⁵.

12 июня 1831 г. Канкрин доложил: «Из Берлина пишут, будто бы князь Ме[т]терних сказал, что если война в Польше продолжится ещё два месяца, то не ручается за спокойствие Венгрии (здесь и далее курсивом переданы слова, выделенные в тексте. — А.К.)». Царя подобное заявление не удивило. «К несчастью, — полагал он, — это весьма быть может; сведения эти имел я уже года три тому назад, и говорил, но мне не верили или, лучше сказать, не хотели признаваться»¹⁶. 31 июля Николай I одобрил предложение Канкринa не скрывать от русских читателей речь, произнесённую французским королём при открытии палат парламента, «полную угроз против России относительно Польши», заверив министра: «Газеты будут выпущены, что всякий увидит, до какого

¹³ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 57, л. 20.

¹⁴ Случай договора (лат.).

¹⁵ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 57, л. 29—30 об.

¹⁶ Там же, д. 63, л. 42.

нахальства доходит во Франции»¹⁷. В октябре 1831 г. император высказал Егору Францевичу своё мнение об июльской монархии: «Что же касается до Франции самой, я в душе и сердце убеждён, что всемогущий Бог не даст этому порядку долго продолжаться»¹⁸. Он и впоследствии не изменил своё негативное отношение к Луи Филиппу.

С особым беспокойством глава финансового ведомства следил за положением на границах империи и боевыми столкновениями русских войск с поляками. Так, его сильно тревожили действия отряда под командованием Дверницкого в Подольской губ. 22 апреля 1831 г. Николаю I пришлось успокаивать сановника, ссылаясь на получаемые с Волыни сведения, которые «доказывают, что почти никто не пристаёт к Дверницкому, и потому нет сомнения, что он пропасть должен»¹⁹. 24 апреля император набросал для Канкрин записку о том, что Дверницкого вынудили перейти австрийскую границу²⁰, а 25 апреля извещал его о поступившем рапорте, согласно которому в Палангене на границе с Пруссией было «всё совершенно спокойно», а «Шавли заняты г[енералом] Ширманом»²¹.

В 1830–1831 гг. основное внимание в еженедельных докладах Егора Францевича уделялось проблемам, связанным с разрешением тяжёлого финансового положения страны и поиском средств для нужд армии. 5 августа 1830 г., после беседы с военным министром гр. А.И. Чернышёвым, он доложил императору, что «смета Военного министерства на 1831 год будет значительно выше, почему делу о[б] улуч[ш]ении губернских штатов на первый раз не может быть дано движение». И хотя Николай I пытался настаивать на том, что «приготовления к неизбежному походу не должны обременять мирной сметы»²², вскоре ему пришлось прибегнуть к сверхсметным ассигнованиям. 5 октября он повелел гр. Чернышёву для подготовки к европейской кампании немедленно приступить к закупке лошадей для артиллерии. «Успокойте Канкрин относительно этих первоначальных расходов, — инструктировал его царь, — и старайтесь по возможности уменьшить их»²³. 10 октября Егор Францевич изыскал возможность выделить «на первый раз» 2 млн руб. за счёт «мирной росписи»²⁴.

31 октября гр. Канкрин представил всеподданнейшую записку о необходимости внутреннего займа «звонкой монетой» для покрытия чрезвычайных расходов. В ней, в частности, отмечалось, что «если возгорится война, то она, вероятно, будет продолжительна и потребует великих издержек, для коих имеющиеся в виду ресурсы весьма недостаточны»²⁵. По распоряжению Николая I эти соображения обсуждались в Комитете финансов. Первое заседание состоялось 9 ноября 1830 г. в присутствии вице-канцлера гр. К.В. Нессельроде. Кан-

¹⁷ Там же, л. 89. По свидетельству П.Г. Дивова, временно исполнявшего обязанности министра иностранных дел, 27 июля 1831 г. первоначально приостановили рассылку иностранных газет, в которых публиковалась речь Луи Филиппа, но затем эту меру отменили, ограничившись запрещением передавать его слова в российской печати (Из дневника П.Г. Дивова (1831 год) // Русская старина. 1899. № 12. С. 528).

¹⁸ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 63, л. 112.

¹⁹ Там же, л. 19.

²⁰ Там же, л. 206.

²¹ Там же, л. 21.

²² Там же, д. 57, л. 22.

²³ Цит. по: Шильдер Н.К. Между двумя войнами. Император Николай Павлович в виду французской революции 1830-го года // Русская старина. 1881. № 7. С. 385.

²⁴ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 57, л. 29.

²⁵ Там же, ф. 563, оп. 2, д. 21, л. 4 об.

крин констатировал, что «требования» Военного министерства уже превысили смету 1830 г. на 10 млн руб., и «если бы и удалось свести общую роспись на 1831 год, то ни в каком случае из обыкновенных доходов нельзя ничего уделить на военные издержки»²⁶. Вице-канцлер отчасти поддержал его, выразив опасение, что политические обстоятельства могут «возродить войну»²⁷. В тот же день гр. Нессельроде писал фельдмаршалу гр. И.И. Дибичу: «Я провёл утро в заседании весьма грустного комитета, где Канкрин развернул перед нами картину бедности наших финансов. Не вполне разделяя его мнение относительно *наших невозможностей*, я должен, однако, согласиться, что источники для выполнения мер чрезвычайных совершенно иссякли. Без субсидий от Англии я не знаю, где мы почерпнём ресурсы для ведения войны, продолжительность которой никто не может предвидеть»²⁸. Поэтому члены Комитета, не приняв какого-либо решения, признали отсутствие средств для ведения не только продолжительной, но и «скоро кончиться могущей» войны²⁹.

20 декабря император утвердил роспись государственным доходам и расходам на 1831 г. Ожидалось, что в казну поступит около 407 млн руб., тогда как траты по Военному министерству составят свыше 156 млн руб., а по морскому ведомству — около 31 млн руб., ещё 12 млн руб. выделялось на чрезвычайные расходы, вызванные борьбой с холерой, неурожаем и польским восстанием³⁰. Для покрытия сверхсметных расходов на армию использовались также средства специального военного фонда, созданного по инициативе Канкринина и составлявшего в 1830 г. свыше 65 млн руб.³¹ Однако данная сумма не покрывала все издержки Польской кампании, на которую в 1831 г. казначейство ассигновало свыше 118 млн руб.³² «Ресурсы не были для сего достаточны, — указал Канкрин во всеподданнейшем отчёте за 1831 г., — а возникший в западных губерниях бунт расстроил многие источники доходов, а неведение, когда оный прекратится, родило мучительную неизвестность»³³. Между тем далеко не всегда средства тратились с пользой. Так, для пополнения запасов в Англии закупили до 100 тыс. ружей, что обошлось в 3 млн руб., выделенных из военного фонда. Однако в августе 1831 г. по прибытии транспорта с оружием в Кронштадт выяснилось, что значительная часть поставленных изделий неисправна. В результате убытки превысили 1,1 млн руб.³⁴

Тем не менее, отбросив первоначальный скептицизм, гр. Канкрин предложил покрыть все военные расходы с помощью внешних и внутренних займов. В январе—марте 1831 г. его план рассматривался в Комитете финансов³⁵, члены которого считали, что денег «для окончания похода в Польшу» достаточно, но

²⁶ Там же, л. 3, 4.

²⁷ Там же, л. 6—6 об.

²⁸ Цит. по: Шильдер Н.К. Между двумя войнами... С. 396—397.

²⁹ РГИА, ф. 563, оп. 2, д. 21, л. 6 об.—12.

³⁰ Печерин Я.И. Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1803 по 1843 год включительно. СПб., 1896. С. 134—137.

³¹ Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. История—статистика. Т. 1. СПб., 1882. С. 160, 185—186.

³² Там же. С. 187.

³³ Цит. по: Печерин Я.И. Указ. соч. С. 138.

³⁴ Блюх И.С. Указ. соч. Т. 1. С. 187, примеч. 2; Фёдоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911. С. 43—48.

³⁵ Журналы Комитета финансов 15 и 23 января, 18 февраля, 15 и 22 марта 1831 г. см.: РГИА, ф. 563, оп. 2, д. 21, л. 13—22 об., 28—37 об.

в случае европейской войны может возникнуть дефицит. Однако, как рассуждали сановники, если «теперь, когда имеется в виду одно возмущение Польши», в Петербурге заявили бы о необходимости обратиться к займам, то это не только «означало бы какую-то слабость ресурсов государства», но и «пред Европою могло бы дать вид, что Россия готовится к каким-либо более важным и дальновидным предприятиям, нежели к одному усмирению возмущившейся части жителей Польши». С другой стороны, следовало заранее и «без огласки» продумать все риски финансовых заимствований, учитывая, что, «к сожалению, нет никакого верного ручательства о сохранении мира в Европе, хотя бы Россия, по всей возможности и сколько достоинство и безопасность её и общее спокойствие Европы то позволяют, избежала дать к тому повод»³⁶. В итоге 14 мая 1831 г. император утвердил решение о заключении займа с голландским банкирским домом Гоппе³⁷, который, как говорилось в журнале Комитета финансов, с давнего времени оказывал «российской короне важные услуги» и всегда отличался «основательностью, точностью, усердием и честностью в исполнении возлагаемых на него поручений»³⁸. В 1831 и 1832 гг. правительство заключило с ним два «бессрочных» внешних государственных займа (по 20 млн руб. серебром каждый)³⁹.

Чрезвычайные военные расходы негативно сказались на состоянии российских финансов и увеличили массу государственного долга. В начале 1831 г. стал заметен отток капиталов частных вкладчиков из основных банков⁴⁰. Министерству финансов ничего не оставалось, как выпускать ассигнации, численность которых в обращении за 1831 г. увеличилась с 723,2 млн до 823,1 млн руб. В 1831 г. гр. Канкрин обратился и к краткосрочному внутреннему кредиту — в течение года трижды выпускались билеты Государственного казначейства (по 30 млн руб.) и одновременно заимствовались значительные средства из казённых кредитных учреждений⁴¹. В конце 1831 г. последовало повышение таможенных пошлин⁴².

Опасаясь за успех внешнего займа, гр. Канкрин внимательно следил за ходом Польской кампании, распространением холеры и ситуацией в Европе. «Если справедливы слухи, — докладывал он императору 12 июня 1831 г., — что мятежники взяли Паланген, то сие может иметь вреднейшее влияние на известный заграничный заём; и нужно бы сделать все возможные усилия вытеснить бунтовщиков с содействием морских сил. Чрезмерно строгие меры, взятые в чужих краях против холеры, и появление оной, по слухам, в Нижнем Новгороде теперь, во время ярмарки, также грозит большим расстройством внешней и внутренней торговле и таможенному доходу. С другой стороны, боязнь от холеры может содействовать к сохранению мира в Европе»⁴³.

³⁶ Там же, л. 14 об.—16.

³⁷ Журналы Комитета финансов 29 апреля, 6 и 13 мая 1831 г. см.: Там же, д. 24, л. 1—32.

³⁸ Там же, л. 10 об.

³⁹ Согласно расчётам П.П. Мигулина, займы 1831—1832 гг. были окончательно погашены в 1891 г. (*Мигулин П.П.* Русский государственный кредит (1769—1899). Опыт историко-критического обзора. Т. 1. Харьков, 1899. С. 104—108).

⁴⁰ Записку «О состоянии наличных сумм в банковых установлениях», представленную Канкриным 16 февраля 1831 г., см.: РГИА, ф. 563, оп. 2, д. 21, л. 25—25 об.

⁴¹ *Блюх И.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 187—192; Министерство финансов. 1802—1902. Т. 1. СПб., 1902. С. 226—228.

⁴² *Лодыженский К.Н.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 212, 223, 224.

⁴³ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 63, л. 38—38 об.

До окончания русско-польской войны Николай I воздерживался от каких-либо публичных заявлений о дальнейшей судьбе Польши, даже если они могли бы благоприятно влиять на общественное мнение за границей. Между тем гр. Канкрин полагал, что это способствовало бы реализации голландского займа на более выгодных условиях. «Для укрощения большого шума в Европе, — писал он в секретной записке царю, — и для отнятия у самих поляков причин упорства, едва ли не полезно бы было издать какую-либо декларацию и пустить в публику, что Россия не имела намерений уничтожить Царство Польское и пр[оч]., и пр[оч]. Я дерзаю о сем упомянуть единственно в пользу предположенного займа». Однако императора эти соображения не убедили, и 19 июня 1831 г. он оставил резолюцию: «Весьма трудно»⁴⁴.

Летом 1831 г., в разгар Польской кампании, гр. Канкрин регулярно представлял доклады о тяжёлом положении возглавляемого им ведомства⁴⁵. «Расходы непомерны, особенно по военной части, — сетовал он 2 июля, — доходов в июне поступило менее до 2½ миллионов рублей и ещё должно ожидать вящего упадка... Внешние и внутренние обстоятельства, так сказать, в союзе против Министерства финансов; весьма трудно не терять духа»⁴⁶. 7 августа положение представлялось ему ещё более удручающим: «При ежедневно возрастающих военных расходах, сверх первоначальной сметы, и при нынешних обстоятельствах Европы, я священным долгом считаю всеподданнейше известить пред Вашим императорским величеством, что есть ли голландский долг не состоится, то все наличные и в виду имеющиеся чрезвычайные способы Министерства финансов не достаточны долго выдержать настоящие расходы, они большей частью истощатся в нынешнем году, а новых ресурсов в виду нет»⁴⁷.

Но если тон записок гр. Канкрин к концу лета становился всё более мрачным и пессимистичным⁴⁸, то Николай I неизменно призывал его не впадать в уныние и уповать на лучшее. Свою надежду на благоприятный исход дела он подкреплял верой в то, что Бог на стороне России. 8 августа 1831 г. он написал на графском докладе: «Всю трудность нашего положения я чувствую глубоко; моя надежда на Бога... На голландский заём я потерял всю надежду»⁴⁹. 25 авгу-

⁴⁴ Там же, л. 50.

⁴⁵ Когда в разгар эпидемии холеры в Петербурге в июне 1831 г. император установил для себя и своей семьи карантин в Александрии близ Петергофа, министру пришлось пересылать свои записки «под конвертом». Извиняясь за вынужденное ограничение деловых встреч, 19 июня 1831 г. Николай I отметил на одном из донесений Канкрин: «Вы знаете, что я не боязлив, но должен наблюдать осторожность для беременной моей жены и детей; тем же более когда в сие же время имели горесть потерять брата цесаревича от сей ужасной болезни, и в самое нарочное время». Впрочем, в экстренных случаях не исключались и личные встречи: «Если б необходимо было нам видеться, — писал монарх Егору Францевичу, — то можете прибыть на пароходе на пристань [на Елагином острове], где у меня на сей случай есть палатки, только предварите меня». Узнав о начавшемся в столице холерном бунте, самодержец рекомендовал министру позаботиться о личной безопасности и по ночам запирается дома. Канкрин, со своей стороны, распорядился негласно усилить охрану Государственного казначейства и Монетного двора. Описывая происходившие в городе беспорядки, он сообщал в Александрию о собственных впечатлениях и распространявшихся слухах, а 22 июня предупреждал: «Некоторые думают, что чернь уверена, что солдаты по ним стрелять не будут» (РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 63, л. 46, 55–57, 59–59 об.; Шильдер Н.К. Император Николай I и Польша. 1825–1831 гг. // Русская старина. 1900. № 8. С. 232, 233).

⁴⁶ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 63, л. 71.

⁴⁷ Там же, л. 95.

⁴⁸ Там же, л. 47–48, 63 об.–64, 73, 92, 97, 102.

⁴⁹ Там же, л. 95.

ста, узнав про неудачу голландского займа, царь отметил: «Крайне сожалею; но мне кажется... что успех займа зависит от *г[енерала] Паскевича*; если Бог благословит его действия, то и заём наш заключится удачно и легко»⁵⁰. А с 16 октября уже и сам гр. Канкрин начал демонстрировать сдержанный оптимизм, видя, что «по письмам моих заграничных корреспондентов, взятие Варшавы продолжает иметь выгодное влияние на умы, уважение России усилилось и вообще дух исправляется более и более»⁵¹.

Под влиянием польского восстания Николай I учредил ряд секретных комитетов, которые создавались как для подготовки и проведения долгосрочных реформ, так и для оперативного решения различных проблем, возникавших при управлении окраинами. В 1831 г. гр. Канкрин был назначен членом Комитета по делам Царства Польского при Государственном совете, разработавшего Органический статут 1832 г.⁵², а также Секретного комитета под председательством гр. Чернышёва, образованного для рассмотрения способов расширения военных возможностей России⁵³. В сентябре 1831 г. его также включили в состав Комитета западных губерний, где сосредоточились законосовещательные и, отчасти, распорядительные функции по всем гражданским делам края и определялась программа его будущего переустройства. Вместе с тем по желанию Николая I гр. Канкрин ещё в январе 1831 г. в отзыве на всеподданнейшую записку генерал-адъютанта С.П. Шипова «Взгляд на Подольскую губернию» изложил своё мнение о положении западных губерний и возможности их «сближения» с центром империи. В феврале–марте 1831 г. его замечания, наряду с рекомендациями Шипова и могилёвского гражданского губернатора М.Н. Муравьёва, оказались в центре внимания Особого комитета под председательством кн. А.Н. Голицына, своеобразного «предшественника» Комитета западных губерний⁵⁴.

Судя по его отзыву, интеграцию западных губерний Егор Францевич связывал с традиционной кооптацией местной элиты в состав правящего слоя империи при сохранении основных её привилегий. П.К. Щербальский верно подметил, что для гр. Канкрин это был «завоёванный край, который надо удержать за Россией, щадя справедливые, по его мнению, права поляков на господство в нём, как в их природном крае. Он, конечно, понимал, что не безопасно и не благоразумно было бы сохранять в нём ту отдельность, которая существовала до мятежа 1831 г. ... Что же касается до миллионов крестьян, то их права на религию и язык не имели, по-видимому, никакого значения в глазах расчётливого министра»⁵⁵.

Всю территорию края граф отождествлял с «Литвой», не выделяя в ней каких-либо культурно-исторических областей. Поляки, составлявшие в «Литве» меньшинство населения, были для него «пришельцами», но по отношению

⁵⁰ Там же, л. 102.

⁵¹ Там же, л. 113.

⁵² *Эпштейн Э.Е.* Деятельность Комитета по делам Царства Польского при Государственном совете (1831–1835 гг.): проекты и стратегии управления. М., 2015.

⁵³ *Kagan F.W.* The Military reforms of Nicholas I: the origins of the Modern Russian army. N.Y., 1999. P. 213–220.

⁵⁴ Подробнее об Особом комитете см.: *Андреева Т.В., Виле И.Н., Миловилов Б.П., Шиллов Д.Н.* Комитет западных губерний... С. 27–30; *Комзолова А.А.* Николаевские сановники и «бывшая Литва»: из архива Комитета западных губерний, 1830–1831 гг. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2019. № 4(16). С. 15–21.

⁵⁵ *Щербальский П.К.* Вигель о польском вопросе // Русский вестник. 1864. № 6. С. 826.

к ним сановник предлагал действовать осторожно, постепенно и «неприметным образом». В частности, он придавал большое значение привлечению «природных поляков» на военную и гражданскую службу, причём как в западных, так и во внутренних губерниях и столицах. «Мысль о приноравливании Литвы к России, — утверждал гр. Канкрин, — была бы несбыточна и весьма неосторожна, если бы большая масса народа состояла из поляков. Ничто более не повредило бывшей Французской империи, как стремление отнять у других наций природные языки и законы». Как ему казалось, «нельзя полагать, чтобы поляки сделались вовсе русскими; но может быть такое приближение, как, например, Алзас с Францией»⁵⁶.

Среди остальных жителей региона министр выделял «малое только число литовцев» и большинство — «племя западных россиян (неправильно малороссиян)», язык которых несколько отличался от привычного для «северовосточных россиян (москалей)», но меньше, чем «баварский от саксонского». По своему «характеру» они были «более склонны к лености, мягки, мало предприимчивы, не поворотны, но в случае храбры». Егор Францевич считал их «русскими», так как «даже вероятно, что они прежде других носили сие наименование», и это само по себе могло содействовать «присоединению их опять к общему великому народу руссов»⁵⁷.

Граф не исключал, что со временем произойдёт воссоединение местных греко-католиков с православием, поскольку «униаты едва ли не сами склонны освободиться от римского влияния». Однако он предостерегал против каких-либо резких и насильственных действий правительства в отношении «богатого» католического клира, «обладавшего высшим обществом». Принцип «веры коснуться не должно»⁵⁸ оставался для него фундаментом любой интеграционной политики на западных окраинах. Более того, католическое духовенство воспринималось им как потенциальный союзник императора в деле защиты общих консервативных и прежде всего семейных ценностей, ведь оно «в сущности должно бы более клониться на сторону религиозной монархии, нежели на сторону вольнодумства в Королевстве Польском». Вследствие этого казалось вполне естественным сохранить в его руках образование местных «высших классов», когда российское правительство не могло обеспечить их хорошо подготовленными русскими учителями⁵⁹.

Любые попытки «возвысить Киев» и «уничтожить» влияние Варшавы как центра притяжения для западных окраин представлялись гр. Канкрину неосуществимыми, «ибо тут действуют язык и литература»⁶⁰. Он не верил в то, что неодолимое, по его мнению, культурное доминирование Польши можно ослабить, распространяя в Западном крае географические и исторические сочинения «в духе русском» и стараясь «возбуждать старые отечественные воспоминания». Граф утверждал, что «в местах, где все высшие классы состоят из поляков, нельзя ожидать особого успеха, доколе в течение многого времени не сблизятся народы русский и польский. Притом древние времена русского владения тамошними провинциями не могут быть почтены отечественными для поляков, ибо они суть пришельцы и польскую историю предпочитают всякой

⁵⁶ Комзолова А.А. Николаевские сановники... С. 23.

⁵⁷ Там же. С. 22.

⁵⁸ РГИА, ф. 1266, оп. 1, д. 9, л. 258 об.

⁵⁹ Комзолова А.А. Николаевские сановники... С. 23.

⁶⁰ РГИА, ф. 1266, оп. 1, д. 9, л. 259.

другой»⁶¹. Проекты привлечения в западные губернии дворян и чиновников из центра страны министр финансов находил бесперспективными, так как «вообще немногие из русских охотно будут жить в обществе, им чуждом». Пользу могло принести лишь создание в регионе русских майоратов. В целом же «нужны много времени и весьма постепенные действия, чтобы польские губернии обрусели»⁶². Поэтому «на первый раз всегда надёжнее будет привлекать самих поляков к России»⁶³.

Признавая необходимость «сблизить между собой законы литовские и русские», гр. Канкрин в то же время утверждал, что «нельзя распространять на Литву ныне существующие российские гражданские и уголовные законы». Он настаивал на том, что Литовский статут, который имел «важные недостатки» и к том же «обветшал и даже сделался мёртвым законом», основан «на гораздо правильнейших началах» по сравнению с российскими законами. И поскольку «вообще же нельзя лишить народа вдруг своего коренного законодательства, ибо оно связано посредством тысячи нитей с общежитием и с семейным бытом»⁶⁴, министр возражал против прекращения действия Литовского статута в западных губерниях и противился ускоренному введению там русского языка в судопроизводство. Тем самым он фактически рассматривал польских дворян как единственный «политический народ» края, а их культурное доминирование признавал неизбежным условием будущей интеграции этого региона.

При этом Егор Францевич являлся сторонником жёсткого подавления разгоравшегося в западных губерниях восстания. В целесообразности каких-либо «благоразумных внушений» граф сомневался. «И как назначенному генералу сообщаться с мятежниками? — недоумевал он. — Те места, где в[з]бунтовались, надобно усмирять оружием, а там, где ещё тихо, подобные внушения обнаружили бы только опасения правительства. Кроме того, у тех литовских дворян, кои прямо участвуют в мятеже, вероятно, небольшие имения, и те, может быть, заложены в банках. Впрочем, немалая часть ребеллов, как думать должно, состоит из шляхты — вообще крайне нужно остерегаться, чтоб из польского бунт не сделался бы *крестьянским*»⁶⁵.

Для скорейшего подавления восстания и политической стабилизации региона правительство прибегало к секвестру и конфискации имений мятежников, причём эти меры не преследовали цели подорвать землевладение местного польского дворянства. 6 мая 1831 г. после предварительного обсуждения в Комитете министров Николай I подписал подготовленный 1 мая по его поручению гр. Канкриным указ, согласно которому секвестрованные имения поступали в западных губерниях в ведение казённых палат⁶⁶. 4 июня 1831 г. по инициативе министра финансов вышел действовавший до 4 октября указ о прощении и освобождении от секвестра и конфискации тех, кто явится с раскаянием⁶⁷. Эти меры граф связывал с «малым числом не притворно-верных

⁶¹ Там же, л. 257.

⁶² Там же, л. 256 об.

⁶³ *Комзолова А.А.* Николаевские сановники... С. 24.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ РГИА, ф. 1266, оп. 1, д. 9, л. 249 об.

⁶⁶ Там же, ф. 560, оп. 22, д. 63, л. 29; ПСЗ-II. Т. 6. Отд. I. СПб., 1832. № 4535.

⁶⁷ ПСЗ-II. Т. 6. Отд. I. № 4624; *Виле И.Н., Шилов Д.Н.* Проблемы Западного края в деятельности Комитета министров в 1831 г. // Белорусский сборник. Статьи и материалы по истории и культуре Белоруссии. Вып. 8. СПб., 2021. С. 89, 91.

поляков» в крае. «Те поляки, — писал он императору 2 июля 1831 г., — кои сожалеют, что часть заблуждающихся могут получать прощения, едва ли могут иметь другие виды, как собственные»⁶⁸. Ещё 12 июня Егор Францевич доложил о том, что «по дошедшим сведениям указ 6-го мая начал действовать с особенною пользою, но нашествие Гелгуда снова испортило дело». «Надеюсь, не надолго», — отметил царь на полях доклада⁶⁹. 17 июля 1831 г. последовало высочайшее утверждение разработанных в финансовом ведомстве правил для губернских комиссий и казённых палат западных губерний по делам о секвестре и конфискации имений повстанцев⁷⁰. Характерно, что при рассмотрении проекта в Комитете министров император настоял на ужесточении ряда формулировок⁷¹.

С весны 1831 г. приоритетом политики в западных губерниях становится стремление усилить «водворение природных русских семейств»⁷² и улучшить жизнь местных крестьян при помощи введения регламентации и контроля в их отношения с помещиками. В марте 1831 г. по распоряжению Николая I гр. Канкрин подготовил проект, предусматривавший создание майоратов на базе конфискованных имений. Согласно указу, подписанному 4 апреля 1831 г., их следовало раздавать «мелкими участками» (но не менее 100 душ) «в вотчинное владение с некоторым ограничением в помещичьем праве», без частого раздробления между наследниками. Они предназначались для имевших «отличные заслуги» небогатых русских чиновников, которые обязывались сами вести хозяйство⁷³. Данный указ стал основой для разработки дальнейших планов аграрной политики в крае. Осенью 1831 г. во время пребывания Николая I в Москве гр. Канкрин представил ему личный доклад по делу «о конфискованных имениях». Он подготовил общие правила для проведения люстрации и раздачи данных имений, которые в ноябре 1831 г. и мае 1832 г. обсуждались в Комитете по делам западных губерний⁷⁴. Министр финансов полагал, что майораты следовало учреждать не на вотчинном праве, а передавать их в длительную или потомственную аренду, сохраняя за ними характер казённых владений. Однако император поддержал мнение большинства членов комитета, высказавшихся за создание наследственных майоратов «на особом праве»⁷⁵.

По мысли Николая I, конфискованные имения должны были не только образовать земельный фонд для майоратов, но и дать образец для будущей реорганизации крепостнических отношений в крае. В марте 1831 г., приказав гр. Канкрину подготовить указ о майоратах, царь одновременно обратил внимание «вообще на нынешнее состояние помещичьих крестьян» в западных губерниях, выразив желание обеспечить «улучшение их участи, при благоприятных обстоятельствах, устройением системы определительных повинностей»⁷⁶.

⁶⁸ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 63, л. 74–74 об.

⁶⁹ Там же, л. 41.

⁷⁰ ПСЗ-II. Т. 6. Отд. I. № 4711.

⁷¹ Вибе И.Н., Шилов Д.Н. Проблемы Западного края... С. 89.

⁷² РГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5610, л. 3.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, ф. 560, оп. 22, д. 63, л. 115; Журналы Комитета западных губерний. Т. 1. С. 121–128, 201–207.

⁷⁵ Подробнее о разработке статуса майоратов в западных губерниях и позиции гр. Канкрин см.: Неупокоев В.И. Крестьянский вопрос в Литве в XIX веке. М., 1976. С. 60–73.

⁷⁶ РГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5610, л. 3 об.

Интерес императора к крестьянскому делу в разгар Польской кампании свидетельствовал о последовательности и серьёзности его намерений.

Граф Канкрин также являлся сторонником поэтапной отмены крепостного права в России. В 1818 и 1827 гг. он уже представлял императорам свои проекты соответствующих преобразований в помещичьей деревне⁷⁷. Однако, размышляя в марте 1831 г. о дальнейшей судьбе крестьян, принадлежавших мятежным польским помещикам, граф сомневался в целесообразности их освобождения в ближайшем будущем, поскольку «таковой пример был бы крайне опасен». По его мнению, вопрос об освобождении крестьян западных губерний не следовало рассматривать отдельно от программы отмены крепостного права во всей империи⁷⁸.

Видимо, по воле царя в указе 6 мая 1831 г. говорилось о том, что повинности в секвестрованных имениях надлежит привести «в умеренность», а крестьянам предписывалось подчиняться «определённым над ними от правительства начальникам»⁷⁹. Однако статус этих крепостных был очерчен недостаточно чётко, что соответствовало осторожной позиции Канкрин. «Не удобно употребить в указе слова, что крестьяне причисляются к казённым, — пояснял он императору, — ибо после того впоследствии нельзя бы было отдать их по пожалованию в условное частное владение»⁸⁰.

Таким образом, будучи одним из ключевых советников Николая I и оказывая значительное влияние на формирование его политики, что особенно ярко проявилось в период кризиса 1830–1831 гг., гр. Канкрин отнюдь не являлся безгласным исполнителем монаршей воли и свободно высказывал царю свои суждения по различным проблемам. Николай I учитывал мнение министра, но, принимая решения, в том числе и в финансово-экономической сфере, также руководствовался собственными представлениями о «кодексе поведения» самодержца, его долге и ответственности, международных обязательствах России и т.д. В итоге, правительственный курс формировался в своеобразном диалоге между «просвещённым» монархом и его доверенными помощниками, отражавшемся во всеподданнейших докладах и журналах комитетов. Конечно, взгляды гр. Канкрин и Николая I далеко не всегда совпадали, но они оставались единомышленниками в главном — в стремлении обеспечить безопасность, устойчивость и процветание империи. Как полагал сам Канкрин, его «заслуги состояли не в том, что сделано, а в том, чего он не допустил»⁸¹. В 1830–1831 гг. ему удалось не допустить финансовой катастрофы, которая могла бы иметь фатальные последствия как для социальной стабильности внутри России, так и для положения русской армии на полях сражений в Польше.

⁷⁷ Проекты Канкрин предполагали определение и ограничение повинностей, переход к повальному наделению земель и постепенный выкуп крестьянами земли в семейное наследственное владение. Поэтапная отмена крепостного права, по его мысли, должна была растянуться на 50–60 лет, вплоть до 1880-х гг. Подробнее см.: [Канкрин Е.Ф.] Записка об освобождении крестьян в России от крепостной зависимости, составленная в 1818 году, по повелению Александра Павловича // Русский архив. 1865. № 10–11. Стб. 1360–1373; Ружицкая И.В. Егор Францевич Канкрин и крестьянский вопрос в России // Экономическая история: ежегодник. 2002. М., 2003. С. 465–475.

⁷⁸ РГИА, ф. 1266, оп. 1, д. 9, л. 248 об.

⁷⁹ ПСЗ-II. Т. 6. Отд. I. № 4535.

⁸⁰ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 63, л. 30.

⁸¹ Граф Егор Францович Канкрин. Очерк его жизнеописания // Русский архив. 1866. № 1. Стбл. 124.

Мобилизация 1876–1877 гг. Первый опыт императорской России

Олег Айрапетов

Mobilization of 1876–1877. The first experience of Imperial Russia

Oleg Airapetov
(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24020102, EDN: HIFJBN

Осенью 1876 г. в воздухе пахло большой войной. 18 октября, получив известие о том, что сербская армия разбита, а турки в течение десяти дней могут взять Белград, Александр II, находившийся на отдыхе в Ливадии, принял решение вмешаться в конфликт султана с его подданными¹. На следующий день российский посол Н.П. Игнатьев предъявил турецкому правительству ультиматум, потребовав заключить перемирие и вступить в переговоры о мире с Сербией². 19 октября «Правительственный вестник» опубликовал сообщение: «Сегодня, 18-го октября, государю императору благоугодно было повелеть, чтобы генерал-адъютант Игнатьев объявил Порте, что в случае, если она в двухдневный срок не примет перемирия на шесть недель или на два месяца, и если не даст немедленно приказа приостановить военные действия, то он, со всем посольством, выедет из Константинополя, и дипломатические сношения будут прерваны»³. 21 октября Игнатьева телеграфировал о согласии Турции на русские требования, и ещё день спустя было подписано перемирие на два месяца на условиях *status quo ante bellum*⁴.

Русско-английское противостояние немедленно обострилось, британские политики перешли к угрозам. 9 ноября премьер-министр Б. Дизраэли выступил с весьма жёсткой речью в здании мэрии Лондона в Гилдхолле. «Несмотря на то что политика Англии миролюбива, — заявил он, — нет страны более подготовленной к войне, чем наша. Если она вступит в войну за справедливое дело, а я не верю, что она может вступить в войну иначе, как за справедливое дело, если затронуты будут её свобода, её независимость, её империя, её ресурсы, я чувствую, что она будет неутомима. Она не из тех стран, которые, вступая в кампанию, должны спрашивать себя, может ли она позволить себе вторую и третью кампанию (в этом, судя по примечанию, в “Spectator” увидели прямое указание на Россию. — О.А.). Нет, она вступит в кампанию, которая не кончится, пока правда не победит»⁵. И это было отнюдь не частное мнение главы

© 2024 г. О.Р. Айрапетов

¹ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2009. С. 146.

² Ultimatum adressé à la Turquie // Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1877. Saint Petersburg, 1877. P. 219–220.

³ Действия правительства. Высочайшие повеления // Правительственный вестник. 1876. 19(31) октября. № 232. С. 1.

⁴ Правительственные сообщения // Правительственный вестник. 1876. 22 октября (3 ноября). № 235. С. 1.

⁵ News of the week // The Spectator. 1876. November 11. № 2524. P. 1395.

правительства. По словам «The Times», вся британская колония в Константинополе, включая посла Г.Дж. Эллиота, не сомневалась в том, что «Англия никогда не согласится допустить нашествия России на Турцию»⁶.

29 октября, проезжая через Москву, Александр II после молебна в Успенском соборе принял в Георгиевском зале Большого Кремлёвского дворца представителей местного дворянства, земства и городской думы. Обращаясь к ним, император сказал, в частности: «Желаю весьма, чтобы мы могли прийти к общему соглашению. Но если же оно не состоится, и я увижу, что мы не добьёмся таких гарантий, которые обеспечивали бы исполнение того, что мы вправе требовать от Порты, то я имею твёрдое намерение действовать самостоятельно». Ответом было долгое «ура!»⁷. В поданных тогда же царю адресах москвичи заявляли о готовности сплотиться вокруг престола и следовать за монархом «во благо страждущих братьев»⁸. Между тем «Московские ведомости» М.Н. Каткова фактически подталкивали правительство к решительным действиям, ставя риторический вопрос: «И не потому ли лорд Биконсфильд кичится теперь готовностью своей страны, что считает Россию не готовою?»⁹.

Прибыв в Петербург 1(13) ноября, после смотра войск гвардии, Александр II объявил о начале мобилизации¹⁰. Канцлер кн. А.М. Горчаков, извещая об этом в своём циркуляре, отметил: «Государь император не желает войны и сделает всё возможное для избежания оной. Но его величество не остановится в своей решимости до тех пор, пока признанные всей Европой принципы справедливости и человеколюбия, к коим народное чувство России примкнуло с неудержимою силою, не возымеют полного и обеспеченного прочными гарантиями осуществления»¹¹.

Это была первая мобилизация после введения в России 1 января 1874 г. всеобщей воинской повинности, заменившей прежние рекрутские наборы. Однако до сих пор она практически не исследовалась, а единственная посвящённая ей работа, по сути, сводится к изложению «Расписания основных участков комплектования пехотных полков», утверждённого 24 апреля 1876 г.¹², и к пространным выдержкам и выкладкам из документов¹³. Характерно, что в ней всего один раз бегло упоминается о проблеме железных дорог¹⁴, и почти не рассматривается подготовка к действию резервистов, частей и соединений и т.д.

Главнокомандующим Действующей армии царь ещё в Ливадии решил назначить своего брата вел. кн. Николая Николаевича (Старшего). Объявление

⁶ Иностранные известия // Правительственный вестник. 1876. 29 октября (10 ноября). № 241. С. 2.

⁷ Слова, произнесённые государем императором при приёме московского дворянства и городского общества в Москве 29-го октября 1876 года // Правительственный вестник. 1876. 31 октября (12 ноября). № 243. С. 1; Москва, 29 октября // Московские ведомости. 1876. 30 октября. № 277. С. 1.

⁸ Москва, 31 октября // Московские ведомости. 1876. 1 ноября. № 279. С. 1; Внутренние известия // Русский инвалид. 1876. 4 ноября. № 243. С. 2.

⁹ Москва, 1 ноября // Московские ведомости. 1876. 1 ноября. № 279. С. 2.

¹⁰ Милютин Д.А. Дневник 1876–1878 гг. С. 154–155.

¹¹ Циркулярная депеша его светлости государственного канцлера князя Горчакова к представителям России при иностранных державах, из Царского Села от 1-го ноября 1876 года // Правительственный вестник. 1876. 2(14) ноября. № 244. С. 1.

¹² Оленев М.Б. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Анализ мобилизаций. М., 2021. С. 15–38.

¹³ Там же. С. 45–47, 57–330.

¹⁴ Там же. С. 47.

об этом 3 ноября было «встречено с всеобщим одобрением»¹⁵. Из дивизий Киевского, Харьковского и Одесского военных округов формировались шесть армейских корпусов — VII, VIII, IX, X, XI и XII¹⁶. Четыре из них включались в состав Действующей армии¹⁷. В тот же день последовал указ о формировании Полевого управления Действующей армии и о подчинении командующего войсками Одесского военного округа главнокомандующему¹⁸. Кроме того, временно запрещался вывоз из империи и Царства Польского лошадей¹⁹. На станциях железных дорог появились военные коменданты и их помощники²⁰.

3 ноября, несмотря на сырую погоду и дождь со снегом, на Марсовом поле в присутствии императора был проведён парад, в котором участвовали 26 872 человека (46,25 батальонов, 37,5 эскадронов, 116 орудий). После его окончания Александр II обратился к офицерам: «Господа, пожелаем главнокомандующему всевозможного успеха». Последовало «единодушное “ура!”»²¹. Ощущалось, что все настроены весьма решительно²². «Энтузиазм, — отмечал журналист, — был полный, искренний»²³. В тот же день появилось сообщение о том, что Одесский рейд, Днепровский лиман и Керченский пролив минированы и проход торговых судов через них без сопровождения брандвахты запрещён²⁴.

Тем временем вслед за Москвой о своей поддержке правительственного курса заявили и другие земства, города и дворянские собрания. Их верноподданнические адреса публиковались в печати²⁵. Однако уже 12 ноября в докла-

¹⁵ Высочайшие приказы // Правительственный вестник. 1876. 3(15) ноября. № 245. С. 1; Петербург, 4(16) ноября // Санкт-Петербургские ведомости. 1876. 5(17) ноября. № 306. С. 3.

¹⁶ Приказ по военному ведомству ноября 1-го дня № 315 // Русский инвалид. 1876. 3 ноября. № 242. С. 2.

¹⁷ Высочайшие приказы // Правительственный вестник. 1876. 3(15) ноября. № 245. С. 1.

¹⁸ ПСЗ-II. Т. 51. Отд. I. СПб., 1878. № 56534. С. 410–411.

¹⁹ Действия правительства. Высочайшие повеления // Правительственный вестник. 1876. 3(15) ноября. № 245. С. 1.

²⁰ Приказ по военному ведомству. С.-Петербург. Ноября 1-го дня 1876 года. № 316.

²¹ Внутренние известия // Русский инвалид. 1876. 4 ноября. № 243. С. 1.

²² Петербург, 4(16) ноября // Санкт-Петербургские ведомости. 1876. 5(17) ноября. № 306. С. 3.

²³ Высочайший смотр 3 ноября // Новое время. 1876. 4(16) ноября. № 247. С. 2.

²⁴ Одесса, 3-го ноября // Новое время. 1876. 4(16) ноября. № 247. С. 2.

²⁵ Всеподданнейший адрес С.-Петербургского городского общества // Русский инвалид. 1876. 5 ноября. № 244. С. 3; Всеподданнейшие адреса. Всех сословий города Витебска. Пензенской думы. Представителей города Риги // Там же. 10 ноября. № 248. С. 5; Всеподданнейшие адреса. Тамбовского дворянства. Орловского городского общества // Там же. 11 ноября. № 249. С. 3; Всеподданнейшие адреса. Новгородского городского общества. Всех сословий Борисоглебского уезда. Гжатского городского общества // Там же. 13 ноября. № 251. С. 2; Всеподданнейшие адреса. Одесского городского общества. Всех сословий Мещовского уезда. Всех сословий Медынского уезда // Там же. 16 ноября. № 253. С. 2; Всеподданнейший адрес Санкт-Петербургского дворянства // Там же. 17 ноября. № 254. С. 5; Всеподданнейшие адреса. Орловского дворянства. Лифляндского дворянства. Эстляндского дворянства // Там же. 18 ноября. № 255. С. 2; Всеподданнейший адрес Петербургского губернского земского собрания // Там же. 20 ноября. № 257. С. 3; Всеподданнейший адрес Области войска Донского // Там же. 23 ноября. № 259. С. 3; Всеподданнейший адрес жителей города Варшавы // Там же. 26 ноября. № 262. С. 2; Всеподданнейшие адреса. Тамбовского дворянства. Тамбовского городского собрания. Орловского городского общества // Санкт-Петербургские ведомости. 1876. 11(23) ноября. № 312. С. 2; Всеподданнейшие адреса. Новгородского городского общества. Калужского городского общества // Московские ведомости. 1876. 14 ноября. № 292. С. 3; Всеподданнейшие адреса. Тверского дворянства. Новгородского дворянства. Пензенского дворянства. Санкт-Петербургского губернского земского собрания. Всех сословий Калужской области // Там же. 21 ноября. № 299. С. 3; Всеподданнейший адрес Тульского губернского земского

де товарища шефа жандармов и управляющего III отделением Собственной е.и.в. канцелярии Н.В. Мезенцова указывалось на то, что отношение населения империи к событиям на Балканах не было столь единодушным и восторженным. В великороссийских, малороссийских и белорусских губерниях славянское движение действительно встречало горячее сочувствие, тогда как в остзейских, финляндских и польских преобладало равнодушие. И если немецкое дворянство демонстрировало готовность исполнить свой долг перед престолом, то среди поляков наблюдалась скорее скрытая враждебность; мусульманские регионы сохраняли спокойствие и лояльность, но и только²⁶.

Повеление о мобилизации было разослано в 52 губернии, начать её предписывалось 2 ноября²⁷. Огромная нагрузка при этом ложилась на железнодорожный транспорт. В мирное время для перевозки воинской команды от 30 до 250 человек требовалось извещение начальства дороги за сутки, от 250 до 600 — за двое, а от 600 до тысячи — за трое суток. О перевозке полка и целых соединений уведомлять полагалось не позже, чем за шесть дней до отправления²⁸. Согласно принятому 27 февраля 1870 г. положению, линии следовало привести в готовность к движению в условиях мобилизации не позднее, чем через шесть недель, т.е. к 14 декабря²⁹. Для оказания помощи военным эшелонам в мирное время с 1870 г. действовали железнодорожные команды (численностью до тысячи человек), в состав которых зачислялись нижние чины с опытом работы на железных дорогах и в профильных мастерских³⁰. В 1876 г. был сформирован железнодорожный батальон, включавший две строительные и две эксплуатационные роты. Однако этого оказалось мало, и в 1877 г. появились ещё три таких батальона³¹.

В начале царствования Александра II общая протяжённость железных дорог в России составляла всего 979 вёрст; в 1864 г. — уже 2901,4 версты; в 1873 г. — 14369,8; в 1875 г. — 17418 (без финляндских — 16966,6); в 1876 г. — 19939 (в том числе соединённых — 17700)³². Правительству принадлежали только 62,6 из них, остальные находились в руках акционерных обществ³³. Частные компании

собрания // Там же. 25 ноября. № 303. С. 3; Адрес Тифлиского дворянства. Адрес Тифлиского городского общества. Адрес армян города Тифлиса // Кавказ. Газета политическая и литературная. 1876. 8(20) декабря. № 144. С. 1.

²⁶ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. В 3 т. / Под ред. С.А. Никитина. Т. 1. М., 1961. С. 507–508.

²⁷ Высочайшее повеление // Русский инвалид. 1876. 28 ноября. № 264. С. 1.

²⁸ Шишков А. Эксплуатация железных дорог. Т. 1. СПб., 1877. С. 309–310.

²⁹ Сборник министерских постановлений и общих правительственных распоряжений Министерства путей сообщения по железным дорогам. [Т. 1]. СПб., 1874. С. 51.

³⁰ Там же. С. 54.

³¹ Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1876 год. СПб., 1878. С. 6.

³² Всеподданнейший отчёт по Ведомству путей сообщения за 25 лет, с 19 февраля 1855 по 19 февраля 1880 г. СПб., 1880. С. 36; Шишков А. Указ. соч. Т. 1. С. 12; Описание русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Т. 1. СПб., 1901. С. 300. Расширение сети железных дорог привело к росту товарооборота внешней торговли. В 1868–1877 гг. экспорт вырос с 226595873 до 527935826 руб., а импорт с 260923532 до 321036987 руб. В 1877 г. в империю прибыло 86 987 вагонов и платформ с 39930423 пудами груза и отбыло соответственно 184980 с 88276565 пудами (Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1877 год. СПб., 1878. С. II, 694). В то же время в России на одного жителя приходилось 0,19 поездов в год, тогда как во Франции — 2,25; в Бельгии — 5, а в Англии — 7 (Шишков А. Указ. соч. С. 15–17). См. также: Мертенс [О.] Тридцать лет (1882–1911 гг.) русской железнодорожной политики и её экономическое значение. М., [б.г.]. С. 114–115.

³³ Статистический сборник Министерства путей сообщения. Вып. 2. СПб., 1878. С. 3.

нередко строили магистрали некачественно, с большим количеством наклонов, кривыми малого радиуса, с незначительными участками второго пути. Для экономии покупались дешёвые рельсы, быстро вышедшие из строя, станционных развязок, передаточных станций и т.д. было мало, водоснабжение паровозов зачастую проводилось наименее затратным путём — из колодцев. Качество воды не всегда соответствовало условиям эксплуатации паровозных котлов³⁴, не хватало платформ, на которых могла производиться погрузка³⁵.

Среднее расстояние между станциями в России достигало 14,74 версты (от 8,3 на Царскосельской до 19 на Курско-Киевской железных дорогах)³⁶. На Витебско-Орловской дороге (488 вёрст) имелось 42 станции, 26 грузовых платформ, семь дорожных мастерских, 43 водокачки (по одной на 11,34 версты), 37 кранов, 15 колодцев; на линии Москва—Брест (1023 версты) — 59 станций, 53 платформы и всего две мастерские, а также 40 водокачек (одна на 25,57 версты), 40 кранов и 22 колодца; на линии Киев—Брест (802 версты) — 64 станции, 114 платформ и десять мастерских, но всего 29 водокачек (одна на 27,65 версты), 32 крана и 10 колодцев³⁷.

После пробной перевозки по железной дороге 37-й пехотной дивизии в 1868 г. Особый комитет для определения условий удобнейшего пользования железными дорогами принял решение перевозить личный состав и лошадей в крытых товарных вагонах. В мирное время количество таковых должно было составлять не менее $\frac{2}{3}$ от общего подвижного состава. Кроме того, использовались платформы с откидными бортами³⁸. Двухосные вагоны, обшитые досками, имели грузоподъёмность в 750 пудов (12 т), предел их допустимой перегрузки равнялся 10—15 пудам (160—240 кг). На открытых двухосных платформах грузоподъёмностью от 750 до 800 пудов (12—12,8 т) перевозили орудия и обозы³⁹. Мосты и железнодорожное полотно были рассчитаны на давление 12,5 т на ось⁴⁰.

Для перевозки батальона пехоты требовался эшелон из восьми платформ и 22 вагонов, включая один 2-го класса для офицеров и 21 товарный (14 — для солдат, три — для лошадей и четыре — для грузов); для эскадрона — из трёх платформ, классного и 26 товарных вагонов (четыре — для рядовых кавалеристов, 20 — для лошадей и четыре — для грузов); для дивизиона артиллерии — из 16 платформ, классного и 14 товарных вагонов (четыре — для нижних чинов, восемь — для лошадей и два — для грузов). На дорогах длиной до 150 вёрст следовало держать в постоянной готовности сборный состав для пехоты и кавалерии (19 вагонов, 12 платформ и 7 подвижных мостков для загрузки лошадей и обоза), на 150—250 вёрст — уже три поезда (64, 27 и 19 соответственно), на 250—500 вёрст — шесть (128, 54 и 38), свыше 500 вёрст — девять (192, 81 и 57). Кроме того, при каждом таком эшелоне следовало иметь запас для санитарного поезда⁴¹. Таким образом, для перевозки четырёхбатальонного пехотного полка

³⁴ Правда, технологический прорыв начала 1870-х гг. позволил увеличить пробег паровоза между пунктами набора воды с 15–20 до 45–60 км, но выросли объёмы использования горючего (Мокрицкий Е.И. История паровозостроения СССР. М., 1941. С. 47).

³⁵ Описание русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Т. 1. С. 302.

³⁶ Шишков А. Указ. соч. С. 69.

³⁷ Описание русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Т. 1. С. 390–391.

³⁸ Сборник министерских постановлений... [Т. 1]. С. 42–43, 45–46.

³⁹ Арциш В.[А.] Вагоны русских железных дорог. Пенза, 1903. С. 69, 71, 73.

⁴⁰ Мокрицкий Е.И. История паровозостроения СССР. С. 48.

⁴¹ Сборник министерских постановлений... [Т. 1]. С. 49–50.

требовалось 4 классных и 82 товарных вагона, а также 32 платформы, для четырёхэскадронного кавалерийского их нужно было 4, 104 и 12, для артиллерийского — 4, 56 и 64. Очевидно, резерв подвижного состава мирного времени не мог обеспечить перевозки в военное или предвоенное время. Поэтому вслед за объявлением мобилизации движение товарных потоков по железным дорогам прекращалось, а пассажирские сокращались до двух поездов с каждого конца; в случае необходимости пропускались только военные эшелоны⁴².

Но этим проблемы не ограничивались. В 1875 г. в России эксплуатировалось до 50 видов двухосных вагонов и до 35 видов двухосных полувагонов и платформ с механическими тормозами (причём разных конструкций⁴³), что сказывалось на скорости. Накануне войны пассажирским поездам разрешалось развивать её до 60 вёрст в час с 1 мая по 1 декабря и не более 50 — в остальное время, товарным в любое время года запрещалось превышать 40 вёрст в час⁴⁴. Военные перевозки шли ещё медленнее. По утверждённому 13 января 1870 г. «Положению о перевозке войск» воинские эшелоны делились на поезда малой и большой скорости (15 и 30 вёрст в час). Соответственно скорость передвижения колебалась от 16 до 32 км/ч⁴⁵. Русское паровозостроение началось в 1869 г. на Коломенском, Невском и Воткинском заводах. В 1870 г. к ним добавился Мальцовский завод. Основными типами стали французский Кайль (Cail) и прусский Борзиг (Borsig), но производство только набирало обороты, тогда как ежегодно требовалось 140–160 подобных машин⁴⁶.

Перед войной они по-прежнему импортировались, так как их количество оставалось недостаточным⁴⁷. В январе 1875 г. в России насчитывалось 3 585 паровозов (не считая 54 финляндских), два года спустя — 4 155 (и 57 в Финляндии)⁴⁸. В 1877 г. правительство решило отказаться от их заказа за границей, ввело премии за изготовление паровозов (2 400 руб. за четырёхколёсные, 2 600 руб. за шестиколёсные и 3 000 руб. за восьмиколёсные), допустило в виде опыта на два года беспошлинный ввоз стального лома для сталелитейных и сталерельсовых заводов⁴⁹. Одновременно повышались пошлины на импорт паровозов (с 75 коп. до 1 руб. 25 коп. за пуд) и тендеров (с 30 до 50 коп. за пуд)⁵⁰. Но удовлетворить лишь усиливавшийся спрос за счёт собственного производства так и не удалось.

Вагоностроение развивалось в Москве и Коломне с 1860-х гг., тогда же открылись и первые вагоноремонтные мастерские в Коврове и Александрове. В 1870-х гг. появилось ещё 10 заводов⁵¹. Несмотря на это импорт вагонов не прекращался. В 1875 г. имелось 6 390 пассажирских (в основном шестиосных), 665 багажных, 48 923 крытых и 23 907 открытых товарных вагонов (преимуще-

⁴² Там же. С. 182.

⁴³ Мокрицкий Е.И. История вагонного парка железных дорог СССР. М., 1946. С. 25.

⁴⁴ Сборник министерских постановлений... Т. 2. СПб., 1877. С. 268.

⁴⁵ Там же. Т. 1. С. 219.

⁴⁶ Иванов П.Г. Очерк истории и статистики русского заводского паровозостроения. Пг., 1920. С. 4, 8.

⁴⁷ Описание русско-турецкой войны... Т. 1. С. 302. В 1872 г. в России один паровоз приходился на 4,626 версты, во Франции — на 3,23 версты, товарных вагонов на версту насчитывалось соответственно 4,292 и 8,66 (Шишков А. Указ. соч. Т. 1. С. 79, 85–86).

⁴⁸ Статистический сборник Министерства путей сообщения. Вып. 2. С. 27. Таблица IV.

⁴⁹ Соболев М.Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск, 1911. С. 652.

⁵⁰ Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С. 271.

⁵¹ Мокрицкий Е.И. История вагонного парка... С. 23–24.

ственно четырёхосных)⁵². Перед войной в Военном министерстве оценивали наличный подвижной состав в 3095 паровозов, 4867 пассажирских и 61241 товарных вагонов и считали его вполне приемлемым для обеспечения воинских перевозок⁵³.

Между тем, разумеется, имевшиеся ресурсы не могли использоваться исключительно для нужд армии, поскольку нельзя было полностью остановить ни поток пассажиров, ни перемещение грузов. 5 апреля 1877 г. император повелел министрам путей сообщения и финансов принять меры, которые позволили бы предоставить в распоряжение Московско-Брестской, Варшавско-Тереспольской, Киево-Брестской и Санкт-Петербургско-Варшавской железных дорог ещё 200 паровозов и 43 тыс. вагонов. При этом 14 апреля совещание представителей железнодорожных предприятий решило в связи с закрытием портов Чёрного и Азовского морей усилить 15 железных дорог и на первом этапе переместить на них подвижной состав с других направлений. Это приходилось делать для организации перевозок товаров, прежде всего хлеба, к портам Балтийского моря⁵⁴.

Но простой переброски оказалось недостаточно, и в сентябре 1877 г. русские заводы получили заказ на 20 паровозов и 1160 вагонов. Кроме того, к декабрю 1877 г. на 18 железных дорог поступили 180 паровозов и 3400 вагонов из правительственного запаса. К маю 1878 г. заказаны были уже 161 паровоз и 4443 вагона⁵⁵. Импортировали в 1877–1878 гг. 4 тыс. вагонов⁵⁶. В результате с 1 января по 1 ноября 1877 г. железные дороги перевезли 233 млн пудов грузов — на 51 млн пудов больше, чем за тот же период 1876 г.⁵⁷ Военные грузы в 1877 г. составили 10,452 млн пудов, не считая перевезённых на 2920 платформах⁵⁸. Если в 1875 г. железными дорогами воспользовались 24944180 гражданских пассажиров и 1752412 военных, то в 1876 г. соответственно — 24486864 и 2650675, в 1877 г. — 26078519 и 5524784⁵⁹. Всего за время осенней мобилизации 1876 г. было перевезено 10692 офицера, 875333 нижних чинов, 218683 лошадей, 12242 повозки, 1608 орудий и 5207 зарядных ящиков и 214742 пудов военных грузов. Общая стоимость военных перевозок в 1876 г. составила 3382284 руб. 54,5 коп., из них на мобилизационные пришлось 2147087 руб. 48,5 коп.⁶⁰ В целом мобилизация не парализовала транспортную сеть империи⁶¹.

⁵² Статистический сборник Министерства путей сообщения. Вып. 4. СПб., 1880. С. 6. Таблица IV.

⁵³ Гронский П. Железные дороги в последнюю войну // Инженерный журнал. 1879. № 2. С. 145.

⁵⁴ О мерах, принятых Министерством путей сообщения к усилению перевозочной способности и подвижного состава железных дорог в 1877–1878 гг. // Журнал Министерства путей сообщения. 1878. Т. 1. Кн. 1. С. 1.

⁵⁵ Там же. С. 2–3.

⁵⁶ Мокрицкий Е. И. История вагонного парка... С. 24.

⁵⁷ О мерах, принятых Министерством путей сообщения... С. 4. Общие перевозки за 1875 г. составляли 235,9 млн пудов, за 1876 г. — 251,053 млн пудов (Статистический сборник Министерства путей сообщения. Вып. 2. СПб., 1878. С. 12. Таблица VI).

⁵⁸ Статистический сборник Министерства путей сообщения. Вып. 4. С. 15. Таблица VI.

⁵⁹ Там же. С. 11. Таблица VI; Вып. 2. С. 11. Таблица VI.

⁶⁰ Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1876 год. СПб., 1878. С. 38–39.

⁶¹ Впрочем, по мнению исследователя начала XX в., «русско-турецкая война 1877–1878 гг. показала... однако, что достигнутых результатов в деле железнодорожного строительства было ещё весьма недостаточно, даже с точки зрения самых скромных требований» (Витчевский В. Торговля,

Вместе с тем усиление движения сразу же выявило несовершенство техники, что отразилось на частоте несчастных случаев. Если в среднем в сентябре—октябре 1876 г. на железных дорогах пострадали 85—88 человек, то в ноябре — уже 138, а в декабре — 123. Всего в 1876 г. на них погибли 401, получили травмы и увечья 741 человек, а в 1877 г. — соответственно 484 и 958 человек. Таким образом, число пострадавших на тысячу вёрст пути увеличилось с 58 до 75 (в 1870 г. их насчитывалось 28, в 1871 г. — 54, в 1872 г. — 48)⁶². Чаще всего аварии, при которых поезда сходили с рельсов или сталкивались, происходили на Николаевской, Московско-Брестской, Киево-Брестской и Одесской линиях. Число подобных происшествий нарастало соразмерно интенсивности военных перевозок: в январе 1877 г. — 96, в марте — 117, в июле — 138, в августе — 171. Сокращение наметилось лишь к концу года, в декабре их зафиксировали всего 123⁶³.

Следует учитывать, что время проведения мобилизации было весьма неблагоприятным для массового перемещения — начинались холода, железных дорог не хватало, а состояние других оставляло желать лучшего⁶⁴, по рекам уже начинался ледостав⁶⁵. Поначалу призывались только запасные, т.е. уже служившие под знамёнами солдаты — всего 227 548 человек. По большей части они проживали в сельской местности, тогда как сборные пункты находились в городах⁶⁶, куда мобилизованные, согласно правилам, доставлялись на подводах (одна на троих) или по железной дороге. Местные военные власти обеспечивали расчёт квитанциями или наличными⁶⁷. Несмотря на сложности, сбор запасных проходил удачно⁶⁸, по общему отзыву губернаторов, «люди собирались весьма охотно»⁶⁹. В пяти губерниях он закончился на третий день, в 12 — на четвёртый, в семи — на пятый, в 17 — между шестым и десятым, в двух — на 11-й, в трёх — на 13-й и в двух — на 17-й день⁷⁰. Большое значение имело сочувствие населения: поезда с мобилизованными встречали с «живейшим сочувствием», обыватели несли на станции булки, организовывали чаепития, купцы делали пожертвования⁷¹.

Мобилизовать удалось 286 батальонов и 4 полубатальона пехоты и инженерных войск, 34 сотни пластун, 363 эскадрона и сотни, 1154 орудия,

таможенная и промышленная политика России со времён Петра Великого до наших дней. СПб., 1909. С. 103).

⁶² Клопов А. Несчастные случаи с людьми на русских железных дорогах в 1876, сравнительно с нашими в предшествовавшие годы на русских и на иностранных железных дорогах // Журнал Министерства путей сообщения. 1878. Т. 1. Кн. 3. С. 258.

⁶³ О происшествиях на железных дорогах в 1877 году (с декабря 1876 по декабрь 1877 г.) // Журнал Министерства путей сообщения. 1878. Т. 1. Кн. 1. С. 44—47.

⁶⁴ Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1876 год. С. 4.

⁶⁵ Высочайшее повеление // Русский инвалид. 1876. 28 ноября. № 264. С. 2; Русский военный обзор за 1877 год // Там же. 1878. 4 января. № 3. С. 2—3.

⁶⁶ Столетие Военного министерства 1802—1902. Т. 4. Ч. 3. Кн. 1. Отдел 2. СПб., 1914. С. 168.

⁶⁷ Общий отдел. Действия правительства. Высочайшие повеления // Витебские губернские ведомости. 1877. 6 апреля. № 27. С. 1.

⁶⁸ Внутренние известия // Санкт-Петербургские ведомости. 1876. 9(21) ноября. № 310. С. 3; Там же. 20 ноября (2 декабря). № 321. С. 3; Из Одессы, 11 ноября // Московские ведомости. 1876. 21 ноября. № 299. С. 4.

⁶⁹ Столетие Военного министерства... Т. 4. Ч. 3. Кн. 1. Отдел 2. С. 168.

⁷⁰ Высочайшее повеление // Русский инвалид. 1876. 28 ноября. № 264. С. 1.

⁷¹ Хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1876. 13(25) ноября. № 314. С. 3.

38 артиллерийских и инженерных парков⁷². Если до того в армии числилось 29 359 генералов и офицеров и 737 528 нижних чинов, то к новому году соответственно 31 239 и 1 005 825 человек⁷³. Мобилизация охватила войска Киевского, Одесского, Харьковского, а также частично Московского и Кавказского военных округов — всего на штаты военного времени перешли 20 пехотных и 7 кавалерийских дивизий, а также Донская казачья с артиллерией, т.е. около 460 тыс. человек при 1 154 орудиях⁷⁴. К 1 января 1877 г. на юго-западной границе сосредоточились 105 батальонов, 51 эскадрон, 99 сотен, 472 орудия, 19 артиллерийских парков, 2 телеграфных и 4 понтонных полубатальона⁷⁵.

Действующая армия первоначально включала четыре корпуса, в Одесском округе дислоцировались ещё два, прикрывавшие Черноморское побережье, на Кавказе был образован отдельный Действующий корпус⁷⁶. 19 ноября 1876 г. император объявил благодарность всем лицам гражданского ведомства, принимавшим участие в организации мобилизации⁷⁷. В тот же день вел. кн. Николай Николаевич отбыл из Петербурга. Через пять дней Главнокомандующий прибыл в Кишинёв, где расположилась его Ставка⁷⁸.

Вслед за первым ноябрьским приказом до 1 июня 1878 г. последовало ещё 31 повеление о мобилизации людей и лошадей. Призыв проводился в 67 губерниях и шести областях Европейской и Азиатской России и в Великом княжестве Финляндском. В результате в части отправились 537 тыс. человек. Уклонявшихся зафиксировано не было⁷⁹. Поставка лошадей в армию началась 6 ноября 1876 г. и через неделю почти повсюду закончилась (лишь в нескольких уездах она продолжалась 11 дней). Добровольно было поставлено 58 956 лошадей (93,5% первоначально запрошенного количества), ещё 4040 — по жребию⁸⁰. Всего в 1877–1878 гг. в исполнении конской повинности участвовали 53 губернии, из требовавшихся 136 тыс. лошадей 126 тыс. передали добровольно, 8 тыс. — по жребию и 1,3 тыс. — безвозмездно⁸¹.

Призванные из запаса солдаты прежде всего знакомились с «крынкой» — с этой винтовкой им предстояло действовать за Дунаем, «затем следовали одиночное учение, стрельба дробинками, ротные учения и с 17 апреля, то есть на четырнадцатый день мобилизации, начата стрельба боевыми патронами по 12 пуль на каждого призывного. При отличном кадре нижних чинов... прибывавшие призывные очень скоро вошли в свою колею, тем более что между ними были люди, пробывшие по восьми лет в рядах армии, на которых 3–4 годичное пребывание вне строя не успело оказать заметного влияния»⁸².

Мобилизация, а затем и военные действия показали существенные недостатки вооружения русской армии. Только в 1871 г. было решено обеспе-

⁷² Описание русско-турецкой войны... Т. 1. С. 254.

⁷³ Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1876 год. С. 1; Столетие Военного министерства... Т. 4. Ч. 3. Кн. 1. Отдел 2. С. 109.

⁷⁴ Освобождение Болгарии... Т. 1. С. 483–484.

⁷⁵ Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1876 год. С. 9.

⁷⁶ Высочайшие приказы // Правительственный вестник. 1876. 3(15) ноября. № 245. С. 1.

⁷⁷ Высочайшее повеление // Русский инвалид. 1876. 28 ноября. № 264. С. 2.

⁷⁸ Внутренние известия // Русский инвалид. 1876. 24 ноября. № 260. С. 3.

⁷⁹ Министерство внутренних дел. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1902. С. 140.

⁸⁰ Описание русско-турецкой войны... Т. 1. С. 256.

⁸¹ Министерство внутренних дел... С. 140.

⁸² Борисов В., Сыцяно А. Походы 64-го пехотного Казанского его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича полка. 1642–1700–1886. СПб., 1888. С. 479.

чить войска принципиально новой и имеющей меньший калибр (4,2 линии — 10,67 мм) винтовкой системы Бердана. Но быстро сделать это не удалось⁸³. В 1876 г. Тульский, Ижевский и Сестрорецкий оружейные заводы изготовили 144 тыс. пехотных, 15 тыс. драгунских, 30 тыс. казачьих малокалиберных винтовок, 5 тыс. кавалерийских карабинов и 70 тыс. малокалиберных стволов. Кроме того, Санкт-Петербургский завод выпустил 16,25 млн шестилинейных патронов и 102 млн малокалиберных патронов (в 1875 г. производилось 38,5 млн таких патронов)⁸⁴.

В 1876 г. винтовками Бердана перевооружили гвардию, переведённую на штаты военного времени, а также 1-ю гренадерскую и три армейские дивизии Петербургского военного округа. Казачьи берданки ушли в войсковые запасы. На 1 января 1877 г. у Военного министерства имелось 253 152 мелкокалиберных, 17 810 стрелковых винтовок образца 1868 г., 60 тыс. казачьих и 12 102 кавалерийских карабинов. При этом в частях находилось 572 700 пехотных и 40 597 драгунских винтовок системы Крнка и 150 868 игольчатых винтовок⁸⁵. «Крынка», принятая в 1869 г., была весьма несовершенной и заметно уступала передовым образцам того времени. По сути, она представляла собой переделанные в нарезные гладкоствольные ружья времён Николая I⁸⁶. Перевооружение продолжалось, но в 1877 г. винтовки Бердана получила только пехота пяти дивизий Виленского военного округа и войска, размещавшиеся в Финляндии⁸⁷. Устаревшая и ненадёжная Крнка оставалась самой массовой: в 1877 г. их насчитывалось 603 220 пехотных и 21 670 драгунских, в то время как системы Бердана — 406 828 пехотных, 31 018 драгунских, 91 441 казачьих, 16 348 стрелковых образца 1868 г. и 16 070 кавалерийских карабинов⁸⁸. Это определило выбор основного оружия, с которым русская пехота выступила на войну.

Отдельную и весьма сложную проблему создавала Румыния. Утром 12(24) апреля русские войска стали переходить границу княжества: казаки прошли за день до 100, пехота — до 70 вёрст, заняв к вечеру Яссы, Галац, Рени и выйдя к Дунаю⁸⁹. В тот же день главнокомандующий издал приказ, в котором требовал относиться к румынам как к верным союзникам и защищать их дома, как свои собственные⁹⁰. Обращаясь к местным жителям, он обещал им защиту, «уважение к законам, к личности и к собственности мирных граждан», а также оплату всех поставок деньгами из казначейства⁹¹. В целом румынское общество весьма тепло встретило русских солдат⁹², хотя власти ограничились

⁸³ Перевооружение нашей армии // Артиллерийский журнал. 1871. № 9. С. 152.

⁸⁴ Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1876 год. С. 41.

⁸⁵ Там же. С. 43.

⁸⁶ Исторический очерк деятельности военного управления в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855–1880) / Под ред. М.И. Богдановича. Т. 6. СПб., 1881. С. 179.

⁸⁷ Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1877 год. СПб., 1879. С. 49.

⁸⁸ Там же. С. 50.

⁸⁹ Известия с театра войны. Телеграмма его императорского высочества главнокомандующего Действующею армиею, от 13-го апреля, из Кишинёва // Русский инвалид. 1877. 14 апреля. № 80. С. 2.

⁹⁰ Русское военное обозрение. Война России с Турциею в 1877 году. Приказ по войскам Действующей армии // Военный сборник. 1877. № 6. С. 143–144.

⁹¹ Там же. С. 144–145.

⁹² Гамулецкий В.П. Из недавнего прошлого. В походе и в битве // Русский вестник. Т. 135. 1878. № 6. С. 586.

исполнением своих прямых обязанностей⁹³. Тем не менее, согласно официальному отчёту, «наша Действующая армия беспрепятственно продолжила своё сосредоточение в Румынии»⁹⁴.

Главнокомандующий желал, чтобы войска миновали княжество, как выразился один из офицеров, «на цыпочках». Иногда доходило до конфликтов, но старшие офицеры быстро поняли, что местные чиновники ждут от них вежливого обращения, и старались придерживаться такого стиля поведения. Тем не менее снабжение и закупки на территории княжества шли из рук вон плохо⁹⁵. Немало забот доставляли румынские железные дороги. Они были однокольными, строились по европейскому стандарту ширины, который уже русского на 8,5 см, их качество оставляло желать лучшего, в частности, большие наклоны не позволяли проводить крупные эшелоны, из-за отсутствия водосточных труб весной 1877 г. паводок смыл несколько участков пути, и движение остановилось⁹⁶.

Действующая армия использовала в Румынии только одну линию железной дороги и примыкавшие к ней ветки длиной 700 км. По ней курсировали 2600 вагонов и 121 паровоз, к которым добавились 109 русских паровозов и 1400 вагонов. Кроме того, ежедневно между Румынией и Австро-Венгрией проходил обмен поездов по 500 вагонов в каждую сторону. Это улучшало показатели, но из-за скверной организации транспорта огромное количество подвижного состава простаивало. Так, в ноябре 1877 г. на Румынской дороге стояли 1769 вагонов⁹⁷. Пропускная способность магистрали, и без того низкая, постоянно падала. Между тем из-за перебоев в её работе уже в сентябре под Плевной ощущался недостаток в снабжении армии снарядами и патронами⁹⁸.

В результате для разгрузки линии часть войск на близкие расстояния начали отправлять в пешем порядке. Перевозка пехотной дивизии требовала 50, кавалерийской — 45, корпуса — 160 поездов⁹⁹. По предвоенным расчётам по однокольному пути корпус перебрасывался на 250 вёрст за 13,5 дней, на 500 — за 14,5 и на 750 — за 15,2 дня. При марше пешком и одной днёвке на четвёртый день через три корпуса проходил 250 вёрст за 13 дней, 500 — за 22 и 750 — за 34 дня¹⁰⁰.

Выполнить задачу, поставленную командованием, и довести ежедневную пропускную способность железной дороги до 10 поездов так и не получилось. Если в апреле 1877 г. она едва превышала четыре поезда в сутки, то в августе её подняли до 6,6, а в сентябре — до 7,7, однако в ноябре она вновь упала до 1,5 поездов¹⁰¹. Даже на занятой русской армией в конце января 1878 г. Южно-турецкой железной дороге, используя 40 захваченных паровозов, удалось пропускать по семь поездов в день, при этом ни один из них не стоял без разгрузки

⁹³ Из походного дневника А.Н. Нарбута // Русский архив. 1895. № 10. С. 172.

⁹⁴ Русское военное обозрение. Война России с Турцией в 1877 году. Общий перечень военных действий // Военный сборник. 1877. № 6. С. 148.

⁹⁵ А.Р. Под Никополем // Инженерный журнал. 1901. № 1. С. 24.

⁹⁶ Лессар П. Военно-железнодорожные постройки русской армии. СПб., 1879. С. 3, 7.

⁹⁷ Измайлов А. Очерки железнодорожного дела в войне 1877—1878 годах. СПб., 1880. С. 10—11.

⁹⁸ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 84. СПб., 1910. С. 91.

⁹⁹ Измайлов А. Исследование причин, вредно влиявших на сообщение с армией в прошедшую войну, и средств к их устранению. СПб., 1879. С. 44.

¹⁰⁰ Там же. С. 45.

¹⁰¹ Там же. С. 3—4.

более 24 часов¹⁰². На станциях Румынской железной дороги отсутствовал телеграф, что значительно усложняло организацию движения¹⁰³, и не предусматривалось помещений для хранения грузов, которые приходилось складывать под открытым небом. В ряде случаев сухари, оставленные таким образом, после дождей превращались в грязь¹⁰⁴.

Правительство княжества демонстрировало полную неспособность что-либо изменить. В ходе войны его представители продолжали заниматься парламентскими интригами и торговались за цену услуг, которые не могли предоставить. Их отношение к России колебалось от недружественного до открыто враждебного. В конечном итоге в декабре 1877 г. высшее командование пришло к выводу о необходимости ввести на дороге русскую администрацию¹⁰⁵ и срочно провести новые линии от Бендер до Галаца (285 вёрст) и от Фратешти до Зимницы (83 версты). Первую построили за 100 дней (включая 58 рабочих) — к 7(19) ноября, вторую — за 50 дней, и в декабре ввели в эксплуатацию¹⁰⁶. Это были неплохие показатели, немцы при осаде Меца 40 дней строили обводную дорогу длиной в 36 км¹⁰⁷. Но скорость неизбежно сказалась на качестве — пути считались условно готовыми, но также не располагали телеграфом, складами и т.п.¹⁰⁸

Несмотря на это, данные транзитные магистрали обошлись государству недёшево. Подряд на их сооружение достался железнодорожному дельцу С.С. Полякову, который возводил тогда в Румынии зимние госпитали на 5,5 тыс. человек¹⁰⁹. Он запросил за работы, в которых участвовали 28 тыс. строителей, свыше 15 млн руб. серебром (при стоимости 10,77 млн руб.) и получил 13,995 млн руб.¹¹⁰

Мобилизация выявила массу проблем в организации, снабжении и вооружении войск и ещё до начала войны легла тяжёлым бременем на финансы империи¹¹¹. Последовавшие события лишь усугубили это положение.

¹⁰² Измайлов А. Очерки железнодорожного дела... С. 13–14.

¹⁰³ Измайлов А. Исследование причин... С. 11.

¹⁰⁴ Там же. С. 7.

¹⁰⁵ Там же. С. 1–2.

¹⁰⁶ Лессар П. Указ. соч. С. 3–4, 66. Характерно, что при строительстве участка, проходившего по румынской территории, несмотря на поддержку со стороны князя Карла, возникло немало трудностей, связанных прежде всего с отчуждением земель (Там же. С. 24).

¹⁰⁷ Там же. С. 2.

¹⁰⁸ Измайлов А. Очерки железнодорожного дела... С. 154.

¹⁰⁹ Сборник материалов по русско-турецкой войне... Вып. 84. С. 78–79.

¹¹⁰ Измайлов А. Очерки железнодорожного дела... С. 159. При этом государственные гарантии чистого дохода частным железным дорогам составили в 1874 г. 4 млн руб., в 1875 г. — 5 млн руб., в 1876 г. — 14,28 млн руб., а все перевозки войск по железным дорогам обошлись в 24,87 млн руб. (Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1877 год. СПб., 1878. С. 62, 96).

¹¹¹ Подробнее см.: Степанов В.Л. Цена победы. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и экономика России // Российская история. 2015. № 6.

Из Поднебесной на Русский фронт: мобилизация российских подданных в Китае в годы Первой мировой войны

Елена Наземцева

From the Middle Kingdom to the Russian Front: Mobilization of Russian Citizens in China during the First World War

Elena Nazemtseva

*(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow;
Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X24020115, EDN: HICWSU

Начало Первой мировой войны не оставило в стороне русских подданных, проживавших за пределами империи, в частности, в Китае. Вопрос об их численности к 1914 г. остаётся открытым, по разным данным она составляла от 50 тыс. до 170 тыс. человек¹. Это были консульские служащие, их охрана, торговцы, сотрудники Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), русских концессий, крестьяне, обосновавшиеся на китайских территориях в Маньчжурии и Синьцзяне, и т.д.

Мобилизация, объявленная в Российской империи 18 июля 1914 г., была завершена на 45-й день, удалось призвать 3 340 тыс. нижних чинов, 48 тыс. офицеров и чиновников. Кроме того, были приняты меры по организации ополчения: под знамёна стали около 780 тыс. ратников, в том числе 530 тыс. проходивших службу в войсках, 9,2 тыс. офицеров и чиновников².

Китай до 1917 г. оставался нейтральным. Власти приграничных с Россией провинций — Маньчжурии и Синьцзяна — сразу после начала войны издали распоряжения о необходимости «соблюдать строжайшую осторожность, не подавать поводов к недоверию русских», не приближаться к железнодорожным путям КВЖД, поддерживать атмосферу спокойствия и добрососедства. В Синьцзяне также просили оказывать особенно дружественное расположение к русским³. Российские же власти не исключали возможности провокаций со стороны Китая, особенно на КВЖД и в её полосе отчуждения. 20 июля 1914 г., по получении известия о начале войны, начальник Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС), дислоцировавшегося в Маньчжу-

© 2024 г. Е.Н. Наземцева

Автор выражает благодарность за помощь в предоставлении и переводе китайских документов Сунь Ичжи — лаборанту-исследователю Санкт-Петербургского государственного университета.

¹ По данным Н.Е. Абловой — около 50 тыс. человек (*Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999. С. 71). По сведениям Н.Н. Аблажей, в Северо-Восточном Китае численность русских подданных составляла около 150 тыс. человек (*Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. С. 30). В Синьцзяне в 1916 г. русских насчитывалось около 15,5 тыс. человек (*Лян Чжэ.* Православие в контексте современного российско-китайского взаимодействия (1949–2015 гг.). М., 2016. С. 146).

² Вооружённые силы России в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2014. С. 433–436.

³ АВПРИ, ф. 188, оп. 761, д. 1023, л. 40, 63.

рии⁴, генерал-лейтенант А.А. Дмитриев пригласил помощника управляющего КВЖД генерал-лейтенанта М.Е. Афанасьева и генерального консула в Харбине В.В. Траутшольда на совещание для обсуждения возможности «в связи с событиями проявления враждебности к дороге со стороны Китая». Генконсул заявил, что оснований опасаться нет, однако так как КВЖД является стратегическим объектом, расположенным на чужой территории, он согласился, что в военное время необходимо оградить её «от всяких случайностей». Имелись ввиду как хунхузы, которые могли «проявить усиленную деятельность», так и германские шпионы. По итогам совещания Дмитриев принял решение перевести Заамурский округ на «второе положение» — усилить охрану КВЖД, установить наблюдение за мостами и т.д.⁵

Вести о войне русская общественность в Китае, как и в России, встретила бурно. Вечером 18 июля во время концерта в саду Железнодорожного собрания Харбина была устроена патриотическая манифестация. На следующий день в городах Китая, где находились российские консульства, появились красные объявления о мобилизации: подлежащим призыву запасным и ополченцам всех разрядов следовало явиться на призывные участки⁶.

Несмотря на принятый накануне войны план мобилизации, сразу возникла неразбериха относительно категорий призывников, в том числе русских подданных за рубежом. Первоначально мобилизация не затронула штатных чинов консульства как лиц, находившихся на государственной службе за границей. Однако все нештатные сотрудники консульств оказались резервистами и направились на призывные пункты. В итоге количество служащих сократилось, что не позволяло обеспечить деятельность консульств в полной мере. Консулы начали обращаться в МИД с ходатайствами об освобождении сотрудников от призыва «ввиду полной невозможности найти на месте удовлетворительных заместителей»⁷.

Генеральный консул в Кашгаре кн. Д.В. Мещерский в телеграмме в первый департамент МИД отмечал, что «среди служащих консульства [и] таможни [в] Кашгаре имеются запасные нижние чины, обязанные явиться к призыву, что является весьма неудобным для дела, лишая означенные учреждения большей части их служащих». Он просил МИД ходатайствовать перед военным ведомством о разрешении данным служащим остаться на местах, напоминая, что «подобный прецедент имел место в 1904 году [в] Маньчжурии»⁸.

Политическая ситуация в Синьцзяне с его особой этнокультурной средой была действительно сложной. Поэтому последствия вступления Российской империи в войну и отвлечение её ресурсов на военные нужды не застави-

⁴ Подробнее см.: Вишняков О.В. Деятельность охранной стражи КВЖД и Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи по защите государственных интересов России на Дальнем Востоке: 1897–1918 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2006; Степанов Е.И. Войска Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи в годы Первой мировой войны и опыт их боевого применения // Интернет-журнал «Общество, государство, право». 2014. № 4. С. 1–6 (URL: <http://gosuprav.ru/PDF/15OGP414.pdf>); Чернявская Е.В. А.А. Брусилов: «Нижним чинам, участвовавшим в конной атаке, — моё спасибо и жалуя всем Георгиевские кресты». Заамурцы в боевых действиях на Юго-Западном фронте Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2015. № 1. С. 32–136.

⁵ АВПРИ, ф. 188, оп. 761, д. 1023, л. 56.

⁶ Там же, л. 53.

⁷ Там же.

⁸ Там же, ф. 143, оп. 491, д. 2881, л. 13.

ли себя ждать. Несмотря на изданные китайскими властями постановления о необходимости предупредительного отношения к российским подданным, на деле руководство Синьцзяна приняло меры к вытеснению из провинции России, утвердившейся здесь в начале XX в., и укреплению собственных позиций. Так, из отношения консула в г. Урумчи А.А. Дьякова китайскому уездному начальнику в г. Гучен от 7 апреля 1915 г. следовало, что китайцы выступили против приобретения русскими недвижимости. Дьяков объяснял, что «русско-подданные проживают и торгуют в Синьцзяне вообще и в Гучене в частности по закону, на основании договоров России с Китаем». В подтверждение этого он прилагал 13-ю статью Петербургского договора 1881 г. и пятую статью трактата, заключённого в 1858 г. в Тяньцзине⁹.

Мобилизация служащих вызывала опасения и у руководства КВЖД. Согласно «Инструкции для учёта и призыва офицерских и нижних чинов запаса армии и флота и ратников ополчения, проживающих в полосе отчуждения КВЖД», утверждённой 13 сентября 1910 г., военнообязанные делились на две категории: все служащие на КВЖД без различия должностей и не состоящие на службе. Лица, принадлежавшие к первой категории, состояли на «особом учёте» комендантов станций и освобождались от призыва в войска. Учёт второй категории, а также призыв офицеров производились комендантом Харбина. Полицейские учреждения КВЖД осуществляли оповещение о призыве. Запасные чины и ратники ополчения 2-й категории с объявлением мобилизации должны были направиться на ближайшие станции КВЖД, где поступали в ведение начальства Заамурского округа¹⁰.

19 июля 1914 г. управление КВЖД получило секретную телеграмму о том, что мобилизация не касается служащих железной дороги. Однако местное руководство сочло нужным запросить, обозначает ли КВЖД собственно дорогу, округ или и то и другое, поэтому призыв продолжался согласно правилам¹¹. Кроме того, 20 июля во все военные и пограничные округа были направлены срочные телеграммы за подписью военного министра В.А. Сухомлинова, в которых сообщалось о начале войны, однако части Заамурского округа ОКПС не мобилизовывались¹². В итоге сотрудников КВЖД и полосы отчуждения решили пока не призывать. На железной дороге объявили военное положение, по ней на восток шли эшелоны с германскими и австрийскими военнопленными¹³.

Управляющий КВЖД генерал-лейтенант Д.Л. Хорват выступал против мобилизации сотрудников дороги и её служб. Он регулярно направлял в мобилизационный отдел комендатуры Харбина и правление КВЖД в Петрограде прошения об отсрочке для своих сотрудников, жителей Харбина и полосы отчуждения. 26 ноября 1914 г. он просил поставить на особый учёт и освободить от призыва запасных нижних чинов, состоявших десятниками у поставщика угля с Угловских копей Л.Л. Арцта. Прошение обосновывалось трудностью замены военнообязанных специалистов в малонаселённом крае и интересами

⁹ Там же, д. 429, л. 15.

¹⁰ РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 804, л. 1–2.

¹¹ АВПРИ, ф. 188, оп. 761, д. 1023, л. 54.

¹² Пограничники России на фронтах Первой мировой войны 1914–1918. М., 2018. С. 81.

¹³ К середине января 1915 г. подразделения Заамурского округа ОКПС обеспечили конвоирование более 25 тыс. военнопленных, проследовавших на Дальний Восток в 22 эшелонах (Там же. С. 158, 159).

«успешности работы по добыче угля» для КВЖД¹⁴. Однако военный министр, несмотря на ходатайство по этому вопросу министра финансов, отказал¹⁵.

Серьёзно мешала призыву русских подданных из-за рубежа несогласованность МИД и военного ведомства. Информация об отмене мобилизации для всей русской колонии в Маньчжурии, о которой ходатайствовал Хорват, была получена спустя десять дней после её начала¹⁶. МИД снабдил посланника в Пекине В.Н. Крупенского подробными указаниями об этом, однако военное ведомство не сделало схожих распоряжений. 5 января 1915 г. Крупенский направил товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову письмо, в котором приводил случаи несогласованности действий военного ведомства по отношению к призыву русских подданных из Китая¹⁷. Внешнеполитическое ведомство обратилось за разъяснениями к Военному министерству. Как следует из отношения и.д. начальника мобилизационного отдела ГУГШ генерал-майора П.И. Аверьянова от 27 января (9 февраля) 1915 г., «10 октября прошлого года за № 9883 Главное управление Генерального штаба сообщило, что освобождение от призыва относилось ко всем русским подданным, а следовательно и к казакам». В то же время, «ввиду облегчившихся условий возвращения в Россию из-за границы, возбуждён вопрос о прекращении с 1 марта с[его] г[ода] названной выше льготы, после какого срока все русские подданные, проживающие за границей и обязанные явкой при мобилизации, должны будут явиться на Родину»¹⁸.

Проблемы при мобилизации находившихся за рубежом русских подданных возникали и из-за неурегулированности паспортной системы. Сразу после объявления мобилизации в российскую миссию и консульства в Китае стали обращаться за инструкциями русские запасные и ополченцы, выехавшие из России через Маньчжурию и не имевшие заграничных паспортов. В консульском уставе указания по этому вопросу отсутствовали, о чём 23 июля 1914 г. сообщил в Петербург поверенный в делах в Китае, первый секретарь русской миссии В.В. Граве. Однако на его просьбу о разъяснении ситуации чёткого ответа не последовало¹⁹.

В первые месяцы войны под влиянием патриотических чувств многие русские подданные отправлялись из Китая на фронт добровольцами. Так, в октябре 1914 г. генеральный консул в Шанхае В.Ф. Гроссе обращался к Крупенскому с просьбой снабдить его указаниями по отношению к российским эмигрантам, возвращавшимся из Австралии²⁰. Добровольцам из Харбина, не имевшим средств на проезд, управляющие КВЖД выдавали бесплатные билеты до г. Никольск-Уссурийского. Позднее эту льготу отменили²¹.

С началом войны в штаб Заамурского округа ОКПС начали поступать прошения чинов о переводе в действующую армию, но после согласования с Сухомлиновым, выразившим опасения по поводу сохранения боеспособности округа, они получили отказ. Тем не менее некоторым офицерам разрешили выехать на

¹⁴ РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 804, л. 11.

¹⁵ Там же, л. 41.

¹⁶ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 301.

¹⁷ Там же, д. 2881, л. 23.

¹⁸ Там же, л. 25.

¹⁹ Там же, ф. 134, оп. 473, д. 8, л. 27; ф. 143, оп. 491, д. 2881, л. 8.

²⁰ Там же, ф. 188, оп. 761, д. 1023, л. 236.

²¹ РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 793, л. 27–28.

фронт (одним из первых убыл начальник штаба округа генерал-майор Н.Г. Володченко)²². Были и те, кто покидал округ и Харбин самовольно. Некоторым удавалось добраться до фронта, других задерживали и возвращали обратно. Иногда доходило до трагедий: Траутшольд приводил случай, когда бежавший фельдфебель, пойманный и возвращённый в Харбин, в отчаянии застрелился²³.

10 сентября 1914 г. Совет министров всё же разрешил откомандирование офицеров округа на театр военных действий. Осенью отбыли в действующую армию Генерального штаба полковник Шевцов, подполковники Петин, Филиппов, Эверт²⁴. Вскоре подтвердились ходившие в Харбине слухи об отправке на фронт целых частей. 28 октября 1914 г. на запад отправилась 2-я Заамурская железнодорожная бригада численностью 3 149 человек, сформированная по инициативе управляющего дорогой после согласования с министром финансов и военным министром²⁵.

10 февраля 1915 г. был получен приказ об убытии частей Заамурского округа ОКПС на Юго-Западный фронт²⁶. Подготовка к отправке в действующую армию проводилась тайно. Генерал А.А. Дмитриев все телеграммы о выступлении пограничников шифровал и расшифровывал лично, не показывая их даже своим ближайшим сотрудникам²⁷. О подготовке к отправке на фронт не были поставлены в известность ни генеральный консул в Харбине, ни даже управляющий КВЖД²⁸. Хорвату сообщил об этом в частной беседе Дмитриев. По его словам, в Маньчжурии предполагалось оставить всего три батальона пехоты и по сотне из шести конных полков. На место ушедших частей из Сибири отправлялись ополченческие дружины с отставными офицерами. Отъезд на фронт вызвал энтузиазм заамурцев: «По Харбину встречались радостные, возбуждённые лица офицеров, которые уходят, и наоборот, недовольные те, кому суждено продолжать службу в Маньчжурии». Уходившие на фронт ликвидировали свои дела, в газетах появилась масса публикаций о распродаже имущества²⁹. Эшелоны отправились на фронт 22 февраля, первыми убывали пехотные формирования³⁰. 1-й и 2-й Заамурские пограничные конные полки вошли в состав 11-й армии Юго-Западного фронта³¹, на фронте их называли «зелёными полками заамурцев»³².

В начале 1915 г. был объявлен очередной призыв на фронт. 9 февраля посланник в Пекине и консулы получили циркулярную секретную телеграмму, в которой объявлялось о мобилизации после 1 марта всех чинов запаса армии и ратников ополчения 1-го разряда, не проходивших военной службы, в возрасте до 36 лет включительно³³. Это известие вызвало новую волну вопросов среди

²² Степанов Е.И. Войска Заамурского округа... С. 2.

²³ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 25.

²⁴ Степанов Е.И. Войска Заамурского округа...

²⁵ РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 793, л. 41.

²⁶ Степанов Е.И. Войска Заамурского округа...

²⁷ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 40.

²⁸ Там же, л. 39.

²⁹ Там же, л. 40.

³⁰ Там же, л. 41.

³¹ Пограничники России... С. 161.

³² Там же. С. 164. Всего за годы войны Заамурский округ ОКПС за счёт личного состава и мобилизованных запасных чинов дал фронту 17 пехотных и шесть конных полков. На их базе были сформированы пять пограничных Заамурских пехотных и одна конная дивизии (Там же. С. 168).

³³ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 2881, л. 34.

российских служащих в Китае. Траутшольд полагал, что «в самом существенном месте, где определяется та категория ратников I разряда, на которых призыв распространяется, в телеграмму вкралась неясность». Однако он не решился публиковать новость, не получив из российской миссии в Пекине специального разъяснения. Неясность вновь касалась паспортных проблем и заключалась в том, что русские подданные, находившиеся в Харбине и полосе отчуждения КВЖД, проживали там по внутрироссийским паспортам, не имея заграничных. В связи с этим было непонятно, приравнивались ли они к обычным подданным Российской империи и распространялся ли на них новый призыв. Кроме того, генконсул опасался волны негодования со стороны харбинского общества из-за отмены предоставленной в 1914 г. отсрочки³⁴. Только после согласования с Хорватом Траутшольд разместил объявление о мобилизации в газете «Харбинский вестник»³⁵. Там же было опубликовано разъяснение самого управляющего КВЖД о том, что новый призыв не касается полосы отчуждения дороги. Разъяснение, кроме того, напечатали вместе с объявлением генконсульства на листке экстренных телеграмм газеты «Новости жизни»³⁶.

Однако многие патриотически настроенные жители Харбина продолжали считать, что пребывание на территории КВЖД не должно являться основанием для освобождения от исполнения «священного долга перед Родиной». Особенно активно выступала газета «Восток», приветствовавшая консульское объявление статьёй под заголовком «Иначе не должно быть»³⁷.

В других регионах Китая мобилизация российских подданных имела свою специфику. Например, консульство в Тяньцзине не было отягощено вопросом КВЖД и действовало спокойнее, своевременно оповестив об очередном призыве всех подлежащих ему лиц. Через заведующего полицией на русской концессии в Тяньцзине числящиеся в запасе военные чины и ратники ополчения 1-го разряда получили под расписку объявления о призыве, после чего мобилизуемые явились в консульство с просьбой указать, когда именно они должны покинуть Тяньцзинь. Не имея специальных распоряжений и основываясь на общих правилах мобилизации, консульство разъяснило, что призывники должны выехать в кратчайший срок после 1 марта 1915 г. Большинство действительно покинуло Тяньцзинь с первым прямым поездом в Мукден, но некоторые из них отказывались ехать добровольно. Управляющий консульством К. В. Успенский просил императорскую миссию в Пекине снабдить его инструкциями относительно предельного срока сбора мобилизуемых и мер, которые должны быть приняты в случае их уклонения от явки. Он просил разъяснить, распространяется ли на проживающих в Тяньцзине ветеринарных врачей циркуляр министра внутренних дел, напечатанный в «Правительственном вестнике» от 24 февраля 1915 г., согласно которому мобилизации подлежали врачи до 43 лет, зачисленные в ополчение 1-го разряда³⁸.

Только 19 февраля 1915 г. Министерство иностранных дел направило посольствам и миссиям телеграмму № 933 с перечислением должностей, занятие которых освобождало от возвращения в Россию и призыва в армию. Среди таковых значились состоявшие на службе и прикомандированные чины пра-

³⁴ Там же, д. 218, л. 41.

³⁵ Там же, л. 43.

³⁶ Там же, л. 85.

³⁷ Там же, л. 86.

³⁸ Там же, л. 34.

вительственных учреждений (МИД, министерства финансов, торговли и промышленности и др.), нештатные генеральные консулы, консулы, вице-консулы, консульские агенты и их секретари, юрисконсульты, врачи, смотрители зданий, канцелярские служители, письмоводители, драгомань, переводчики, стражники и др.; псаломщики, а также служащие в администрации и полиции в дальневосточных концессиях. Исключение составляли лица, достигшие призывного возраста и впервые привлекаемые к отбыванию воинской повинности: им надлежало отправиться в армию. Всё вышеизложенное относилось к нижним чинам запаса и ополчения, относительно освобождения офицерских чинов ожидалось дополнительное сообщение³⁹.

Однако вопрос о призыве русских подданных с территории КВЖД и из полосы отчуждения продолжал обсуждаться вплоть до начала лета 1915 г. МИД поручил Траутшольду составить директивы консулам о том, на кого должно распространяться допущенное для полосы отчуждения изъятие из правила о призыве после 1 марта. На совещании генконсула с Афанасьевым, комендантом Харбина полковником Ф.И. Курмеем и полицмейстером капитаном Р.А. фон Арнольдом постановили следующее: никто более не мог быть принят на воинский учёт в Харбине или на территории КВЖД. Лица, проживавшие в районах Китая, которые не относились к КВЖД (например, в Мукдене и Тяньцзине), снимались с учёта в Харбине и подлежали действию циркуляра о призыве после 1 марта. Считались свободными от призыва лица, работавшие на концессиях в Северной Маньчжурии, обслуживавшие КВЖД, а также проживавшие на расстоянии не более 50 вёрст по обе стороны от полосы отчуждения (сюда были включены такие китайские города, как Хайлар, Цицикар, Фуцзянь, Нингута). Для лиц, обязанных по роду занятий или службы выезжать за пределы полосы отчуждения в более отдалённые районы Китая (например, для закупки зерна или скота), вводились разрешительные свидетельства от полиции, которые выдавались на основании консульских охранных листов с обозначением цели и продолжительности поездки. Проект инструкции генконсул представил в МИД и миссию⁴⁰.

Осенью 1915 г. последовал очередной призыв, на этот раз касавшийся и проживающих в полосе отчуждения КВЖД. Красные листки с объявлением о призыве, расклеенные по городу 31 августа, произвели на население «ошеломляющее впечатление своей неожиданностью»⁴¹. Очередная волна мобилизации уже не вызвала энтузиазма ни у местных российских властей, ни у общественности. Так, Хорват высказывал генконсульству неудовольствие тем, что его не предупредили о решении правительства. Противник призыва на фронт служащих дороги и полосы отчуждения с самого начала войны, он приводил правлению КВЖД все те доводы, которые принимались во внимание в 1914 г., когда мобилизация ещё не распространялась на русскую колонию в Маньчжурии. Хорват был искренне обеспокоен интересами железной дороги, функционирование которой могло нарушиться из-за отказов поставщиков от выполнения подрядов. Для этих опасений имелись все основания. К примеру, купец первой гильдии, крупный строительный подрядчик, владелец многочисленных предприятий, концессий, недвижимости на Дальнем Востоке России

³⁹ Там же, л. 42.

⁴⁰ Там же, д. 218, л. 189.

⁴¹ Там же, л. 301.

и в Маньчжурии Л.Ш. Скидельский⁴² заявил управляющему КВЖД, что распускает своих служащих и сам идёт на фронт⁴³.

Проблема усугублялась и тем, что среди русских в Маньчжурии доля мужчин призывного возраста оказалась особенно велика. Военное ведомство рассчитывало, что призыв из полосы отчуждения даст фронту 4 тыс. человек, т.е. пехотный полк. Траутшольд так характеризовал обстановку в Харбине, которая теперь резко отличалась от патриотического подъёма первых месяцев войны: «Всюду слышны вздохи, стоны. Хозяева плачут, что приходится расстаться с лучшими, опытными служащими. Много их перебивало у меня за эти дни, как, например, целая депутация иностранных коммерсантов, нуждающихся в своих русских служащих и не знающих, как их заменить и как быть без них». Многие не успевали устроить или ликвидировать свои дела, «бросали всё на произвол судьбы, умоляли комиссара о причислении их на службу в таможне, служащие которой освобождались от призыва»⁴⁴.

Хорват продолжал ходатайствовать об отсрочках для разных категорий служащих КВЖД и жителей полосы отчуждения — например, для учеников и учителей школ и гимназий Харбина⁴⁵. Он писал в Петроград: «Мобилизация застала Маньчжурию врасплох, и притом берут не постепенно, как в Центральной России, а сразу запасных и ратников, не дав никому ликвидировать и устроить свои дела. Таким образом, край поставлен в критическое положение, и я убедительно прошу ходатайствовать о представлении месячного срока для ликвидации дел, иначе положение призванных и дороги может оказаться безвыходным»⁴⁶. Проведение мобилизации в полосе отчуждения «показало, что при общем количестве призываемых около 3000 чел[овек] останавливается вся деловая жизнь. Уже не функционируют мельницы, сахарный завод, и должны прекратить свою работу почти все общественные управления за выбытием самых ответственных агентов, начиная со старост и их помощников. Харбинский городской совет остаётся буквально без служащих во всех своих отделах, то же происходит у всех подрядчиков, от правильного действия предприятий коих зависит работа дороги. Ввиду сего... настоятельно подтверждаю необходимость неотложного ходатайства об отмене мобилизации в полосе отчуждения дороги»⁴⁷. Однако военное ведомство на большинство этих просьб отвечало отказом⁴⁸.

Возникали многочисленные вопросы по поводу мобилизации в провинции Синьцзян: оставалось неясным, освобождались ли от нового призыва ратники, аксакалы и народные судьи. Для Западного Китая этот вопрос имел особое значение: российские подданные этих категорий помогали сохранять стабильность в регионе и предотвращали этнические конфликты, поэтому Крупенский запросил МИД о необходимости снабдить консулов в Синьцзяне специальными указаниями⁴⁹.

⁴² Подробнее см.: *Пай С.С.* Фанзавод Скидельского в 1917–1922 годах // Рассеяны, но не расторгнуты. Приложение к журналу «Клуб директоров». Владивосток, 2012. С. 38; *Черепица В.Н.* «От Волковыска до Харбина». Торгово-промышленная династия Скидельских (конец XIX — середина XX в.) в документах и материалах. Гродно, 2011.

⁴³ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 301.

⁴⁴ Там же, л. 302.

⁴⁵ РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 804, л. 52, 53, 57, 61, 64.

⁴⁶ Там же, л. 57.

⁴⁷ Там же, л. 61–62.

⁴⁸ Там же, л. 79, 96, 100, 125.

⁴⁹ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 2884, л. 8.

Для урегулирования постоянно возникавших паспортных проблем консулы в Китае вновь подняли вопрос о введении обязательной регистрации русских подданных⁵⁰. До войны это решение постоянно откладывалось, но теперь предложения были учтены — по приказу российского МИД в Китае вводилась обязательная регистрация русских подданных в консульских округах. При этом каждый консул имел возможность учесть специфику своего округа. 19 марта 1916 г. постановление опубликовал «Харбинский вестник», однако местная общественность неоднозначно восприняла это нововведение. Уже на следующий день в газете «Новости жизни» появилась заметка её редактора О.А. Шейнфельда, выступившего против введения регистрации и заграничных паспортов и назвавшего эту меру «новым тормозом русскому делу в Маньчжурии»⁵¹.

Очередной призыв русских подданных из Китая в 1916 г. вызвал со стороны российских консульств новые, ещё большие, чем в 1914 и 1915 гг., волны уточнений и просьб об отсрочках. Начальник мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба вынужден был направить в МИД очередную пояснительную телеграмму о том, что по соглашению соответствующих министров отсрочку получали ратники 1-го и 2-го разрядов, проживавшие в полосе отчуждения КВЖД и поселившиеся в ней до апреля 1916 г. На остальных ратников эта льгота не распространялась⁵².

Призыв 1916 г. серьёзно нарушил деятельность как КВЖД, так и всех русских предприятий в Китае. Консулы продолжали ходатайствовать об отсрочках для лиц, деятельность которых играла, по их мнению, критически важную роль. По такому поводу В.Ф. Гроссе в октябре 1916 г. представил прошение ратника 2-го разряда призыва 1900 г. одесского мещанина С. Серебрянникова, который ходатайствовал о предоставлении ему отсрочки в связи с тем, что он выполнял заказы по снабжению армии⁵³. Серебрянников являлся контрагентом поставщика А.Л. Животовского и поставлял в Россию металлы и джутовые мешки, вёл переговоры с австралийской «Marshakk Shoe» о поставке в российскую армию большой партии обуви⁵⁴.

Управляющий чугучакским отделением Русско-Азиатского банка обращался к консулу в Чугучаке В.В. Долбежеву с ходатайством об отсрочке для своего служащего И.В. Горбунова. Последний происходил из казачьего сословия Семиреченского казачьего войска, на момент предыдущей мобилизации был лишён воинского звания и поэтому не подлежал призыву. Однако к июню 1917 г. он уже пользовался правами российского гражданина и должен был отправиться на фронт⁵⁵. Управляющий отделением банка просил об отсрочке в связи с тем, что «Горбунов очень нужен для отделения, и заменить его в Чугучаке другим лицом не представляется возможным»⁵⁶.

⁵⁰ Подробнее см.: *Наземцева Е.Н.* Деятельность консульств Российской империи в Китае по урегулированию правового статуса российских подданных в 1913–1917 гг. // *Россия и Китай: история и культура. Сборник статей и докладов участников XIV международной научно-практической конференции.* Казань, 2021. С. 204–212.

⁵¹ АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 2319, л. 63.

⁵² Там же, д. 2881, л. 58.

⁵³ Там же, д. 358, л. 110.

⁵⁴ Там же, л. 111.

⁵⁵ Там же, д. 2898, л. 52, 53 об.

⁵⁶ Там же, л. 54.

Призыв 1916 г. ставил под угрозу и русские крестьянские поселения в Западном Китае, о чём в секретной телеграмме от 16 августа 1916 г. за № 1127 сообщал в МИД и российскому посланнику в Пекин управляющий консульством в г. Шарасумэ В.Ф. Люба: «Последним призывом русские посёлки Алтайского округа, не успевшие закончить полевые работы, ставятся в безвыходное положение, теряя почти всё взрослое мужское население. Семьи, оставаясь без защитников и опасаясь разорения от враждебно настроенных китайских киргиз, умоляют об отсрочке»⁵⁷.

В итоге Нератов вынужден был обратиться к управляющему делами Совета министров И.Н. Лодыженскому с просьбой о прекращении призыва из Китая и Монголии. Он определил три направления «русского внедрения»: «Во-первых, открытые для торговли города Собственного Китая и Маньчжурии; во-вторых, полоса отчуждения Китайской Восточной железной дороги, и в-третьих, прилегающие к нашим пределам части Западного Китая, как то: Алтай, Тарбагатай, Урумчийский округ, Илийский край и Китайский Туркестан»⁵⁸.

Оставив в стороне анализ положения на КВЖД, а также в её полосе отчуждения как находившихся «относительно призыва на войну её мужского населения в особых условиях», Нератов подробно остановился на двух других направлениях. В частности, он отметил немногочисленность русского населения в Восточном Китае, состоявшего «почти исключительно из торговцев и небольшого числа лиц, служащих в китайских правительственных учреждениях с согласия и одобрения русского правительства, поощряющего такую службу по политическим соображениям». Российская же торговля, сосредоточенная в концессиях в Тяньцзине и Ханькоу — центре чайной торговли, — имела, по его справедливому мнению, государственное значение. С начала войны военнообязанные призывались из этих частей Китая в общем порядке, и лишь по отдельным ходатайствам предоставлялись отсрочки лицам, оставление которых являлось особо желательным. Основываясь на донесениях консулов, министерство у Певческого моста приходило к убеждению, что лишение отсрочек тех лиц, которым они были даны на определённые сроки, и дальнейший призыв военнообязанных грозили «совершенно подорвать наше торговое положение в сказанных портах Китая». Нератов акцентировал внимание на том, что «ведение коммерческих операций в такой своеобразной стране, как Китай, требует особой долговременной подготовки и практики, что всякая утрачиваемая нами позиция занимается нашими конкурентами». Особо опасными он считал немцев, которые продолжали заниматься торговыми делами и пользовались любым ослаблением своих противников. Между тем задача устранения опасного для России влияния Германии на Дальнем Востоке была признана союзниками — Францией и Англией, которые, кстати, как сообщали российские агенты, решили воздержаться от дальнейших призывов своих коммерсантов в Китае. МИД рекомендовал последовать их примеру. Консулам предлагалось составить, «во избежание злоупотреблений», именные списки лиц, действительно занимающихся торговлей или промышленностью в качестве самостоятельных предпринимателей или служащих»⁵⁹.

⁵⁷ Там же, д. 2881, л. 57.

⁵⁸ Там же, д. 2898, л. 8.

⁵⁹ Там же.

По мнению Нератова, ещё сложнее обстояло дело в областях Западного Китая: «Здесь основой нашего влияния на местную жизнь является наличие значительного инородческого населения, коренного и пришлого, состоящего в русском подданстве. При отдалённости всех этих местностей от Пекина, недостатке путей сообщения и преобладании некитайского элемента в провинции, они фактически находятся в слабой зависимости от центра, и наш консул, опирающийся на многочисленные и богатые колонии из русских и инородцев, тесно связанных тысячами нитей с краем, играет важную роль и имеет возможность оказывать желательное нам воздействие на все почти стороны жизни. В руках этих инородцев главным образом сосредоточена русско-китайская торговля, при слабой конкуренции китайских подданных, принуждённых платить сборы и пошлины, от которых по договорам освобождались русские. Наши консульские отчёты свидетельствуют, что торговый оборот этих областей достигает крупных размеров как по ввозу, так и по вывозу. Отлив этих инородцев в случае призыва их на работы внесёт, конечно, громадное расстройство в торговлю, если бы даже, как указывает военный министр, ограничились призывом лиц в возрасте от 19 до 31 года. Нельзя упускать из виду, что Западный Китай является крупным вообще, а при настоящих обстоятельствах особенно важным вывозным рынком для сырья, в котором так нуждается Россия и, между прочим, военное ведомство. Переход, хотя бы частичный, торговли в руки китайцев во всяком случае удорожит закупку и поведёт к сокращению вывоза, принуждённого приспособляться к новым условиям. Но ещё более важны с точки зрения Министерства иностранных дел те политические последствия, к которым поведёт проектируемая мера». Поэтому МИД пришёл к убеждению «в настоятельной необходимости» прекратить дальнейшие призывы военн-обязанных из Китая и Монголии, продлить предоставленные ранее отсрочки и, наконец, совершенно отказаться от призыва на работы проживающих в Китае и Монголии инородцев — русских подданных⁶⁰. Все эти предложения внешнеполитического ведомства Совет министров утвердил 7 октября 1916 г.⁶¹ Спустя 12 дней информацию об отмене призывов русских подданных из Китая получили консулы в их округах⁶².

При проведении мобилизаций не обошлось без провокаций. Один из инцидентов произошёл в Гирине. 5 марта 1916 г. в местной газете «Цзи-чань-жибао» появилось объявление от имени русского консула В.Ф. Братцова⁶³ об открытии набора иностранных солдат. Объявление было подписано китайцами Цзун Фаньюй, Чжао Хайшань, Ян Цинянь и другими (всего шесть подписей). В тот же день российский консул обратился с просьбой к комиссару по иностранным делам провинции поместить в следующем номере газеты опровержение ложных слухов, «неизвестно кем и с какою целью пущенных, и обязал редакцию не печатать никаких объявлений от имени русского консула»⁶⁴. 6 марта опровержение напечатали как комиссар, так и сама газета, извещавшая о провокации в особой заметке: «Новость Гирина. Ничего подобного набору солдат. Третьего дня зашёл в редакцию один человек по фамилии Чжао Хайшань, который называл себя человеком русского консула, принёсшим объявление в газету

⁶⁰ Там же, л. 9.

⁶¹ Там же, л. 5, 39.

⁶² Там же, л. 49.

⁶³ Возможно, В.А. Братцев (Братцов).

⁶⁴ АВПРИ, ф. 188, оп. 761, д. 756, л. 36.

о наборе солдат и проч. Вчера русское консульство через Цзяо-шэ-шу по телефону сообщило, что вовсе нет дела о наборе солдат. Наша редакция также подробно разузнала, и действительно всё оказалось выдумкой. Опасаясь, что податели объявления имеют тайное намерение возмущать и вовлечь в свои сети тёмный народ, редакция сочла своим долгом поставить о сём в известность наших читателей»⁶⁵. Одновременно комиссар сообщил российскому консулу, что автор объявления обнаружен и предан суду⁶⁶.

Из расследования стало известно, что автор сообщения — китайский подданный Чжао Хайшань, уроженец северного предместья Мукдена, бродяга без определённых занятий. Раньше служил в качестве кули в консульствах в Куаньчэнцзы, немного говорил по-русски. В конце февраля 1916 г. он прибыл в Гирин и занялся перепродажей опиума. Потом через своего друга познакомился с начальником 9-го полицейского участка сельской полиции Чжао Циньнянь, которому и предложил способ получить деньги, сказав, что он приехал в Гирин специально с целью набрать для русского консула 500 человек солдат. Чжао Циньняню он предложил занять должность полковника (тунлин) этого нового отряда⁶⁷. Чжао Хайшань решил сделать объявление в газете о наборе иностранных солдат русским консулом. 18 февраля он составил такое объявление и опубликовал его, затем пошёл в публичное заведение «Пинь-цин», где был арестован и препровождён в полицейский участок на допрос, затем передан в Штаб (Цзян Цзюньшу) для разбора дела и наказания⁶⁸.

В то же время китайское руководство в некоторых случаях защищало от мобилизации русских специалистов, нанятых на китайские предприятия. Так, 21 сентября 1915 г. фэнтяньский цзянцзюнь (генерал-губернатор) отправил в МИД Китайской республики телеграмму, в которой просил вступить с российской стороной в переговоры об освобождении русских специалистов, работавших на Хуланьской сахарной фабрике, так как их мобилизация затруднит работу последней⁶⁹. Согласно сведениям, полученным китайским МИД от российского посланника в Пекине Н.А. Кудашева, на фабрике работали 16 русских специалистов, двое из которых уже были мобилизованы. Военное министерство России после запроса Кудашева разрешило отсрочить мобилизацию для остальных специалистов до января 1916 г., однако после истечения этого срока предписало призвать ещё восемь человек⁷⁰. В связи с тем, что даже после этого на фабрике оставались шесть русских работников, китайское правительство сочло ответ Кудашева и действия российского военного ведомства вполне удовлетворительными⁷¹.

Таким образом, мобилизация российских подданных в Китае вызвала ряд организационных проблем, связанных как с действиями российских властей при осуществлении мобилизационных мероприятий, так и со спецификой положения русских подданных за пределами Российского государства. Значительно усложняли положение проблемы во взаимоотношениях заинтересованных министерств — военного и иностранных дел. Последнее обращало внимание на

⁶⁵ Там же, л. 42.

⁶⁶ Там же, л. 36.

⁶⁷ Там же, л. 44.

⁶⁸ Там же, л. 45.

⁶⁹ Academia Sinica. 03-01-018-04-001.

⁷⁰ Ibid. 03-01-018-04-004.

⁷¹ Ibid.

чуждые военному ведомству проблемы сохранения политических и экономических позиций Российской империи в Китае и в регионе в целом. Имели место и сбои в работе военно-бюрократического механизма: в дальневосточные и центральноазиатские военные округа часто не доходили указания и данные о призывах, что приводило к многочисленным путаницам и проблемам.

Мобилизация и последующие призывы оказали значительное влияние на работу главного российского стратегического объекта в Китае — КВЖД. Уход на фронт частей Заамурского округа ОКПС создал угрозу безопасности в регионе и на дороге; положение осложнялось прибытием на её станции десятков тысяч военнопленных.

Призывы негативно сказывались на деятельности русских торговых и финансовых предприятий, дипломатических представительств, осложняли ситуацию и призывы крестьянского населения из приграничных с Россией провинций Китая — Маньчжурии и Синьцзяна. Всё это сопровождалось частыми нарушениями прав русских подданных в Китае и привело к потере Российской империей своих позиций на Дальнем Востоке и в Центральной Азии.

Женская история российской военной цензуры периода Первой мировой войны

Ирина Алферова

Women's history of Russian military censorship during the First World War

Irina Alferova

(Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24020125, EDN: HHYEUI

Исследования Первой мировой войны переживают своеобразный бум в отечественной историографии. Авторы многочисленных публикаций осмысливают события «забытой» страницы нашей истории, используя самый разнообразный методологический инструментарий, который предлагает им современная гуманитарная наука. Появляются работы, написанные в рамках классической военной, политической, экономической истории, а также историко-антропологические изыскания, позволяющие взглянуть на происходившее с точки зрения участников этой войны, что, безусловно, способствует более эффективному постижению многомерной исторической действительности. Немалое количество современных трудов посвящено российским женщинам — как участницам военных действий, так и населению тыла¹.

Представленная статья посвящена работе женщин в годы Первой мировой войны в учреждениях военной цензуры — теме, которая только начинает привлекать внимание отечественных исследователей. Изучение процесса освоения женщинами профессий, которые до войны считались исключительно мужскими, позволяет исследователям воссоздавать причинно-следственные связи значимых гендерных трансформаций, предопределивших новые иден-

© 2024 г. И.В. Алферова

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00900 «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914–1917 г.)».

The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project № 22-28-00900 «Russian periodicals and censorship in the theater of war as indicators of socio-political attitudes and practices (1914–1917)».

¹ См.: *Щербинин П.П.* Женщины в русской армии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2004. № 3(35). С. 42–49; *Энгл Б.* Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 1. С. 148–178; *Васильев М.В.* Женские батальоны в Первой мировой войне. Псков, 2014; *Астахов А.Б.* Милосердие и труд: небоевые практики русских женщин в Первой мировой войне // Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2021. С. 178–187; *Крестьянников Е.А.* Женщины-юристы Российской империи накануне и в условиях Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2(78). С. 68–76; *Сердюк В.А.* «Приём на службу женщин допущен... вне всякой процентной нормы». Труд женщин на фронтовых железных дорогах Российской империи в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2023. № 3. С. 86–94; и др.

тичности, социальные роли и статусы женщин². Тема является определённым вкладом в изучение в целом малоисследованной деятельности российской военной цензуры в годы Первой мировой войны, прежде всего интерпретации специфики работы российских цензоров³.

Указ Николая II о введении военной цензуры был опубликован 20 июля 1914 г., т.е. на следующий день после объявления Германией войны Российской империи. Согласно «Временному положению о военной цензуре» она устанавливалась в полном объёме на театре военных действий, частично — на остальной территории⁴. «Правила по организации цензуры и исполнению цензуры» на Юго-Западном фронте (31 июля 1914 г.) провозглашали целью военной цензуры пресечение разглашения «в какой бы ни было форме военной тайны», недопущение «проникновения в армию и из армии в тыл сведений, которые могли бы неблагоприятно повлиять на ход дел как на театре войны, так и внутри государства, а также способствовать органам контрразведки в обнаружении преступных, в смысле шпионства и пропаганды, лиц в составе армии и населения»⁵. Для выполнения этих задач предполагалось просматривать все без исключения телеграммы, направляемые из армии в тыл и наоборот, выборочный просмотр частных писем, посылаемых в тех же направлениях, а также наблюдение за печатной продукцией, выпускаемой типографиями.

Организацией этого дела на театре военных действий должны были заниматься цензурные отделения штабов — верховного главнокомандующего, командующих фронтов и армий, а в тылу — Главная военная цензурная комиссия, местные военно-цензурные комиссии военных округов, пункты военной цензуры при почтовых и почтово-телеграфных конторах. Организационная структура военной цензуры изначально отличалась сложностью и запутанностью, подчиняясь не только военным, но и гражданским властям. Так, корреспонденции, которые направлялись в армию, должны были досматриваться в штабах армий офицерами или унтер-офицерами, состоявшими в должности цензоров. Обратные, «согласно системе полевых почтовых контор»⁶, поступали в тыловые сортировочные места, где обязанности военных цензоров возлагались на местных должностных лиц, наблюдавших за печатью, и на почтово-телеграфных чиновников⁷.

² См.: *Поршнев О.С.* Гендерный фактор политической мобилизации в России в условиях Первой мировой войны: методология и историография // Вестник РГГУ. Сер. Политология, история, международные отношения. 2022. № 2. С. 21–32.

³ *Батулин П.В.* Военная цензура в период Первой мировой войны и революции 1917–1918 гг.: проблема сущности и преемственности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. Вып. 16/3. С. 141–155; *Письма с войны 1914–1917* / Сост. А.Б. Астахов, П.А. Симмонс. М., 2015; *Алферова И.В., Блохин В.Ф.* «Гасильник народного духа»: цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2017. № 3(53). С. 63–84; *Блохин В.Ф.* Военная цензура Минского военного округа и начало Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2019. № 3(61). С. 29–43; *Богомолов И.К.* Государственная дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // Российская история. 2022. № 4. С. 96–117.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. № 192. Ст. 2057.

⁵ РГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3902, л. 39.

⁶ Полевые почтовые конторы учреждались на границе театра военных действий и внутренних территорий Российской империи, преимущественно в железнодорожных узлах, для сортировки и правильного направления почтовых отправок.

⁷ РГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3902, л. 40.

Массив почтовых отправлений, поступавший на просмотр цензорам, оказался колоссальным. Например, через Главную полевую почтовую контору в Гомеле в октябре 1914 г. в сутки проходило 150 тыс. корреспонденций⁸. По мере затягивания войны, когда на фронтах оказывались всё новые и новые волны мобилизованных комбатантов, стремившихся сообщить информацию о себе близким и получить известие от них, объём работы цензурных отделений возрастал. Позиционный характер войны и «окопный» быт также влияли на увеличение корреспонденций с фронта.

Многократно повышало объём работы цензоров и растущее число военнопленных, которые получали возможность через представительства Красного Креста пересылать вести о себе на родину. С начала войны корреспонденции военнопленных в обязательном порядке подвергались проверке в Справочном бюро о военнопленных в Петрограде, а затем пересылались непосредственно адресатам. С ноября 1914 г. в Петроград направлялись письма и телеграммы военнопленных в Германию, в Австро-Венгрию они шли через г. Унгены в Бессарабии.

Нагрузка, которую испытывали цензурные пункты почтово-телеграфных учреждений, вынуждала увеличивать штат работников, в том числе принимать на службу женщин. Так, начальник Одесского почтово-телеграфного округа распоряжением от 29 декабря 1914 г. предписал принимать женщин в почтовые учреждения на должность чиновников 5-го и 6-го разрядов. Условием их зачисления было обязательное наличие среднего (гимназического) образования и знание французского и немецкого языков⁹.

Необходимо отметить, что именно почта и телеграф стали первыми российскими государственными учреждениями, на работу в которые начали принимать женщин. С ноября 1864 г. распоряжением Александра II их допустили на телеграфную службу в Финляндии, а в феврале 1865 г. — и в других регионах страны¹⁰. Основной причиной этого стало бурное развитие телеграфа и недостаточное количество специалистов-мужчин, владеющих языками. Программы же российских женских гимназий предписывали обязательное изучение двух иностранных языков (обычно французского и немецкого), на преподавание которых отводилось большее количество часов, чем в мужских гимназиях. Именно поэтому женщины первоначально принимались на работу в цензурные пункты в качестве «переводчиц» в помощь военным цензорам-мужчинам.

Согласно приказу главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта от 31 октября 1914 г., «ввиду обилия почтовой корреспонденции на различных иностранных языках и инородческих языках, поступающей к военным цензорам», начальнику Двинского военного округа разрешалось учредить один или два центральных пункта, где просмотр корреспонденции должен был производиться цензорами при помощи переводчиков, «знающих наиболее употребительные иностранные и инородческие языки, коими пользуется насе-

⁸ Письма с войны 1914–1917. С. 51.

⁹ Миронова И. С. Военная цензура почтовой корреспонденции Одесского почтово-телеграфного округа в период Первой мировой войны // Историческая и социально-образовательная мысль. Исторические науки, этнология и археология. 2014. № 2(23). С. 56.

¹⁰ Заремский В. К. Организация работы женщин в почтово-телеграфных учреждениях Российской империи // Гісторія, філософія, філологія. Вестник МДУ імя А.А. Куляшова. 2010. № 1(35). С. 50–58.

ление края для своих почтовых сношений»¹¹. Вознаграждение переводчикам назначалось как вольнонаёмным. На основании данного приказа, к примеру, в почтово-телеграфную контору витебска были направлены вдова отставного подполковника А.И. Туревич и дочь витебского казначея Л. Норневская «с платой названным лицам по 2 руб. в сутки за время фактического исполнения обязанностей переводчиков»¹². Жалованье такого же размера получали младшие офицеры и нижние чины¹³.

Осенью 1915 г. возrastавшее количество почтовых отправлений и значительное увеличение штата служащих при военно-цензурных пунктах поставили на повестку дня вопрос о пересмотре инструкций для военных цензоров и переводчиц. Прежде всего это коснулось военно-цензурных учреждений Петрограда как главного центра почтово-телеграфной связи в стране. Председатель Петроградской военно-цензурной комиссии генерал-майор Д.П. Струков на заседании 19 декабря 1915 г. предложил «в целях более подвижной и ближайшей связи комиссии с подчинёнными» создание «особого инспекторского органа, функции которого должны быть направлены непосредственному общению с деятельностью» цензоров и переводчиц¹⁴.

Однако 12 января 1916 г. Струкова отстранили от должности по причине того, что комиссия за 18 месяцев войны «пришла в совершенно неудовлетворительное состояние». В обсуждениях членами комиссии её предшествующей работы отмечалось, что с началом войны «почему-то совершенно неосновательно отнеслись к делу военной цензуры, не с должным вниманием»¹⁵. В числе прочих претензий и обвинений в отношении бывшего председателя указывалось, что «почти всё своё время» он уделял приёму посетительниц, причём устройство на работу цензоров производил «без предварительных сношений с контрразведывательными отделениями, отчего многих приходилось увольнять, были и агенты противника»¹⁶. Генерал-майор М.А. Адабаш, назначенный исполняющим обязанности председателя комиссии, на одном из заседаний также поставил в вину Струкову, что переводчицы принимались по его личному выбору, без надлежащей проверки их благонадёжности, и могли оказаться «не теми лицами, которыми они значились по документам»¹⁷. В результате старший военный цензор при Главном почтамте получил приказ «безотлагательно проверить документы военных цензоров и переводчиц и обязать последних представить свои фотографические карточки, коих необходимо наклеить на удостоверения их личности». Предписывалось «ввести для военных цензоров и переводчиц однообразные книжки с их фотографиями, кои бы служили удостоверениями их личности»¹⁸.

На совещании членов комиссии 27 января 1916 г. высказывались и другие предложения по улучшению работы цензуры. Например, обсуждался вопрос о допущении женщин к выполнению обязанностей военных цензоров. Присутствовавшие посчитали возможным привлекать к этой деятельности прежде

¹¹ РГВИА, ф. 2019, оп. 1, д. 716, 1914 г., л. 166.

¹² Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 1571, л. 28.

¹³ Там же, ф. 2019, оп. 1, д. 716, л. 230 об., 231.

¹⁴ Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 1198, л. 6 об.

¹⁵ Там же, л. 22.

¹⁶ Лемке М. 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 — 2 июля 1916). СПб., 1920. С. 468.

¹⁷ РГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1198, л. 22.

¹⁸ Там же, л. 22—22 об.

всего офицеров со знанием языков, «как это было сделано в финляндской военно-цензурной комиссии, куда зачислялись офицеры со знанием финского и шведских языков, но в случае их недостатка приглашать гражданских чиновников, а уже при отсутствии последних — испытанных и достойных переводчиц»¹⁹. При этом подчёркивалось, что «нельзя назначать женщин на самостоятельные должности, а допускать их к работе под руководством военных цензоров». По мнению Адабаша, женщин следовало допускать только «для заведывания личным составом, а также хозяйственным и бухгалтерским отделениями»²⁰.

Примечательно, что ко времени этого обсуждения женщины уже работали военными цензорами, в том числе в петроградской военной цензуре. Так, 13 мая 1915 г. цензором назначили дочь действительного статского советника М.С. Коренева²¹. Согласно приказу от 3 октября 1915 г. № 1306 по Двинскому военному округу, в г. Великие Луки цензорами направлялись чиновницы петроградских городских телеграфов Каталинская, Алексеева и Ритц²². В октябре же 1915 г. на должность цензора при Псковской почтово-телеграфной конторе утвердили Софию Зайончковскую, ранее служившую в Варшавской телеграфной конторе²³.

Из меморандумов, которые представлялись в Петроградскую военно-цензурную комиссию, можно предположить, что, считаясь официально переводчицами, женщины параллельно выполняли и обязанности цензоров или их помощниц. Так, военная переводчица Н. Гец обнаружила в письме из Швеции на имя Семёнова, проживавшего на Миллионной улице, секретный текст, содержащий сведения о кораблях в Ботническом заливе, местах нахождения мин и обозначения путей, по которым шли немецкие подводные лодки и лёгкие крейсера²⁴. Адабаш сообщал начальнику штаба Петроградского военного округа, что при просмотре означенного письма Гец «заметила, что во многих местах чернила немного расплылись и оказались другого цвета, что дало ей мысль подогреть письмо над свечкой, и тогда выступил второй текст, вписанный между строк»²⁵.

Сохранилось разбирательство по поводу меморандума переводчицы Петроградской военно-цензурной комиссии Л. Найдёновой, которая в письме на латышском языке, отправленном из Псковской губ. в Финляндию рядовому Э.И. Эгле, усмотрела предложение «о признании солдата больным или хворым за известную сумму»²⁶. При повторной проверке письма в военно-цензурном отделении штаба 6-й армии, куда его вернули, подобного указания не нашли²⁷. В другом случае переводчица I группы III отделения представила на усмотрение Петроградской военно-цензурной комиссии письмо из США рядовому, который имел право получать из-за границы только открытки²⁸. Переводчица Беренс обнаружила в карточке, направленной из Западной Пруссии воен-

¹⁹ Там же, л. 27 об.

²⁰ Там же, л. 27–28.

²¹ Там же, д. 1586, л. 143.

²² Там же, д. 1571, л. 24 об.

²³ Там же, л. 29.

²⁴ Там же, оп. 4, д. 670, л. 60.

²⁵ Там же, ф. 1343, оп. 6, д. 10, л. 274.

²⁶ Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 1182, л. 73.

²⁷ Там же, л. 70.

²⁸ Там же, ф. 2048, оп. 1, д. 907, ч. 1, л. 206.

нопленному М. Домбровскому в Уфимскую губ., второй текст на латышском языке²⁹.

Мобилизация почтово-телеграфных служащих усиливала кадровый дефицит работников цензуры. Это касалось и территорий, находившихся в непосредственной близости к фронту, что в свою очередь поставило вопрос о допуске женщин к работе в местных цензурных пунктах. Так, 2 марта 1916 г. генерал-квартирмейстер штаба армий Северного фронта Н.Э. Бредов в телеграмме генерал-квартирмейстеру Штаба верховного главнокомандующего М.С. Пустовойтенко ходатайствовал о привлечении в число военных цензоров женщин и просил указаний «относительно их прав»³⁰.

В это же время генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта П.П. Лебедев направил в Главную военно-цензурную комиссию запрос, в котором интересовался возможностью привлечения лиц женского пола к работе цензорами. Председатель комиссии генерал А.И. Звонников, сославшись на повеление императора от 20 июля 1914 г. «допускать к исполнению обязанностей военных цензоров по представлению о том председателей местных военно-цензурных комиссий и с разрешения главных начальников военных округов, кроме чинов, указанных в ст. 20 “Временного положения о военной цензуре”, также и лиц, на государственной службе не состоящих», отметил, что «в означенном высочайшем повелении никакого указания относительно пола лиц... не имеется»³¹.

Председателям местных военно-цензурных комиссий, также со ссылкой на «Временное положение о военной цензуре» и с разрешения военного министра разъяснялось, что к исполнению обязанностей по военной цензуре могли привлекаться и женщины. При этом рекомендовалось, «не давая им звания военных цензоров, именовать их переводчицами при такой-то военной цензурной комиссии или помощницами военных цензоров и поручать им просмотр корреспонденции (как иностранной, так и русской) не иначе, как под руководством и ответственностью тех военных цензоров, в помощь коих они назначаются»³². Вознаграждение переводчицы должны были получать в том же размере и на тех же основаниях, как и военные цензоры. На театре военных действий главнокомандующим предоставлялось право издавать более подробные правила по поводу привлечения женщин к цензуре³³.

Получив соответствующие объяснения, Лебедев в марте 1916 г. направил рапорт в Штаб верховного главнокомандующего, в котором, ссылаясь на решения Главной военно-цензурной комиссии о допуске женщин к работе в военной цензуре во внутренних районах военных округов, просил указаний «относительно того, можно ли «распространить этот порядок и на военные округа театра военных действий»³⁴. С его точки зрения, такая мера была бы весьма желательной, учитывая, что «представление для этой цели раненых офицеров отклонено Главным штабом, что привлечение к цензуре лиц местной администрации признано нежелательным со стороны Штаба верховного главнокомандующего и что в командировании... нужного количества почтовых чиновников

²⁹ Там же, ф. 2031, оп. 4, д. 670, л. 57.

³⁰ Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 1488, л. 162.

³¹ Там же, л. 159–159 об.

³² Там же, л. 159 об.

³³ Там же, л. 160.

³⁴ Там же, л. 70.

сверх тех, о коих штабом фронта уже возбуждалось ходатайство, едва ли можно рассчитывать»³⁵.

В последующих запросах с Западного фронта содержались пожелания о возможности привлечения женщин к цензуре не только печати, но и переписки в том числе на фронте, так как в этом случае «подыскание соответствующих гражданских лиц для цензуры при полевых почтовых конторах, ввиду того что они передвигаются вместе с войсковыми частями и часто бывают расположены в малонаселённых местах», затруднительно³⁶.

Решая проблему нехватки кадров, начальник Штаба верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев 18 апреля 1916 г. издал приказ № 515, допускавший к работе в военной цензуре «подходящих для исполнения этих обязанностей лиц, на государственной службе не состоящих, с разрешения командующих армиями и главных начальников военных округов на театре военных действий по отношению подчинённых им районов по принадлежности»³⁷. В другом сообщении Ставки отмечалось, что к занятиям по военной цензуре могли привлекаться чины гражданской службы, имеющие соответствующее образование или «научный ценз», например, профессора, учителя и т.п.³⁸

Согласно разъяснению Ставки в мае 1916 г., женщины допускались к работе «только в случае недостатка подходящих лиц мужского пола и исключительно в местностях тылового района, находящихся в ведении главных начальников военных округов на театре военных действий»³⁹. Ещё раз подчёркивалось, что женщины не могут назначаться старшими цензорами, а их работа должна проходить под наблюдением и контролем более опытных специалистов. В циркуляре начальника штаба Северного фронта от 14 июня 1916 г. указывалось, что при назначении военных цензоров следовало принимать во внимание политическую благонадёжность, нравственные качества кандидатов, их непричастность «к каким-либо тайным, нелегальным и шпионским организациям»⁴⁰.

В июне 1916 г. вновь назначенный генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Н.Н. Духонин сообщил в Ставку о том, что в Бердичеве, Житомире и местечке Казатин «вследствие недостатка интеллигентных лиц, могущих с пользой вести военно-цензурные обязанности, и большого объёма корреспонденции (в м. Казатин более ½ миллиона в сутки), в дополнение к состоящим на государственной службе военным цензорам» приняты на работу женщины-цензоры, «при весьма осторожном выборе их»⁴¹. Старшими военными цензорами они не назначались. Генерал интересовался возможностью дальнейшей работы на занимаемых должностях женщин, «с пользой несущих свои обязанности»⁴². На его сообщение пришёл ответ: «К допущению женщин в качестве военных цензоров... также и в крупных населённых пунктах, находящихся в военно-цензурном районе штаба фронта... препятствий нет, если это признаётся возможным главнокомандующими армиями фронта»⁴³.

³⁵ Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 1488, л. 70–70 об.

³⁶ Там же, л. 67.

³⁷ Там же, л. 161.

³⁸ Там же, л. 66.

³⁹ РГВИА. ф. 2031, оп. 1, д. 1232, л. 263 об.

⁴⁰ Там же, л. 263.

⁴¹ Там же, л. 240–241.

⁴² Там же, л. 241.

⁴³ Там же, л. 257.

Лица, в том числе и женщины, изъявившие желание работать в учреждениях военной цензуры, должны были предоставить свидетельства о своей благонадёжности, для проверки которой в соответствующие контрразведывательные отделения отправлялись запросы⁴⁴. Так, Особая Финляндская военнo-цензурная комиссия 29 ноября 1916 г. отклонила прошение Варвары Богуцкой по причине обнаружения у неё родственников в Австро-Венгрии⁴⁵.

При наличии схожих характеристик у претенденток учитывалось и их материальное обеспечение. Преимуществами, согласно приказанию, пользовались вдовы и сироты, а также другие члены семейств: «1. а) убитых в настоящую войну воинских чинов; б) воинских чинов и чиновников, эвакуированных из занятых неприятелем местностей; в) воинских чинов вообще. 2) Жены и дети воинских чинов раненых, неспособных нести службу, находящихся в плену и отставке»⁴⁶. Цензорами становились женщины, у которых на фронте находились муж, братья, племянники, или же они являлись вдовами военнослужащих. Помимо обязательных пунктов «образование» и «знание языков» присутствовал и вопрос «отношение к войне».

Большая часть претенденток имела гимназическое образование, некоторые были выпускницами Высших женских курсов и Смольного института, встречались и «свободные художники». В качестве иностранных языков чаще всего указывались немецкий, французский, реже польский и английский. Присутствовали указания на знания латышского, русинского, малорусского, датского и шведского⁴⁷.

Некоторые прошения достаточно пространны и содержат объяснения причин, которые сподвигли женщин добиваться такой работы. Чаще всего это затруднительные материальные обстоятельства. Так, в прошении дочери начальника Межиречской почтово-телеграфной конторы Люблинской губ. Лидии Фёдоровны Ширяевой на имя начальника военнo-цензурного отделения Штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта сообщалось, что её семья (родители и пятеро детей) — беженцы, оказались в Ельне, где она не смогла найти «таких занятий, которые бы не роняли чести родителей и брата офицера». Получив известие от шурина, что на работу в военной цензуре принимаются женщины, она обратилась с просьбой назначить её в Казатин, надеясь, что таким образом она сможет «оказать посильную помощь своим родителям», а честно исполненный труд наполнит её жизнь «сознанием, что я не праздновала в дни защиты своей родины»⁴⁸.

В других прошениях преобладает этическая мотивация. Домашняя наставница Аустра Мартыновна Вактин, уроженка Лифляндской губ., ссылаясь на свободное время, «пожелала употребить его с возможной для нашей армии пользой, участвуя в деле, имеющем целью воспрепятствовать распространению разных слухов и сведений, могущих отрицательно повлиять на настроения и успехи славной нашей армии»⁴⁹. Вактин также претендовала на место военного цензора в Казатине.

⁴⁴ Там же, оп. 4, д. 854, л. 335.

⁴⁵ Там же, ф. 928, оп. 1, д. 13, л. 9.

⁴⁶ Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 1232, л. 263–263 об.

⁴⁷ РГИА, ф. 778, оп. 1, д. 11, л. 60–157.

⁴⁸ РГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3856, л. 399.

⁴⁹ Там же, л. 579.

Особое значение имело привлечение к военной цензуре женщин в Финляндии по причине малочисленности проживавшего здесь русского населения. «Попытки привлечь в цензуру если и не офицеров, то хотя бы русских уроженцев, хотя бы на вечерние не служебные часы, кроме Выборга, также не дали ощутительных результатов»⁵⁰, — сообщал генерал-квартирмейстер Северного фронта в Штаб верховного главнокомандующего. Учителей, работавших в русских учебных заведениях, не прельщало вознаграждение в 4 марки за 3 часа работы, поскольку уроками они зарабатывали больше: «Если добавить ко всему изложенному, что цензоры в Финляндии должны знать и местные языки, и европейские, т[ак] к[ак] в настоящее время через Финляндию идёт единственный северный путь в Европу, то станут очевидными те чрезвычайные затруднения, с которыми пришлось считаться Штабу фронта»⁵¹.

Генерал-квартирмейстер Северного фронта «усердно ходатайствовал» об оставлении в военной цензуре женщин, уже допущенных в Финляндии, так как без этой работы они «будут поставлены в весьма затруднительное материальное положение». Он указывал на политическую подоплёку необходимости допуска к цензуре «русских женщин — патриотов, вдов и сирот офицеров, служивших в Финляндии, т[ак] к[ак] только широким допуском к обязанностям цензоров удалось уменьшить количество финнов-цензоров, которое по неизбежности было велико»⁵².

Полковник Д.Л. Казанцев, служивший в годы Первой мировой войны в Оперативной канцелярии в Финляндии и работавший в военной цензуре, утверждал в своих воспоминаниях, что «военные дамы» допускались к чтению солдатских писем ещё и потому, что им «лучше других была известна жизнь солдата». Мысль эта принадлежала председателю военно-цензурной комиссии подполковнику Гольмбергу в Гельсингфорсе. Однако «при выборе кандидаток было допущено много вынужденных поправок по предоставлению мест вдовам погибших на войне офицеров, многие из которых совершенно не подходили по возрасту уже для этой цели». Эти обстоятельства вызвали большое количество претензий в отношении военной цензуры, «иногда справедливых, но исправить их было невозможно»⁵³.

В июле—октябре 1916 г. начальник штаба Северного фронта допустил женщин к выполнению обязанностей цензоров в Гельсингфорсе, Выборге, Або, Таммерфорсе, Куопио, Николайстаде, Раумо, Юрьеве, Валке, Феллине, Вейсенштейне, Везенберге, Нарве, Кронштадте, Ораниенбауме и Сестрорецке, Торнео, Улеборге и Бьёрнеборге, в ноябре — в Двинске⁵⁴. В Петроградской военно-цензурной комиссии к июлю 1916 г. работали 1538 женщин⁵⁵. При общем значительно возросшем их количестве во многих цензурных пунктах произошло и относительное увеличение их числа по отношению к мужчинам-цензорам.

Согласно приказу главного начальника Двинского военного округа генерала от инфантерии Д.П. Зуева от 30 ноября 1916 г., в цензурные пункты Ви-

⁵⁰ Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 1488, л. 226.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, л. 312.

⁵³ Казанцев Д.Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914—1917. М., 2016. С. 228.

⁵⁴ РГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1232, л. 264.

⁵⁵ Там же, д. 1586, л. 132—156 об.

тебска назначались 89 человек, из них 85 — женщины. В Псков направились четыре, а в Порхов — три женщины-цензора⁵⁶. Большинство женщин работали в тыловых частях военного округа. В район 5-й армии в Двинск, согласно сведениям за декабрь 1916 г., была назначена жена капитана Т. Бродучан⁵⁷. В Гельсингфорсе в этот же период работали 21 женщина и один мужчина, в Выборге — 39 женщин и четыре мужчины⁵⁸. Старшими цензорами везде числились мужчины.

Списки военных цензоров, которые составлялись по всем военным округам со второй половины 1916 г., демонстрируют довольно большую текучку кадров, что объясняется в том числе спецификой работы. Так, канцелярия по военной цензуре при Петроградском комитете по делам печати работала круглые сутки. В обязанности служащих входили приём и выдача гранок, составление «альбома исключений», наведение справок по газетам, журналам и книгам, по хранению цензурного материала. В связи с этим в январе 1917 г. Адабашу поступило ходатайство об увеличении числа персонала, так как «вследствие трудности и нервности ночного дежурства, которое является слишком продолжительным (от 24 ч[асов] до 9 ч[асов] утра) и протекает без передышки в работе, были два случая обморока с дежурными по канцелярии военными цензорами женщинами»⁵⁹.

В районе Юго-Западного фронта учительницам, принятым для просмотра писем в военную цензуру в Казатин, следовало дежурить по пять часов ежедневно в свободное от постоянной работы время⁶⁰. Особая финская военнцензурная комиссия полагала и такую нагрузку недостаточной и потому отклонила прошения Альмы Линквист и Марии Басовой, не имеющих возможности заниматься цензурированием более трёх—пяти часов в день⁶¹ (подобное случалось и в других районах).

Напряжённая многочасовая работа, а также многочисленные личные проблемы, в том числе материального плана, которые приходилось решать женщинам в условиях военного времени, не лучшим образом сказывались на качестве исполняемых ими обязанностей. Так, цензор Бродучан по ошибке вскрыла письмо, адресованное лично генералу от инфантерии В.Н. Клембовскому. В рапорте начальника штаба Петроградского военного округа от 25 октября 1916 г. приводилось следующее объяснение случившегося: «Г-жа Бродучан была сильно расстроена вследствие неприятностей с домовладельцем, который настаивает на выселении из занимаемой квартиры. Г-жа Бродучан имеет трёх малолетних детей и сестру больную, после произведённой ей операции, и эта тяжёлая обстановка также могла сильно повлиять на госпожу Бродучан»⁶².

В письмах военнслужащих часто встречались брань и угрозы в адрес военных цензоров. Авторы, зная по имевшимся на конвертах штемпелям номера и места нахождения цензоров, заявляли, «что при первой возможности постараются узнать их и сведут с ними счёты». «Письма же с угрозами производят на цензоров гнетущее впечатление, многие уже обращались ко мне с вопросами,

⁵⁶ Там же, л. 8 об.—9 об.

⁵⁷ Там же, л. 18.

⁵⁸ Там же, л. 30, 30 об.

⁵⁹ РГИА, ф. 778, оп. 1, д. 11, л. 37.

⁶⁰ РГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3856, л. 408.

⁶¹ Там же, ф. 928, оп. 1, д. 13, л. 9.

⁶² Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 1489, л. 44.

как поступить в будущем», — сообщал в рапорте 28 сентября 1916 г. председателю военно-цензурной комиссии Одесского военного округа объединяющий военный цензор А.Н. Половский. Он опасался, что это обстоятельство «может неблагоприятно отразиться на работе некоторых малодушных цензоров»⁶³.

Известная «нелюбовь» к цензуре со стороны комбатантов усиливалась с увеличением числа женщин-цензоров, подпитываясь гендерными стереотипами. Так, начальник штаба 30-го армейского корпуса 17 марта 1916 г. сообщал Звонникову, что «со времени привлечения в Петроград к военной цензуре лиц женского пола в большом числе письма, адресуемые командиру и чинам корпуса, вскрываемые военным цензорами, стали приходить с опозданием на 10–12 дней по сравнению с теми письмами, которые не вскрываются военной цензурой»⁶⁴.

Весной 1917 г., когда на фронтах распространился слух об отмене военной цензуры, её неприятие выливалось в открытые конфликты, при этом пострадавшей стороной могли становиться женщины-цензоры. Сохранилось донесение во Временное правительство от старшего цензора военно-цензурного пункта в Порхове от 18 марта, где он сообщал, что писарь 63-го пехотного запасного полка Данилов при встрече на улице с цензорами Ивановой, Красноумовой и Буруновой «нанёс им оскорбления». В результате цензоры отказались ходить на службу «впредь до ограждения их от подобных оскорблений, а в будущем, может быть, и избиений»⁶⁵.

Конфликт получил развитие. Местный гарнизонный Совет солдатских и офицерских депутатов потребовал от старшего военного цензора Порховской почтово-телеграфной конторы объяснения по следующим вопросам: «На основании чьих и каких распоряжений восстановлена в настоящее время цензура корреспонденций, чем руководствуется цензура при своей работе, характер цензуры, какой личный состав и т.п.»⁶⁶. Для контроля за деятельностью цензурного пункта и в помощь цензорам почтово-телеграфной конторы Совет командировал в их распоряжение двоих офицеров и четверых солдат, которых предлагалось ознакомить со всеми инструкциями и циркулярами, относившимися к производству цензуры. При этом комитет выразил желание «о постепенной замене, по мере ознакомления воинских чинов с работою всех цензоров, офицерами и солдатами из числа эвакуированных и непригодных к строю»⁶⁷.

На основании сохранившихся ежемесячных отчётов отдельных военно-цензурных пунктов можно утверждать, что некоторые женщины продолжали работу вплоть до октября–ноября 1917 г.⁶⁸, т.е. до прихода к власти большевиков. Приказом народного комиссара по военным делам с 12 января 1918 г. институт военных цензоров в военных почтово-телеграфных контрольных бюро в Петрограде, Гельсингфорсе и при штабах Московского, Казанского, Омского, Туркестанского, Иркутского и Приамурского военных округов упразднялся, а число военных контролёров в военных почтово-телеграфных контроль-

⁶³ Там же, ф. 2067, оп. 1, д. 3856, л. 446–446 об.

⁶⁴ Там же, ф. 1343, оп. 6, д. 10, л. 527.

⁶⁵ Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 1232, л. 104.

⁶⁶ Там же, л. 103.

⁶⁷ Там же, л. 108.

⁶⁸ Там же, ф. 624, оп. 1, д. 1, л. 65–93.

ных бюро в Петрограде, Гельсингфорсе и при штабах вышеуказанных военных округов сокращалось на 90%⁶⁹.

В годы Первой мировой войны героизм женщин проявлялся не только в непосредственном участии в боевых действиях, в служении сёстрами милосердия, благотворительной деятельности. Стало очевидным, что женщины способны выполнять работу, считавшуюся до этого исключительно «мужской».

Недостаток кадров заставил военное командование разрешить привлекать женщин сначала к работе в тыловых военно-цензурных пунктах, а затем и в подобных учреждениях в военных округах на театре военных действий. В военных условиях их вынуждали трудиться прежде всего материальные лишения. Работа в цензуре могла рассматриваться ими и с точки зрения выполнения патриотического долга и служения Отечеству. Женщины смогли продемонстрировать свою квалификацию, пройдя путь от «переводчицы» и «помощницы цензора» до «военного цензора», что явилось ещё одним показателем трансформаций гендерных ролей, которые происходили в Российской империи на фоне социально-политических катаклизмов.

⁶⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 254.

История повседневности российских военных моряков в 1914–1917 гг.: методологические аспекты изучения

Денис Бажанов

The history of the everyday life of Russian sailors in 1914–1917:
methodology of research

Denis Bazhanov
(Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)

DOI: 10.31857/S2949124X24020134, EDN: HHUIUQ

В исторической науке военная повседневность как характеристика человеческого бытия оказалась в поле зрения учёных в 1980-х гг. Популяризатором данного направления следует считать одного из основателей *Alltagsgeschichte* (истории повседневности) А. Людке, заявившего о необходимости изучения механизмов «экстремального выживания в условиях войн, революций»¹. Значительную работу в теоретическом осмыслении этого направления в отечественной науке проделала Е.С. Сеньявская. Ещё во второй половине 1990-х гг. она поставила проблему специфических особенностей психологии комбатанта². Важными факторами Сеньявская считала как «коллективные настроения», так и бытовую сторону — питание, снабжение, проведение свободного времени³. Тем самым она заострила внимание на двойственном характере повседневного существования военного. Фактически речь шла о «двуедином процессе повседневного существования», т.е. о «взаимодействии конкретного человека с разными реалиями окружающего его мира и субъективной интерпретацией этого взаимодействия»⁴.

В дальнейшем Е.С. и А.С. Сеньявские обратились непосредственно к рассмотрению военной повседневности⁵. Как и представители *Alltagsgeschichte*, они рассматривали повседневность как «преимущественно область “микроуровня” истории», преломляющую и фиксирующую специфические черты и свойства

© 2024 г. Д.А. Бажанов

¹ Людке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 85.

² Сеньявская Е.С. Человек на войне: историко-психологические опыты. М., 1997; Сеньявская Е.С. Психология войны в XX в.: исторический опыт. М., 1999.

³ Сеньявская Е.С. Психология войны... С. 60–61, 75–79.

⁴ Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург, 2007. С. 260; Пушкарёва Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 4. 2014. № 1. С. 8–22.

⁵ Сеньявский А.С., Сеньявская Е.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы: в 6 т. Т. 3. М., 2010. С. 197–211; Сеньявская Е.С., Сеньявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М., 2017. С. 7–52.

«общественных отношений, включая мета- и макроуровни»⁶. Специфику военной повседневности исследователи видели в первую очередь в её подчинённости логике «фронта», тем самым отделяя её от «тыла». По этой причине «фронтная повседневность» определялась ими как совокупность типичных и уникальных проявлений опасности боя и повседневности быта⁷. Рассматривая понятие «фронтной быт», авторы отождествляли его с «укладом повседневной жизни в боевой обстановке»⁸.

Итак, в самом общем понимании повседневность, в том числе и военная, представляет собой *воспринимаемую человеком окружающую его реальность*. При этом она обладает важным для его мировосприятия свойством — *привычностью*. Привычность определяется прежде всего периодической повторяемостью событий, процессов и явлений, являющейся, по мнению А. Лефевра, «сутью повседневности». При этом необходимо учитывать два типа повторения: циклический, к которому социолог относил явления, связанные с природой (день и ночь, времена года и др.), и линейный, т.е. действия труда и потребления⁹. Характерной чертой привычности является также знание человеком правил и алгоритмов поведения в повторяющихся ситуациях. Таким образом, *предмет* изучения в рамках анализа военной повседневности — с одной стороны, повторяющиеся ситуации жизни комбатантов, с другой — алгоритмы их поведения и мотивации.

Что касается *границ*, или рамок повседневного, то необходимо отметить их гибкость, связанную с процессами *оповседневнивания*. В этой связи обратим внимание на важность функционального социологического подхода к пониманию повседневности. Повседневность понимается как способ освоения («проживания») изменяющейся действительности. Таким образом, речь идёт об одном из основных механизмов выживания индивида — адаптации¹⁰. Сфера повседневного является своеобразным «якорем». Она удерживает личность от неконтролируемых изменений, делает существование человека более устойчивым в психологическом плане в периоды активной событийности, т.е. резких перемен. Образную формулировку предложил Б. Вальденфельс: «Человек... должен изобретать намеченный лишь весьма приблизительно порядок, создавать свой мир. В процессе привыкания и освоения навыки человека преобразуются в знания и умения, которые многократно воспроизводятся и воплощаются в материальных предметах. Это касается питания, одежды, продолжения рода, пространственной ориентации жилища, распределения времени и многого другого — всего того, что принадлежит миру близкому и знакомому для человека, миру, в котором он может свободно ориентироваться»¹¹. Индивид вырабатывает механизмы, с помощью которых он «включает» новое в известную ему систему, «осваивает» новую реальность, оповседневнивая её.

Структура военной повседневности может рассматриваться двояко. А.С. и Е.С. Сенявские разделили повседневность на крупные проблемные блоки.

⁶ Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования... С. 198.

⁷ Там же. С. 200.

⁸ Там же. С. 202.

⁹ Лефевр А., Эдельман Н., Вахштайн В. Повседневное и повседневность // Социологическое обозрение. Т. 6. 2007. № 3. С. 35.

¹⁰ Cohen Y. Man in adaptation: the cultural present. Chicago, 1968. P. 45.

¹¹ Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. М., 1991. С. 42.

К первой сфере они отнесли всё, что связано со спецификой психологии военного: механизмы переживания экстремальных ситуаций, чувственная сфера и т.п. Ко второй, преимущественно материальной, — «фронтной быт», т.е. выполнение служебных обязанностей, отдых и досуг, боевое и бытовое (продовольствие, обмундирование, денежное довольствие) снабжение, медицинское обслуживание и связь с тылом¹².

Я, в свою очередь, ориентируюсь на так называемую *хронологическую* структуру военной повседневности. Для анализа повседневности моряков такой подход представляется более правильным, так как в годы Первой мировой войны морские сражения происходили редко и личный состав значительное время проводил на базах. В этих условиях понятия «фронт» и «боевые действия» размывались. С войной у моряков ассоциировалась сама служба. Хронологическая структура включает в себя, во-первых, *время непосредственно служебное* («рабочее»), т.е. такое, когда комбатант не принадлежит самому себе, исполняя служебные обязанности или поручения. Во-вторых, *свободное время*, или досуг, когда моряк может более или менее самостоятельно определять характер своей деятельности. Необходимо, однако, уточнить, что даже в эти периоды он не считался свободным от службы.

Для понимания характера повседневности военных моряков в период Первой мировой войны важную роль играет изучение «бюджета времени», т.е. соотношение «рабочих» (служебных) и свободных часов. Служебное время требует постоянного напряжения физических и душевных сил, максимальной готовности выполнять должностные и морально-этические обязанности, в то время как свободное время может быть сильно ограничено или на определённых этапах практически отсутствовать. Первая мировая война дала истории примеры участия комбатантов в различных длительных операциях. Тыловая военная повседневность представляется приближенной к повседневной практике военного человека в мирное время (в этом я солидарен с Сенявскими¹³). Она характеризуется более чётким делением времени на служебное и личное, позволяет больше внимания уделять себе как личности, ставить свои интересы в некоторых случаях выше общественных, корпоративных или государственных.

Бюджет служебного и свободного времени не был единообразным на всём протяжении рассматриваемого периода и зависел от ряда факторов. Первым выступало время года. Например, на Балтийском морском театре с середины весны до начала зимы флот принимал более активное участие в кампании, поэтому временная структура повседневности приближалась к так называемому фронтному типу. В период же зимы и части весны структура напоминала «тыловую». Характерным представляется замечание П.Е. Дыбенко о том, что «зимовка несколько не отличалась от мирного времени»¹⁴. В то же время корабли Черноморского флота подобных пауз не имели.

Вторым фактором являлась служба моряка на том или ином военном корабле, которые использовались по-разному. Если выходы для решения боевых задач минных заградителей, миноносцев, тральщиков, сторожевых кораблей

¹² Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования... С. 201, 202; Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность... С. 26–27.

¹³ Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования... С. 200.

¹⁴ Дыбенко П.Е. Из недр царского флота к Великому Октябрю. М., 2018. С. 31.

были активны, что приводило к малой продолжительности времени их пребывания на основной базе, то крейсера и, в большей степени, линейные корабли использовались реже. Это было связано с потенциальным ущербом для решения стратегических задач в случае их гибели. В результате основное внимание уделялось практической подготовке экипажей.

Третьим фактором следует назвать военную стратегию и тактику, а также обстановку на театре военных действий. Например, в первые военные месяцы командующий Балтийским флотом Н.О. фон Эссен чрезвычайно активно привлекал к решению боевых задач все корабельные соединения, заставляя их действовать в тесной связи друг с другом. Однако гибель крейсера «Паллада» в сентябре 1914 г. и запрет командующему распоряжаться достраивавшимися линкорами типа «Севастополь» без санкции императора заставили пересмотреть основные принципы организации боевых действий. На Черноморском театре адмирал А.А. Эбергард для выполнения разносторонних задач (организация блокады пролива Босфор, пресечение коммуникаций снабжения турецких войск в Анатолии) использовал тактику крейсерских операций. Это приводило к частым выходам основных сил флота осенью 1914 – весной 1915, а также осенью 1915 – зимой 1916 г. В то же время износ механизмов кораблей вынудил сократить активность в летние месяцы. Следует учитывать и воздействие со стороны неприятеля, что выражалось в переброске им дополнительных сил на театр военных действий, либо, наоборот, в уменьшении его активности.

Четвёртый фактор – положение, занимаемое моряком в военной иерархии, т.е. его принадлежность к одной из групп личного состава. Количество свободного времени у основных профессиональных групп, относящихся к понятию «военный моряк» (офицеров, унтер-офицеров, матросов), различалось.

Важной проблемой, связанной с характером повседневности, представляется рассмотрение динамики соотношения служебного и свободного времени личного состава с применением статистического анализа. Существенную роль в исследовании бюджета времени играют делопроизводственные источники – вахтенные журналы. Именно они фиксируют количественные характеристики «фронтального» и «тылового» типов повседневности. При выходах кораблей в море для выполнения боевых задач в вахтенных журналах не отмечались паузы, которые можно квалифицировать как свободное время для личного состава. Исключение составляли часовые перерывы на обед, не относившиеся к несущей вахту части экипажа¹⁵. Во время стоянок на базах очередные судовые работы выполнялись с 9.00 до 11.30 и с 14.30 до 17.30. Артиллеристам и радиотелеграфистам они могли заменяться на обучение по специальности. По субботам экипаж занимался судовыми работами только в первой половине дня, в воскресенье обходились без них.

На изменение характера бюджета времени повлияли революционные события 1917 г. В течение марта–октября 1917 г. наблюдалось постепенное, хоть и нелинейное, сокращение количества времени, которое команда проводила, выполняя необходимые работы и тренировки. Причиной этого, судя по вахтенным журналам, являлись в основном политические события – демонстрации, митинги. С лета 1917 г. большое влияние стали оказывать общие собрания моряков. Постановлением бригадного комитета с 29 июня 1917 г. подобные собрания на балтийских линкорах для «обсуждения общеполитических вопросов

¹⁵ Свод морских постановлений. Кн. X. Морской устав. Пг., 1914. С. 116.

и текущих дел» было решено проводить не реже раза в две недели¹⁶. Тем самым получают объективное подтверждение суждения исследователей о влиянии политизации жизни военных моряков на снижение их боеготовности¹⁷.

При рассмотрении времени, выделяемого на непосредственное исполнение военными моряками служебных обязанностей, необходимо учитывать характеристики, дававшиеся ими в своих письмах, дневниках и воспоминаниях. Это позволяет выстроить логику анализа служебной стороны повседневности.

Первой особенностью является оповседневнивание «рабочего» времени. В письмах различных групп моряков-балтийцев фиксируется недовольство однообразной служебной деятельностью. Так, матросы Г.И. Боборыкин и Ф. Данцев, служившие на миноносцах, жаловались летом 1915 г. на постоянное нахождение в море и «тоску по берегу»¹⁸. Боборыкин замечал, что «большие корабли стоят преспокойно в портах около стенок, а некоторые ещё и совсем в море не были»¹⁹. В то же время неизвестный матрос с одного из крупных кораблей в разгар сражения в Рижском заливе в августе 1915 г. жаловался: «В бою мы ещё не были — начальники нас не ведут». И затем с оттенком иронии и раздражения добавлял: «Отираем стенки бортами и потом их красим»²⁰.

Жалобы не были чужды и представителям офицерского состава. Так, в переписке вахтенного офицера крейсера Балтийского флота «Рюрик» мичмана А.И. Рогозина летом—осенью 1915 г. скука от служебных будней проявлялась регулярно. 3 июля он писал жене: «Да скоро ли война кончится, надоела она. По-моему, воевать так воевать, а нет — так и не надо... У нас всё по-старому, теперь сплю, не вставая, только на вахту встаю, и так с утра до вечера»²¹. Крейсер, где служил Рогозин, заканчивал устранение повреждений, полученных в бою у острова Готланд в июне 1915 г. Однако когда «Рюрика» начали привлекать для охраны минных постановок, Рогозин меньше тяготиться не стал. 1 августа он констатировал в письме: «Как было спокойно раньше, не бегали из одного места в другое, а стояли... Хотя бы война поскорее кончилась, по крайней мере известно было бы, где будем находиться... У нас сейчас идёт цикл вахт... опять тоска и скука, всё валится из рук, и чего нас понесло сюда, вот уж не знаю»²².

Эти материалы позволяют выявить специфику служебного времени военных моряков. Корабли русского флота в годы Первой мировой войны находились в непосредственном контакте с неприятелем непродолжительное время. Даже выходы на коммуникации противника не делали участие в боях обязательным, что способствовало рутинизации служебных обязанностей. Выходом из этого состояния могли стать смена места службы, изменение характера применения корабля или соединения на театре военных действий, однако такие перемены случались нечасто.

¹⁶ РГАВМФ, ф. Р-852, оп. 1, д. 8, л. 33.

¹⁷ Назаренко К.Б. Балтийский флот в революции. 1917—1918 гг. М., 2017. С. 192.

¹⁸ РГАВМФ, ф. 1340, оп. 1, д. 763, л. 145, 146.

¹⁹ Там же, л. 146.

²⁰ Там же, л. 202.

²¹ Цит. по: Аникин И.П. Из гардемаринов в подводники. Очерк, составленный по письмам моряков, архивным документам и публикациям // Военно-морской флот России (URL: <http://www.navy.su/navybook/anikin/05.html> (дата обращения: 02.11.2023)).

²² Там же.

Имела место некоторая ротация матросов-специалистов (артиллеристов, минёров), проходивших на линкорах своеобразное «обучение» обращению со сложными механизмами. Позднее командование переводило их на корабли, активно задействованные в решении боевых задач. Например, артиллерийский офицер дредноута Балтийского флота «Севастополь» лейтенант С.П. Ставицкий, оценивая в ноябре 1915 г. готовность подчинённых, отмечал: «С осени же [19]15 года начались усиленные перемещения личного состава... команду, проводшую стрельбы в течение двух кампаний в видах омоложения её... и комплектования на флоте... заменили в количестве $\frac{1}{3}$ новобранцами»²³. По штатам линкора численность артиллерийской команды составляла 120 человек, т.е. место службы сменили не менее 40 матросов. Однако в дальнейшем подобные смены командование линкоров старалось минимизировать, и таких масштабных переводов артиллеристов больше не происходило.

Наиболее радикальным путём изменения условий «рабочего» времени можно считать «патриотические побеги» — выявленные среди нижних чинов, служивших на Балтике, случаи дезертирства с кораблей на фронт в 1914–1916 гг. В августе 1915 г. командование флотом разослало запрос о бежавших. Присланные ответы позволяют оценить их количество в 28 человек²⁴. Однако эти данные оказались неполными, поскольку командование далеко не всегда знало, куда направился моряк.

Начало Первой мировой войны вызвало подъём желания служить на кораблях. Лейтенант А.А. Соболев, назначенный в августе 1914 г. командовать батареей в финляндских шхерах, писал офицеру штаба Ф.Ю. Довконту: «Те ночи, которые я не провожу у пушек, я не сплю, так как мысль, что я на войне не на флоте, который в моей жизни всё... не даёт мне спать»²⁵. Отправившийся охотником (т.е. добровольцем) на флот в августе 1914 г. В.А. Юргенс позднее сообщал о своих мотивах: «Я думал, что во флоте попаду скорее в бой»²⁶. Косвенно подтверждают эти временные изменения данные по количеству нарушений дисциплины в бригаде балтийских линкоров-дредноутов в 1914 г. Общее число совершивших проступки составило 142 человека. Из них за пять военных месяцев (август–декабрь) наказали только 13 человек²⁷.

Вторая особенность заключается в связи бытовых условий со служебным временем. Так, в письмах моряков Балтийского флота, задержанных военной цензурой и доставленных адресатам, авторы в 9,8% случаев (5 писем из 51) отмечали качество питания как характеристику и часть службы. Телеграфист штаба бригады линкоров-дредноутов Балтийского флота В. Тимофеев жаловался в январе 1915 г.: «Кормят нас ужасно, [так] что и работать не хочется». Он уточнял, что проблема — в сравнительно небольшом количестве супа на обед, а также в отсутствии свежего хлеба и употреблении вместо него сухарей. Об этом тогда же сообщал и матрос линкора «Гангут» А.Е. Соколов²⁸. Проблемы были связаны как с переводом получения продовольствия в Свеаборгском складе, так и проверкой состояния корабельных пекарен. Показательно, что в дальнейшем подобные претензии в этом источнике не появлялись. Однако

²³ РГАВМФ, ф. 477, оп. 1, д. 63, л. 95 об.

²⁴ Там же, ф. 479, оп. 2, д. 1021, л. 19, 21, 25, 26, 28, 30, 34, 49, 50, 51.

²⁵ Там же, ф. 760, оп. 1, д. 14, л. 32 об.

²⁶ Там же, ф. 743, оп. 1, д. 19, л. 4.

²⁷ Там же, ф. 829, оп. 1, д. 94, л. 99.

²⁸ Там же, ф. 1340, оп. 1, д. 762, л. 46, 125.

с 1916 г. ситуация ухудшилась как на Балтике, так и на Чёрном море. Наоборот, описание стола в кают-компаниях, вопросы пошива мундиров если и попадали в письма и воспоминания офицеров, то исключительно как проблемы частные, относившиеся ко внеслужебной жизни²⁹. Как правило, офицеры решали их своими силами и за свой счёт.

Наконец, важной особенностью времени, которое выделялось морякам на исполнение служебных обязанностей, являются связи восприятия службы и межличностного взаимодействия. С одной стороны, речь шла о дружеских неформальных связях, о чём участники событий в воспоминаниях сообщали чаще. А.П. Белобров, например, писал о своей радости, когда на миноносец «Гайдамак» вахтенным офицером назначили хорошо ему знакомого Г.В. Биттенбиндера³⁰. В.А. Белли с теплотой упомянул офицера линкора «Цесаревич» старшего лейтенанта А.Р. Гутана, знавшего его по началу его морской службы. В воспоминаниях матросов можно встретить аналогичные черты. Назначенный в 1914 г. на линейный корабль «Император Павел I» Н.А. Ховрин достаточно быстро, по его словам, познакомился с В.М. Марусевым. Мотивом для знакомства стала помощь по службе: «Мне, например, больше всех помогал матрос Василий Марусев — общительный и знающий человек... Свою морскую специальность он знал в совершенстве и многому меня научил»³¹. Гальванёр дредноута «Гангут» Д.И. Иванов вспоминал о своих товарищах, с которыми начинал службу в Учебно-артиллерийском отряде³². Однако в личной переписке подобные упоминания редки, ещё реже встречаются имена представителей других социальных групп.

Служебное время рассматривалось и через характер взаимоотношений, обусловленных нормами и правилами поведения. Судя по отношению, которое ретранслировалось рядовыми моряками в период революционных событий, дисциплина воспринималась ими как неотъемлемая черта службы. Так, в статье унтер-офицера Балтийского флота Г. Корнева она обозначена как «николаевская», т.е. связанная исключительно с дореволюционной порой³³. С.П. Лукашевич, служивший на миноносце «Всадник», выступая на вечере воспоминаний старых моряков в 1934 г., рассказал подробности заседания комиссии по созданию нового Свода военно-морских положений. Когда выступал главный военно-морской прокурор В.И. Юровский и «сказал, к слову, “дисциплинарный”, то делегаты зашумели, засвистели. Одно слово “дисциплина” для матросов того времени было неприемлемо»³⁴.

Дисциплина в вооружённых силах является системой норм и правил поведения представителей всех групп личного состава, закреплена нормативными документами и обладает принудительной силой. В ст. 1 Военно-морского дисциплинарного устава дисциплина определялась как «строгое и точное соблюде-

²⁹ Граф Г.К. Императорский Балтийский флот между двумя войнами. 1906–1914. СПб., 2006. С. 91, 94–95; Белли В.А. В Российском Императорском флоте. Воспоминания. СПб., 2005. С. 293–294.

³⁰ Белобров А.П. Воспоминания военного моряка. 1894–1979. М.; СПб., 2008. С. 220; Белли В.А. Указ. соч. С. 264.

³¹ Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм. М., 1987. С. 3–4.

³² Иванов Д.И. Я — матрос «Гангута»! М., 1987. С. 14.

³³ Корнев Г. Опомнитесь! // Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 22 апреля.

³⁴ РГАВМФ, ф. Р-402, оп. 2, д. 94, л. 416.

ние правил, предписанных военно-морскими законами». Уже в официальном определении этой категории излагались те нормы восприятия и поведения, которые следовало культивировать. В эту категорию входили «чинопочитание», исполнение приказов начальства, поддержание порядка, соблюдение обязанностей службы. В ст. 5 дисциплина определялась как условие соблюдения «пользы службы»³⁵.

Военных моряков связывали и взаимоотношения, построенные на иных основаниях: чувственных, корпоративных. Рассматривая случаи формально-девиантного поведения, мы имеем возможность реконструировать нормы неформального поведения и взаимодействия представителей основных подгрупп моряков. Приказы и судебные дела дают основания предполагать сохранение разделения личного состава флота и на неформальном уровне на несколько групп. Это офицеры, заинтересованные не только в выполнении приказов, но и в соблюдении формальных условий службы; унтер-офицеры, непосредственно отвечавшие за выполнение приказов и использовавшие формальную сторону службы в качестве дополнительного средства давления на подчинённых, и, наконец, нижние чины, стремившиеся исполнять возложенные на них обязанности с минимальными затратами.

Представители каждой из этих групп осознавали свою обособленность, что проявлялось в незначительном количестве столкновений. Так, на соединениях Балтийского флота в 1915–1916 гг. удалось выявить 14 проступков рядовых против рядовых, два – в среде унтер-офицеров и ни одного столкновения морских офицеров. При расследовании служебных конфликтов с представителями других групп проявлялась круговая порука, выражавшаяся в показаниях, смягчавших вину. Например, 29 октября 1914 г. на линкоре «Император Павел I» разбирался конфликт строевого унтер-офицера Г. Миронова и матроса I статьи Р. Отто. Последний заканчивал мыть палубу, когда получил приказ унтер-офицера идти заниматься другим делом. Отто сообщил, что предыдущая работа не выполнена полностью, но Миронов посчитал, что сделано это было в грубой форме, и взял матроса за плечо. Тот ударил (по показаниям Миронова) или толкнул (по версии Отто) унтер-офицера. Свидетель, матрос II статьи Н. Перелыгин, сообщил корабельному суду, что матрос оттолкнул унтер-офицера, а тот ударил нижнего чина. В результате Отто получил лишь дисциплинарное взыскание³⁶. При этом не удалось обнаружить ни одного дела, где аналогичную солидарность проявили бы офицеры, что демонстрирует их разобщённость, ярко проявившуюся и в период революционных выступлений на флоте в 1917–1918 гг.

Регулярное наличие свободного времени у военных моряков свидетельствовало о нахождении корабля на базе или стоянке, что соответствовало «тыловому» типу повседневности. Дыбенко вспоминал о начальных месяцах войны: «Первый шквал сумбура и неразберихи прошёл. Нервы уравновесились, и на корабле воцарились относительная тишина и спокойствие. Даже на берег стали пускать»³⁷. Именно тогда командный состав или нижние чины могли расходовать время на себя. Если офицер не привлекался к выполнению служебных задач или не находился на вахте, то унтер-офицерам и матросам приходилось сложнее. Исключая обеденные перерывы и часовой отдых днём, к досугу можно

³⁵ Свод морских постановлений. Кн. XVII. Военно-морской дисциплинарный устав. СПб., 1898. С. 1.

³⁶ РГАВМФ, ф. 829, оп. 1, д. 72, л. 554.

³⁷ Дыбенко П.Е. Указ. соч. С. 31.

отнести время после 19 часов. Особое значение приобретали кратковременные отправки на берег. Решение данного вопроса, согласно ст. 1102 и 1103 Устава, оставалось на усмотрение командира или старшего офицера³⁸. Эту возможность нижние чины получали по очереди.

Следовательно, о свободном времени военные моряки сообщали более скупое. Отдельные упоминания зафиксированы в 5,8% (4 из 51) писем, преимущественно нижних чинов. Главная задача подобных сообщений заключалась в донесении сведений о благополучности и безопасности службы. Отдельные упоминания встретились в письмах знакомым и бывшим сослуживцам. Старший гальванёр Ф.С. Мерзляков, служивший в охране Ревельского рейда, в письме от 2 сентября 1915 г. отмечал пользу досуга для дальнейшего несения службы³⁹. Командный состав в этом вопросе был откровеннее. Неизвестный офицер писал в мае 1915 г. о «тоскливом настроении» в свободное время, борясь с которым он «забылся в вине»⁴⁰. Письма мичмана А.И. Рогозина также фиксировали рутинность этой части повседневной жизни. Он сообщал в июле 1915 г.: «Или рыбу ловлю, или вахту стою, так и день проходит. Скучно ужасно»⁴¹. Общим местом упомянутых писем являлось нахождение авторов в свободное время по месту службы — на корабле или в Ревельском порту.

Способы времяпрепровождения моряки изобретали для себя сами. Попытки его разнообразить носили эпизодический характер и касались далеко не всех соединений. В частности, зимой 1916–1917 гг. на линкорах Балтийского флота «Андрей Первозванный» и «Слава» состоялись лекции, посвящённые Ютландскому сражению. При этом в приказе начальника бригады оговаривалось, что присутствовать должны командиры кораблей, офицеры штаба бригады и старшие специалисты. Остальным офицерам разрешалось явиться «по желанию»⁴². Основным видом времяпрепровождения нижних чинов были спортивные состязания. На Балтийском флоте создавались группы желающих кататься на лыжах и коньках, а летом организовывались футбольные матчи и турниры по классической борьбе⁴³. Внимание уделялось творческой деятельности, например, организации театральных постановок⁴⁴. Однако такой досуг подходил не для всех и не для всякого времени года. В преимущественном положении оказывались экипажи крупных кораблей, реже покидавших базы. Подобная ситуация сложилась и на иностранных флотах⁴⁵.

Также нужно учитывать, что команды проводили мероприятия в лучшем случае под контролем офицеров, но без их непосредственного участия. Судя по замечаниям А.П. Павленко, аналогичная тенденция прослеживалась накануне революционных событий на Черноморском флоте⁴⁶. Такой подход, в отличие

³⁸ Свод морских постановлений. Кн. X. С. 165.

³⁹ РГАВМФ, ф. 479, оп. 3, д. 914, л. 5.

⁴⁰ Там же, ф. 1340, оп. 1, д. 763, л. 133.

⁴¹ Цит. по: Аникин И.П. Из гардемарин в подводники...

⁴² РГАВМФ, ф. 902, оп. 1, д. 168, л. 26.

⁴³ Иванов Д.И. Это было на Балтике. Львов, 1965. С. 126, 145; Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. СПб., 1993. С. 207.

⁴⁴ Четверухин Г.Н. Сполохи воспоминаний // Морской сборник. 1990. № 2. С. 93.

⁴⁵ Wolz N. «Und wir verrosten im Hafen». Deutschland, Großbritannien und der Krieg zur See 1914–1918. München, 2013; Wolz N. Morgens Krieg, abends Kino. Alltag in der Kaiserlichen Marine 1914–1918 // Der Erste Weltkrieg zur See. Berlin; Boston, 2017. S. 133–151.

⁴⁶ Павленко А.П. Борьба за умы личного состава в 1917 г.: лекции офицеров Черноморского флота для матросов и солдат (документы РГАВМФ) // Документ. Архив. История. Современность.

от флотов союзников, особенно британского⁴⁷, подчёркивал дистанцию между различными группами экипажей.

Возможность попасть на берег воспринималась сугубо положительно. Дыбенко писал: «С какой жадой вы вырываетесь на берег! За несколько часов вы успеваете везде побывать»⁴⁸. Существенную роль при этом играет исследование жизни береговых флотских баз: Кронштадта, Гельсингфорса, Ревеля, Севастополя, Владивостока, Архангельска. В исследованиях столицы Финляндии Е.Ю. Дубровская отметила разделение городского пространства для нижних чинов на «свои» и «чужие» зоны. К первой относилась городская периферия: окраинные парки и скверы, кафе и трактиры, а также припортовая территория и близлежащие улочки. Наоборот, центр города с кинематографами, фешенебельными ресторанами и основными театрами оставался для них неподходящим местом, так как здесь можно было столкнуться с офицерами, а это повышало риск получения дисциплинарных взысканий⁴⁹. «География» крупнейшей базы Балтийского флота подтверждает тезис о разобщённости моряков по социальному и профессиональному статусу. Тем более логичным видится крушение всех барьеров и стремительный «захват» центра города нижними чинами в революционных событиях 1917 г.

Основным лейтмотивом поведения и офицеров, и нижних чинов в свободное время на берегу в годы войны было стремление несовпадения, несоответствия его с регламентированным — на «работе», т.е. при исполнении обязанностей. Однако на выбор мест накладывались ограничения. Командный состав мог воспользоваться Морским собранием⁵⁰, в то время как унтер-офицеры и матросы подобной возможности не имели. Обнаружена единственная попытка командования изменить положение дел. В конце января 1917 г. командующий Балтийским флотом вице-адмирал А.И. Непенин добился выделения денежных сумм и земельного участка на окраине главной базы флота — Гельсингфорса — для строительства «Морского дома»⁵¹, однако начавшаяся революция не позволила реализовать этот план. Названные обстоятельства способствовали увеличению количества девиантных поступков — употреблению алкоголя, неотданию чести старшим по званию, нарушению правил общественного порядка, азартным играм.

Большое влияние на внеслужебные модели поведения оказывала политизация общественной жизни. На первых порах она проявилась в повышенном интересе нижних чинов и части офицеров к политическим митингам, демонстрациям, просветительской деятельности⁵². Важным представляется и перенос

2015. Вып. 15. С. 421.

⁴⁷ Шульц Г.К., фон. С английским флотом в мировую войну. Воспоминания представителя русского флота при Гранд Флите. СПб., 2000. С. 9, 10, 19.

⁴⁸ Дыбенко П.Е. Указ. соч. С. 17.

⁴⁹ Дубровская Е.Ю. Имперская символика Гельсингфорса глазами российских военных: рубеж XIX–XX вв. и годы Первой мировой войны // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2012. № 4. С. 120.

⁵⁰ Подробнее см.: Масыгин В.П. «Морские собрания — благородная профессиональная традиция офицеров Российского флота» (из истории Морских собраний Российского флота) // Пространство и время. 2013. № 2(12). С. 116–125.

⁵¹ Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. С. 208.

⁵² Дубровская Е.Ю. Общественные настроения российских военнослужащих в Финляндии весной–летом 1917 г. // Военно-историческая антропология. 2007. Т. 2005/2006. С. 220–232; Дубровская Е.Ю. Политические взгляды и позиции российских военных в Финляндии на заключитель-

основных принципов этого поведения в служебную сферу. Это вызывало, с одной стороны, подрыв дисциплины и провоцировало столкновения с офицерами всех рангов, с другой — способствовало формированию восприятия военной службы как части общественной жизни. Ф.Ф. Раскольников вспоминал об обстановке на крупных кораблях Балтийского флота в июне 1917 г.: «Мы сразу почувствовали себя, как дома. Поднявшись на командирский мостик, заменявший... ораторскую трибуну, мы начали выступление»⁵³. Участилось неисполнение приказов на кораблях на Чёрном море (эсминец «Жаркий») и на Балтике (линкор «Слава», минный заградитель «Припять»).

Упрощённое восприятие нижними чинами понятий «свобода», «право», «гражданственность» приводило к росту количества девиантных поступков в свободное время. Если в первые недели революции они подвергались серьёзному коллективному осуждению, то уже к концу весны — началу лета 1917 г. участники стали объяснять их новыми реалиями революционной жизни. Более того, революция стала выступать как оправдание отдельных правонарушений⁵⁴. Такое её «затаскивание» по бытовым поводам свидетельствовало, что и новый общественно-политический переворот стал рутинизироваться, и изменившаяся реальность подчинялась личным целям.

Революционная пора сделала возможными выступления моряков по злободневным вопросам современности в периодической печати. Это позволяет проанализировать понимание ими специфики событий 1917 г., что в свою очередь способствует реконструкции важных элементов революционного сознания. Здесь серьёзные перспективы имеет исследование с помощью лингвистического и структурного методов «языка революции» военных моряков, выявление употребляемых социолектов, а также понимание их значений, т.е. работа, проводимая в настоящее время в отношении других профессиональных и социальных групп⁵⁵.

Таким образом, изучение повседневной жизни военных моряков в период Первой мировой войны уже имеет некоторую традицию в отечественной исторической науке. Понимаемая как повторяющаяся, привычная и осознаваемая в качестве таковой окружающая действительность позволяет показать военно-морской флот во всей полноте. Исследование бюджета времени, быта даёт возможность рассмотреть условия функционирования этого института. Межличностное взаимодействие как формальное, так и неформальное, выявляет институции, т.е. нормы функционирования.

К достижениям изучения можно отнести наработки по дифференциации восприятия периодов исполнения служебных обязанностей. В частности, большое значение имеет рассмотрение механизмов оповседневнивания любой

ном этапе Первой мировой войны (весна—лето 1917 г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4 История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 27. 2022. № 1. С. 20—34; *Павленко А.П.* Борьба за умы личного состава... С. 420—430.

⁵³ *Раскольников Ф.Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году // *Раскольников Ф.Ф.* О времени и о себе. Л., 1987. С. 146.

⁵⁴ Из залы суда // Известия Гельсингфорсского Совета депутатов, армии и рабочих. 1917. 28 июля; РГАВМФ, ф. 556, оп. 1, д. 149, л. 12—12 об.; *Павленко А.П.* Конфликты офицеров с нижними чинами на Черноморском флоте (март 1917 — март 1918 гг.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. Т. 130. 2014. № 3. С. 45, 47.

⁵⁵ Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время революции и гражданской войны. Сборник статей. СПб., 2018; Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России. Сборник статей. СПб., 2022.

служебной деятельности, что показывает существенную причину явления, называемого «усталостью от войны». Можно провести аналогичные параллели и в восприятии революционных событий в 1917 г.

Изучение свободного времени и способов его проведения ярко продемонстрировало разобщённость офицерского состава и нижних чинов. Их относительно малое взаимодействие и слабое знакомство вне службы способствовали созданию отчуждённого отношения и одностороннего восприятия. Исследование повседневности военно-морских баз, взаимоотношений моряков и местного населения, показывает возможности использования для реконструкции не только источников личного происхождения, публицистики, но и материалов делопроизводства, в первую очередь вахтенных журналов, приказов и судебно-следственных материалов.

Дальнейшее изучение этой проблемы имеет большие перспективы. Прежде всего, необходимо расширение источниковой базы, особенно за счёт писем и дневников участников событий. Также в настоящее время наблюдается интерес исследователей к изучению личного состава Балтийского флота. Имеются наработки по морякам-черноморцам, остальные флотилии и соединения пока не привлекли значительного интереса. Сохраняется необходимость и в проведении сравнительных исследований повседневной службы экипажей кораблей иностранных флотов.

Изучение военно-морской повседневности открывает новые перспективы в понимании мотивов действий участников не только в годы Первой мировой войны, но и в революционных событиях 1917 г. Именно специфика повседневной службы оказала влияние на общественно-политический выбор моряков и привела их в различные лагеря гражданского противостояния. Без привлечения этих данных исследование кризиса, в котором оказалась российская государственность в конце 1910-х — начале 1920-х гг., будет неполным и односторонним.

Из истории Великой Отечественной войны

Кандалакшское направление в советском военном планировании в 1940–1941 гг.

Евгений Мироничев

Kandalaksha direction in Soviet military planning in 1940–1941

Evgeniy Mironichev

*(Museum of the Karelian Front, branch of the National Museum
of the Republic of Karelia, Belomorsk, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X24020148, EDN: NHTOIS

В истории боевых действий Северного (Карельского) фронта в годы Великой Отечественной войны сохраняется множество белых пятен. В первую очередь это касается «второстепенных» направлений, на которых с обеих сторон задействовались небольшие по количеству войска, из-за чего кажется, что они не так важны. Внимание сосредоточено на крупных сюжетах (например, боевых действиях мурманского и петрозаводского направлений, Северного флота, Карельского перешейка¹), прочие направления описываются схематично, без рассмотрения аспектов военного планирования². Лишь в последние годы наметилось углубление исследований с использованием новых архивных документов — советских, германских и финляндских. Представляется, что одним из наиболее примечательных среди «забытых» направлений является кандалакшское: перешеек между Мурманской обл. и Карелией. Здесь в 1941 г. германская армия «Норвегия» наносила удар, который её командование на Севере считало важнейшим³.

В этой связи можно поспорить с устоявшейся точкой зрения, которая сформулирована в 1950–1960-х гг. и транслируется по сей день⁴. Кратко её посыл таков: Гитлер рассматривал Кольский полуостров и особенно Мурманск

© 2024 г. Е.П. Мироничев

¹ См., например: Чапенко А.А. Война на мурманском направлении. Год 1941-й. Лето-осень. Красноярск, 2018; Парфёнов Ж.П., Веригин С.Г. Отряд капитана М. Горькова в боях по обороне г. Петрозаводска в сентябре 1941 г. // Памяти павших будьте достойны! Сборник материалов научно-практической конференции (Волгоград, 18 ноября 2021 г.). Волгоград, 2021. С. 180–182; Килин Ю.М. Свирско-Петрозаводская наступательная операция и освобождение г. Петрозаводска // Петрозаводск — город воинской славы: в годы мировых войн и революций. Сборник статей и материалов II научно-практической конференции (Петрозаводск, 30 сентября 2017 г.). Петрозаводск, 2019. С. 74–81.

² Голованов Г. Организация и ведение обороны 42-м стрелковым корпусом в Заполярье в 1941 году // Военно-исторический журнал. 1971. № 1. С. 50–58.

³ Тема германского планирования действий на Севере — вопрос отдельного исследования. На данный момент планы и действия армии «Норвегия» на кандалакшском направлении схематично представлены в монографии: Мироничев Е.П. «Особую опасность представляет кандалакшское направление...»: боевые действия на юге Заполярья в 1941 году. Красноярск, 2022.

⁴ См., например: Смирнов С.А. Мурманская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Мурманск, 1959; Румянцев Н.М. Разгром врага в Заполярье. М., 1963; Киселёв А.А. Крушение планов фашистской Германии в Заполярье // Вопросы истории. 1984. № 11. С. 25–38; Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: военно-исторический очерк /

как главные военно-экономические цели, поэтому придавал их захвату принципиальное значение. Соответственно, Красная армия должна была любой ценой защитить Мурманск как незамерзающий порт и район базирования Северного флота. О важности столицы Заполярья в действиях обеих сторон зачастую говорится без рассмотрения эволюции подходов к планированию действий на Севере как германского, так и советского командования, особенно в довоенный период. В результате сформировалось представление о них только как о боях на мурманском направлении и морских коммуникациях, в то время как южные направления рассматривались в лучшем случае поверхностно, а зачастую и вовсе обделялись вниманием⁵. Безусловно, Мурманск играл огромную роль как экономический центр и важнейший морской транспортный узел. Однако в советских планах не меньшее значение придавалось обороне Кировской железной дороги, в особенности её защите на наиболее опасных кандалакшском и кестеньгском направлениях.

Что касается немецкого планирования, то в нём значение Кандалакши ещё более выпукло. Можно утверждать, что в 1941 г. она играла роль как минимум сопоставимую с Мурманском. Это объясняется тем, что германское командование подчёркивало второстепенный характер действий на Севере⁶. Вермахту ставились чисто военные цели, направленные, во-первых, на обеспечение защиты никелевых месторождений в Петсамо, во-вторых, быстрое уничтожение советских войск в Заполярье малыми силами путём окружения через Кандалакшу, чтобы затем объединённой финляндско-германской группировкой как можно скорее появиться на дальних подступах к Ленинграду. В свете этого назрел вопрос о пересмотре значения кандалакшского направления в планах противников, его более глубокого анализа с учётом новых источников.

Необходимо отметить, что с военной точки зрения это направление отличалось как особенностями географического и природно-климатического характера, так и развитостью путей сообщения. Кандалакша — крупный сухопутный транспортный и промышленный центр, имеющий выход к Белому морю. Он располагается на узком перешейке, соединяющем Мурманскую обл. с южными районами посредством главным образом Кировской дороги. Узость перешейка обусловлена близким расположением государственной границы с Финляндией. До 1939 г. советское военное руководство не уделяло этому аспекту особенного внимания. Однако на очевидную опасность активных действий здесь вероятного противника так или иначе указывали на разных уровнях. Например, в январе 1939 г. разведка сообщала, что при наступлении финляндских войск «под ударом окажутся важные объекты энергетики Мур-

Отв. ред. А.И. Бабин. М., 1984; Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны / Пред. ред. ком. О.А. Ржешевский. М., 2012.

⁵ В качестве примера можно привести многосерийный документальный фильм «Война в Заполярье» мурманского телеканала «Арктик-ТВ» (2020). Несмотря на название, все серии так или иначе посвящены боям на мурманском направлении или действиям Северного флота.

⁶ См., например: *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг.: в 3 т. Т. 2. От запланированного вторжения в Англию до начала восточной кампании (1.7.1940–21.6.1941) / Пер. с нем. И. Глаголева и Л. Киселёва. М., 1969; *Мироничев Е.П.* Деятельность немецкой разведки на кандалакшском направлении в 1941 году (по документам армии «Норвегия» и 36-го армейского корпуса) // Научно-исследовательская работа обучающихся и молодых учёных. Материалы юбилейной 75-й всероссийской (с международным участием) научной конференции обучающихся и молодых учёных (Петрозаводск, 3–23 апреля 2023 г.). Петрозаводск, 2023. С. 116–119.

манской области (не говоря уже о том, что будет перехвачена Кировская железная дорога), и в сложной лесисто-болотистой местности возникнет фронт протяжённостью в 40–45 км»⁷. Во время «Зимней войны» район южного Заполярья рассматривался военными Франции и Великобритании как наиболее вероятное и пригодное направление удара: «Задачи, которые французское командование ставило экспедиционным войскам, казались масштабными и полностью соответствовали финским предложениям. Наступление союзников после захвата Петсамо предполагалось развивать на юг и юго-восток в направлении Кандалакши и Мурманской железной дороги. К тому же планировалось окружить там до четырёх советских дивизий. Только после этого союзное командование рассчитывало направить в Петсамо новые “добровольческие части”... Характерно, что 29 января на заседании кабинета министров Чемберлен довольно определённо заявил, что “события, видимо, ведут к тому, что союзники открыто вступят в боевые действия против России”. Иными словами, вероятность операции по высадке союзников на севере Европы активно обсуждалась в Париже и Лондоне»⁸.

Тем не менее именно результаты войны дали толчок крупным переменам в РККА. Коснулось это и военного планирования, в том числе на Севере. По Московскому мирному договору 1940 г. к Советскому Союзу перешёл район Старой Саллы (Куолаярви), благодаря чему граница отодвинулась от Кандалакши и Кировской дороги на 70 км. Это резко расширило оборонительные возможности советских войск за счёт выгодных естественных рубежей. Но ещё сильнее повлияло то, что, согласно договору, СССР и Финляндия должны были совместно построить железную дорогу от Кандалакши до Швеции. Формально она предназначалась для транзитной торговли, усиления советских экономических связей с северным государством. Однако европейские круги, особенно приближённые к Третьему рейху, указывали и на её возможное военное значение. Например, газета «Die Berner Woche» («Бернская неделя») оценила заключение договора так: «Ужасным является продвижение русских к границе в Северной Финляндии, в направлении Рованиеми, в так называемом “секторе Салла”... Русские здесь стали на 130 километров ближе к шведской границе и рудным заводам... железная дорога, строительство которой запланировано на 1940 г. и которая свяжет Рованиеми с Кандалакшей на Белом море, является стратегической линией, ведущей непосредственно к Торнео—Хапаранда и к рудному району»⁹. Понимала важность ветки и финская сторона, которая не торопилась с постройкой. В результате в июне 1941 г. немецкие войска оказались неприятно удивлены невозможностью снабжения по ней. Вместо подготовки к наступлению часть сил пришлось задействовать в срочном завершении её строительства¹⁰.

⁷ Семёнов Д. Г. Финская Лапландия в конце 1930-х гг.: «скрытая милитаризация»? // Первопроходцы Крайнего Севера. XIV Феодоритовские чтения: к 450-летию блаженной кончины преподобного Феодорита Кольского, в начале XVI века просветившего Евангельским светом земли Кольского Севера. Материалы историко-краеведческой конференции (Апатиты, 16–19 сентября 2021 г.). Мурманск, 2022. С. 410–415.

⁸ Цит. по: Барышиников В. Н. План «петсамской операции» 1940 г. западных союзников по материалам Архива Министерства иностранных дел Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы X ежегодной международной научной конференции (16–17 апреля 2008 г.). СПб., 2009. С. 116–130.

⁹ Sieger und Besiegte im Frieden von Moskau? // Die Berner Woche. 1940. 23. März. № 12. S. 4.

¹⁰ National archives and record administration (далее — NARA), t. 314, r. 873, fr. 722–724.

Советская сторона действительно рассматривала эту ветку как объект, значимый с военной точки зрения. Её строительство от Кандалакши до границы началось летом—осенью 1940 г., для приёма дороги в сентябре сформировали правительственную комиссию под руководством начальника управления военных сообщений Генерального штаба РККА Н.И. Трубецкого при участии первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г.Н. Куприянова и начальника Кировской железной дороги П.Н. Гарцуева¹¹. В начале октября Кандалакшский райисполком дал железнодорожным станциям на построенной ветке названия и обратился в Мурманский облисполком для их окончательного утверждения. Оно состоялось лишь 13 декабря¹².

Стоит согласиться с мнением Куприянова, отметившего в воспоминаниях, что дорога носила ярко выраженный военный характер¹³. Она сразу стала использоваться для поддержки и снабжения 122-й стрелковой дивизии, располагавшейся в Куолярви. Таким образом во всей северной Карелии и Заполярье грунтовая автодорога и железная дорога от Кандалакши до Саллы оказались единственными полноценными путями сухопутной связи с Финляндией. Благодаря этому кандалакшское направление резко выделилось в военном планировании.

Летом 1940 г. нарком обороны СССР С.К. Тимошенко и начальник Генштаба РККА Б.М. Шапошников направили И.В. Сталину и В.М. Молотову записку об основах стратегического развёртывания вооружённых сил СССР на западе и востоке на 1940 и 1941 гг. В центре внимания оказался европейский театр военных действий, в то время как другие участки рассматривались как вспомогательные. Главной задачей Северного фронта называлась прочная оборона Кировской железной дороги. Кандалакшское направление перешло под ответственность 14-й армии, которой предстояло оборонять север Карелии и Заполярье силами четырёх стрелковых дивизий.

К 18 сентября новый начальник Генштаба К.А. Мерецков подготовил следующую записку. Хотя задача северных формирований осталась прежней, документу придавался иной характер: он определил направления решающих ударов СССР в случае войны¹⁴. Также были представлены отдельные «соображения по развёртыванию вооружённых сил Красной армии» против Турции, Румынии и Финляндии. В них определялись силы, достаточные для активных действий на этих направлениях и достижения целей в кратчайшие сроки. Требовалось сосредоточить такое количество войск, которое сковало бы активные действия противника на других направлениях, в том числе западном.

Согласно «соображениям» на случай войны с Финляндией, предполагалось создание Северо-Западного фронта, который охватил бы территорию от Ленинграда до Ухты, и Северного фронта — от северной Карелии до мурманского направления. Штаб последнего расположился бы в Кандалакше. На кандалакшско-кестеньгском направлении предстояло действовать 21-й армии в составе девяти стрелковых дивизий, объединённых в три стрелковых корпуса (два на кандалакшском и один на кестеньгском), и четырёх полков

¹¹ Куприянов Г.Н. От Баренцева моря до Ладogi. Л., 1972. С. 136–137.

¹² Государственный архив Мурманской области (далее — ГА МО), ф. Р-405, оп. 1, д. 90, л. 5, 17.

¹³ Куприянов Г.Н. От Баренцева моря до Ладogi. С. 136.

¹⁴ Ленский А.Г., Цыбин М.М., Любимов Н.Н. Характер начала войны. Стратегия, тактика, ресурсы. Сборник. СПб., 2022. С. 8–12.

авиации — двух скоростных бомбардировочных, одного ближнебомбардировочного и одного истребительного. Её главной задачей становилось нанесение удара в направлении Рованиemi—Кеми с выходом к Ботническому заливу и возможными дальнейшими действиями в сторону Улеаборга. Всего же силы двух фронтов оценивались в 46 стрелковых дивизий, две танковых дивизии, одну мотодивизию, три танковых бригады, 78 полков авиации и др. Окончательное обсуждение планов состоялось 5 октября, в качестве главной задачи определили сосредоточение основных сил на Юго-Западном фронте. В ноябре командование Ленинградского военного округа (ЛВО) получило директиву о разработке оперативных планов развёртывания и действий Северо-Западного и Северного фронтов исходя из сентябрьских «соображений».

Исходя из плана развёртывания можно утверждать, что кандалакшское направление приобрело исключительное значение — именно здесь предполагался один из главных ударов. На данный момент неизвестно, успел ли штаб округа завершить разработку оперативных планов к моменту принятия окончательного плана стратегического развёртывания. Вместе с тем ясно, что важнейшее значение имели прикрытие Ленинграда и активные действия на направлениях Карельского перешейка и южной Карелии — как и в более ранних стратегических и оперативных планах 1930-х гг.¹⁵

Параллельно этому с лета создавался новый мобилизационный план. Подготавливали три его варианта, в последнем планировалось развернуть 300 дивизий. При мобилизации всех западных военных округов осуществлялся призыв военнообязанных 1-й и 2-й категории (с 23 до 30 лет). Войска ЛВО должны были достигнуть численности 714471 человека¹⁶. Фактически этот вариант и приняли (с некоторыми изменениями) 12 февраля 1941 г., в историографии он известен как «мобплан 1941 г.» или «МП-41»¹⁷. Впрочем, решения по стратегическому развёртыванию так и остались неутверждёнными, отсутствовали также окончательные планы округов. На всех уровнях продолжались разработки и изменения.

11 марта, вскоре после назначения на должность начальника Генштаба Г.К. Жукова, появился «Уточнённый план стратегического развёртывания Вооружённых сил Советского Союза на Западе и на Востоке». В нём указывалось, что в случае выступления Финляндии в войну на стороне Германии возможна поддержка её армии немецкими войсками в количестве около десяти соединений. Сама финляндская армия, по оценке Генштаба, смогла бы выставить в районе Мяккярви до двух-трёх пехотных дивизий. Против них Северный фронт Красной армии должен был иметь 13 дивизий.

Участие немецких войск уже тогда не являлось гипотетическим. С конца 1940 г. разведка получала сведения об их появлении в Лапландии, а весной 1941 г. сообщения об их переброске в Финляндию даже публиковались в печати¹⁸. По мере приближения начала войны сообщения о появлении войск Германии учащались. В июне военный атташе в Финляндии И.В. Смирнов,

¹⁵ *Кишин Ю.М.* Карелия в политике советского государства. 1920—1941. Петрозаводск, 1999. С. 166—174.

¹⁶ 1941 год. Документы: в 2 кн. Кн. 1 / Сост. Л.Е. Решин и др. М., 1998. С. 639.

¹⁷ *Макар И.П.* Из опыта планирования стратегического развёртывания Вооружённых Сил СССР на случай войны с Германией и непосредственной подготовки к отражению агрессии // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 7.

¹⁸ Высадка немецких войск в Финляндии // Правда. 1941. 30 апреля. № 119. С. 5.

майоры И.Д. Бевз и М.Д. Ермолов наблюдали сосредоточение армии «Норвегия» и её передвижение по северу страны в районе Рованиеми¹⁹, по результатам чего направляли соответствующие донесения²⁰. Это прямо влияло на военное планирование.

11 апреля недавно назначенный командующим ЛВО генерал-лейтенант М.М. Попов получил директиву наркома обороны СССР о разработке плана оперативного развёртывания войск²¹. В ней указывалось, что в силу ряда обстоятельств, включая «подозрительное поведение немцев в Финляндии и Румынии», необходимо рассматривать Германию как наиболее вероятного противника. Силы финляндской армии оценивались так: 15–18 пехотных дивизий, до шести пехотных бригад и до 23 отдельных стрелковых батальонов, из которых на Рованиемском направлении — до двух-трёх дивизий, которые могли быть усилены одной немецкой (всего два соединения — по одному на Петсамское и Рованиемское). Главная цель — Ленинград — оставалась прежней, однако не исключалось вспомогательное наступление на Петрозаводск, Кандалакшу и Мурманск. Северный фронт в свою очередь должен был оборонять Кировскую дорогу и обеспечивать её нормальную работу, а также защищать Мурманск и полуострова Средний и Рыбачий. Предполагалось, что на севере территории охвата фронта будет действовать 14-я армия в составе четырёх стрелковых дивизий, артиллерийского полка резерва Главного командования, смешанной авиадивизии и Северного флота. Одна дивизия выделялась на прикрытие кандалакшского направления в районе Куолаярви, ещё одна — кестеньгского. Силы армии, флота и пограничников таким образом сформировали участок прикрытия № 1. Резервы фронта в виде механизированного корпуса (две танковые дивизии и одна мотострелковая) и Главного командования (одна стрелковая дивизия) располагались в Ленинградской обл.

Директива показывает, что наиболее близко прилежавшие к железной дороге районы — Кестеньга и Кандалакша — имели достаточно большое значение в свете ответственной задачи прикрытия важной транспортной артерии.

Некоторые решения штаба ЛВО показывают озабоченность командования гипотетическим развитием событий на этих направлениях. На данный момент известно, что 5 мая 1940 г. в соответствии с приказом командующего округом в зоне ответственности 14-й армии, в том числе в Куолаярви, началось строительство укреплённых полос с ДОТами и ДЗОТами²². Данное решение подчеркнуло важность обороны на этих участках, однако основное внимание округ по-прежнему уделял Карельскому перешейку. Поэтому работы на других участках, особенно северных, всячески задерживались. 8 июня начальник особого отдела НКВД 14-й армии капитан госбезопасности Н.Н. Ключев направил первому секретарю Мурманского обкома М.И. Старостину справку о ходе строительства, указав, что работы так и не начаты «по вине начальника инженерного управления ЛВО». Последний за день до составления справки прислал начальнику инженерной службы армии приказ, возложивший строительство

¹⁹ Йокини М. Финляндия на пути к войне. Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. / Пер. с фин. Л.В. Суни. Петрозаводск, 1999. С. 302.

²⁰ Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. / Сост. В.А. Гаврилов. М., 2008. С. 686.

²¹ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее — ЦА МО РФ), ф. 28, оп. 17, д. 18, л. 101–117.

²² ГА МО, ф. П-1, оп. 1, д. 288, л. 13.

на командование армии и дивизий. Описывались и другие проблемы: не сформировано управление начальника работ; прибывшие строительные батальоны плохо организованы и подготовлены; в распоряжении армии отсутствуют стройматериалы, в частности цемент для долговременных огневых точек; не поступили типовые чертежи ДОТов и ДЗОТов²³.

В другой записке, направленной в тот же день, Ключев указал на проблемы снабжения (нехватка шанцевого инструмента, обмундирования, снаряжения и продовольствия), морального состояния и подготовки самих войск. Среди прочего отмечен факт слабого контроля за строительством грунтовой дороги Кандалакша—Алакуртти, где 4 июня из-за неправильных действий произошёл взрыв, приведший к гибели одного красноармейца и ранению другого²⁴. Возможно, что мероприятия активизировались к концу года, после получения от агентуры данных о сосредоточении немецких войск в северной Финляндии для «подготовки плацдарма против СССР»²⁵.

В ещё одной записке — о жилищном и квартирном устройстве 14-й армии — начальник особого отдела отметил нехватку «казарменного фонда» для размещения пяти стрелковых дивизий, трёх авиаполков и других частей. Ещё в апреле Военный совет армии представил в Наркомат обороны смету на сумму в 15 млн руб. для строительства новых мест размещения и отпуска 30 тыс. м³ древесины, но к началу июня её ещё не утвердили. Даже размещение командно-начальствующего состава сталкивалось с проблемами. Военсовет ходатайствовал в Наркомат о передаче в своё пользование мурманского Дома междурейсового отдыха моряков и одного из достраивавшихся жилых домов или об увеличении брони для офицеров во вновь возводимых зданиях с 10 до 40%. К моменту появления записки Ключева ни Наркомат, ни Генштаб решение ещё не приняли. Как следствие, приказом штаба округа комначсоставу запретили брать с собой к месту прохождения службы семьи. Командирам 104-й и 14-й стрелковых дивизий близких брать разрешалось, причём с обещанием обеспечить их дощатыми домиками-вагонами, однако таковые не подходили для условий Крайнего Севера.

Жилищные проблемы влияли на моральное состояние военнослужащих. Ключев привёл ряд примеров недовольства красноармейцев и командиров нахождением по несколько месяцев в бараках, землянках и наспех построенных домиках без удобств и даже постельного белья, на простейших нарах. Такие трудности привели и к росту заболеваемости²⁶.

Лишь в апреле 1941 г. началось строительство Кандалакшской оборонительной полосы. Об этом можно судить благодаря сведениям о мартовском визите начальника штаба армии «Норвегия» в район Саллы. Ни он, ни финские пограничники не заметили каких-либо работ²⁷. Только в течение следующего месяца они смогли «засечь» их признаки, но точной информацией по-прежнему не обладали²⁸. Тем не менее некоторые источники указывают, что укрепле-

²³ Там же, л. 14–15.

²⁴ Там же, л. 18.

²⁵ *Барышиников В.Н.* Советская разведка о скрытом германофинляндском военном сотрудничестве накануне начала Великой Отечественной войны (1940–1941 годы) // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 5. С. 7–12.

²⁶ ГА МО, ф. П-1, оп. 1, д. 288, л. 21–29.

²⁷ NARA, t. 314, r. 873, fr. 713.

²⁸ Ibid, t. 312, r. 993, fr. 9186658.

ния были построены зимой 1940–1941 гг.²⁹ Их основой стали полевые сооружения, в основном деревянно-земляного типа, рассчитанные на пулемётные установки³⁰. ДЗОТы варьировались от одно- до четырёхамбразурных³¹, с перекрытием секторов обстрела друг друга и траншейными ходами. По возможности использовались камни и валуны. Район Куоляярви также имел предполье с заграждениями и минными полями, подготовка которых закончилась в последние дни перед немецким наступлением. Активно использовались выгодные естественные рубежи и высоты. Однако были допущены серьёзные просчёты, в частности, размещение части сооружений непосредственно у границы, из-за чего их мог наблюдать противник, и по обоим берегам рек, что делало невыгодным занятие обороны и ограничивало возможности отступления и связи. Вместе с военными часто жили их семьи³², что с началом войны создало проблему их эвакуации.

Оборона состояла из двух полос, размещённых друг за другом³³. Первая – район Куоляярви, непосредственно у границы (общая длина около 40 км), по следующим точкам: поселение Корья (29 сооружений для пулемётов и два под 45-мм пушки, прочие укрепления); район реки Таллускатакоски (27 сооружений для пулемётов); урочище Илирова (11 сооружений для пулемётов, три под 45-мм пушки и одно под 76-мм пушку); гора Кейнувара (11 сооружений под пулемёты, по два под 45-мм и 76-мм пушки); гора Куккумавара (9 сооружений под пулемёты и одно под 45-мм пушку); озёра Иликимаярви и Пяйваярви (14 пулемётных сооружений и два под 45-мм пушки); Большой Муртовуотсонсуо (19 пулемётных сооружений, четыре под 45-мм пушки и два под 76-мм пушки, одно для миномёта); горы Кескимаянен и Исо-Саркивара (семь пулемётных сооружений); район поселения Куоляярви (22 сооружения для пулемётов, три под 45-мм и одно под 76-мм пушку); районы озера Римпийярви и горы Колсанхарью (заграждения и укрепления); районы горы Пальясвара и поселения Лампела (19 сооружений под пулемёты, по три под 45-мм и 76-мм пушки).

Далее располагался промежуточный район западного берега реки Куоляйоки, западнее Кайрала: заграждения и укрытия в районе урочища Осминпало; заграждения и укрытия в районе урочища Маненяке; Алатало, Хейнола, гора Апяянганвара, перекрёсток на Миккола и Кайрала (10 сооружений для пулемётов, два под 45-мм пушки, три для миномётов). За ним шла вторая полоса – район Кайрала (общая протяжённость около 45–50 км): к северу от автодороги Алакюртти–Кайрала (16 пулемётных сооружений и одно для 76-мм пушки; к югу от автодороги 11 пулемётных сооружений и по одному под 45-мм и 76-мм пушки); Миккола (11 сооружений для пулемётов, одно под 45-мм пушку и два под 76-мм пушки); Вуориярви (18 пулемётных сооружений, одно под 45-мм пушку и два под 76-мм пушки). На участке от Миккола до Вуориярви оборонительных сооружений не имелось.

²⁹ На Кандалакшском направлении / Сост. А.И. Краснобаев, В.П. Загребин. Мурманск, 1975. С. 36; *Сквирский Л.С.* От 14-й армии – к Карельскому фронту // Вопросы истории. 1985. № 2. С. 80–99.

³⁰ Пишу исключительно по памяти... Командиры Красной армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны: в 2 т. Т. 1 / Сост. С.Л. Чекунов. М., 2017. С. 46–56.

³¹ NARA, t. 314, r. 873, fr. 1106–1111.

³² ЦА МО РФ, ф. 363, оп. 6208, д. 10, л. 6–8.

³³ Там же, ф. 1333, оп. 1, д. 41.

По этому описанию видно, что в целом размещение обороны производилось в духе активно применявшегося в предвоенное время решения создавать укрепленные районы, в которых главную роль играли ротные и батальонные опорные пункты, расположенные, как правило, на господствующих высотах и имевшие огневое перекрытие друг друга.

О том, что к началу боевых действий строительство линии закончить не успели, свидетельствуют и воспоминания военных, и боевые документы, согласно которым 122-я дивизия в первые дни войны активно достраивала позиции. По линии НКВД выделили более 15 тыс. заключённых³⁴, занимавшихся постройкой не только огневых позиций, но и других объектов. Работа велась без учёта многих военных аспектов. Например, при заготовке древесины вырубался лес в Алакуртти, что в итоге демаскировало склады 42-го стрелкового корпуса³⁵. Штаб корпуса первое время занимал бараки заключённых, после чего строил сооружения самостоятельно.

В первой половине июня 1941 г. штаб ЛВО на основании директивы наркома обороны № 503–913ос/сс от 14 мая подготовил окончательный план прикрытия государственной границы. Среди задач назывались обеспечение бесперебойной работы Кировской дороги на всём её протяжении и защита её от противника, оборона побережья Кольского полуострова от возможных десантов с моря. Отдельно указывалось, что войска должны быть готовы к контрудару по особому приказанию и при благоприятных условиях.

Кандалакшское направление входило в состав района прикрытия № 1 14-й армии. Задачи в целом оставались прежними. Силы армии в виде участка прикрытия № 5 должны были обороной укреплений в приграничном районе прочно прикрыть Кировскую дорогу и лишь при благоприятных условиях и по особому распоряжению перейти в контрнаступление на Кемиярви. На участке располагался 42-й корпус, в который входили 122-я и 104-я дивизии, 1-я танковая дивизия, а также 101-й и 72-й пограничные отряды. Военно-воздушным силам (1-й смешанная авиадивизия) вменялось «иметь в виду» поддержку частей пехоты в случае наступления противника. Несколько большее внимание уделялось защите мурманского направления и побережья от морских десантов во взаимодействии с ВВС Северного флота. Важными отличиями последнего плана стало появление танковой дивизии в качестве силы корпуса и указание на возможность контрудара.

В самом начале войны план конкретизировался. На низовом уровне его выразил боевой приказ № 01/оп штаба 42-го корпуса от 23 июня 1941 г.³⁶ Корпусу поручалось обеспечить оборону Кировской дороги на кандалакшском и кестеньгском направлениях при готовности перейти в контрнаступление на Кемиярви. 122-я дивизия вместе с батальоном 1-й танковой дивизии и 101-м пограничным отрядом располагалась следующим образом: 715-й полк — на участке озера Иликимярви—урочища Хирсинкангас—Салла (Куоляярви); 420-й полк — один батальон на горе Кейнувара, два батальона в районе Казарма—Кетола—урочище Ренккумавара назначались ударной группой. Для обеспечения фланга в район Таллускатакоски выдвигалась стрелковая рота; 596-й полк одним батальоном оборонял район Лампела, а одной ротой со

³⁴ Пишу исключительно по памяти... Т. 1. С. 46–56.

³⁵ Голованов Г.В. В боях за Карелию / МКОУ Медвежьегорского района «Повенецкая СОШ» (URL: <https://povenschol.edusite.ru/p161aa1.html>).

³⁶ ЦА МО РФ, ф. 363, оп. 6208, д. 10, л. 23.

взводом полковой артиллерии — хребет Саллатунтури. Штаб полка и один батальон находились в ударной группе дивизии в районе северо-восточного берега озера Куоляярви и горы Моуккусвара. Не менее двух усиленных рот направлялось для обороны Вуориярви до смены их частями 104-й дивизии; 101-й погранотряд находился в обороне Корья; отдельный зенитно-артиллерийский дивизион — на огневой позиции в Алакуртти для обороны станции снабжения.

104-я дивизия без 242-го полка и 3-го дивизиона 502-го гаубичного артиллерийского полка (на кестеньгском направлении) к исходу 26 июня должна была сосредоточиться в районе Кайрала — юго-восточный берег озера Апяярви—гора Лоуккутама — и приступить к укреплению восточных берегов Апяярви и Куоляярви. В Вуориярви дивизия должна была иметь в обороне не менее одной усиленной стрелковой роты со взводом полковой артиллерии для обеспечения Алакуртти с юга; 1-я танковая дивизия (без одного батальона) в районе южнее Алакуртти должна была быть готовой нанести контрудар по направлению Салла—Лампела. Распределение артиллерии и других средств оставлялось на усмотрение командира дивизии. Переход и перелёт государственной границы запрещались до получения разрешения, после которого следовало провести разведку в направлении Котала—Мяркуярви—Онкамо—Куусамо для обнаружения группировки противника и выяснения направления её движения.

Из воинских частей на госгранице в Куоляярви в тот момент находились только 122-я дивизия и 101-й погранотряд. О довоенной деятельности дивизии достоверных сведений нет, кроме упоминаний о строительстве укрепленной линии и учениях: зимой 1940—1941 гг. войска 14-й армии по согласованию с командованием округа и при поддержке местных партийных органов провели семидневные учения в полях с включением в программу лыжной подготовки³⁷. Известно, что из 104-й дивизии, стоявшей в тылу в Кандалакше, в мае—июне 1941 г. в мотомеханизированные части откомандировали 3500 подготовленных и обученных военных, что ослабило общее качество личного состава³⁸. К 30 июня численность 122-й дивизии составила около 7 тыс. человек³⁹. Это означало, что её не укомплектовали по штатному расписанию и за неделю пассивных действий не успели полностью отмобилизовать.

В свете вышеизложенного кандалакшское направление как участок большого фронта предстаёт весьма значимым. Войска здесь выполняли важные задачи, так или иначе проработанные командирами. Подготовлен был и сам район Куоляярви, на что, например, указывает приказ 23 июня 1941 г. Как следствие, в начале войны направление оказалось одним из немногих, где действия войск в целом соответствовали довоенным указаниям. Содержание последних показывает их проработанность и конкретность (что, видимо, объяснялось активным участием в их составлении опытного штаба 14-й армии). Согласно им, направление виделось ареной весьма вероятного столкновения, так как на этом участке проходила железная дорога до границы с Финляндией, значительно облегчавшая обеспечение войск. Кроме того, более приемлемые транспортные (логистические) условия могли способствовать захвату самой Кандалакши. Это превратило бы тактический успех противника в кризис оперативно-стратегического масштаба: на значительном участке фронта

³⁷ Сквицкий Л. С. От 14-й армии — к Карельскому фронту // Вопросы истории. 1985. № 2. С. 83.

³⁸ ЦА МО РФ, инв. № 0783227 (Личное дело С.И. Морозова).

³⁹ Голованов Г. Организация и ведение обороны... С. 50.

(1 500 км) обрушилась бы вся сухопутная система снабжения. Под угрозой оказалась бы и помощь флота, особенно в случае активных действий на море. Как следствие, расположенные на Кольском полуострове войска, а вместе с ними промышленность и прочие объекты, могли попасть в окружение без возможности полноценной эвакуации.

При этом, однако, юг Заполярья не являлся районом сосредоточения главных сил ЛВО. Выделенным туда войскам ставились оборонительные задачи. Направление критически зависело от бесперебойного снабжения и поддержки связи по автодороге и железнодорожной ветке. Особенности ландшафта — высоты, хребты, перемежающиеся болотами и густыми лесами, обилие водных препятствий в виде рек, озёр и ручьёв, бездорожье — вынуждали военные формирования действовать вблизи дорог, на левом и правом флангах. Это видно по размещению узловых пунктов обороны 42-го корпуса и складских помещений. В то же время выгодные естественные рубежи при наличии заграждений и укреплений могли усилить возможности обороны советской стороны.

На обстановку влияло расположение войск. На кандалакшском направлении находились сразу три дивизии (для сравнения, на мурманском — полторы-две, на ухтинском — одна, на кестеньгском — один стрелковый полк). Однако они занимали разрозненные позиции. В результате сил 122-й дивизии для прочного прикрытия госграницы не хватало. Согласно полевому уставу РККА дивизия могла занимать полосу не более чем в 9–12 км, охват же 122-й достигал 40 км. При этом основные силы сосредоточивались на центральном участке обороны, что ослабило фланги. И при наступлении германские войска сделали упор именно на правый фланг: на острие удара двух дивизий противника в начале июля оказалась только одна советская. К тому же расположение военных объектов непосредственно у границы облегчило вермахту и финской армии визуальную разведку местности.

Ослабляли положение советских войск также проблемы военнo-хозяйственного характера (отсутствие условий для расквартирования большой войсковой группировки, дефицит складских запасов, стройматериалов, инженерного оборудования) и большие изменения в командном составе. Из-за этого часть командиров и членов штабов не успела ознакомиться с войсками и театром военных действий, что негативно повлияло на военное планирование.

Вызывает дискуссию и вопрос о использовании на данном направлении танков. Можно представить замысел, унаследованный от советско-финляндской войны: РККА должна была на кемиярвском направлении быстро дойти до Ботнического залива. Танковая дивизия могла бы сыграть роль «кулака», проламывающего немногочисленные очаги сопротивления. Однако на деле она не предназначалась для такого рода действий. Планы подразумевали главным образом оборону и локальные контрудары с целью выбить противника за пределы страны. Наступление с продвижением вглубь Финляндии не прорабатывалось и не рассматривалось как сколько-нибудь вероятное. К тому же сложные условия местности сводили гипотетические преимущества на нет — массированно применять бронетехнику здесь практически невозможно, её действия ограничались бы выделением танков повзводно или поротно для поддержки пехоты. Примерно так и действовали танковые батальоны в сражении за Куолаярви в июле 1941 г. Кроме того, сказывалось состояние 1-й танковой дивизии, степень укомплектованности которой не соответствовала штатной, из-за чего она могла выполнять боевые задачи лишь частично. Тем не менее её значе-

ние сохранялось — при грамотном использовании противник, который (как по оценкам Генштаба, так и на деле) не имел значительных резервов и большого количества мощных противотанковых средств, оказался бы стеснён в действиях. Более того, сам факт сосредоточения дивизии на таком малоприспособленном для тяжелой техники участке явился бы в случае его вскрытия весомым сдерживающим фактором.

В целом, учитывая географические, хозяйственные и военные условия, следует подчеркнуть значительно большую роль юга Заполярья в военном планировании РККА, чем считалось до сих пор. Традиционно главная и единственная роль отводилась Мурманску. Однако приведенные данные и сведения показывают, что судьба столицы Заполярья зависела не столько от планов и боевых действий, связанных с ней, сколько от положения дел на «забытом» кандалакшском направлении.

Красная армия и срыв замыслов германского командования на участке Воронежского фронта летом 1943 г.

Валерий Замулин

The Red Army and the disruption of the plans of the German command in the Voronezh front sector in the summer of 1943

*Valery Zamulin
(Southwest State University, Kursk, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X24020155, EDN: HNSZQY

В настоящее время в истории летней кампании 1943 г. на советско-германском фронте (прежде всего, событий под Курском), которая по праву считается коренным переломом в Великой Отечественной войне, наиболее изучены первоначальные планы Вермахта и Курской оборонительной операции Красной армии, а также боевые действия в полосе Воронежского фронта. Тем не менее и здесь по-прежнему остаётся ряд крупных сюжетов и проблем, на которые исследователи ещё не обратили должного внимания. Так, практически не освещён в историографии окончательный вариант операции «Цитадель», утверждённый в Берлине непосредственно перед её началом. Даже в специализированных изданиях замысел этой последней стратегической наступательной операции Вермахта на советско-германском фронте обычно представляется довольно схематично, лишь как встречные удары двух группировок, сосредоточенных у основания Курского выступа, — северной, состоявшей из войск 9-й армии (А) группы армий (ГА) «Центр», и южной — 4-й танковой армии (ТА) и армейской группы (АГ) «Кемпф» ГА «Юг», — с целью окружения Центрального (генерал армии К.К. Рокоссовский) и Воронежского (генерал армии Н.Ф. Ватутин) фронтов.

Однако, кроме трёх указанных объединений, в наступлении должна была принять участие и 2-я полевая армия (2А), которой командовал генерал пехоты В. Вайс. Она занимала оборону в западной части Курской дуги и подчинялась ГА «Центр». Некоторые советские историки, опираясь на оперативный приказ А. Гитлера № 6 от 15 апреля 1943 г., писали, пусть и очень скупо, про намерение Берлина использовать войска Вайса на завершающем этапе «Цитадели», но о планах ввести их в сражения в самом начале операции не упоминалось¹. Между тем подобный удар с запада в направлении Курска, фактически встык Центрального и Воронежского фронтов, безусловно, мог существенно осложнить положение Красной армии, привести к распылению её резервов и значительно большим потерям. Обнаруженные мной в Федеральном архиве Германии ранее неизвестные документы подтверждают, что германское командование рассчитывало именно на такое развитие событий. При подготовке летней кампании 1943 г. предполагалось активно использовать 2А ещё до полного замыкания «кольца» вокруг двух советских фронтов под Курском. Причём, хотя планы

© 2024 г. В.Н. Замулин

¹ Колтунов Г.А., Соловьёв Б.Г. Курская битва. М., 1970. С. 42, 43.

боевых действий её соединений (получившие кодовое обозначение «Витамин А» для 13-го армейского корпуса (ак) и «Витамин Б» — для 7 ак), как и вся «Цитадель», разрабатывались и корректировались довольно долго — с марта и до первых чисел июля 1943 г., — тем не менее к началу общего наступления на Курск они были полностью расписаны, а дивизии, выделенные для прорыва обороны, приведены в максимальную степень готовности. Сравнительный анализ этих материалов и советских документов, недавно рассекреченных Центральным архивом Министерства обороны РФ, позволяет понять, как благодаря беспримерной стойкости и мужеству солдат Воронежского фронта удалось остановить главную группировку сил противника на обоянском направлении и тем самым предотвратить удар 2А.

2-я полевая армия была сформирована в октябре 1939 г. на западе Германии. Впервые её соединения использовались при захвате Франции и Югославии, а с июля 1941 г. сражались на Восточном фронте. Осенью они отличились в ходе операции «Тайфун», при разгроме Брянского фронта, а летом 1942 г., во время наступления на Воронеж, успешно действовали на левом крыле ГА «Б». Однако в начале 1943 г. в том же районе армия потерпела сокрушительное поражение, основная часть её дивизий, вместе со 2-й венгерской армией, попала в окружение у Касторного и Горшечного. В результате ожесточённых февральских боёв им удалось вырваться, но потери, прежде всего в личном составе и тяжёлом вооружении, оказались очень большими.

В конце марта — начале апреля, при стабилизации оперативной обстановки в центре советско-германского фронта, 2А находилась на крайнем правом крыле ГА «Центр» и занимала оборону в западной части Курской дуги, против войск Центрального и Воронежского фронтов. Такое расположение заставляло Берлин учитывать силы Вайса при любом плане активных боевых действий в этом районе. Единственным, но очень существенным, ограничением для этого оставалась их низкая боеспособность. Поэтому на протяжении всего периода подготовки удара на Курск и командование армии, и руководство ГА «Центр» пытались определить, в какой форме использовать войска 2А и когда — на заключительном этапе — при окружении двух фронтов или в первые же дни операции — для нанесения скользящих ударов.

Первым идею использовать армию Вайса совместно с войсками его ГА «Юг» для окружения Воронежского фронта южнее Курска выдвинул фельдмаршал Э. фон Манштейн. Во время встречи с Гитлером 8 марта 1943 г. он рекомендовал нанести одновременно два удара: с запада — 2А и с юга — силами ГА «Юг». В результате Курская дуга рассекалась бы на две части, а практически весь Воронежский фронт, оборонявший её южную половину, попадал в «кольцо». Однако Гитлер этот вариант не принял. В тот момент ему была нужна операция большего масштаба, которая позволила бы нанести более значительные потери Красной армии и имела бы совсем иной пропагандистский эффект. Этому более соответствовало предложение, выдвинутое через два дня генерал-полковником Г. Шмидтом, командовавшим 2ТА ГА «Центр». Им намечались два встречных удара в направлении Курска, но с севера и юга, из района Орла и Белгорода², т.е. окружение не одного, а сразу двух фронтов. При этом также предусматривалось участие 2А, но из её войск формировалась не одна из двух главных ударных группировок, а третья, вспомогательная, которой предстояло

² Bundesarchiv-Militärarchiv (далее — BA-MA), RH. 21-2/V433, S. 11–13.

на заключительном этапе операции как можно быстрее уничтожить окружённые силы и оперативно создать прочную систему обороны на новых рубежах. 10 марта на совещании в Смоленске Гитлер ознакомился с предложением Шмидта³ и, вероятно, одобрил его. Во всяком случае, 13 марта в подписанном им оперативном приказе № 5, излагавшем суть предстоявшей Вермахту летней кампании⁴, задачи 2А формулировались уже в соответствии с соображениями Шмидта: её основным силам следовало включиться в наступление на Курск на втором этапе.

Затем Гитлер переключился на новую идею, решив до начала «Цитадели» провести в полосе ГА «Юг» ещё одну, частную операцию. Между тем большинство генералов и фельдмаршалов, с которыми он делился своими мыслями, осознавали, что успешно провести сразу два довольно крупных последовательных наступления Вермахт уже не в состоянии. Поэтому с конца марта и весь апрель они развивали различные варианты одной наступательной операции, опираясь на всё те же «клещи» Шмидта.

К весне 1943 г. соединения ГА «Центр», особенно на её правом (южном) крыле были обескровлены значительно больше, чем ГА «Юг», которая перед февральским контрударом на Украине получила из Германии серьёзное усиление. Командующий фельдмаршал Г. фон Клюге опасался, что в ходе прорыва его ударной группировки к Курску с севера Красная армия сумеет оперативно укрепить это направление крупными резервами. Поэтому для того, чтобы быстро преодолеть оборону Центрального фронта и в кратчайший срок замкнуть окружение (на это отводилось не более четырёх суток) Центрального и Воронежского фронтов, Клюге пытался найти способ уже на начальном этапе «Цитадели» задействовать не только 9А генерал-полковника В. Моделя, на основе которой создавалась наступательная группировка ГА «Центр», но и в той или иной степени все свои армии, находившиеся в районе Курской дуги. В результате в первом варианте плана наступления ГА «Центр», подготовленном во второй половине марта, он собирался в начале операции поддержать силами 2А прорыв к Курску групп армий «Центр» и «Юг». В связи с этим штабу Вайса поручалось проработать возможность в первые дни «Цитадели» одновременно нанести удар 13 ак — на Льгов (по 60А Центрального фронта), а 7 ак — в направлении Суджи (по позициям 38А Воронежского фронта).

Однако Вайс считал это трудновыполнимым. 27 марта он направил в штаб группы письмо, в котором, видимо, впервые официально предложил поставить перед 2А на первом этапе «Цитадели», т.е. при прорыве обороны Центрального и Воронежского фронтов, задачу связать боем все советские войска в западной части Курской дуги. «Противник, — рассуждал генерал, — должен рассчитывать на весеннее немецкое наступление в районе Курска. А мы должны считаться с тем, что он попытается предотвратить наше наступление любыми силами. Есть множество признаков подтягивания сил к району Харькова и маршей, и переброски сил через Курск на юг, подтягивания новой армии восточнее Харькова и авиации в районы вокруг Харькова. Всё это может говорить о том, что русские попытаются начать наступление до начала нашего. В этом случае будет зацеплено правое крыло 2-й армии. Там стоит 52-й корпус на чрезмерно

³ Подробнее см.: Замулин В.Н. Курск-43. Как готовилась битва «титанов». Кн. 1. М., 2018. С. 228–230.

⁴ «Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 499–502.

растянутом фронте без резервов. Армейских резервов нет, а резерв группы армий находится далеко»⁵.

Вайс исходил из того, что «задача армии в запланированном нами наступлении: связать имеющиеся перед ней силы противника и в атаке ударными группами захватить ключевые пункты Суджа и Льгов». Однако он предвидел, что «до начала наступления быстро окапывающийся противник будет уже глубоко и прочно в земле. Следовательно, атаки не будут лёгкими, даже слабыми армейскими средствами противник нанесёт атакующей пехоте очень большие потери». Ожидалось, что «особенно сложным будет удар по Льгову»: «Фронтальный удар из района Рыльска потребует двойную переправу через широкий и глубокий Сейм у Рыльска и у Льгова. В связи с широкими болотистыми районами восточнее Рыльска и с учётом возвышающегося положения Льгова возникают дополнительные проблемы. Также в связи с нехваткой материала для переправ армии такая атака выглядит малоперспективной. Обход с севера Сейма также ведёт к сложностям, к районам болотистым, с плохими дорогами, и обещает очень медленное продвижение»⁶. Казалось, что «для захвата Суджи условия значительно выгоднее», и «в связи с этим армия просит отменить атаку на Льгов и большими сосредоточенными силами, широким фронтом выступить на Суджу».

Как утверждал Вайс, «такое решение даёт следующие преимущества: 1. Сосредоточение всех небольших атакующих средств армии уменьшает потери. 2. Только сосредоточением всех сил можно обеспечить прорыв в наступлении. 3. После начала ледохода армия на фронте Сейма может снять одну дивизию для выступления южнее Сум, чтобы в кратчайшее время, до начала наступления, на правом крыле был создан быстро доступный армейский резерв. 4. При подготовке плана быстрого продвижения на Суджу сильной группой армия может заранее значительно лучше просчитать условия, чем при медленном продвижении двумя слабыми атакующими группами на Суджу и Льгов»⁷.

Генерал также надеялся на то, что «в ходе нашего наступления должен сработать эффект неожиданности, благодаря ему 2-я армия свяжет вражеские силы». «Однако, — отмечал он, — этого можно достигнуть с большей уверенностью, если организовать отвлекающие мероприятия»⁸. По сути, для маскировки следовало осуществить стандартный набор мероприятий, проводившихся перед каждой крупной наступательной операцией: строительство ложных аэродромов, карательные акции для очистки тыла от враждебных элементов, имитация переброски по железной дороге большой массы солдат и марши к фронту в дневное время воинских частей, штурмовых и самоходных орудий, радиопрограммы войсковых штабов, распространение агентами спецслужб ложных слухов, нанесение ложных тактических опознавательных знаков на технику 2А с целью имитации прибытия новых соединений, пристрелка артиллерийских орудий на участках, где активных боевых действий проводить не предполагалось, и т.п.

Кроме того, для повышения гарантии успеха обоим корпусам надлежало начать атаку не в первый день «Цитадели», а через 24 или даже 36 часов после перехода к активным действиям ударных группировок ГА «Центр» и «Юг».

⁵ ВА-МА, RH. 20—2/677, S. 14, 15 (здесь и далее перевод документов немецкого командования выполнен мной. — В.З.).

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

Обосновывалось это тем, что «до того момента, как командование противника оценит размер основного наступления, пройдет 6 часов, до того момента, как начнут действовать новые приказы в его частях, пройдут ещё 12 часов, до того момента, как войска, собранные перед 2-й армией, перестанут быть готовыми к удару, пройдет 24–36 часов, и если 2-я армия успешно ударит, есть обоснованная надежда, что отправленные маршем резервы русских не вернуться, а для того, чтобы повлиять на фронте общего наступления, в любом случае они прибудут слишком поздно, в то время как армии выполнение задачи будет значительно облегчено»⁹.

Хотя Вайс, предлагая скорректировать поставленную перед ним задачу, указывал прежде всего на особенности местности, командование ГА «Центр» понимало, что ключевой проблемой армии являлась слабость (низкая укомплектованность личным составом и вооружением) её соединений, особенно 13 ак, и расстояние между двумя направлениями, по которым планировалось наступать. Оно превышало 60 км, и в случае упорного сопротивления советских войск ни один из немецких корпусов не мог рассчитывать на поддержку другим, но каждый из них, атакуя, подставлял под удар свои слабо прикрытые фланги, что грозило им разгромом поодиночке.

В Генеральном штабе Верховного командования сухопутных войск (ОКХ) стремились уменьшить полосу обороны 2А и 3 апреля решили передать её 52 ак вместе с занятым им рубежом обороны из ГА «Центр» в ГА «Юг». Эта мера обсуждалась ещё до письма Вайса, но так как 52 ак в зимних боях 1942/43 гг. понёс большие потери, в журнале боевых действий ГА «Юг» 26 марта говорилось, что «Манштейн отклонил предложение по перемещению границы между группами армий до Краснополя, поскольку увеличение фронта группы армий на 75 км увеличит количество её сил всего на одну полную дивизию или на две дивизии численностью с полк»¹⁰. Однако Берлин к мнению фельдмаршала не прислушался. Ситуация в армии Вайса оставалась крайне тяжёлой, и хоть как-то выправить её без переброски существенного пополнения, в условиях, когда почти все резервы направлялись для восстановления дивизий главных ударных группировок, не представлялось возможным. В результате же переподчинения 52 ак протяжённость полосы 2А сократилась примерно до 200 км (около 32 км на одну пехотную дивизию). Это по-прежнему заметно превышало нормы, принятые в Вермахте, особенно для дивизий неполного состава. Но такое положение в ОКХ рассматривалось уже как вполне терпимое. По данным Абвера, иные советские соединения, находившиеся перед 2А, также обладали лишь третьей боевого состава. Именно на это и делали ставку ОКХ и командование ГА «Центр» при планировании наступления войск Вайса: сильный удар предполагалось нанести на узком участке Центрального и Воронежского фронтов, ещё не подготовивших там прочную систему обороны.

Вместе с тем следует учитывать, что, к примеру, 13 ак генерала пехоты Ф. Зиберта из-за очень высоких потерь в зимних боях нуждался в усилении даже для решения минимальных задач обороны. При попытке нанести удар одновременно с 7 ак генерала артиллерии Э. Хелля его скромные силы и огневые возможности могли серьёзно осложнить наступление, тогда как синхронность действий считалась (наряду с внезапностью и слабостью советских частей) од-

⁹ Ibid., S. 16.

¹⁰ Ibid., S. 91.

ним из ключевых факторов успеха операции «Витамин А и Б». На 17 апреля корпус Зиберта располагал тремя пехотными дивизиями (пд) (8480 солдат), которые удерживали полосу в 105 км. Это был очень низкий показатель плотности живой силы (84 солдата на 1 км). К тому же корпус остро нуждался в тяжёлом стрелковом и артиллерийском вооружении, а также в замене устаревших образцов. Всего в нём числилось: 904 лёгких (9 на 1 км) и 156 тяжёлых (1,5 на 1 км) пулемётов, 58 лёгких (1 на 2 км) и 27 тяжёлых полевых гаубиц¹¹ (1 на 4 км). Имелось ещё 20 старых австрийских полевых орудий «300», дальность стрельбы которых достигала 5,6 км, но при открытии огня на 4 км хвосты их лафетов приходилось вкапывать в землю и после каждого выстрела заново наводить ствол на цель. Быстро поставить с их помощью заградительный огонь было невозможно. При этом всё стрелковое вооружение, и прежде всего пулемёты, находилось в неудовлетворительном состоянии из-за нехватки жира и машинного масла для обслуживания и чистки. В материалах штаба корпуса отмечалось, что «в последнее время в связи с заклиниванием пулемётов многократно создавались неприятные ситуации»¹².

Слаженность и взаимодействие частей и подразделений корпуса оставляли желать лучшего. Из трёх своих дивизий две Зиберт признавал слабыми, а одну — средней. Согласно его оценке, «327-я пехотная дивизия, которая хорошо оснащена кадрово и материально, показала, что до сих пор находится ниже среднего уровня боеспособности восточных дивизий в связи с длительным её использованием во Франции». Между тем «проверка 340-й пехотной дивизии показала две больших проблемы: а) проблема, выросшая из состава бывшей дивизии Райнгольда; б) ситуация, в которой остатки двух не самых лучших дивизий собраны вместе». По наблюдениям генерала, «непосредственно бои последней зимы доказали, что дивизии с номерами между 300 и 400 собраны не очень хорошо, поскольку при их формировании было недостаточно качественных офицеров и унтер-офицеров». И только «82-я пехотная дивизия сама по себе неплоха, но из-за тяжёлых потерь зимой сильно потеряла в старом персонале, и её ударная сила серьёзно снизилась. Пополнение (в основном из резервистов) по качеству несравнимо с унтер-офицерами и солдатами, потерянными в зимней кампании»¹³.

Подводя итог, Зиберт констатировал: «В данный момент, имея малые силы, но перед слабым противником, корпус в состоянии выполнить оборонительную задачу. В качестве преимущества можно считать то, что южная часть участка корпуса удачно расположена на местности, в то время как средний и северный участок местами удобнее для противника. Однако в случае проведения противником сильной атаки, особенно при использовании танков, корпус в нынешнем его состоянии не сможет предотвратить прорыв и, в связи с широким фронтом и нехваткой сил, не сможет занять новую линию обороны... Корпус не может создать резерв, который в случае прорыва противника будет в состоянии организовать контратаку для зачистки прорыва. Для этого нужно вывести как минимум один гренадерский полк. Есть острая необходимость и в усилении артиллерии корпуса, чтобы хотя бы компенсировать нехватку его боевой силы»¹⁴.

¹¹ В том числе восемь французских старой модели.

¹² BA-MA, RH. 20–2/677, S. 91.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

Тем не менее для советского командования любые планы использования 2А на первом этапе наступления на Курск являлись очень опасными, так как она располагалась перед смежными флангами Центрального и Воронежского фронтов, а стыки любых формирований всегда представлялись наиболее удобным для прорыва местом. Более того, весной основные средства усиления первого эшелона и оперативные резервы сосредоточивались у оснований Курской дуги, где ожидалось наступление Вермахта¹⁵. Остальные же рубежи обороны, хотя и укреплялись, но воспринимались скорее как районы, откуда при угрозе прорыва можно будет снять какие-то части. Собственно именно для того, чтобы помешать штабам Рокоссовского и Ватутина перебрасывать войска с неатакованных участков, и предполагалось задействовать план «Витамин А и Б» в первые дни операции «Цитадель». Безусловно, в критический момент и Рокоссовский, и Ватутин изымали бы людей с флангов даже в том случае, если бы операции «Цитадель» и «Витамин А и Б» начались одновременно. Однако делали бы они это не сразу, а потратив драгоценное время на оценку масштаба ударов и анализ вероятности подвода Вайсом новых резервов. Расчёт делался на то, что при любом развитии событий после перехода корпусов 2А в наступление, на ольховатско-поныровское и обоянско-прохоровское направления, где по замыслу «Цитадели» планировалось нанести главный удар, подкрепление с обоих фронтов прибыли бы с опозданием.

В штабе 2А в апреле 1943 г. адекватно оценивали боееспособность противостоявших ей 38-й и 60-й армий. В ходе зимнего наступления (при окружении основных сил ГА «Б» у Касторного и Горшечного, освобождении Курска и населённых пунктов западнее его) их соединения понесли существенные потери. В конце марта, при стабилизации фронта в этом районе, их возможности были соизмеримы с потенциалом дивизий 2А. Так, 60А генерал-лейтенанта И.Д. Черняховского имела к 30 марта высокую степень укомплектованности (всего 55223 человек, в том числе в боевом составе — 44024), но в её 112-й стрелковой дивизии (сд) и 129-й отдельной стрелковой бригаде (осбр), по рубежу которых готовился удар 13 ак, числилось только 5402 и 2507 военнослужащих (боевой состав — 3424 и 1973 человек соответственно). А единственная танковая бригада (подвижной резерв командарма) включала лишь 29 боевых машин (55% штата)¹⁶.

Похожая ситуация наблюдалась и в 38А генерал-лейтенанта Н.Е. Чибисова, которая удерживала линию Снагость—Успенка—Водолаги—Новая Сечь—Буриловка—Стрелки—Самотоевка—Клиники¹⁷. 5 апреля её боевой состав достигал 34260 человек (четыре сд и одна осбр), но в 167-й и 180-й стрелковых дивизиях, прикрывавших с 17 апреля суджанское направление (где предполагалось наступление 7 ак) служило 4364 и 2087 бойцов. В 7-й истребительной бригаде, развёрнутой непосредственно перед Суджей, в наличии оказалось 6 миномётов, 18 орудий и 66 противотанковых ружей (около 50% от положенной численности)¹⁸.

Поэтому командование ГА «Центр» продолжало настаивать на использовании 2А на первом этапе наступления на Курск. 27 апреля штаб группы со-

¹⁵ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15(4–4). М., 1997. С. 18.

¹⁶ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее — ЦАМО РФ), ф. 62, оп. 325, д. 4, л. 103.

¹⁷ Там же, ф. 445, оп. 9005, д. 108, л. 13 об.

¹⁸ Там же, ф. 203, оп. 2870, д. 37, л. 303.

общил Вайсу, что «фюрер поддержал планы операции “Цитадель”¹⁹. Впрочем, пережив провалы «Барбароссы» и «Тайфуна», окружения в Сталинграде и западнее Воронежа, непосредственные исполнители приказов Берлина уже не питали к ним особого доверия и прямо указывали на их нереалистичность и даже опасность в сложившихся условиях.

Вечером 28 апреля, т.е. через сутки после получения известия о том, что «Цитадель» с большой долей вероятности начнётся в начале мая, Вайс отправил в группу армий письмо, в котором вновь напомнил о низкой боеготовности 13 ак. Генерал не подвергал сомнению необходимость участия 2А в операции и хорошо понимал его значение. Но он явно предвидел неудачу и не желал нести за неё ответственность. «Атака 13-го армейского корпуса предполагалась и возможна только как дополнительный удар с целью захвата Льгова, — отмечал Вайс, — а не для связывания вражеских сил в начале операции». Он полагал, что «южная часть “клещей” наступления (удар 7 ак на Суджу. — В.З.)... должна захватывать территорию быстрее, чем северная (13 ак. — В.З.)». Соответственно «вражеская группа у Суджи в связи с этим вынуждена будет смещаться на северо-восток и западнее и у Льгова, возможно, основательно и надолго закрепится. Кроме того, помимо передовой линии, противником уже сейчас восточнее участка р. Свапа организованы хорошо оборудованные позиции». Вайс настаивал на том, что «удар по Льгову обещает решающий успех, только если в нём будет участвовать весь собранный 13 армейский корпус». Между тем его «армия на основании поставленной задачи собрала все свои немногочисленные боевые средства и 327-ю пехотную дивизию для сковывающего удара по Судже. 13-му армейскому корпусу на 90-километровом фронте остались только не полностью укомплектованные 340-я и 82-я пехотные дивизии и пока ещё один гренадерский полк 327-й пехотной дивизии, который должен уйти в направлении Суджи. 340-я и 82-я пехотные дивизии по оснащению пехотным вооружением и особенно артиллерией для тяжёлого наступления не пригодны. Если их отправить против обороны, где передовая линия (первая армейская полоса 60А на льговском направлении. — В.З.) полностью занята противником, они понесут тяжёлые потери и сил для решающей атаки на Льгов иметь уже не будут. Сбор же (сосредоточение для удара. — В.З.) всего 13-го армейского корпуса открывает весь его фронт, а это, непосредственно перед началом наступления, очень серьёзный риск»²⁰.

Стараясь хоть как-то облегчить положение Зиберта, Вайс ставил перед командованием вопрос: «Когда его ударная группировка должна перейти в атаку?». Согласно оперативному приказу № 6, отданному Гитлером 15 апреля, группы армий «Центр» и «Юг» должны были приступить к реализации «Цитадели» 3 мая, а корпусам 2А предстояло двинуться вперёд на третьи сутки после этого. Но в этом случае для марша в район нанесения удара основные силы 13 ак следовало отвести из полосы обороны, протяжённостью почти в 100 км, в ночь на 3 мая, а это позволяло бы советским войскам перехватить инициативу на ослабленном рубеже. Поэтому Вайс добился согласия отложить сосредоточение его корпусов до ночи на 5 мая, а активные действия 13 ак — до второй половины 7 мая, т.е. на сутки позже первоначальной даты²¹.

¹⁹ BA-MA, RH. 20–2/677, S. 104.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

К тому времени руководство ГА «Центр» стало дистанцироваться от «Цитадели», ответственным за проведение которой Гитлер назначил не Клюге, а подчинённого тому командующего 9А Моделя. Давно уже крайне натянутые отношения этих военачальников ещё больше осложнили подготовку операции. Во второй половине апреля выяснилось, что 9А к ней не готова, и Модель, отличавшийся жёстким характером, настойчиво убеждал ОКХ отложить наступление до середины мая. 24 апреля он отправил в Берлин письмо, обрисовав плачевное состояние армии и наметив пути его улучшения. Это вынудило Гитлера созвать 4 мая совещание и по его итогам определить вторую дату начала «Цитадели» — 12 июня. Но затем и её пришлось изменить. Поэтому вопросы, волновавшие Вайса, на какое-то время утратили свою остроту. Впрочем, и в мае, и в июне ни ГА, ни ОКХ даже не обещали пополнения 2А. Тем не менее её командование, судя по материалам штаба, всё это время демонстрировало веру в успех, выражая обеспокоенность лишь слабостью своих ресурсов как для обороны, так и для наступления. А ведь у большинства генералов и фельдмаршалов, войскам которых предстояло участвовать в «Цитадели», её вынужденная отсрочка уже в мае вызывала тревогу, через месяц же возможность достижения намеченных целей оценивалась ими ещё более скептически.

Позицию Вайса и его штаба помогает понять письмо, отправленное из оперативного отдела армии 16 июня²². При составлении его текста, по-видимому, решались две очень сложные задачи. Во-первых, в нём перечислялись и конкретизировались большие проблемы, связанные с реализацией планов «Витамин А и Б», и указывалось на непредсказуемость их влияния на общий ход операции. Во-вторых, дабы не вызвать гнев Берлина, говорилось про активную работу по подготовке к исполнению полученных директив. В первой части письма вполне объективно характеризовались скромные возможности 2А и высоко оценивалась возросшая мощь сосредоточенных под Курском советских войск. Особое внимание уделялось возведению новой полосы обороны протяжённостью в несколько сот километров после ликвидации Курского выступа (эта задача возлагалась именно на Вайса и его солдат, но никак не раскрывалась в указаниях, поступавших от ОКХ или ГА «Центр»). Всё это должно было свидетельствовать об объективности и дальновидности авторов документа, а также об их уверенности в победе.

Вместе с тем они вновь заставляли задуматься о том, насколько целесообразны в сложившихся условиях те или иные решения. «Отсрочка проведения „Цитадели“, — отмечалось в письме, — дала повод для следующей оценки ситуации. Наступление будет проводиться против готового к обороне противника на хорошо укреплённых глубоко эшелонированных позициях с очень сильными оперативными резервами. Это будет, несомненно, битва большего масштаба, чем обсуждалось месяц назад. „Цитадель“ затронет только малую часть вражеского фронта. Надо рассчитывать на то, что противник после нашего удачного первого удара использует силы из оперативных резервов и тех частей фронта, которые не затронуты, для проведения контрнаступления. Следующее за этим оборонительное сражение противник, по прежнему опыту, может продолжать долго, вероятно, даже месяца два. Укреплению новой полосы фронта также будут постоянно мешать боевые действия». Между тем «армия на её сегодняшних позициях активно строила оборону три с половиной месяца. И только сейчас,

²² Ibid., S. 138, 139.

несмотря на использование всех возможных сил и средств, на этих позициях начато противотанковое укрепление. Даже на переднем крае линии обороны ещё очень много работы. Прикрывающие артиллерийские позиции и вторые позиции войск находятся пока только в планах. Строительство оборонительных укреплений также ещё не начато». Соответственно «для укрепления вновь захваченных (в ходе наступления. — В.З.) позиций надо уже сейчас запланировать строительство необходимой железной дороги до Курска, которое также займёт не меньше месяца. На участке будущих позиций есть только редкие и плохие леса. Они в течение последних двух лет очень активно использовались для строительства и отопления. В основном строительное дерево должно будет привозиться по железной дороге или автотранспортом. С началом боёв русские отведут население из вновь захваченных районов в большом масштабе. Поэтому при сборе рабочей силы мы столкнёмся с большим недостатком рабочих»²³. Предвидя подобные трудности, Вайс просил командование ГА «Центр» предоставить ему строительные части и штабы, немедленно приступить к переброске в тыл 2А мин, колючей проволоки и строевого дерева, горючего и автотранспорта, запланировать нанесение сильных ударов перед намеченным передним краем будущей обороны, дабы не допустить советских атак и обеспечить бесперебойную работу строителей.

В завершающем же абзаце письма прямо говорилось, что «при дальнейшем смещении сроков “Цитадели” надо будет обдумать вопрос: не станет ли сокращение фронта (являвшееся одной из важнейших целей операции. — В.З.) вместо преимущества недостатком, вынуждающим армию встретить зиму на недостаточно оборудованной системе позиций, которую необходимо удерживать. По мнению армии, операция “Цитадель” совершенно необходимо провести не позднее начала июля»²⁴.

Судя по материалам штаба 2А, сохранившимся в Бундесархиве, внятного ответа на это письмо не последовало вплоть до начала боёв. Но уже 17 июня из ГА «Центр» поступила телефонограмма, сообщавшая, что приказ о переходе в наступление на Курск будет отдан ОКХ не за 11 суток, как это предполагалось ранее, а за восемь²⁵. Это чётко сигнализировало о том, что окончательное решение о сроках ключевой операции летней кампании 1943 г. всё ещё не принято.

Тем временем Зиберт, вероятно, опасавшийся ответственности за провал операции «Витамин А», 20 июня направил Вайсу письмо, в котором напомнил, что весенний план, предусматривавший фронтальный удар его корпуса по обе стороны села Гламаздино, способный сковать советские войска и помешать их переброске в район южнее Орла или севернее Белгорода, имел смысл постольку, поскольку предполагалось действовать против обескровленных частей, занимающих слабую линию обороны. Но с тех пор многое изменилось: «Противник по всему фронту, в особенности на участке планируемого наступления у Гламаздино, свои позиции укрепил исключительно сильно». Как пояснял генерал, «речь не только об участках непосредственно перед корпусом, но теперь, в отличие от тогдашней ситуации, укрепления идут далеко вглубь фронта. Как хорошо видно на аэрофотосъёмке, на линии в 7 км в глубину от первой линии

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid., S. 140.

противник организовал удобные позиции, которые, без сомнения, с началом нашего наступления будут заняты усиливающимися большими резервами. Вопреки тем выводам, которые были сделаны ранее, на основе условий, говорящих о том, что масса корпуса одним ударом сможет продвинуться до Свапы, сейчас надо рассчитывать на то, что после прорыва хорошо оборудованной и сильно минированной первой линии обороны корпус упрётся во вторую линию обороны на хорошо оборудованных позициях. Прорвать эти позиции, в связи со слабой боеспособностью корпуса, будет очень сложно. Кроме того, нужно учесть, что южнее корпуса находится не связанный боевыми действиями противник — опять-таки в отличие от прежних предположений, — он на нынешнем этапе, с большой вероятностью, ударит в южный фланг атакующего корпуса и остановит его ещё до достижения второй линии обороны. Резервы для встречи с ним выделены быть не могут. Таким образом, корпус считает, что в нынешних изменившихся реалиях нужно выждать, пока будет выношено правильное решение»²⁶.

Со своей стороны, Зиберт очертил два варианта участия 13 ак в наступлении, но уже на второй его фазе. Он допускал, что при возникновении угрозы окружения Центрального и Воронежского фронтов Москва ответит сильным контрударом по флангам группировок 9А и 4ТА, нацеленным на соединение восточнее Курска. Одновременно с этим войска 60А, расположенные между Сумами и Севском (т.е. перед 2А), получают задачу удерживать фронт для развёртывания здесь оперативного танкового резерва и последующего нанесения удара на запад. При таком развитии событий наступление 13 ак в начале операции на узком фронте двумя дивизиями окажется безрезультатным, и к тому же возникнет слабо прикрытый участок в 100 км между ним и 7 ак. И тогда советское командование, располагающее большими силами, в том числе и танковыми частями в потенциальном «котле» на Курской дуге, наверняка попытается разбить выдвинувшийся вперёд 13 ак и воспользуется уязвимостью оснований его боевого клина. «В этом случае, — утверждал Зиберт, — если даже весь наш фронт устоит, атака 13-го корпуса, даже успешная, будет “уколом иголки”»²⁷. Поэтому, по мнению командующего, его соединение принесло бы больше пользы, если бы при успехе «Цитадели» перед ним поставили лишь задачу предотвратить прорыв войск окружённых фронтов из «кольца» в Хинельские леса.

Вместе с тем он считал, что даже если первая фаза «Цитадели» закончится удачно, и новый фронт пройдёт примерно в районе линии железной дороги Харьков—Орёл, оказавшиеся на западной стороне «котла» части 60-й, 38-й и 40-й армий получают приказ упорно оборонять свои позиции, ожидая деблокирования и последующего броска на запад. И в этой ситуации 13 ак, с его скромными возможностями, атакуя, упрётся в мощную оборону противника, который даже из «котла» способен быстро прорвать слишком широкий фронт на обнажившихся при наступлении участках. Таким образом, признавалось, что в ходе «Цитадели» невозможно обеспечить единый рывок всей 2А. «В связи с этим, — писал Зиберт, — я считаю целесообразным при проведении наступательной операции корпус оставить на месте и подождать развития ситуации,

²⁶ Ibid., S. 141.

²⁷ Ibid., S. 142.

чтобы или выступить широким фронтом, или прикрывать западную часть “котла” от попыток прорыва»²⁸.

Данный вывод не мог удивить командование армии. Он опирался на очевидные доводы и законы оперативного искусства. Впоследствии именно эти объективные обстоятельства (мощь советской обороны, большие силы, собранные в Курской дуге) заставят ОКХ отказаться от активизации не только 13 ак, но и 7 ак, что в свою очередь окажет негативное влияние на исход наступления ГА «Юг» и прежде всего 4ТА генерал-полковника Г. Гота, атаковавшей на направлении главного удара.

Однако до конца июня обсуждение проблем, связанных с операциями «Витамин А и Б», не выходило за узкий круг офицеров и генералов 2А, ОКХ и ГА «Центр», занимавшихся планированием «Цитадели». Модель и Гот не знали о возникших сложностях и продолжали рассчитывать на помощь 2А. Лишь 27 июня из штаба Вайса в оперативные отделы их армий поступили секретные карты с замыслом операций «Витамин А и Б». Причём только командование 9А предупреждалось в сопроводительном письме о том, что «в связи со слабостью имеющихся в наличии частей [13-го] корпуса атака возможна только при удачном развитии ситуации, начало атаки будет указано только после этого»²⁹.

30 июня Вайс без возражений одобрил распоряжение командира 13 ак выделить для операции всего два усиленных полка. «Основанием для сокращения ударных сил вполтину, — пояснял Зиберт, — является предположение, что придётся рассчитывать на прорыв вражеских сил в направлении Хинельского леса (из окружения под Курском. — В.З.), а также на участке 340-й пехотной дивизии. Уже сейчас плотность фронта корпуса настолько низкая, что возникает сомнение, можно ли этими силами предотвратить концентрированный прорыв противника. Каждое последующее снятие частей на и без того исключительно растянутом фронте увеличивает шансы противника на успех. Командование корпуса считает, что оборонительный фронт нельзя ослаблять до тех пор, пока существует возможность вражеского прорыва. Когда эта опасность минует, возражений против сосредоточения сил для атаки через вражеские передовые позиции не останется. В этом случае правильным будет ударить сравнительно слабой группой — примерно как в описываемой операции запланировано — двумя усиленными полками, а остальные силы корпуса двинуть эшелонировано за острием удара»³⁰.

Таким образом, к началу летней кампании германское командование собиралось реализовать лишь вторую часть плана «Витамин А и Б» — поддержать действия ГА «Юг» силами 7 ак, который мог наступать, не опасаясь, что его боевой клин будет быстро обескровлен, а оборона прорвана контрударом советских войск. Ударные силы 7 ак должны были выдвигаться из полосы 88 пд (перед 38А Воронежского фронта). Четырём усиленным полковым группам (двум от 26 пд и по одной — от 75 пд и 88 пд) следовало развернуться в районе села Хотень и занять линию Хотень—Локня—Суджа. Северное крыло прикрывала бы 327 пд, которая подчинялась непосредственно командованию 2А, а южное — 323 пд. Роль подвижного резерва возлагалась на 559-й и 616-й противотанковые дивизионы, укомплектованные лёгкими самоходными артуста-

²⁸ Ibid., S. 144.

²⁹ Ibid., S. 162.

³⁰ Ibid., страница без пагинации.

новками «Мардер-II». Атаковать надлежало не ранее чем через 48 часов после начала наступления ГА «Юг»³¹.

Боевой клин 13 ак (части 82 и 340 пд) из района сёл Михайловка и Ольховка (10 км восточнее села Амонь) направлялся на захват рубежа Сковороднево—Нижнее Песочное—Красная Слобода (южнее г. Дмитров-Льговский). Поскольку части всех этих дивизий находились на значительном расстоянии от указанных районов, уже 25 июня началась их перегруппировка³². Ещё раньше, 23 июня, штаб 2А обратился в ГА «Центр» с просьбой передать в её разведгруппу эскадрилью истребителей «Мессершмидт-109»³³.

А 24 июня командование 7 ак запросило помощь у армии: «1. Крайне желательно предоставить корпусу в подчинение третью тяжёлую зенитную батарею, поскольку кроме необходимости защиты от русского превосходства в воздухе в районе наступления сохраняется задача прикрытия в районе Сум. 2. Для успешной аэроразведки и активных действий артиллерии с наблюдением с воздуха, а также для прикрытия атакующих групп от налётов противника командование считает необходимым наличие истребителей. Также остаётся желательным использование боевых машин, как минимум истребителей-бомбардировщиков. 3. Для утра атаки запрошен старт двух самолётов — артиллерийских наводчиков. 4. Необходимо сформировать представление об общей обстановке на основании аэрофотосъёмки полосы наступления как можно позднее, насколько это возможно. В связи с этим просьба, чтобы фотографии к вечеру второго дня или же ночью уже были в руках штаба корпуса. 5. В рамках приказанных мероприятий по маскировке на участке 68-й пехотной дивизии (севернее линии Ободы—Сергеевка—Кульбаки) за несколько дней до начала наступления просьба провести усиленную разведку с воздуха лежащих напротив районов противника. 6. Желателен скрытый контроль перемещений нашей артиллерии со стороны воздушной разведки на предмет ошибок и недостатков маскировки. 7. 47-й батальон телефонной связи сейчас укомплектован только шестью кабельными группами. Этого не хватит для управления наступлением. У нас есть персонал и оборудование для ещё пяти групп, но нет машин. Командование просит на время наступательной операции поставить ещё 10 грузовых машин. 8. Командование корпуса просит предоставить переносные средства для рытья окопов. Дивизии в среднем располагают всего 10—15% от нормы такого оснащения. Качественное вкапывание атакующей группы в процессе боя в связи с этим невозможно. Результатом может стать значительное увеличение потерь»³⁴.

1 июля Вайс и три других командующих армиями, которым предстояло участвовать в операции (Гот, Модель и генерал танковых войск В. Кемпф), а также руководство групп армий «Центр» и «Юг» прибыли в Ставку Гитлера, где в 21 ч. состоялось последнее совещание перед началом «Цитадели». Фюрер подтвердил решимость реализовать её план в полном объёме и выразил уверенность в её успехе. На следующий день Вайс вернулся в штаб-квартиру армии в Конотопе. А 5 июля развернулось последнее стратегическое наступление Вермахта на востоке. Основная роль при этом отводилась ГА «Юг», которой предстояло пройти примерно 125 км до предполагаемого рубежа встречи с вой-

³¹ Ibid., S. 26 (карта).

³² Ibid., S. 147.

³³ Ibid., S. 159.

³⁴ Ibid., S. 161A.

сками 9А, преодолевавшей 75 км. Для прорыва обороны Воронежского фронта выделялось 11 пехотных, девять танковых и моторизованных дивизий.

Однако с первого же дня в журнале боевых действий 2А отмечалось, что «после первичной тактической внезапности противник усилил сопротивление». Уже «в 11.40 начальник штаба ГА “Центр” генерал-майор [Г.] Кребс по телефону спросил: может ли готовность 7 ак к маршу сохраняться несколько дней. Начальник оперативного отдела армии полковник [П.] фон дер Грёбен это подтвердил. Приказ на выступление в любом случае должен поступить за день до 13.00 по берлинскому времени»³⁵. В результате начало операции «Витамин А» перенесли на сутки (на 7 июля).

Между тем обстановка в полосе наступления ГА «Юг» развивалась далеко не так, как ожидали в Берлине. На главном направлении — у обоянского шоссе — 2-й танковый корпус (тк) СС 4ТА прорвал на всю глубину первую полосу обороны, но слева от него 48 тк 4ТА — самое сильное и многочисленное соединение Вермахта под Курском — увяз в тяжёлых боях с 6-й гвардейской армией (гв.А) генерал-лейтенанта И.М. Чистякова у хорошо укреплённых сёл Коровино и Черкасское, которым смог полностью овладеть лишь через сутки, к утру 6 июля, тогда как на это ему отводилось два часа. В ещё более сложном положении оказалась АГ «Кемпф», которой предписывалось прикрывать правое крыло 2 тк СС и 4ТА. Из-за упорного сопротивления 7 гв.А она не смогла ни прорвать главную полосу в двух районах, ни переправить через р. Северский Донец одну из трёх танковых дивизий. На севере Курской дуги армия Моделя тоже не добилась заметного успеха: к вечеру ей удалось вклиниться в оборону Центрального фронта примерно на 10 км, и тогда же стало понятно, что имеющимися силами развить этот тактический успех будет крайне сложно.

На следующий день ситуация кардинально не изменилась. Оборона обоих фронтов не рухнула даже там, где произошли прорывы. Советское командование умело блокировало бреши, быстро «обволакивало» ударные клинья противника резервами и заполняло новые позиции своими войсками. Утром 6 июля в полосе 4ТА в бой вступила 1ТА генерал-лейтенанта М.Е. Катукова, ставшая «бронированным щитом» сразу на двух ключевых направлениях — обоянском и прохоровском. Благодаря стойкости и мужеству её бойцов и командиров и в этот день оба танковых корпуса Гота, несмотря на некоторое продвижение, не смогли создать сплошной фронт для решительного броска на Курск.

На вторые сутки операции 2 тк СС прошёл ещё 10–12 км, но обстановка в его полосе резко ухудшилась. Сильное, хорошо подготовленное соединение, отражая многочисленные танковые атаки, быстро теряло ударную мощь. Две его дивизии оказались зажаты в тисках советской обороны на прохоровском направлении, а третью не удалось сменить у обоянского шоссе частями 48 тк. Более того, эти корпуса потеряли локтевую связь и были вынуждены самостоятельно прикрывать свои фланги, выделяя на это немалые силы, которые ранее предполагалось использовать для главного удара. В результате уже к исходу вторых суток «Цитадели» им требовалось пополнение, и это существенно осложняло выполнение стоявших перед ними задач. К тому же АГ «Кемпф» так и не сумела прикрыть правое крыло 2 тк СС. Части обеих ударных группировок ГА «Юг» двигались с минимальной скоростью по расходящимся направлениям.

³⁵ National Archives and Records Administration (далее — NARA USA), t. 312, r. 1242, f. 583.

Поддерживать ГА «Юг» резервами ОКХ изначально не предполагал, и единственным способом помочь 4ТА в тот момент оставалось наступление 7 ак, который тем временем полностью завершил переброску и сосредоточение для реализации «Витамина Б»³⁶. Не подошла ещё лишь часть 327 пд, составлявшей оперативный резерв армии, но её артиллерия уже находилась на определённых ей огневых позициях³⁷.

Тем не менее в Берлине не спешили использовать эту возможность. 6 июля в 17 ч. 45 мин. по берлинскому времени (б.в.) генерал-лейтенант Кребс передал по телефону в оперотдел 2А распоряжение отложить удар 7 ак на 24 часа, до 8 июля³⁸. Столкнувшись с неожиданной стойкостью, проявленной войсками Воронежского фронта, полностью сорвавшими график «Цитадели» (4ТА за два дня преодолела лишь 25 из 72 км), германское командование опасалось израсходовать последний ресурс (2А) без всякой надежды что-либо кардинально изменить.

Но через сутки ситуация лишь обострилась, поскольку из-за упорного сопротивления 1ТА и 6 гв.А оба корпуса 4ТА продолжили топтаться на месте, а число исправных танков — основного средства прорыва обороны — таяло с каждым часом. Из 464 танков и штурмовых орудий, находившихся вечером 4 июля во 2 тк СС, к утру 8 июля на ходу осталось 306³⁹. Ещё более значительные потери нёс 48 тк. С 5 по 7 июля из 316 танков в его дивизии «Великая Германия» уцелело лишь 80, а в приданной ей 10-й бригаде к 6 июля из 204 новых «пантер» (Т-6) боеспособны были около 40⁴⁰.

И этим проблемы, с которыми Манштейн столкнулся на третьи сутки операции, не ограничивались. Из-за неспособности 9А пробить оборону Центрального фронта вечером 7 июля фельдмаршал получил из Берлина распоряжение: в 1-ю авиадивизию 6-го воздушного флота, поддерживавшего Моделя, передать значительную часть 8-го авиакорпуса, действовавшего в интересах 4ТА. «Это перемещение, — вспоминал его командир генерал Х. Зайдеман, — означало сокращение численности истребителей на 40%, на 50% уменьшение штурмовых частей и на 30% — сокращение численности бомбардировщиков 8-го авиакорпуса»⁴¹. Между тем в ночь на 8 июля Гот получил данные авиаразведки о подходе новых советских танковых соединений в полосу 2 тк СС⁴². При большом выходе из строя бронетехники и сокращении авиации резко возрастала роль артиллерии, но её в 4ТА изначально было мало, и она тоже несла потери.

Таким образом, уже на третий день «Цитадели» перед командующим 4ТА маячила угроза потерять в ближайшее время основную часть техники, застрять в тисках обороны Воронежского фронта, а затем, возможно, попасть в окружение. Поэтому Гот рассчитывал тогда, что 2А облегчит ему выход из столь сложного положения. Особенно его беспокоили действия 1ТА в излучине р. Пена и практически не использовавшаяся пока Ватутиным в боях 40А, нависавшая над левым крылом немецкой 4ТА. 7 июля Гот письменно просил Ман-

³⁶ Ibid., f. 585.

³⁷ Ibid., f. 586.

³⁸ Ibid., f. 585, 588.

³⁹ Zetterling N., Frankson A. Kursk 1943: statistical analysis. L.; Portland, 2000. Tabl. A6.4—6.6. P. 187, 188.

⁴⁰ NARA USA, t. 313, r. 369, f. 8655664.

⁴¹ Ньютон С. Курская битва. Немецкий взгляд. М., 2006. С. 247.

⁴² Там же.

штейна убедить Берлин ускорить наступление Вайса в тыл 1ТА и 40А. Кроме того, Готу и Манштейну остро не хватало пехоты. Единственную относительно свободную 167 пд они пытались использовать как «пожарную команду». 7 июля у них впервые в ходе операции возникли существенные разногласия из-за того, на какой именно фланг её направить: на западный вдоль р. Пена — в 48 тк или на южный — во 2 тк СС. Гот хотел развернуть её на юге по р. Липовый Донец⁴³. Он надеялся, что Манштейн добьётся активизации 2А, которая усилит 48 тк, тогда как 2 тк СС, получив подкрепление, сможет овладеть станцией Прохоровка.

Однако ОКХ и Гитлер не видели благоприятных условий для удара 2А, и это мнение полностью разделяло руководство ГА «Центр». 7 июля в 9 ч. 30 мин. (б.в.) Клюге прибыл на командный пункт 2А для обсуждения сложившейся обстановки с Вайсом, Зибертом и Хеллем. Как отмечалось в журнале боевых действий, «командующий армией ознакомил [присутствовавших] с ситуацией, акцентировав внимание на том факте, что сосредоточение 13-го армейского корпуса для наступления продлится 3 дня. Также он доложил данные о положении противника и о том, что он не отвёл никаких частей... Армия считает, что противник, без сомнения, распознал наш план перейти в наступление. Поэтому он отведёт свои части в этом месте только при крайней необходимости. Этот момент может наступить, если контратаки противника провалятся и 4-я танковая армия приблизится к Обояни. В свою очередь фельдмаршал указал, что атака 7-го армейского корпуса должна быть проведена лишь в том случае, если противник отведёт силы. Он не видит оперативной пользы в атаке на Суджу. Эта точка зрения будет сегодня им доложена в Генеральном штабе сухопутных войск. Фельдмаршал планирует отдать новый приказ о рассредоточении 7-го армейского корпуса так, чтобы он имел на подготовку 48 часов. Запланированное наступление начнётся только по непосредственному приказу штаба группы армий»⁴⁴. После совещания в 15 ч. 30 мин. (б.в.) начальник оперативного отдела штаба ГА «Центр» полковник Х. фон Тресков известил по телефону начальника штаба 2А генерал-лейтенанта Г. Хартенека об отмене намечавшегося на 8 июля удара.

Однако в ГА «Юг» и 4ТА решение Клюге не одобряли и продолжали настаивать на реализации всего комплекса мер, включённых в план «Цитадель», в том числе на участии в операции 2А. Так как войска Манштейна всё же каждый день продвигались на 3–5 км вперёд, и Клюге, дабы не раздражать Берлин, распорядился имитировать активизацию 7 ак. Вечером 8 июля Вайс составил и отослал на утверждение в ГА «Центр» приказ, предписывающий Хеллю: на следующий же день силами 327 пд и САУ «Мардер-II» произвести демонстрацию в направлении села Викторовка. Осуществить её следовало, насколько позволяли артиллерийские возможности, одной или двумя большими ударными группами⁴⁵. Характерно, что согласование данной акции длилось пять суток, а исполнение началось, причём малыми силами, лишь 12 июля, когда наиболее удобный момент был упущен⁴⁶.

Гот всё это время не терял надежды и вызывал к Берлину. К исходу пятых суток «Цитадели» и он, и Манштейн, наблюдая за упорным сопротивле-

⁴³ NARA USA, t. 313. r. 369. f. 8655663.

⁴⁴ Ibid., t. 312. r. 1242. f. 587, 588.

⁴⁵ Ibid., f. 588, 589.

⁴⁶ Ibid., f. 598.

нием войск Воронежского фронта на флангах прорыва 4ТА (излучина Пены, междуречье Северского Донца) и появлением частей 40А в районе сёл Восход и Дмитриевка, остро осознавали угрозу окружения всего боевого клина ГА «Юг». Устранить же её, как им казалось, могло проведение в полном объёме операции «Витамин Б». Больше других об этом твердил именно Гот. К утру 9 июля ударный клин 4ТА, глубоко войдя в оборону Воронежского фронта, по сути, увяз в огненном полукольце, теряя силы и время. Отмечая высокую активность советских танковых соединений, систематическое усиление рубежей перед его армией, конфигурацию фронта и данные разведки о подтягивании резервов с востока, генерал пришёл к выводу, что он может быть одновременно атакован с нескольких направлений силами, способными уничтожить 48 тк и 2 тк СС. Поэтому вечером 9 июля он связался с Манштейном и вновь просил его убедить ОКХ отправить 2А в тыл 1ТА и 40А. «Командующий армией, — говорилось в журнале боевых действий 4ТА, — высказал предложение о необходимости нанесения удара силами 2-й армии с целью добиться двустороннего охвата вражеских сил, угрожающих атакующему клину армии с запада. 9 июля было установлено нахождение в этом районе 161-й и 309-й стрелковых дивизий и нескольких отдельных танковых полков, которые сосредоточились преимущественно в районе Трефиловка—Дмитриевка и к северу от них. Таким образом, можно предполагать, что противник израсходовал большую часть своих тактических резервов, расположенных в районе Мирополья и к юго-востоку от него (перед фронтом 2-й армии), бросив их против западного фланга 4-й танковой армии. Командующий армией обратился с повторным письменным запросом к командующему группой армий об ускорении перехода в наступление 2-й армии. Письменного ответа на эту просьбу не пришло. Однако начальник штаба группы армий сообщил начальнику штаба 4-й танковой армии, что это обращение не имело успеха, поскольку высшая инстанция (Берлин. — В.З.) отдала приказ 2-й армии не ослаблять оборонительный фронт, имея перед собой сильного противника»⁴⁷.

Но действительно ли Вайс имел возможность нанести ощутимый урон Воронежскому фронту и хотя бы на время обезопасить левое крыло 4ТА? К исходу 6 июля центр обороны 6 гв.А (на восток, в сторону станции Прохоровка) был смят, её 23-й гвардейский стрелковый корпус разбит, а основные силы приданного ей 5 гв.тк с боями вырывались из окружения на прохоровском направлении. На правом фланге армии (в излучине Пены) оборонялись лишь две потрёпанные дивизии 22-го гвардейского стрелкового корпуса, оказавшиеся в очень тяжёлом положении. Поэтому в ночь на 7 июля Ватутин возложил ответственность за удержание позиций на обоянском и прохоровском направлениях на Катуюкова⁴⁸. Несмотря на дефицит сил и средств, он быстро организовал эффективную систему подвижной обороны по всему участку прорыва 4ТА, а перед стыком 48 тк и 2 тк СС создал мощный узел сопротивления. Командарм настолько удачно руководил действиями своей 1ТА, что вплоть до 10 июля 48 тк, атакующий вдоль обоянского шоссе (на левом фланге 2 тк СС), так и не преодолел вторую армейскую полосу обороны Воронежского фронта.

Однако армии Катуюкова и Чистякова быстро слабели. Между тем ещё 5 июля Ватутину пришлось ввести в бой все фронтовые резервы. В тот же

⁴⁷ Ibid., т. 313, г. 369, ф. 8655669.

⁴⁸ ЦАМО РФ, ф. 335, оп. 5113, д. 208, л. 131.

день он начал переводить на обоянское и прохоровское направления части и соединения с дальнего правого фланга фронта, причём — именно из 38А, по которой собирался ударить 7 ак. С 5 по 9 июля её командование направило в 1ТА и 6 гв.А одну из шести имевшихся стрелковых дивизий, два из четырёх истребительно-противотанковых и один из двух миномётных полков, а также все танковые, реактивные, пушечные и гаубичные части и соединения⁴⁹. Это существенно ослабило оборону второго эшелона 38А, её резервы оказались исчерпаны, что лишало командарма возможности эффективно реагировать на серьёзные изменения в оперативной обстановке. Соседняя 40А в те же дни направила Катукову и Чистякову уже 12 из 15 частей и соединений, выведенных из её полосы за всё время Курской битвы, в том числе одну из дивизий второго эшелона⁵⁰.

Следует признать, что при планировании операций «Цитадель» и «Витамин Б» германское командование довольно точно определило критический для Воронежского фронта момент. Именно 7 июля, когда согласно первоначальному замыслу намечалось наступление 7 ак, Ватутин находился в наиболее сложном положении, поскольку все резервы у него уже отсутствовали, а полки, бригады и дивизии, переброшенные из 38-й и 40-й армий, находились ещё в пути. Следовательно, начало «Витамина Б» в тот день, при тесной координации действий 2А и 4ТА, могло отрицательно повлиять на упорную оборону обоянского направления, распылить силы и средства 1ТА и 6 гв.А, нанести им больший урон и оттеснить их войска гораздо дальше, чем это удалось сделать. Руководство ГА «Центр» упустило этот момент. Одной из причин этого, вероятно, стали неточные данные «Абвера», представленные в том числе и руководству 2А. Переброска сил 38-й и 40-й армий успешно маскировалась, «Смерш» сумел нейтрализовать вражескую агентуру в этом районе. Поэтому в штабе 2А даже 10 июля считали, что его покинули лишь две бригады (танковая и истребительно-противотанковая)⁵¹, тогда как на обоянское и прохоровское направления отправились более 28 частей и соединений⁵².

Положение 1ТА и 6 гв.А в районе обоянского шоссе вновь стало критическим 9 июля, когда 4ТА Гота овладела Новосёлковкой (в 25 км южнее Обояни), а затем вышла к высоте 244.8, в 1,5 км севернее занятого села. Она располагалась на краю второй армейской полосы обороны фронта, который теперь могли в ближайшие часы прорвать на всю глубину. Дальше находилась тыловая полоса, имевшая окопную систему, блиндажи и площадки для орудий, но слабо прикрытая минными полями и иными противотанковыми заграждениями, а главное, не занятая войсками, способными выдержать удар танков.

Захват Новосёлковки являлся следствием острой нехватки людей и техники у командующих 1ТА и 6 гв.А. С раннего утра оба командарма не располагали резервами. Между тем во второй половине дня в том районе шли тяжелейшие бои, 48 тк и 8 ак методично перемалывали рубежи советских войск, державшихся из последних сил, несмотря на большие потери. Катуков с нетерпением ждал подхода войск, выделенных ему из 38-й и 40-й армий. Его штаб работал с предельным напряжением. Всё, что подходило к обоянскому шоссе — танки,

⁴⁹ Там же, ф. 445, оп. 9005, д. 108, л. 31 об.

⁵⁰ Цуканов Ф.И. Манёвр Воронежского фронта в оборонительной операции под Курском // Курская битва. М., 1970. С. 315.

⁵¹ NARA USA, t. 312, r. 1242, f. 594.

⁵² Цуканов Ф.И. Указ. соч. С. 315.

артиллерия, пехота, — сразу же направлялось к Новосёловке, дабы не допустить прорыва дивизии «Великая Германия» 48 тк к Обояни⁵³.

Обстановка на данном участке начала стабилизироваться лишь после 16 ч., когда командование 48 тк, получив донесение своей разведки, обнаружившей движение советских войск, в том числе и танков, в излучине Пены в северном направлении, ошибочно усмотрело в этом признак развала обороны Воронежского фронта на левом фланге 4ТА и развернуло туда от Новосёловки «Великую Германию». Это дало Катукову несколько бесценных часов для подтягивания резервов и укрепления позиций севернее села.

Удар 2А и в тот день мог привести, как минимум, к прорыву 4ТА на ближние подступы к Обояни. Однако этого не произошло, поскольку германская разведка по-прежнему не обладала точными данными о реальном положении 38-й, 40-й, 1-й танковой и 6-й гвардейской армий. Сказывалось и то, что командование 2А, не получив за три месяца подготовки операции необходимых ресурсов, не верило в способность своих корпусов достичь поставленных перед ними целей. Но особое значение имела стойкость обороняющихся, которая обескураживала врага. 9 июля в журнале боевых действий 2А констатировалось: «По всему фронту никаких признаков отступления противника. Перемещение резервов противника из района Суджи в восточном направлении возможно... В 17.00 начальник оперативного отдела группы армий полковник фон Тресков сообщил, что начало наступления переносится на день»⁵⁴.

Перед отводом войск ГА «Юг» на исходные позиции Манштейн начал планировать операцию «Роланд» — новый удар 2А навстречу основным силам 4ТА в направлении Суджи и южнее её. 13 июля фельдмаршал получил согласие фюрера на её реализацию, и уже на следующий день она обсуждалась при участии командования 2А на совещании в ГА «Центр». При этом начальник штаба армии Хартенек заявил, что даже после вывода из её состава 26 пд, она «сможет провести атаку с ограниченной целью двумя дивизиями (группировкой 7 ак, собранной для “Витамина Б”. — В.З.), но только при условии, что 4-я танковая армия нанесёт главный удар в направлении Суджи». Вместе с тем он полагал, что «необходимо очень быстро принять решение, поскольку в случае непроведения атаки нужно немедленно переходить к обороне»⁵⁵, т.е. рассредоточивать 7 ак.

Говоря о задачах, стоявших перед 2А в начале июля 1943 г., и об имевшихся у неё тогда возможностях, нельзя не задуматься о том, насколько оправданным было распределение сил Воронежского фронта при подготовке Курской оборонительной операции. Ещё в середине 1960-х гг. историки пытались понять, «чем объясняется, что, имея к началу оборонительного сражения численное превосходство над врагом как в людях, так и в технике, Воронежский фронт не смог наличными силами измотать и обескровить ударную группировку противника и остановить её наступление без привлечения новых сил?». На основании имевшихся у них в то время материалов создавалось впечатление, что «в отличие от Центрального, командование Воронежским фронтом не сумело точно определить, на каком направлении противник будет наносить главный удар. Оно рассредоточило усилия в полосе шириной 164 км, не массировало

⁵³ Замулин В.Н. Курский излом. М., 2020. С. 941, 944.

⁵⁴ NARA USA, t. 312, r. 1242, f. 592, 593.

⁵⁵ BA-MA, RH. 20-2/677, S. 22.

силы и средства на направлении главного удара врага»⁵⁶. Впрочем, это утверждение сразу же вызвало возражение со стороны бывшего представителя Ставки Верховного главнокомандования (ВГК) на обоих фронтах под Курском маршала Советского Союза Г.К. Жукова, отметившего, что подобная «критика... командующего Воронежским фронтом генерала армии Н.Ф. Ватутина построена на неточном подсчёте плотности сил и средств в специфических условиях оперативно-стратегической обстановки»⁵⁷.

Между тем недавно рассекреченные документы армий первого стратегического эшелона Воронежского фронта, а также переписка его командования со Ставкой ВГК свидетельствуют о том, что Ватутин уже в начале апреля 1943 г. рассматривал направления Обоянь—Курск и Прохоровка—Скородное—Старый Оскол как наиболее вероятные для нанесения противником главного удара (по ним с 5 июля и двинулась ГА «Юг»), а вспомогательного наступления ожидал по линии Волчанск—Новый Оскол (стык Воронежского и Юго-Западного фронтов) и Суджа—Обоянь—Курск⁵⁸. Поэтому к началу июля левый фланг 7 гв.А, находившейся по соседству с 57А Юго-Западного фронта, существенно усилили две стрелковые дивизии, расположившиеся в два эшелона. Сделано это было не по инициативе Ватутина, а по приказу Жукова в ходе его инспекторской проверки во второй половине мая, причём без предоставления фронту дополнительных сил, что создало Ватутину и командующему 7 гв.А генерал-лейтенанту М.С. Шумилу массу проблем⁵⁹.

40А генерал-лейтенанта К.С. Москаленко также получила подкрепления, соизмеримые с выделенными для 6 гв.А, на которую, как и предполагалась, обрушилась 4ТА. И поскольку ни суджанское направление, ни стык фронтов атакам так и не подверглись, меры по обороне этих районов до сих пор иногда признаются чрезмерными и ошибочными⁶⁰.

Однако для того, чтобы лучше понять мотивы Ватутина, нужно обратить внимание на недавно рассекреченный доклад Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии (РУГШ), подготовленный 29 марта 1943 г. по распоряжению маршала Советского Союза А.М. Василевского для состоявшегося 12 апреля совещания, на котором при участии И.В. Сталина обсуждались перспективы летней кампании и было принято решение о переходе к обороне в районе Курской дуги⁶¹. В нём, в частности, допускалось, что Вермахт попытается окружить войска Центрального и Воронежского фронтов силами орловской и харьковской группировок при сковывающем ударе 2А в сторону Льгова и на фронте Севск—Сумы—Томаровка⁶². По сути, РУГШ не только верно спрогнозировало намерения Берлина, но и точно указало главное и вспомогательное направления предстоящего наступления.

⁵⁶ Великая Отечественная война 1941—1945. Краткая история. М., 1965. С. 244.

⁵⁷ Жуков Г.К. На Курской дуге // Военно-исторический журнал. 1967. № 9. С. 90. Впоследствии эти слова привели к полемике маршалов Жукова и Рокоссовского, написавшего письмо главному редактору журнала В.А. Мацуленко о численности немецких формирований, противостоявших Центральному и Воронежскому фронтам. См.: Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 31.

⁵⁸ ЦАМО РФ, ф. 203, оп. 2777, д. 75, л. 121.

⁵⁹ Подробнее см.: Замулин В.Н. Забытое сражение Огненной дуги. М., 2009. С. 51—54.

⁶⁰ Исаев А. 1943-й. От Харькова до Курска. М., 2008. С. 193.

⁶¹ ЦАМО РФ, ф. 15, оп. 11600, д. 1475, л. 4—7 об.

⁶² Там же, л. 6.

Скорее всего, именно на эти данные опирался Ватутин при разработке плана Курской оборонительной операции (и, в частности, при распределении сил фронта)⁶³, а Генеральный штаб — при проверке его расчётов перед представлением в Ставку ВГК. Тогда доведение сил 40А примерно до уровня 6 гв.А могло объясняться тем, что она располагалась между 38А, по обороне которой РУГШ ожидало вспомогательный удар противника, и 6 гв.А, где командующий фронтом предвидел наступление главных сил ГА «Юг». К тому же в докладе РУГШ не исключалось, что и сама 40А будет атакована. Поэтому ей предстояло не только удерживать свой рубеж, но и при необходимости оказывать помощь соседям — 38А и 6 гв.А, передавая им часть войск и нанося контрудары в их полосу⁶⁴.

Планирование операций «Витамин А и Б» свидетельствует о том, что решение использовать 2А в наступлении на Курск не осталось в первоначальных замыслах Берлина, а реализовывалось её командованием и было доведено к 5 июля до высочайшей степени готовности, вплоть до сосредоточения ударных группировок в исходных районах. На вторые сутки «Цитадели» Вайс мог в любой момент нанести удар в спину 1ТА и 6 гв.А, если бы их бойцы и командиры не удержали рубеж южнее Обояни. Соответственно и ошибки при распределении сил Ватутиным допущено не было. Решения основывались на приказах вышестоящего командования и материалах РУГШ, точность которых подтвердили как последующие события, так и трофейные документы. Главной же причиной срыва наступления 2А, задуманного как «удар в спину» армиям Центрального и Воронежского фронтов, стали стойкость их войск и профессионализм командования, перечеркнувшие многомесячные труды и надежды германских офицеров и генералов.

⁶³ Разведотдел штаба Воронежского фронта едва ли мог чем-то помочь командующему, так как до начала Курской битвы находился в тяжёлом состоянии: из-за неукomплектованности и низкой профессиональной подготовки личного состава в работе допускались ошибки, информации поступало мало, а её качество не отвечало минимальным требованиям. 29 июня, по требованию Ватутина, начальника фронтовой разведки отозвали в Москву, а на его место прислали нового офицера (*Зданович А.А.* Состояние органов разведки штабов фронтов и армий в период подготовки к Курской битве (апрель–июнь 1943 г.) // *Право и образование.* 2022. № 2. С. 88–98).

⁶⁴ ЦАМО РФ, ф. 203, оп. 2843, д. 520, л. 220.

Мобилизация промышленности в годы Великой Отечественной войны: механизм экономической победы

Михаил Мухин

Industrial mobilization during the Great Patriotic War: the mechanism of economic victory

Mikhail Mukhin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24020168, EDN: HHSPAT

Большинство исследований, посвящённых истории Великой Отечественной войны, так или иначе затрагивают вопрос «перевода экономики на военные рельсы» или «мобилизации промышленности». Однако принципы и методы такой мобилизации долгое время оставались за скобками по ряду причин. Во-первых, рассмотрение вопросов мобилизации в годы войны невозможно без анализа предвоенных подготовительных работ. Между тем архивные документы по этой тематике рассекречены лишь сравнительно недавно¹. Во-вторых, в фокусе внимания исследователей находится, как правило, военная промышленность, обеспечивавшая выпуск собственно оборонной продукции. В связи с этим представляется, что необходимо уделить внимание общим принципам осуществления мобилизации промышленности. В данной статье они будут рассмотрены на примере ситуации в нескольких отраслях, имевших ключевое значение для функционирования экономики в целом.

Мобилизация экономики в первые годы войны. Великая Отечественная война наложила отпечаток на все стороны социальной, экономической и политической жизни страны. Подлинным испытанием она стала для системы мобилизационного планирования, которая ещё в 1927 г. начала готовить страну к будущему конфликту. В 1941 г. потребовалось на практике осуществить перевод промышленности «на военные рельсы», воплотить в жизнь все запланированные мероприятия по развёртыванию мобилизационных мощностей.

Впрочем, нарастание военной угрозы вынудило руководство СССР начать мобилизацию промышленности заранее. К июню 1941 г. практически все

© 2024 г. М.Ю. Мухин

¹ Впервые проблему мобилизационной подготовки промышленности поставил А.К. Соколов в монографии «От военпрома к ВПК. Советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 гг.» (М., 2012). Однако эти сюжеты носили в ней второстепенный характер, из-за чего рассмотрены лаконично. В последние годы на данную тему вышли несколько работ: *Ким С.П.* «Так работать не годится, так работать нельзя»: проблемы организации и планирования мобилизации гражданской промышленности СССР по материалам писем К.Е. Ворошилову, В.М. Молотову и Л.М. Кагановичу // История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей международной научно-практической школы-конференции молодых учёных (24–25 ноября 2020 г.). М., 2020. С. 355–365; *Мухин М.Ю.* Подготовка советской промышленности к войне в межвоенный период (военные производства и мобилизационная подготовка гражданской индустрии) // Экономическая история. Ежегодник. 2021. М., 2022. С. 299–322; *Ким С.П., Мухин М.Ю.* Мобилизационная подготовка советской промышленности в годы первой пятилетки. М., 2022; и др.

предприятия военно-промышленных наркоматов и многие гражданские заводы, привлекавшиеся к выпуску оборонной продукции, оказались переведены на мобилизационное положение². Однако практика показала, что, несмотря на эти усилия, система мобподготовки не соответствовала предъявляемым требованиям³. Рапорты об успешной мобилизации оборонной промышленности носили преувеличенный характер. Во всяком случае танковые заводы начали фактически переводиться на трёхсменную работу только в первые дни войны и завершили этот процесс лишь к концу июня⁴. Программа интенсификации авиавыпуска⁵, в авральном порядке разработанная руководством Наркомата авиационной промышленности уже к вечеру 22 июня, также не вводилась в действие⁶. Наркомат судостроительной промышленности 10 июня лишь оповестил подведомственные ему предприятия о возможном переходе на мобилизационное положение с 1 июля. Причём попытка ввести его в действие сразу после начала войны не удалась, запросы заводов в наркомат о том, как именно выполнять заложенные в плане требования, получали стандартный ответ: «Ждите указаний»⁷.

Таким образом, далеко не всю оборонную промышленность к лету 1941 г. получилось отмобилизовать. Уже в послевоенный период сотрудники Госплана СССР признавали: «Мы слишком поздно начали проводить военномобилизационную подготовку нашей промышленности. Наша страна, по существу, не имела комплексного мобилизационного плана подготовки всего народного хозяйства к нуждам войны»⁸. Летом 1957 г. в отзыве министра радиотехнической промышленности в Госплан на проект постановления «О реорганизации мобилизационной работы в связи с перестройкой управления промышленностью и строительством» содержалась ещё более критическая характеристика: «Практика прошлой войны 1941–1945 гг., когда частично имелись по отдельным предприятиям и отраслям так называемые мобпланы, показала их нежизненность и несоответствие как плана производства конкретной обстановке первого периода войны»⁹.

Современные исследователи не столь строги и, признавая недостаточную проработку целого ряда вопросов, корень бед видят не в органических ошибках построения и функционирования системы моборганов, а в ограниченности ресурсов. Так, А.К. Соколов отметил: «На протяжении почти всего довоенного времени велась постоянная работа по мобилизационному планированию. Но предприятия, получая напряжённые плановые задания, обычно с ними не справлялись. Текущие поставки вооружений для Красной армии тоже шли с отставанием. В этих условиях для выполнения мобилизационных заданий на случай возможной войны просто не хватало ни сил, ни средств»¹⁰. В ряде случаев

² Соколов А.К. От военпрома к ВПК... С. 491.

³ Подробнее см.: Мухин М.Ю. Подготовка советской промышленности к войне... С. 322.

⁴ Ермолов А.Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. М., 2012. С. 85.

⁵ Наличие такой программы позволяет сомневаться в предельной степени мобилизации данной отрасли к началу войны.

⁶ Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М., 2011. С. 60.

⁷ История отечественного судостроения: в 5 т. Т. 4. Судостроение в период первых пятилеток и Великой Отечественной войны 1925–1945 гг. СПб., 1996. С. 444.

⁸ РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 255, л. 12.

⁹ Там же, оп. 76, д. 242, л. 59.

¹⁰ Соколов А.К. От военпрома к ВПК... С. 500.

планирование упиралось в ведомственные барьеры. К примеру, Госплан официально был обязан планировать работу оборонной промышленности и перевод всей экономики СССР на военные рельсы в случае войны. Но фактически ведомство и его мобилизационный отдел не имели права получать ни жизненно необходимые для такого планирования данные о производственных планах и мощностях предприятий «оборонки», ни сведения о размерах потребностей военного ведомства в той или иной оборонной продукции. Данная проблема вызывала сетования плановиков даже во второй половине 1950-х гг.: «Из-за недостатков в организации планирования военного производства имели место серьёзные диспропорции в развитии оборонной промышленности и производства военно-стратегического сырья и материалов. Дело в том, что все данные о мощностях по оборонной промышленности, а также планирование производства по видам вооружения и военной техники в количественных показателях сосредотачивалось в Комитете обороны при Совнаркоме СССР, а планирование капитального строительства и материально-технического снабжения оборонных отраслей промышленности — в Госплане СССР. Всё это приводило к тому, что усилия этих двух организаций, планирующих военное производство, не всегда были взаимно увязаны и известная разобщённость их была одной из причин, образовавшихся к началу войны диспропорций в развитии военно-промышленной базы»¹¹. Весной 1941 г. по этой проблеме состоялась оживлённая переписка, но решить вопрос так и не получилось¹². Создаётся впечатление, что результаты многолетней подготовки экономики оказались провальными, а огромные материальные и трудовые ресурсы, задействованные в мероприятиях 1930-х гг., потрачены впустую. В этой связи представляется важным рассмотреть довоенные усилия по мобподготовке и тот результат, который они дали в годы войны.

Сразу после начала боевых действий мобилизация экономики оказалась в центре внимания руководства СССР. Уже 4 июля 1941 г. Государственный комитет обороны (ГКО) утвердил мобилизационный план на III квартал года, согласно которому выпуск оборонной продукции должен был возрасти более чем на четверть по сравнению с соответствующим кварталом 1940 г.¹³ Такого роста предполагалось добиться как передачей в распоряжение оборонных отраслей промышленности ряда предприятий из гражданских наркоматов, так и перенацеливанием гражданских производств в целом на форсированное обеспечение потребностей «военки». Так, из 22 тыс. металлорежущих станков, которые предполагалось выпустить в этом квартале, 14 тыс. зарезервировали за наркоматами оборонной промышленности¹⁴. Впрочем, принятие мобилизационного плана совершенно не означало, что все накладки, ошибки и ведомственные противоречия моментально уйдут в прошлое. Скажем, уже 14 июля нарком станкостроения А.И. Ефремов жаловался в Госплан, что суммарная заявка различных наркоматов на поставки новых станков существенно превышает задание плана, в связи с чем просил «обязать Госплан СССР в 3-х дневный срок составить на основе мобилизационного плана производства III кв.

¹¹ РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 723, л. 72.

¹² *Балыш А.Н.* Военно-промышленный комплекс СССР в 30–40-е гг. XX века: промышленность боеприпасов. М., 2009. С. 85.

¹³ *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 38.

¹⁴ *Кравченко Г.С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1970. С. 107.

план отгрузки станков на август—сентябрь месяцы с учётом правительственных постановлений, изданных после утверждения плана распределения станков на III кв. 1941 года. При этом учесть уменьшение программы III квартала в связи с эвакуацией ряда станкозаводов»¹⁵.

Сам Н.А. Вознесенский (на тот момент — заместитель председателя Госплана) отмечал: «Мобилизационный план III квартала 1941 г. повернул народное хозяйство на службу Великой Отечественной войне. Однако опыт показал, что этот поворот оказался недостаточным»¹⁶. Хорошо понимая, что исход войны не решится за эти три месяца, советское руководство тогда же, 4 июля, санкционировало начало разработки экономического плана на IV квартал 1941 и 1942 гг. Его подготовили к 16 августа¹⁷. Таким образом, уже в первые месяцы оказались обрисованы общие контуры перевода экономики СССР на военные рельсы. Магистральным стал курс на всемерное наращивание промышленного производства в восточных регионах. Для Поволжья, Урала, Казахстана и Западной Сибири планировался рост добычи угля и нефти, а также выпуска авиа- и автобензина, олеума, аммиачной селитры, толуола и крепкой азотной кислоты. Металлургам этих регионов предстояло обеспечить увеличение выплавки чугуна, стали, меди, алюминия и производства проката цветных и чёрных металлов. В строй предполагалось ввести 5 новых доменных печей, 5 коксовых батарей, 27 мартенов и 59 угольных шахт. За счёт нового строительства, а также эвакуации котлов и турбин в строй вводились мощности электрогенерации объёмом 1386 тыс. кВт¹⁸.

Первоначально вопросами мобилизации экономики по причине упразднения Комитета обороны руководила комиссия бюро Совнаркома СССР по оперативным вопросам (учреждена 24 июня 1941 г.). Состав этой комиссии несколько раз менялся. Скажем, на 2 января 1942 г. в её состав входили Вознесенский (председатель), В.М. Молотов, А.И. Микоян, А.А. Андреев, М.Г. Первухин, А.Н. Косыгин¹⁹. В дальнейшем решения принимало оперативное бюро ГКО. Оно было создано 8 декабря 1942 г. постановлением ЦК ВКП(б), согласно которому предписывалось «отнести к [его] ведению... контроль и наблюдение за текущей работой всех наркоматов оборонной промышленности, Наркомата путей сообщения, Наркомата чёрной металлургии, Наркомата цветной металлургии, Наркомата электростанций, Наркомата угольной промышленности, Наркомата нефтяной промышленности, Наркомата химической промышленности, а также за делом составления и исполнения планов производства и снабжения указанных отраслей промышленности и транспорта всем необходимым»²⁰. В состав бюро вошли Молотов (председатель), Микоян, Л.П. Берия, Г.М. Маленков. С 15 мая 1944 г. в бюро входили Берия (председатель), Маленков, Микоян, Вознесенский, К.Е. Ворошилов²¹.

Задачу мобилизации экономики требовалось решить синхронно с осуществлением массовой эвакуации промышленности на восток. Причём никаких детальных планов подобных мероприятий не существовало. Так, Н.Ф. Дубровин,

¹⁵ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 841, л. 2—3.

¹⁶ *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР... С. 38.

¹⁷ *Кравченко Г.С.* Экономика СССР... С. 107.

¹⁸ РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 273, л. 22.

¹⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1042, л. 105.

²⁰ Там же, д. 1046, л. 20—21.

²¹ Там же, д. 1050, л. 43.

в 1941 г. заместитель наркома путей сообщения, вспоминал: «Конкретными, заблаговременно разработанными эвакуационными планами на случай неблагоприятного хода военных действий мы не располагали... Помню, как по заданию директивных органов мы специально разыскивали в архивах и библиотеках Москвы, в том числе в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина, хотя бы отрывочные сведения об эвакуации во время Первой мировой войны, но найти почти ничего не удалось. Опыт приобретался в ходе военных действий»²². Как следствие, эвакуация проходила в режиме грандиозной импровизации. Разумеется, это создавало дополнительные трудности для мобилизационных мероприятий, более того — ставило под вопрос даже не столько перевод промышленности на военные рельсы, сколько её функционирование вообще. IV квартал 1941 г. можно без преувеличения назвать периодом экономического кризиса, который угрожал распадом индустриальной сферы. Скажем, в ноябре—декабре предприятия не получили уголь из Донецкого и Подмосковского бассейнов, а прокат чёрных металлов снизился по сравнению с июнем того же года втрое²³. Выплавка стали упала в 2,8 раза, производство шарикоподшипников — в 21, а валовая продукция «народного хозяйства» сократилась вдвое²⁴.

С другой стороны, именно в условиях эвакуации результаты довоенных усилий по мобилизации и мобрезервированию выглядят наиболее зримо. Ввиду того, что заводы, находившиеся «на колёсах», не функционировали, выпуск многих типов военной продукции не обеспечивался сырьём и полуфабрикатами. Скажем, с середины октября почти прекратился выпуск дюралюминиевого проката. Эвакуация завода № 150 прекратила и производство заклёпочной проволоки²⁵, что поставило авиапромышленность в практически безвыходное положение. Весь авиавыпуск с ноября 1941 г. по апрель—май 1942 г. базировался на мобилизационных запасах. Не будь их, производство попросту встало бы.

Мобилизация чёрной металлургии. В 1940 г. по сравнению с 1937 г. продукция этой отрасли в неизменных ценах 1926/27 г. выросла с 3998 до 4688 млн руб. (17%). Это существенное достижение, но надо учесть два важных обстоятельства. Во-первых, рост оказался меньше запланированного, и выполнение плана пятилетки постоянно балансировало на грани срыва. Только в первой половине 1941 г. положение улучшилось: уровень производства чугуна превысил среднемесячный показатель 1937 г. на 25%, проката — на 26%, стали — на 29%. Выплавка электростали возросла на 41%, выпуск качественного проката, имевший ключевое значение для производства военной техники, — на 58%, а электроферросплавов — на 66%²⁶. Таким образом, львиная доля прироста пришлась как раз на последние предвоенные месяцы. Во-вторых, форсируя выплавку чёрных металлов, предприятия пошли на нарушения технологии. Качество металла осталось на прежнем уровне, а количество сданной продукции возросло, однако новый способ коксохимического производства не позволял улавливать ароматические углеводороды, образовавшиеся в виде газовых отходов в ходе коксования угля. Это ценнейшее сырьё для производства толуола, а затем тротила, попросту уле-

²² Эшелоны идут на Восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. М., 1966. С. 208–209.

²³ РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 273, л. 19.

²⁴ Савицкий И. М. Важнейший арсенал Сибири. Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. С. 43.

²⁵ История металлургии лёгких сплавов в СССР. 1917–1945 г. М., 1983. С. 317, 329.

²⁶ РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 273, л. 3.

тало в атмосферу. Таким образом, выплавка чёрных металлов повысилась за счёт резкого сокращения производства базового компонента взрывчатки²⁷. Уже в ноябре 1940 г. нарком боеприпасов И.П. Сергеев обратился к Вознесенскому с письмом по поводу сложившейся ситуации, в котором требовал к 1 июля 1941 г. восстановить производство толуола на коксохимических предприятиях Наркомчермета²⁸, но до начала войны эту проблему решить так и не удалось.

Кроме того, следует учитывать существенную территориальную диспропорцию в размещении ключевых предприятий по территории страны. В дореволюционной России основная масса крупнейших и наиболее производительных заводов располагалась в Донбассе. В годы первых пятилеток в центральных и восточных регионах строились новые гиганты металлургии: Ново-Тульский, Ново-Тагильский, Магнитогорский, Новокузнецкий, Ново-Липецкий металлургические комбинаты, Челябинский завод ферросплавов. Но одновременно сооружались также Керченский металлургический комбинат, «Азовсталь», «Криворожсталь», «Запорожсталь». Таким образом, преобладание Донбасса сохранялось. Кроме того началось развитие металлургической базы в Закавказье, где Чиатурское месторождение обеспечивало добычу примерно двух третей всего марганца в СССР. Базирующийся на чиатурской руде Зестафонский завод ферросплавов на 1940 г. обеспечивал примерно 20% всесоюзного выпуска, однако с мобилизационной точки зрения расположение столь важного предприятия в относительной близости от границы представлялось нежелательным.

Таблица 1

**Удельный вес территориальных групп металлургических предприятий на 1940 г.
(тыс. т)**

Категории продукции	Всего по СССР	В том числе по районам:					
		Центр		Юг (УССР и ГССР)		Урал, Сибирь и Дальний Восток	
		всего	удельный вес (%)	всего	удельный вес (%)	всего	удельный вес (%)
Производство ферросплавов	173 022	—	—	105 026	60,7	67 996	39,3
Выплавка чугуна	14 902,3	1 010,1	6,8	9 642	64,7	4 250,2	28,5
Выплавка стали	18 289,3	2 045,2	11,1	8 962,1	49,1	7 282	39,8
в том числе электростали	1 079,8	406,5	37,6	296,4	27,5	376,9	34,9
Производство проката	13 089,2	1 436,6	11	6 860,6	52,4	4 792	36,6
в том числе качественного проката	3 211,9	710,1	22,1	841,5	26,2	1 660,3	51,7

Цит. по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 273, л. 5.

²⁷ Балыш А.Н. Военно-промышленный комплекс СССР... С. 79–83.

²⁸ ГА РФ, ф. 8007, оп. 1, д. 94, л. 203–204.

Очевидно, что по-прежнему доминировала южная группа заводов, на которую приходилось $\frac{2}{3}$ выплавки чугуна и ферросплавов и около половины выплавки стали и проката чёрных металлов.

Война нанесла металлургическому комплексу существенный урон. Донбасская группа заводов оказалась потеряна. Значительный удар получила и центральная группа предприятий: из строя на продолжительное время были выведены заводы Тулы, полностью или частично разрушены Семилукский и Латневский заводы огнеупоров, металлургический завод «Красный Октябрь» в Сталинграде. Нагляднее всего масштабы потерь показаны в таблице 2.

Таблица 2

Потери металлургического производства в годы войны (млн т)

Категории продукции	Всего по СССР на 1940 г.	На территории, временно оккупированной противником	Удельный вес (%)
Чугун в натуральном исчислении	14,9	10,6	71
Чугун в переводе на передельный	16,1	11,3	70
Сталь в натуральном исчислении	18,3	10,5	57
Сталь в переводе на рядовую	19,6	11,7	60
Прокат в натуральном исчислении	13,1	7,5	57
Прокат в переводе на рядовой	15,4	9,2	60

Цит. по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 273, л. 25.

Всего в районах, подвергшихся оккупации, оказались полностью или частично разрушены 62 домны, 213 мартенов и 248 прокатных станов. Противнику не удалось прорваться в Закавказье, однако из-за перехвата практически всех железных дорог, соединявших регион с центром СССР, существенно осложнился вывоз марганцевой руды и ферросплавов. В итоге, впрочем, спад производства удалось преодолеть (см. табл. 3).

Добились этого именно проведением согласованной целенаправленной политики мобилизации. Так, 13 ноября 1941 г. вышло совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 2202–1002сс о форсированном строительстве на Урале и в Сибири новых производственных мощностей чёрной металлургии. Речь шла не просто о сооружении мартенов или доменных печей — в строй вводились новые заводы. Для ускорения строительства позволялось возводить здания временного типа, используя для этого дерево и различные местные стройматериалы, а металл и железобетон — только там, где это имело критически важное значение. Широко практиковалось введение в строй долгостроев доменной закладки. На Урале возвели Челябинский металлургический комбинат, в Новосибирске — прокатный завод № 702, в Сталинске (ныне Новокузнецк) —

ферросплавный завод, в Комсомольске-на-Амуре — металлургический завод «Амурсталь», в Казахской ССР — Актюбинский ферросплавный завод (также началось строительство Карагандинского металлургического завода). Всего на Урале мощность новых доменных печей составила 2405 тыс. т, мартеновских печей — 2096, прокатных станов — 1095 тыс. т. Фактически именно этот регион стал «кузницей победы», обеспечивавшей Советский Союз металлом в годы военного лихолетья (см. табл. 4).

Таблица 3

**Динамика производства чёрных металлов в СССР в годы войны
(млн т)**

Продукция	1941 г.		1942 г.	1943 г.	1944 г.
	всего	в том числе в I полугодии			
Чугун	13,8	9,1	4,8	5,6	7,3
в том числе Восточная группа (Урал, Сибирь, Дальний Восток)	—	2,6	4,7	5,3	—
Сталь	17,9	11,4	8,1	8,5	10,9
в том числе Восточная группа	—	3,7	6,7	7,3	—
Электросталь	—	0,6	0,5	0,7	—
Прокат	12,6	8,2	5,4	5,7	7,3
в том числе Восточная группа	—	2,6	4,6	5	—
Качественный прокат	—	2	3,4	3,6	—

Цит. по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 273, л. 26.

Таблица 4

**Удельный вес производства чёрных металлов и основных изделий
из них на Урале (% от общесоюзного производства)**

Продукция	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Чугун	18,2	25,3	65,3	65,9	62,6	58,1
Сталь	21,4	27	56,1	57,3	53	53
Прокат	21,6	27,7	58,2	57,5	52,8	51,6
Трубы стальные	7,1	19,2	86,8	89,1	—	65,1

Цит. по: Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Тезисы докладов научно-практической конференции (Екатеринбург, 20–21 апреля 1995 г.). Екатеринбург, 1995. С. 7.

Следует отметить резкое возрастание в этот период роли предприятий Кузбасса и Сибири. Если Урал занял лидирующие позиции в производстве стали, то сибирский регион — в коксохимическом производстве.

Для наращивания выплавки чёрных металлов не менее эффективно применялись и другие решения. 22 августа 1943 г. вышло совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации». Уже к 1945 г. на этих территориях производилось 2,3 млн т чугуна, 2,8 млн т стали и 1,7 млн т проката чёрных металлов. Широко использовалась «малая металлургия» — небольшие металлургические предприятия, находившиеся в ведомственном подчинении других ведомств. За годы войны на такие заводы наркоматов вооружения, танковой промышленности, тяжёлого машиностроения и судостроительной промышленности пришлось около 12% всесоюзного выпуска проката чёрных металлов и 20% стали²⁹.

Важным фактором явилось изменение структуры выпуска. Так, в производстве проката чёрных металлов стал преобладать качественный прокат, использовавшийся для обеспечения нужд «обороны». По мере роста выпуска вооружений и боеприпасов сокращалось производство основных типов гражданской продукции машиностроения (см. табл. 5).

Таблица 5

Переориентация машиностроения на выпуск военной продукции

Продукция	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Трактора (тыс. шт.)	31,6	23,8	3,5	1,1	3,2	7,7
Автомобили (тыс. шт.)	145,4	124,2	35	49,3	60,5	74,7
Магистральные паровозы (шт.)	914	708	9	43	32	8
Грузовые магистральные вагоны (шт.)	30 880	33 098	147	106	13	819
Артиллерийские орудия всех видов и калибров (тыс. шт.)	—	30,2	127,1	130,3	122,4	72,2
Миномёты всех калибров (тыс. шт.)	—	42,3	230	69,4	7,1	3
Танки и САУ (тыс. шт.)	—	4,8	24,4	24,1	29	20,5

Составлено по: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990. С. 15, 66–67.

Это, в свою очередь, потребовало увеличения производства типов проката, востребованного в выпуске оборонной продукции³⁰. В результате уже в 1942 г. только восточные регионы дали качественного проката на 6%, а снарядной заготовки и бронелиста — в 1,8 раза больше, чем в 1940 г. вся металлургия СССР³¹.

²⁹ РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 273, л. 29–30.

³⁰ Подробнее см.: Запарий В.В. Чёрная металлургия Урала в период Великой Отечественной войны (1941–1945). Перестройка на сортамент военного времени // Мир и война: 1941 г. М., 2001. С. 83–103.

³¹ РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 273, л. 30.

Мобилизация цветной металлургии. В последние предвоенные годы эта отрасль развивалась весьма динамично. По ряду позиций выплавка цветных металлов в первом квартале 1941 г. превосходила аналогичные показатели 1937 г. в 5–7 раз (см. табл. 6).

Таблица 6

Развитие цветной металлургии СССР в предвоенный период (тыс. т)

	1937 г.	1940 г.	I полугодие 1941 г. в % к I полугодию 1937 г.
Медь черновая	98,8	163,8	205
Медь рафинированная	92,6	138,5	200
Алюминий первичный	37,7	60,1	207
Свинец	62,5	91,9	148
Цинк	77,8	92,3	134
Никель	2,7	10,2	500
Олово	0,43	1,7	700
Вольфрамовый концентрат	1,72	2,12	188
Молибденовый концентрат	0,1	0,4	700

Цит. по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 273, л. 7.

В период индустриализации отечественная индустрия цветных металлов пополнилась такими гигантами, как Волховский, Днепровский и Уральский алюминиевые заводы, полиметаллический комбинат в Чимкенте, Среднеуральский медный комбинат, Балхашский медеплавильный, Южноуральский никелевый, Тихвинский глинозёмный заводы. В связи с началом войны и реалиями эвакуации цветная металлургия оказалась в крайне сложном положении. Если прокат чёрных металлов к декабрю 1941 г. сократился по сравнению с июнем втрое, то выплавка цветных металлов — в десятки раз³². Пытаясь компенсировать потерю ряда важных предприятий в западных регионах страны, правительство СССР санкционировало производство проката цветных металлов на уральских заводах Наркомчермета. Так, на Черметском заводе начался прокат латунной ленты и латунного листа, на Верхне-Салдинском и Златоустовском — латунной проволоки, на Нижнетагильском — дюралюминиевого листа³³. В IV квартале 1941 г. регион стал, по сути, единственным в СССР, обеспечивавшим промышленность алюминием, магнием, никелем и кобальтом³⁴.

Однако было очевидно, что это паллиативные меры, которыми нельзя решить проблему кардинально. Требовалось создавать на Урале и в Сибири собственный кластер данной отрасли. В результате вступили в строй уральские Богословский и Сталинский алюминиевые заводы, существенно возросли мощности Уральского алюминиевого завода (Каменск). В Сибири была организована выплавка алюминия, олова, ртути и других металлов, в Норильске — меди и никеля, в Забайкалье и Якутии резко возросло производство вольфрама

³² Шаров В.М. Жизнь и деятельность С.М. Воронова // Воронов С.М. Избранные труды по лёгким сплавам. М., 1957. С. 160.

³³ РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 273, л. 20.

³⁴ История металлургии лёгких сплавов в СССР... С. 283.

и молибдена, в Новокузнецке вступил в строй алюминиевый, а в Новосибирске — оловоплавильный заводы. Вклад в развитие отрасли внесла и Средняя Азия. Хотя там не имелось крупных металлургических предприятий, местные рудники сыграли важную роль в решении проблемы обеспечения цветными металлами. В Таджикской ССР велась добыча вольфрамовой, оловянной и висмутовой руды. В Киргизии вошли в строй вольфрамовые рудники и сурьмяно-ртутный комбинат, валовая продукция цветной металлургии там удвоилась³⁵. На заключительном этапе войны началось сооружение нового алюминиевого завода в Армении, а на Украине — восстановление Днепровского алюминиевого комбината.

Все эти меры позволили до известной степени удовлетворить запросы промышленности, но ситуация с цветметом на протяжении всей войны оставалась весьма напряжённой.

Таблица 7

Производство цветных металлов в годы войны (тыс. т)

	1941 г.		1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	
	всего	в том числе I полугодие				всего	в том числе I полугодие
Медь черновая	202,6	100,7	126,1	141,6	157,5	159,1	74,1
Медь рафинированная	185,4	92,2	117,9	129,7	139,5	136	67,1
Алюминий первичный	67,6	39,1	51,7	62,2	82,8	86,7	41
Свинец	100,3	46,1	77	47,5	45,1	43,3	22,3
Цинк	100,1	52	53,4	37,6	51	48,5	22,8
Никель	10,8	6,8	8,7	13,2	15,4	17,9	8
Олово	2,4	1,4	3,6	2,9	2,9	3,8	—
Ртуть	0,4	0,2	0,1	0,2	0,3	0,4	—
Вольфрамовые концентраты	4,2	1,6	4,2	4	4,7	4,4	2,1
Молибденовые концентраты	1,2	0,5	1,4	1,2	1,2	1,5	0,8
Кобальт и гидроокиси	0,1	0,04	0,1	0,1	0,1	0,1	—

Цит. по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 273, л. 33–34.

Выплавка никеля превысила довоенные значения уже в 1943 г., а производство алюминия — в 1944 г. С другими цветными металлами дела обстояли отнюдь не столь успешно, поэтому особое внимание уделялось их экономии и суррогатированию. В машиностроении широко развернулись работы по замене в тех или иных изделиях цветных металлов на чёрные или на иные материалы. Скажем, в авиастроении вместо дюралюминиевых пропеллеров достаточно широко использовались деревянные³⁶. Помимо этого как в тыловых районах,

³⁵ РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 273, л. 34.

³⁶ Мухин М. Ю. Советская авиапромышленность... С. 160.

так и в прифронтовой зоне огромное внимание уделялось сбору и использованию лома цветных металлов. На него, как правило, оказывались весьма «богаты» поля недавних сражений. Скажем, только за девять месяцев 1943 г. трофейным частям РККА удалось собрать и отгрузить предприятиям 51,6 тыс. т такого металлолома³⁷. Определённую роль сыграли и поставки по ленд-лизу³⁸.

Подавляющая доля цветного металла шла на выпуск продукции оборонного назначения: около 80% меди (артиллерийские гильзы, снарядные пояски, капсюльные втулки, патроны для стрелкового оружия), порядка 90% алюминия (авиа- и танкостроение, производство боеприпасов), до 80% цинка (латунь для гильз), приблизительно 75% свинца (стрелковые боеприпасы и аккумуляторы для различной военной техники).

Мобилизация химической индустрии. В отличие от металлургического комплекса химическая отрасль в дореволюционной России была представлена узким кругом сравнительно небольших предприятий, поэтому в 1930-х гг., особенно в предвоенные годы, пришлось приложить огромные усилия для наращивания выпуска важнейших химикатов (см. табл. 8).

Таблица 8

Выпуск важнейших химикатов в СССР в предвоенные годы (тыс. т)

	1937 г.	1940 г.	I полугодие 1941 г. (в % к I полугодию 1937 г.)
Аммиак	274	391	176
Азотная кислота крепкая	86	233	300
Аммиачная селитра	280	354	173
Калиевая селитра	6,2	6,0	115
Серная кислота (в моногидрате) (млн т)	1,4	1,6	149
Сода каустическая	162	190	140
Сода кальцинированная	530	539	119
Каучук синтетический	70,2	96,9	192
Автопокрышки (млн шт.)	2,7	3,0	149

Цит. по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 273, л. 8.

Если в 1937 г. валовая продукция химпрома в ценах 1927 г. составила 4 156 млн руб., то в 1940 г. — 6 751 млн, а за первое полугодие 1941 г. — 4 397 млн руб. Освоение технологии производства искусственного каучука позволило избавиться от необходимости импорта каучука природного. В восточных регионах страны в строй вступили такие предприятия, как Воскресенский химический комбинат, Челекенский и Актюбинский химические заводы, Чирчикский азотно-туковый комбинат и Березниковский азотно-туковый завод, «Уралхиммаш». Однако основная масса химической индустрии базировалась на Украине («Донсода», «Красный химик», Горловский, Днепропетровский и Сталинский азотно-туковые за-

³⁷ РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 273, л. 35.

³⁸ Быстрова И.В. Ленд-лиз для СССР: экономика, техника, люди (1941–1945 гг.). М., 2019. С. 294–295.

воды, Рубежанский химкомбинат и др., к тому же на стадии пуско-наладочных работ находились Славянский содовый и Лисичанский азотно-туковый заводы).

Поэтому необходимость эвакуации поставила ряд острых вопросов, решать которые требовалось немедленно. Потеря серных рудников и сокращение производственных мощностей привели к резкому снижению выпуска серной кислоты и минеральных удобрений. Из-за проблем с поставками сырья сократилось производство синтетического каучука. Между тем резинотехнические изделия были критически важны для комплектования танков и самолётов. В результате в годы войны практически полностью прекратился выпуск галош, существенно снизилось производство автомобильных покрышек, в ряде случаев при производстве танков отказались от резиновых бандажей на катках³⁹. Во второй половине 1943 и начале 1944 г. вступили в строй Кировский, Свердловский и Омский шинные заводы, что позволило облегчить трудности с выпуском автопокрышек. Однако сохранялась проблема поставок искусственного каучука, ограничивавшая производство в соответствующих отраслях.

Таблица 9

Выпуск основных видов химической продукции в годы войны (тыс. т)

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Пресспорошки и аминопласты	4,04	4,2	4,5	7,9	8,7
Серная кислота	1 586	1 448	646	766	894
Сода каустическая	190,4	198,4	84,2	101,7	122,2
Сода кальцинированная	538,7	465,4	64,9	110,2	162,3
Метанол сырец	11	10,9	13	17,8	20,9
Формалин	13	14,4	13,7	15,9	25,2
Карбид кальция ⁴⁰	89,6	120,6	64,8	73,2	83,3
Нитролаки и растворители	11,55	13,4	13,4	13,6	19
Нитрит натрия	3,7	5,3	1,7	3	2,4
Суперфосфат	1254	963	21,1	34,2	110,3
Канифоль	35,7	22,8	16,8	13	14
Уксусная кислота	10	10	3,2	3,9	5
Каучук синтетический	96,9	97,5	21	15,1	33,5
Автопокрышки — всего (тыс. шт.)	3 007,1	3 389,5	1 416,8	949,1	1 245,1
в том числе — «Гигант» (тыс. шт.)	1 082,7	1 295,2	459,8	273,5	353,3
Ремни приводные (тыс. кв. м)	7 352	5 612	430,1	1 286	2 419

Цит. по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 273, л. 38.

³⁹ Мощанский И.Б. Танки Т-34–76, Т-34–57 в боях за Москву. М., 2008. С. 28.

⁴⁰ Без учёта поставок с предприятий наркоматов авиа- и угольной промышленности.

Даже к 1944 г. по большинству позиций химпрому не удалось выйти на показатели 1940 г., однако масштабов производства оказалось достаточно, чтобы обеспечить успешное наступление советских войск. Отдельно хотелось бы отметить рост производства формалина. Дело в том, что именно он и химикаты, получаемые с его использованием (формальдегид, уротропин и динитрат уротропина), являлись базовыми элементами для производства новых, более мощных типов взрывчатых веществ — гексогена и тэна⁴¹. Выше отмечены проблемы, с которыми столкнулась экономика в производстве толуола, без которого невозможно производство тротила. Нарращивание выпуска формалина позволяло создать сырьевую базу для альтернативного вида взрывчатки.

Передислокация производственных мощностей на восток естественным образом привела к тому, что основной базой также и химической промышленности стал Урал. Скажем, в 1943 г. там произвели 70% кальцинированной соды и 37% серной кислоты от их всесоюзного выпуска. Существенно выросло производство и в Сибири, хотя оно распространялось лишь на некоторые виды химикатов (в 1944 г. — 36% всего выпускаемого в СССР аммиака, 46% формалина и 36% азотной кислоты). Всего за годы войны масштабы «химии» в регионе возросли в пять раз, однако в масштабах страны удельный вес Сибири, составлявший в 1940 г. 2,2%, к 1944 г. дошёл лишь до 7,4%.

Мобилизация нефтяной промышленности. Сырьё для химических заводов и фабрик поступает в первую очередь из нефтедобывающей промышленности. Нефть — топливо для моторов и сырьё для химических установок. После возникновения проблем с получением толуола на коксохимических производствах основной технологией его производства стал пиролиз (тепловое разложение) керосина, т.е. нефть превратилась ещё и в основной продукт для производства взрывчатки. Таким образом, «нефтянка» оказалась в числе отраслей, определявших уровень обороноспособности страны.

На 1930-е гг. пришёлся стремительный рост нефтедобычи, позволивший повысить её масштабы в пять раз (см. табл. 10). Увеличение производства обуславливалось в первую очередь активными капиталовложениями. Однако наиболее динамично, судя по темпам, советская нефтепромышленность развивалась лишь в 1927–1931 гг., в дальнейшем её рост носил ограниченный характер.

Добыча базировалась на промыслах Азербайджана. На долю треста «Азнефть» приходилось $\frac{3}{4}$ смазки, $\frac{2}{3}$ нефтетоплива и керосина, $\frac{1}{2}$ бензина, более 80% технических масел. Если же суммировать все продукты, то его удельный вес составлял свыше $\frac{2}{3}$ всего производства в СССР⁴². На протяжении 1930-х гг. он постепенно снижался, но даже в 1940 г. оставался преобладающим (см. табл. 11).

⁴¹ Балыш А. И. Военно-промышленный комплекс СССР... С. 94, 106.

⁴² Подробнее о развитии советской нефтепромышленности в 1920–1930-е гг. см.: Мухин М. Ю. Топливо Победы: Азербайджан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 2018.

Развитие нефтепромышленности СССР в 1924–1939 гг.

Год	Капиталовложения		Добыча нефти	
	млн руб.	в % к предыдущему году	млн т	в % к предыдущему году
1924	68,4	—	6,1	—
1925	118	158	7,1	116
1926	143,3	121	8,3	116
1927	190	132	10,3	138
1928	223	125	11,5	111
1929	244	108	13,8	120
1930	361,5	145	17,3	125
1931	414,2	115	22,4	130
1932	453	110	21,4	95
1933	524,9	115	21,5	98
1934	789,2	150	24,1	113
1935	852,7	108	25,1	105
1936	1 111,7	130	27,3	109
1937	906,9	82	28,4	104
1938	900	81	30,1	106
1939	1 160	100	30,2	100

Цит. по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 44, д. 683, л. 184.

Добыча нефти (тыс. т)

	СССР	Азербайджан	Доля Азербайджана (%)
1913	9 234,1	7 669,1	83
1927/28 хоз. год	11 472,2	7 504,2	65
1932	21 367,2	12 182,3	57
1937	28 901,1	21 413,7	74
1938	30 082,4	22 144,9	74
1939	30 200,0	21 586,0	71
1940	30 858,6	22 267,3	72

Цит. по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 42, д. 415, л. 23.

Если же учесть промыслы Грозного, расположенные сравнительно близко к Азербайджану, то в 1940 г. на Кавказский регион приходилось около 80% всей добычи нефти в Советском Союзе. Промыслы Поволжья, Урала, Дальнего Востока, Средней Азии и Казахстана существенной роли не играли.

Большим достижением стал рост доли переработки нефти. Если на 1927 г. приблизительно $\frac{2}{3}$ добычи использовалось исключительно как топливо —

т.е. попросту сжигалось в топках без всякой переработки, то в 1940 г. перерабатывалось уже более 90% нефти (см. табл. 12).

Таблица 12

Производство и поставка военным потребителям светлых нефтепродуктов в 1940 г. (тыс. т)

	Производство	Поставки военным потребителям
Добыча нефти	30 859	—
Переработка нефти	29 380	—
в том числе бензин авиационный	889	588
бензин автомобильный	3 476	838
лигроин	1 332	104
керосин (тракторный и осветительный)	5 554	138
дизельное топливо	629	40
Итого светлых продуктов	11 880	1 708

Цит. по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 273, л. 10–11.

В целом на оборонные нужды отпускалось менее 15% светлых нефтепродуктов, но по определённым позициям доля поставок могла быть куда выше: скажем, почти четверть всего производимого автомобильного бензина и почти весь бензин авиационный. При этом не следует упускать из вида, что плановые показатели третьей пятилетки остались не достигнуты, в стране ощущался постоянный дефицит нефтепродуктов. Это существенно осложняло положение дел в оборонной сфере. Например, при потребности ВВС в 1,5–2 млн т бензина в год наличные мощности нефтеперерабатывающих заводов на начало 1941 г. гарантировали производство только 0,9–1 млн т. Причём львиная доля поставляемого относилась к низкооктановым сортам, хотя руководство военной авиации настаивало на поставке высокооктановых.

С началом войны положение дел резко осложнилось. Развёртывание армии требовало всё больше и больше нефтепродуктов. С другой стороны, перевод экономики на военные рельсы означал переключение большинства машиностроительных и металлургических заводов на выполнение военных заказов. Уже в августе 1941 г. доля военной продукции в общем производстве составила 70%⁴³. Значит, на нефтепромыслы поступало всё меньше новых станков, запчастей, труб, компрессоров и т.п. Нефтяники активно изыскивали внутренние резервы, пытались использовать различные суррогаты, собирая из трёх неисправных станков один работоспособный, но на практике всё это означало стремительную эрозию производственной базы. В качестве примера приведу положение дел на азербайджанских промыслах (см. табл. 13).

⁴³ РГАЭ, ф. 4372, оп. 923, д. 28, л. 88.

Если на начало 1941 г. на апшеронских промыслах требовали ремонта около $\frac{1}{3}$ станков, то к апрелю 1942 г. — уже $\frac{2}{3}$. Большое внимание уделялось освоению разнообразных заменителей для дефицитных материалов, замещению цветных металлов и восстановлению изношенных деталей методом металлизации. Так, вместо труб 140×109 стали использовать отработанные пятидюймовые бурильные, вместо листового свинца в футеровке мешалок — кислотоупорные плиты, вместо мрамора и огнеупорного кирпича на футеровке печей — асбестоцемент и каменный туф, вместо огнеупорной зачатьевской глины — глину Гиляба, вместо фарфора и фибры в предохранителях — стекло, а вместо киперной меди в электрических шинах — железо и бязь, пропитанную спецсоставом. Вместо чугуна кольцевые вкладыши стали делать из дерева, тормозные ленты в лебёдках вместо феррадо — из хлопчатобумажного ремня, пропитанного лаком⁴⁴. Однако всё это давало лишь временный эффект.

Таблица 13

Наличие станков на Азнефтекомбинате

	1 января 1941 г.	1 января 1942 г.	1 апреля 1942 г.
Парк станков	294	267	228
В работе	189	91	67
% использования	64,3	35,6	29,4

Цит. по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 42, д. 431, л. 17.

Наконец, следует учитывать, что продвижение соединений вермахта требовало спешной эвакуации нефтеперерабатывающих предприятий и консервации промыслов. Хотя масштабы добычи на территории Украины в довоенный период не были значительны, уже в первые месяцы войны потребовалось эвакуировать Одесский, Херсонский и Осипенковский (Бердянск) крекинг-комбинаты⁴⁵. В 1942 г. военные действия распространились на Северный Кавказ, что потребовало эвакуации Краснодарского, Грозненского и Туапсинского заводов и консервации Майкопских и Грозненских промыслов. Началась интенсификация добычи в Поволжье, для чего в Башкирскую и Татарскую АССР из АзССР перебросили значительные объёмы оборудования и контингенты квалифицированной рабочей силы⁴⁶. Однако добиться существенного прироста во «Втором Баку» удалось далеко не сразу, тогда как изъятие кадров и оборудования существенно осложнило положение дел на Апшеронском полуострове. В результате в Азербайджане начался спад нефтеиндустрии практически по всем позициям, преодолеть который в рассматриваемый период так и не удалось (см. табл. 14).

⁴⁴ Там же, л. 44.

⁴⁵ Там же, оп. 77, д. 273, л. 41.

⁴⁶ Там же, оп. 42, д. 431, л. 20.

Справка о добыче нефти и бурении по Азнефтекомбинату

	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Добыча нефти (тыс. т)	21 547,5	22 175,5	23 481,9	15 709,5	12 692	11 839
Среднесуточная добыча нефти (т)	59 034	60 589	64 334	43 040	34 773	32 347
Годовой прирост добычи нефти (тыс. т)	-557,6	628,1	1 306,3	-7 772,4	-3 017,5	-853
Ввод скважин из бурения (шт.)	496	538	621	120	76	114
Ввод скважин из бездействия (шт.)	694	624	641	304*	764	993
Бурение всего (тыс. м)	887,6	943,2	929,8	116,9	67,6	138,8
в том числе эксплуатационное (тыс. м)	716,7	701,9	665,2	79,3	24,6	66,2
разведочное (тыс. м)	170,9	241,3	264,6	37,9	43	72,6

Цит. по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 45, д. 472, л. 169.

* Кроме того 748 скважин выведено из консервации (примеч. в документе).

Впрочем, следует отметить, что снижение нефтедобычи в Азербайджане именно в 1942 г. объяснялось и транспортными причинами. После прорыва гитлеровцев на Северный Кавказ основным способом вывоза нефти стал водный — танкерами по Каспийскому морю до Астрахани и далее по Волге. Однако танкеров постоянно не хватало, а после прорыва вермахта к Сталинграду оказался блокирован и этот путь. Поэтому некоторое время приходилось перевозить нефть, прибегая к различным, порой откровенно авантюрным решениям. К примеру, несколько месяцев цистерны с нефтью буксировались через Каспийское море из Баку в Красноводск, а там перегружались на железную дорогу⁴⁷. Используя всевозможные ухищрения, удалось вывезти 1,6 млн т нефти и нефтепродуктов против запланированных 6 млн т. Но далее возникали проблемы с хранением: нефть приходилось закачивать в специальные «складские» скважины, открытые земляные амбары, а то и попросту сливать в горные лощины, надеясь, что впоследствии удастся собрать заново. Мало-помалу Азнефтекомбинат начал вообще сворачивать нефтедобычу ввиду её очевидной бессмысленности и отсутствия возможностей для вывоза. Лишь в первой половине 1943 г. ситуацию с транспортом удалось «расшить».

Тем не менее в 1942–1943 гг. бакинские нефтяники сумели обеспечить хотя бы минимальный уровень поставок, а с 1944 г. начался рост добычи во «Втором Баку». Это в совокупности обеспечило топливные потребности советских войск.

⁴⁷ Маркова А.Н. Экономические факторы Победы // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 7. С. 20.

Нефтедобыча в 1940–1944 гг. в Азербайджанской ССР и СССР

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
СССР в целом (млн т)	31,1	33	22	18	18,3	19,4
Азербайджан (млн т)	22,2	23,5	15,7	12,7	11,8	11,5
Удельный вес Азербайджана в суммарной нефтедобыче (%)	71,4	71,2	71,4	70,6	64,5	59,3

Цит. по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 45, д. 472, л. 169; оп. 77, д. 273, л. 41; Козловский Е.А. Минерально-сырьевые ресурсы в великой войне // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2010. № 3. С. 14.

Однако как экономика, так и вооружённые силы нуждались не в нефти, как таковой, а в продуктах её переработки. Между тем из-за эвакуации ряда ведущих предприятий масштабы последней существенно снизились. Пришлось обязать гражданские наркоматы и ведомства перевести весь парк грузовых автомобилей в Поволжье, Западной Сибири и на Урале на твёрдое топливо, оснастив их газогенераторами. Разумеется, это решение давало только временную передышку, поэтому первоочередное значение приобрёл форсированный ввод в строй новых нефтеперерабатывающих предприятий. В годы войны удалось запустить — в том числе с использованием эвакуированного оборудования — Уфимский, Орский, Саратовский, Сызранский, Комсомольский и Хабаровский заводы, что до известной степени облегчило положение.

Таблица 16

Нефтепереработка в годы войны (тыс. т)

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Добыча нефти	31 121	33 048	21 988	17 984	18 261	19 436
Переработка нефти (всего)	29 380	29 250	20 586	17 765	18 581	17 696
в том числе бензин авиационный	889	1 269	912	1 006	1 333	1 017
бензин автомобильный	3 476	2 983	1 611	1 763	2 440	2 122
лигроин	1 332	907	283	270	559	655
керосин	5 554	5 293	3 087	3 667	3 399	3 231
дизельное топливо	629	936	209	478	534	518

Цит. по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 273, л. 41.

Рост производства важнейших нефтепродуктов начался в 1943 г. Хотя в целом объём переработки даже в 1945 г. оставался меньше довоенного, обращает на себя внимание то, что масштабы выпуска авиабензина в 1944 г. превосходили рекордный уровень 1941 г., когда удалось добиться существенного прироста за счёт первого, мирного полугодия. Очевидно, что в условиях приоритетной необходимости обеспечить ВВС дефицитным топливом все ресурсы были сосредоточены именно на решении этой задачи.

В то же время надо учитывать, что удовлетворение потребностей армии решалось в значительной степени за счёт существенного сокращения гражданского потребления, причём не только в 1942 г., но и в дальнейшем (см. табл. 17).

Таблица 17

**Наличие нефтепродуктов и их потребление народным хозяйством
(с учётом резервов и запасов) в 1940–1944 гг. (тыс. т)**

	1940 г.		1942 г.		1944 г.	
	ресур-сы	гражданское потребление	ресур-сы	гражданское потребление	ресур-сы	гражданское потребление
Бензин авиационный	922	334	956	116	1820	531
Бензин автомобильный	3 509	2 671	1 626	324	2 532	715
Дизельное топливо	631	591	419	174	574	342
Керосин	5 554	5 416	3 364	2 828	3 404	3 148
Лигроин	1 332	1 228	283	125	560	464
Всего	11 948	10 240	6 648	3 567	8 890	5 200

Цит. по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 77, д. 273, л. 43.

Таким образом, если в 1940 г. на гражданское потребление приходилось 86% всех нефтепродуктов, то в 1944 г. — всего 58,5%. В количественном измерении оно сократилось вдвое. В качестве примера можно отметить, что за всю войну народное хозяйство получило 2,3 млн т автомобильного бензина, т.е. в среднем 48 тыс. т в месяц. При этом довоенное потребление составляло 220 тыс. т ежемесячно⁴⁸.

Подводя итог, можно с полным основанием утверждать, что, несмотря на упущения в вопросах мобилизационного планирования в 1930-х гг., удалось сделать главное — создать несущий каркас системы мобподготовки, успешно показавшей себя в годы войны. Мобилизация промышленности не сводилась только к перепрофилированию заводов и фабрик с выпуска гражданской продукции на выполнение оборонного заказа. Важнейшими её аспектами стали расширение гражданских производств за счёт эвакуированного оборудования и возведение (в том числе по упрощённым технологиям) новых предприятий; расширение ассортимента производимой продукции (в том числе за счёт освоения более качественных образцов); широкое использование различных суррогатов и освоение новых источников сырья. В очередной раз подтвердилась истина — в борьбе побеждает не тот, кто подготовился идеально, а тот, кто подготовился лучше противника. Как показала практика, Советский Союз оказался готов к мобилизации экономики на решение военных задач куда лучше Германии⁴⁹.

⁴⁸ Там же, л. 44.

⁴⁹ О сравнении государственных и военных систем противоборствующих стран подробнее см.: The Great World War. 1914–1945. Vol. 1 / Ed. by P. Liddle, J. Bourne, I. Whitehead. L., 2000.

Александр Апанасенок

Aleksandr Apanasenok

*(Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

**Рец. на: J.M. Hartley. The Volga: a history of Russia's greatest river.
New Heaven: Yale University Press, 2021. 380 p.***

DOI: 10.31857/S2949124X24020171, EDN: HHQSOE

Испокон веков реки обеспечивали людей пищей и энергией, защищали от врагов, создавали благоприятные условия для передвижения и торговли, а потому оказывались катализаторами и, одновременно, «свидетелями» развития цивилизаций. Не удивительно, что в мировой научной и научно-популярной литературе уже не раз предпринимались попытки посмотреть на прошлое той или иной страны через призму истории важной для неё реки. Тут можно вспомнить классический труд П. Хоргана о Рио-Гранде¹, увлекательную «Темзу» П. Акройда² или тематически многогранную книгу о Ганге С. Сена³.

Будучи самой длинной и полноводной рекой Европы, местом взаимодействия разных культур и при этом одним из важнейших символов России, Волга не менее других великих рек заслуживает посвящённого ей исторического труда. Идея написать такой труд пришла британской исследовательнице Дженет Хартли. В 2021 г. издательство Йельского университета выпустило её книгу «Волга. История величайшей реки России». В начале 2024 г. эта книга вышла и на русском языке⁴, однако особенности перевода отечественного издания вынуждают по-прежнему обращаться к оригиналу⁵.

Д. Хартли — почётный профессор Лондонской школы экономики, специалист по истории России Нового времени. Её наиболее известный труд до выхода «Волги» был посвящён истории Сибири⁶. Вероятно, сформировавшийся во время работы над ним навык смотреть на российское прошлое «с востока» повлиял и на авторскую концепцию рецензируемой книги. «Волга» — попытка представить исторический путь страны через обзор тех событий и явлений, которые имели место от Ржева до Астрахани. Естественно, Хартли отдаёт себе отчёт в том, что любая история такого рода может быть только более или менее осмысленной выборкой из бесконечного множества более конкретных историй. Она не пытается объять необъятное, а стремится, как сама подчёркивает, «описать и объяснить важность Волги и наше очарование ею» (р. 9). По сути, её книга посвящена роли реки — физической и символической — в тысячелетнем становлении России. Чтобы показать эту роль, английская исследовательница характеризует историю Волги как важнейшей торговой артерии, места встречи разных народов, религий и культур, зоны многочисленных конфликтов, а также феномена, оказавшего большое вли-

* *Хартли Дж. М. Волга. История величайшей реки России. Нью-Хейвен: Изд-во Йельского университета, 2021. 380 с.*

яние на формирование идентичности россиян.

Для анализа соответствующих вопросов Хартли собрала значительный массив данных из архивов Казани, Астрахани, Ярославля, Самары, национальных архивов Великобритании, Британской библиотеки, а также множества источников, опубликованных на русском и английском языках. Основательно поработала она и с уже имеющейся научной литературой (опять же на двух языках), о чём свидетельствует насчитывающий более четырёхсот позиций библиографический список. Впрочем, процесс написания книги включил в себя не только «путешествия» по страницам разнообразных изданий и документов, но и поездки Хартли по множеству живописных мест Поволжья. О последнем обстоятельстве, кроме многочисленных ремарок в тексте, свидетельствуют и представленные в книге авторские фотографии.

Внешне издание производит приятное впечатление. Труд добротн оформлен с точки зрения дизайна и полиграфии (трудно пройти мимо красочной обложки), снабжён географическим и алфавитным указателем, хронологической шкалой, иллюстрациями и географическими картами. Что касается содержания, то оно вызывает довольно противоречивые чувства: здесь открывается широкий простор как для похвал, так и для критики.

Первое, что подкупает, — это масштаб авторского замысла. В четырёх частях книги (разделённых, в свою очередь, на семнадцать глав) Хартли стремится отразить едва ли не все важнейшие вехи становления и развития российской цивилизации в том виде, в каком они проявлялись в истории Поволжья. Первая часть — «Древнейшая история Волги» — посвящена периоду с VII по XVI в. Здесь автор обращается к истории древ-

нейших государственных образований — Хазарии, Волжской Булгарии и русских княжеств, затем переходит к периоду Золотой Орды, характеризуя расцвет и упадок последней и, наконец, описывает процесс завоевания приволжских ханств Московским государством в XVI в. При этом в фокусе внимания оказываются не столько политические процессы, сколько экономика и культурные контакты. Обстоятельно описывается, как Волга — «душа и сердце» Хазарии — принесла этой стране огромные богатства и как затем роль крупнейшей торговой державы центральной Евразии перешла к Булгарии. Развитие Владимиро-Суздальского княжества в рецензируемом труде представлено прежде всего как процесс торгового освоения волжского бассейна, сопровождавшийся экономическими контактами и военным противостоянием с теми же булгарами. Золотая Орда выступает перед читателем не столько как завоеватель (хотя этому, конечно, тоже уделяется внимание), сколько как торговое государство, благополучие которого зиждилось на контроле за поставками пряностей и других восточных товаров на Запад. История превращения Московской державы в Россию — это в первую очередь борьба русских за контроль над всей Волгой от истоков до Каспийского моря, которая в основном завершилась при Иване Грозном. В этой части читатель найдёт колоритные описания древних Итиля, Болгара и Сарая, объяснение закономерности основания Нижнего Новгорода в начале XIII в., а также любопытные штрихи коммерческой и повседневной жизни Казанского и Астраханского ханств в XV–XVI вв.

Второй раздел — «Волга в составе Российской империи. Насилие и борьба за контроль над рекой» — повествует о постепенном превращении Поволжья в органическую часть

России в конце XVI — XIX в., а также о возникавших на пути этого процесса препятствиях. В рамках пяти глав последовательно рассматриваются меры по установлению правительственного контроля над Поволжьем в конце XVI — XVII в., история борьбы с разбоем и восстаниями в регионе, процесс превращения местного казачества и нерусских национальных элит в лояльную часть общества, попытки ограничить влияние ислама, последствия эпидемий, и, наконец, первые научные исследования приволжских земель. Следуя за А. Каппелером⁷, Хартли развивает идею о том, что интеграция приволжских территорий с их пёстрым этническим составом сыграла ключевую роль в становлении империи, фактически сделав страну таковой ещё до петровских времён. Поволжье, по мысли автора, оказалось исходной моделью для будущего управления многочисленными окраинами государства. Здесь русские столкнулись сразу со множеством народов — татарами, марийцами, мордвой, чувашами, ногайцами, казахами, киргизами, калмыками, представлявшими разные религии, поэтому выстраивание удовлетворительной системы межнационального и межкультурного взаимодействия оказалось вопросом сохранения устойчивого государственного порядка. В книге описаны разные элементы такой системы, включая политику земельных пожалований представителям нерусской элиты, набор в армию татар, появление «европейской» городской архитектуры как средства формирования имперской идентичности у местных жителей, основание православных монастырей — оплотов духовного и хозяйственного влияния, сокращение количества мечетей и т.п. Поволжье также оказалось регионом, где в процессе противодействия разным деструктивным движениям

(военным, религиозным) тестировалась эффективность государственного управления в принципе. Так, например, Хартли пишет: «Пугачёвское восстание продемонстрировало тот факт, что Россия управляется плохо и недостаточно» (р. 93). Следствием осознания этого факта стало увеличение численности бюрократического аппарата и армии не только на Волге, но и в стране вообще. Интересны сюжеты о борьбе с холерой и чумой, нередко распространявшимися в приволжских городах с юга на север, о путешествии по Волге Екатерины II, символизировавшем «укрощение реки» и воспетом Г.Р. Державиным в отдельной оде, а также о плодотворных изысканиях учёных из Петербургской академии наук, начиная с XVIII в. исследовавших климат и ресурсы Поволжья.

Третья часть труда, названная «Волга в Российской империи. Жизнь на реке и волжская идентичность» — наименее событийная. Здесь Хартли стремится показать колорит жизни Поволжья в имперский период. Внимание уделено особенностям повседневности волжских городов и сёл, специфике речной торговли, а также тому впечатлению, которое великая река производила на путешественников, художников и писателей. Основательно попрактиковавшись в историко-этнографических описаниях ещё во время работы над книгой о Сибири, Хартли с удовольствием уделяет внимание быту крестьян — русских, татар, представителей других народов (включая немецких колонистов) на «европейской» и «азиатской» сторонах Волги, рассказывает об образовании национальных кварталов в приволжских городах и стилистическом многообразии последних. Сюжет о перевозке товаров даёт представление о том, сколь важна была Волга как главная торговая артерия империи. К примеру, в 1830 г. в Рыбинск

ежегодно заходило более 7 тыс. судов, значительная часть которых затем отправлялась (посредством трёх систем каналов) в Санкт-Петербург и таким образом обеспечивала столицу продовольствием (р. 179). В 1895 г. по Волге ходило более половины российских пароходов (р. 174), а за два-три десятилетия до этого здесь работало более полумиллиона бурлаков, включая женщин (р. 184).

Дав разностороннюю характеристику социально-экономическим и культурным особенностям жизни Поволжья, британская исследовательница уделяет внимание взгляду на Волгу творческой интеллигенции XIX — начала XX в. Вспоминая тексты Некрасова, Островского, Гончарова, Чехова, Горького, картины Шишкина, Левитана и Репина, указывая на появление десятков путеводителей по Волге, а также распространение моды на круизы по ней, Хартли пытается объяснить, как река, некогда бывшая «границей миров», превратилась в символ России.

В последней (четвёртой) части книги «Советская и постсоветская Волга. Конфликты, идентичность и управление рекой» Хартли пишет о том, как этот регион пережил главные катаклизмы XX в. — революции, войны, социалистическое строительство. Здесь же исследуются судьбы нерусских народов региона после 1917 г., а заключительная глава посвящена экологическим издержкам форсированной индустриализации советского периода и попыткам их исправления в постсоветское время. Внимание на себя обращают прежде всего трагические сюжеты, связанные с голодом в 1920–1921 и 1932 гг., коллективизацией, репрессиями и, конечно, Сталинградской битвой. Описание последней у Хартли получилось очень ярким. Обращаясь к малоизвестным сюжетам (таким как массовое погружение в воду советских солдат в качестве

символического «крещения» — р. 285), автор демонстрирует приобретение главной российской рекой ещё одного сакрального статуса — «защитницы».

Резюмируя обзор содержания книги, надо признать, что она способна снабдить российского историка (учёного или преподавателя) массой любопытных «декоративных» деталей, редких цитат и полезных ссылок. Начинаящему исследователю (со школьной/студенческой скамьи приученному смотреть на путь России и других стран через матрицу политической истории) рецензируемый труд мог бы дать интересный пример совмещения исторического, этнографического и экономико-географического подходов к осмыслению прошлого. Однако стоит ли однозначно рекомендовать книгу Хартли к прочтению молодым историкам — вопрос непростой.

Предлагая читателю немало колоритных сюжетов, рецензируемый труд одновременно содержит в себе множество неточностей и ошибок, большинство из которых появляются при попытках автора поместить события и явления Поволжья в контекст общероссийской истории. Например, характеризуя историю распространённого на Волге старообрядчества (р. 118), автор указывает началом Никоновских реформ 1666 г. (вместо 1653 г.), называет конец XVIII в. временем разделения староверов на поповцев и беспоповцев (тогда как в действительности это произошло на рубеже XVII–XVIII вв.), существенно занижает общую численность «ревнителей старины». Повествуя о начале революции 1905 г. и упоминая о требованиях из печально знаменитой петиции столичных рабочих, Хартли почему-то вносит в их число созыв Конституционного собрания (р. 217). Преувеличенными выглядят цифры, указывающие на 12 млн жертв голода в СССР в 1932 г. (р. 256), а также на 100 тыс.

расстрелянных в 1937–1938 гг. православных священников (р. 263), не обеспеченные ссылками на источники. Наконец, затопленный в Ивановской обл. в 1952 г., по утверждению Хартли, старый город Пучеж (р. 176) на самом деле ушёл под воду в результате образования Горьковского водохранилища в 1955–1957 гг. Это — не полный перечень имеющихся в книге фактологических огрех: узкие специалисты найдут в тематически близких им разделах и другие.

Вызывает вопросы и корректность цитат, которые часто берутся не из первоисточников, а из англоязычной литературы. Разумеется, практически невозможно избежать неточностей при написании столь многообразного с тематической точки зрения труда, посвящённого более чем тысячелетнему периоду, особенно если автор — подданная другого государства (трудно представить рукопись отечественного специалиста, которая бы безукоризненно отражала факты истории Темзы в контексте британского прошлого с древнейших времён). Однако эту проблему можно было бы в значительной степени решить путём привлечения к работе высококвалифицированного научного редактора, желательно из числа российских историков.

Впрочем, претензии можно предъявить не только по части фактических неточностей. Декларируя «очарование» Волгой и с симпатией описывая самобытный культурный мир, столетиями складывавшийся на её берегах, Хартли в то же время довольно однобоко представляет деятельность здесь государства. Складывается ощущение, что автор стремится укрепить распространённый на Западе взгляд на него как на Левиафана, безжалостно расправляющегося с недовольными и стремящегося к безоговорочному доминированию над обществом. Так, Хартли не жалеет красок для описания жесто-

костей, сопровождавших подавление разинского и пугачёвского восстаний, использует максимальные цифры для характеристики масштабов сталинских репрессий, в сюжете про экологию Волги обращается к теме ГУЛАГа и подчёркивает, что создание «дивного нового мира» (строительство плотин и электростанций) оказалось омрачено использованием принудительного труда (р. 310). История нерусского населения Поволжья (особенно в XX в.) освещается в книге прежде всего как процесс подавления центральной властью стремления его представителей к расширению автономии и свободному культурному развитию.

Характеризуя сложную и многообразную историю отношений между населяющими Поволжье народами, автор чаще останавливается на её тёмных сторонах. Например, обращаясь к периоду после покорения Иваном IV Казанского и Астраханского ханств, она приводит длинную выдержку из записок английского путешественника о жестокости победителей по отношению к побеждённым (р. 47). В главе «Православие и ислам на Волге» представлена ещё одна пространная цитата из путевых заметок британского подданного о надругательстве русских над мусульманской культурой (р. 111–112). Также Хартли говорит об «угнетении» калмыков в XVIII в. (р. 100), а история поволжских немцев представляется по большей части как череда бедствий, обусловленных недоверием к ним как государства, так и людей другой национальной принадлежности. Поясняя значительное внимание к конфликтам, автор говорит, что история Волги — это «история пришельцев и разрушителей». Спору нет — историк не должен заниматься лакировкой прошлого, а принимать его таким, какое оно было. Однако в книге про величайшую российскую реку подбор фактов и цитат о межнациональных

отношениях выглядит довольно однобоким. В результате яркие описания деструктивных или трагических явлений нередко заслоняют собой сюжеты о созидательных процессах и могут создать как у западного читателя (на которого в первую очередь было рассчитано англоязычное издание книги), так и малоискушённого отечественного не совсем объективное представление о российской истории вообще и прошлом Поволжья в частности.

Рецензируемая монография Дж. Хартли — заметное явление в современной западной русистике и при этом не совсем та книга о «Матушке Волге», которую хочется видеть российскому читателю. Однако констатировать чужое несовершенство легко, гораздо труднее написать собственную историю этой (или какой-либо другой) великой реки России так, чтобы её смело можно было рекомендовать для изучения студентам и молодым исследователям. Задача эта далеко не проста. Пожалуй, неоднозначная публикация британской исследовательницы ценна имен-

но тем, что является своеобразным вызовом отечественным историкам и может рассматриваться в качестве приглашения к действию.

Примечания

¹ Horgan P. Great River: the Rio Grande in North American history. N.Y., 1954.

² Ackroyd P. Thames: Sacred River. Random House, 2008.

³ Sen S. Ganga: The Many Pasts of a River. L., 2019.

⁴ См.: Хартли Дж. Волга. История главной реки России. М., 2024.

⁵ Перевод А.Г. Коробейникова, увы, не передаёт изящной стилистики автора. Что ещё важнее, в ряде случаев авторские осторожно-критические оценки тех или иных явлений в истории России превращены переводчиком в категорические, напоминающие высказывания знаменитого маркиза А. де Кюстина. Последнее обстоятельство меняет смысловые оттенки, а порой даже может ввести читателя в заблуждение относительно авторского взгляда на исследуемый предмет.

⁶ Hartley J. Siberia: A History of the People. L., 2014.

⁷ См.: Kappeler A. The Russian Empire: A Multiethnic History. N.Y., 2001.

Марина Черкасова

Рец. на: С.В. Стрельников, А.П. Павлов. Межевые книги Троице-Сергиева монастыря середины XVI в. // Российская генеалогия. Научный альманах. Вып. 15. М.: Старая Басманная, 2024. С. 7–421.

Marina Cherkasova
(Vologda State University, Russia)

Rec. ad op.: S.V. Strelnikov, A.P. Pavlov. Mezhevye knigi Troitse-Sergieva monastyrja serediny XVI v. // Rossiyskaya genealogiya. Vol. 15. Moscow, 2024. P. 7–421.

DOI: 10.31857/S2949124X24020187, EDN: HHFEWV

В марте 2024 г. в рамках 15-го выпуска альманаха «Российская генеалогия» были изданы ценные исторические источники. Это хранящиеся в РГАДА в ф. 1209 (Поместный при-

каз) подлинные межевые книги крупнейшего в России Троице-Сергиева монастыря 1555/56–1558/59 гг. В научной литературе они были известны ещё с 1840–1860-х гг., обращались к ним

и советские историки (В.Б. Кобрин, Ю.Г. Алексеев, а также С.З. Чернов и автор данных строк)¹. Это позволило осмыслить их как ценный материал для изучения дворцового, церковно-монастырского, помеотно-вотчинного, чернососного, а в ряде случаев и посадского землевладения в центре России в период реформ 1550-х гг.

Особое значение имеет разнообразная и в ряде случаев уникальная информация межевых книг о соседних с владениями монастыря земель почти 450 служилых людей, что расширяет сведения об их генеалогии и семейно-родственных связях. Для лингвистов троицкие межевые книги представляют значительный интерес как источник по топонимике и ономастике древнерусского языка, хотя в таком качестве они специалистами ещё не привлекались. Укажу и на ретроспективное значение опубликованных источников в контексте межевого дела в России в XVI–XIX вв. с учётом последующих масштабных межеваний второй половины XVIII – первой половины XIX в. Они в настоящее время плодотворно изучаются Л.Г. Степановой², А.А. Голубинским, А.Г. Гудковым, Д.А. Хитровым, Д.А. Черненко и др. Опубликованные межевые книги дают новый импульс разработке проблем исторической географии России, формирования границ между уездами в центре страны, размещения сельских поселений, разных форм земельной собственности.

Путь к изданию был долог и труден, в отдельные годы работа велась авторами при финансовой поддержке РГНФ и РНФ. Издание подготовлено кандидатом исторических наук С.В. Стрельниковым и доктором исторических наук А.П. Павловым, а посвящено светлой памяти Юрия Георгиевича Алексеева. Такое посвящение не случайно, поскольку именно Алексеев – автор единственной в со-

ветской историографии развёрнутой статьи об этих источниках. Обратился он к ним и в монографии об аграрной и социальной истории Переславского уезда XV–XVI вв.³, где провёл сравнение межевых книг Троицкого монастыря 1550-х гг. с межевыми частями писцовой книги его же переславских вотчин в 1593/94 г. Это привело Алексеева к важному концептуальному выводу об исчезновении чёрной крестьянской волости в центре России к концу XVI в.

В дальнейшем источниковедческую разработку межевых книг продолжил Стрельников⁴. В его статьях подчёркивалась необходимость публикации этого источника, по своему значению сопоставимого с выдающимися документальными памятниками эпохи реформ 1550-х гг. – Тысячной книгой и Дворовой тетрадью. Использовал Стрельников троицкие межевые книги 1550-х гг. и в монографии о землевладении в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII в. В ней обозначена связь межевых книг с более ранними и поздними актовыми источниками (межевыми, отводными, разводными и разъезжими грамотами) и перспектива межевых работ от середины XVI в. к 1620-м гг., времени проведения валовых землеописательных работ в России после Смуты⁵. Разнообразные грамоты и межевые книги сосуществовали в течение длительного времени, дополняя друг друга, что позволяет изучать их в сопоставлении, а это важно для разработки общих вопросов источниковедения поземельных актов и материалов писцового делопроизводства, земельного кадастра вообще, частью которого они, несомненно, являлись. Неслучайно в феврале 1758 г. в период подготовки Генерального межевания была составлена копия одной из подлинных межевых книг Троицкого монастыря (№ 20)⁶.

Публикация выполнена на образцовом научно-археографическом уровне. Тексты приведены полностью, тщательно выверены по оригиналам, постранично даны краткие, но чёткие текстологические примечания. Издание открывает предисловие, содержащее сведения об изучении межевых книг в историографии XIX–XX вв., обстоятельный палеографический, текстологический, филологический и кодикологический анализ подлинников, этапы и последовательность самих межеваний тремя правительственными комиссиями межевщиков в 14 центральных уездах России. Жаль только, что (видимо, по условиям публикации в серийном альманахе) составителям не удалось представить хотя бы несколько визуальных кадров самих текстов, скреписца, позднейших пометок в ходе использования межеваний 1550-х гг. в середине XVIII столетия.

В приложении к публикации приведена разъезжая грамота кн. П.Б. Ромодановского троицким землям с поместьем В.Г. Зюзина в Ростовском уезде от 11 июля 1558 г. По ней устанавливается связь между актами и межеваниями в книгах, факты рассмотрения в ходе межеваний спорных дел, судебные prerogatives писцов.

Очень ценны обширные именной и географический указатели. В первом из них стоило бы фамилии учёных-историков выделить курсивом (в настоящем виде они сливаются с историческими персонажами). Несомненным удобством для читателя и хорошим подспорьем в работе по этим указателям являются отсылки к конкретным страницам издания, а не к листам источников, как нередко практикуется в современной археографии. Замечательно подробен и обстоятелен второй указатель, не только собственно географический, но и микротопонимический с полезным для читательского

восприятия показом смежных с троицкими владениями больших и малых пространственных объектов. Это болота, дороги, «дорожки», леса, луга, мхи, наволоки, овраги, пашни, рощи, ручьи и проч. Учтены и более мелкие локусы — «конец», «лужа», «угол», «поточная и чёрная грязь».

Полагаю, составителям стоило бы дать небольшой предметный словарь с объяснением малопонятных или полузабытых топонимических терминов (борок, бочаг, волкница, вымол, взножье, ез, кулига, поток и проч.). В географический указатель включено около 80 наименований монастырей, соборных и приходских церквей, что важно для изучения церковно-монастырского землевладения в десятках центральных уездов. Если по монастырям мы располагаем актовыми источниками, то для сельских приходских церквей и их скромного по имущественному положению духовенства информация об обеспеченности землёй в опубликованных книгах является редкой и потому особенно ценной.

С особым одобрением и профессиональным признанием следует отметить обладающий самостоятельным значением биографический справочник, составленный А.П. Павловым. В нём указаны почти 450 светских лиц, упомянутых в книгах, и их чиновно-должностные статусы, приведены сведения об их поместно-вотчинном землевладении. Учтены и данные о переходе светских лиц в монашество и в разряд монастырских слуг. В межевых книгах встречаются имена людей, широко известных в социально-политической истории России эпохи Ивана IV — А.Ф. Адашев, А.Д. Басманов, кн. И.Д. Бельский, И.М. Висковатый, кн. М.В. Глинский, кн. А.М. Курбский, И.П. Фёдоров, В.М. Юрьев-Захарьин. О них и о сотнях других, более или менее значи-

тельных по статусу служилых людях с их поместью-вотчинным землевладением Павлов представил собранные по крупницам в разных источниках историко-генеалогические и биографические сведения, в том числе и о самих межевщиках — кн. И.Д. Ростовском, кн. А.И. Стародубском, кн. П.Б. Ромодановском и подьячем М.Н. Чуфарове.

В плане последующего изучения троицких межевых книг можно обозначить задачу компьютерного картографирования в формате ГИС (геоинформационных систем), ведь их географическое и микротопонимическое пространство очень обширно и глубоко. Это нелёгкая исследовательская проблема, требующая особой методики и усилий нескольких специалистов. Отмечу также возможность изучения экологической истории России в рамках новаторского и пока ещё недостаточно разработанного направления новейшей историографии (*Environmental history*)⁷. Речь может идти о нескольких междисциплинарных направлениях — истории социоестественной геоэкологической, истории окружающей среды, исторического ландшафтоведения. В опубликованных межевых книгах выразительно и объёмно отражены природное пространство страны, тонкое восприятие природы человеком той эпохи, характер лесного покрова, разнообразные природные микрорельефы, водные ресурсы; приведено множество видов деревьев и других растений. Для изучения аграрной и, шире, экономической истории важны сведения этих источников об элементах рационального природопользования, коммуникациях между городами, уездами, волостями, деревнями (дороги большие и малые, новые и старые, в том числе ямские), о практикуемых аграрных технологиях — трёхполье (пашня, нива) и под-

секе («сечи», «чисти», «новочисти», «кочковатые лядины», множество кочек и пней «с отrostки»), других зримых знаках освоения человеком окружающей природы — колодцах, мельницах, мостах, плотинах, перевозах, «животинных прогонах». Перед нами раскрывается аграрный пейзаж Московской Руси, его метафизика и динамика. Не случайно в предисловии к публикации авторы подчеркнули богатую вариативность микротопонимической терминологии публикуемых источников, отражённую в слуховом восприятии межевщиками сведений, подаваемых местными жителями. За этим словно слышна живая русская речь простых людей той эпохи.

В заключение ещё раз подчеркну высокий уровень данной публикации, её историографичность, фундированность, археографическую безупречность — то, что всегда отличало и отличает петербургскую школу аграрной истории и источниковедения. Образцовое археографическое исполнение органично сочетается с глубоким научным анализом, источниковой и исследовательской составляющими. Это создаёт перспективы более глубокого междисциплинарного рассмотрения троицких межевых книг 1550-х гг. специалистами последующих поколений с использованием современных компьютерных технологий — в рамках социальной и экологической истории, исторической географии, исторического ландшафтоведения и исторической лингвистики. Впрочем, издание уже сейчас с благодарностью принято и вполне заслуженно оценено коллегами уважаемых С.В. Стрельникова и А.П. Павлова.

Примечания

¹ Черкасова М.С. О борьбе помещиков за землю в конце XV — первой половине XVI в. // История СССР. 1989. № 5. С. 47–59.

² См.: Степанова Л.Г. Природа и благосостояние. Освоение окружающей среды русским крестьянином в эпоху Средневековья и раннее Новое время. СПб., 2021; Степанова Л.Г. Межевые работы в Русском государстве // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвузовский тематический сборник научных трудов. Вып. 27. Калининград, 2021. С. 5–17.

³ Алексеев Ю.Г. Межевая книга вотчин Троицкого Сергиева монастыря (1557–1559 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 300–541. Статья переиздана в сборнике трудов Ю.Г. Алексеева: Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история России XV–XVI вв. СПб., 2019. С. 21–309.

⁴ Стрельников С.В. К вопросу о достоверности межевых книг Троице-Сергиева монастыря середины XVI в. (на примере Ростовского уезда) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 3(21). С. 97–98; Стрельников С.В. К изучению Троице-Сергиева монастыря се-

редины XVI в. // Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX вв. К 100-летию со дня рождения П.А. Колесникова. Материалы XV всероссийской научной конференции. М., 2008. С. 303–305.

⁵ Стрельников С.В. Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII в. М.; СПб., 2009.

⁶ РГАДА, ф. 281, № 349/1453.

⁷ Канищев В.В. Новейшие подходы к изучению геоэкологической истории России XVI–XVIII веков // Agrarian History. 2021. № 8. Р. 92–103; Степанова Л.Г. Экологическая история по материалам крестьянских «сказок» и Экономических примечаний к Генеральному межеванию // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвёртые чтения памяти академика Л.В. Милова. М., 2015. С. 404–408; Дурновцев В.И. Актуальные проблемы истории окружающей среды (Environmental history): Новый/старый маршрут исторической науки // Исторические записки. Вып. 21. М., 2022. С. 260–277.

Игорь Юркин

Демидовы в документах российских архивов*

Igor Yurkin

(S.I. Vavilov institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The Demidovs in documents from Russian archives

DOI: 10.31857/S2949124X24020199, EDN: HHESIG

Демидовы — предпринимательская династия, оставившая глубокий, по сей день не угасший след в истории экономики и культуры России. Помнит об их деятельности и зарубежная Европа. Три с половиной столетия трудов представителей этого рода нашли отражение в немалой по объёму историографии. Мимо Демидовых не прошли классики российской исторической науки — упоминания о них присутствуют в трудах С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского. Обширен список посвящённых династии статей и книг, вышедших

из-под пера русских авторов XIX–XXI вв., исследователей и популяризаторов, писавших на исторические темы — Г.И. Спасского, К.Д. Головщикова, В.В. Огаркова, Б.Б. Кафенгауза, Н.И. Павленко, Т.К. Гуськовой, А.С. Черкасовой, А.Г. Мосина, Е.П. Пироговой, Е.Г. Неклюдова и многих других, включая автора этих строк. Не обошли вниманием Демидовых и зарубежные исследователи. Наибольший интерес представляют работы Д. Гриффитса и Х. Хадсона-младшего. Последний посвятил развиту их промышленного хозяйства

* Демидовы. Взгляд сквозь века / Сост., науч. ред. Е.П. Пирогова, Н.Г. Павловский. М.: Изд-во Международного Демидовского фонда, 2022. 432 с.

диссертацию, опубликованную в виде монографии¹. Такое внимание профессиональной науки к прошлому рода Демидовых неудивительно: их деятельность в сфере экономики имеет прямое отношение к проблемам генезиса капитализма в России и природы российской мануфактуры, которые у советских историков входили в число приоритетных. В постсоветский период интерес к этой проблематике несколько ослабел, однако внимание к Демидовым благодаря переключению на другие сферы их деятельности, напротив, возросло.

В стороне от научного и общественного интереса к теме не остались и архивисты. Хранимые ими документы не раз появлялись на связанных с историей династии мероприятиях (например, на «выставках одного дня» в Нижнем Новгороде и Барнауле). Проект, включивший проведение серии небольших выставок («Демидовы на Урале», «Демидовы в Европе», «Первые Демидовы», «Наследники Акинфия Демидова»)², реализовал Государственный архив Свердловской области, параллельно с их проведением создавший информационный портал «История рода Демидовых в архивных документах» (в настоящее время учитывает более 3300 аннотированных изображений единиц хранения).

Большая выставка «Российские предприниматели Демидовы» в октябре–декабре 2020 г. демонстрировалась в Выставочном зале федеральных архивов в Санкт-Петербурге (руководитель проекта — заместитель директора РГИА Н.В. Колосенкова, куратор выставки — заместитель начальника отдела информации и научного использования документов РГИА Т.В. Богданова). Её организация явилась заметным событием в изучении деятельности Демидовых — она расширила представление о связанных

с ними документальных богатствах отечественных архивов, способствовала углублению исследований по отдельным аспектам темы.

Спустя два года после выставки стараниями Международного Демидовского фонда и РГИА был опубликован её каталог (руководитель издательского проекта М.А. Розанова). Подготовка издания явилась непростой задачей не только из-за недостатка отпущенного на работу времени (издатель стремился выпустить книгу к 30-летию юбилею Фонда). Её затруднила смерть одного из составителей и редакторов книги — директора Демидовского института (Екатеринбург) Н.Г. Павловского. Завершила начатую совместно с ним работу Е.П. Пирогова. Рецензируемая книга — результат их совместного труда.

Издание продолжило начатую выставкой работу по введению в научный оборот и изучению источников, связанных с жизнью и деятельностью Демидовых. Оно позволяет ознакомиться с ними тем исследователям, которые в силу разных обстоятельств не могут работать с документами по месту их хранения в Санкт-Петербурге. Тем же, кто такую возможность имеет, книга облегчила их изучение, представив не только изображения документов, но в большинстве случаев и их наборные тексты. Наконец, будучи как бы отложенным во времени «вторым изданием» выставки, книга устранила некоторые погрешности, неизбежные при первом представлении материала.

Основу выставки составили документы Российского государственного исторического архива. Участие в её подготовке приняли также семь других архивов, два музея, Российская национальная библиотека и АО «Гознак». Издание материалов, выпущенное под названием «Демидовы: Взгляд сквозь века», открывает вступительное слово

президента Фонда Э.Э. Росселя, отметившего роль выставки и издания в сохранении национальной памяти, укреплении связи поколений, популяризации архивных сокровищ России. За ним следует содержательная статья Т.В. Богдановой об истории подготовки экспозиции, описана её структура, дан обзор экспонатов, выделены наиболее значимые из них³. Принципы подготовки каталога изложены в предисловии, написанном Е.П. Пироговой. Три этих текста занимают всего десять страниц. Понятно, что на столь малом пространстве невозможно обсудить идеи концептуального уровня, но такого рода издания создаются не для их изложения. Основным назначением книги является печатная фиксация и представление читателю выставочных экспонатов — материала, осмыслить и увязать который с известными фактами придётся уже ему.

Следуя подходу, близкому к тому, который использован в каталоге (хотя не вполне с ним совпадающему), материал выставки можно разбить на несколько тематических групп. Первая знакомит с материалами, касающимися истории заводов. Вторая посвящена людям, на них работавшим, — их производственной деятельности и быту. Третью группу составляют документы, характеризующие Демидовых на поприще социального служения — их труды в сфере культуры, образования, благотворительности. Последней в историографии, особенно постсоветского времени, уделено едва ли не большее внимание, чем их предпринимательской деятельности. Закономерно, что на выставке и в книге этот раздел выделяется не только количеством, но и качеством материала: присутствуют в том числе документы, неизвестные исследователям.

Отдельную группу составляют материалы, отражающие семейно-имущественные отношения. Среди

них — завещания Демидовых: Никиты Никитича (документ № 99), Николая Никитича (№ 101) и Павла Павловича (№ 122). Подобные источники содержат обширную информацию не только о наследодателях и их семьях, но и об их отношениях с обществом, в связи с чем в настоящее время плодотворно изучаются⁴. Ещё одну тематическую группу составляют разнообразные свидетельства о признании заслуг Демидовых — дипломы, грамоты, указы, материалы о связанных с ними памятниках.

Перечисленные группы не обладают единством по виду образующих их источников. Некоторые материалы тяготеют преимущественно к одной тематической группе (например, картографические — к той, которая характеризует историю заводов), другие же, такие как фотографии, представлены шире. Значение фотографий ещё больше возрастает, когда изображения вводятся в научный оборот впервые. Такие есть и в книге (замечу — прекрасно воспроизведённые). Укажу в качестве примера на фотографию экспонатов, представленных от демидовских Нижнетагильских заводов на Всероссийской промышленной выставке в Москве 1882 г. (с. 28).

Рецензируемое издание состоит из нескольких частей. Первую, самую большую, образуют иллюстрации — изображения экспонатов. Во второй помещён каталог выставки — систематизированный перечень показанных на ней материалов (404 позиции). В третьей — публикация документов.

Такая структура в целом представляется достаточно обоснованной. Но, отойдя от приёмов построения традиционного каталога, редакторы, на мой взгляд, полной согласованности частей не добились. В книге каждый раздел имеет собственную нумерацию (выставочных экспонатов, публикуемых документов, публикуемых иллю-

страций), что, несмотря на наличие в каталоге отсылок на номера других разделов, навигацию всё же затрудняет.

Каталог, подготовленный для выставки, частично отредактирован — удалены около 20 описаний, относящихся к экспонатам, которые не имеют прямого отношения к теме. Одобрив подобные сокращения в принципе, выскажу сожаление, что при этом оказалась не приведена в порядок нумерация — в ней имеются сбои. Конечно, удаляя описания некоторых экспонатов, составители-редакторы издания несколько изменили первоначальный образ выставки, но для читателя эта чистка полезна. Её можно было бы даже продолжить: удалить, например, проектный чертёж 1770 г. соборной церкви при Барнаульском заводе (илл. 81), в то время давно не демидовском, и фотографию изготовленного для Киева на Дугненском заводе памятника князю Владимиру (илл. 87)⁵. На момент выполнения этой работы Дугненский завод также Демидовым не принадлежал⁶.

Издание является не только выставочным каталогом в традиционном смысле этого слова (перечнем экспонатов, дополненным их изображениями). Издатели приняли решение представить в нём также публикацию ряда экспонировавшихся на выставке документов в виде текстов, переданных шрифтовым набором. Присутствие при них изображений, полных или частичных, позволяет проверить точность их передачи. Однако некоторые включённые в каталог документы, судя по заголовкам интересные, такого внимания не удостоены: не представлены ни их тексты, ни изображения (№ 2, 6, 15, 17 и др.). Если их исключение обусловлено стремлением сократить объём издания, то непонятно, почему в публикацию попали документы, ранее уже публиковавшиеся. Такова большая часть документа № 98,

а именно входящие в него обширные пункты к полюбовному уравнительному разделу наследства Акинфия Демидова, полностью напечатанные в подготовленном А.С. Черкасовой и выпущенном Демидовским институтом сборнике «Прокофий Акинфиевич Демидов»⁷. Если уж составители решили публиковать некоторые документы в извлечениях (№ 35, 36, 56 и др.), то имело бы смысл весьма объёмную, ранее издававшуюся часть документа № 98 удалить.

Выставка и основанная на её материале книга обладают массой несомненных достоинств. Если же задаться вопросом, чего в них не хватает, то из принципиально важного следует указать на огорчающую бедность материала для характеристики Демидовых первой половины XVIII столетия. В каталоге отмечены всего 20 документов, два живописных портрета и одна гравюра, относящиеся к этому времени. А ведь именно тогда, при Никите Демидовиче и его сыновьях Акинфии и Никите, промышленное хозяйство Демидовых достигло высшей точки развития (было построено большинство демидовских заводов), а производственная и торговая деятельность — наибольшего размаха⁸. Причина уклона при отборе экспонатов в XIX в. понятна. В РГИА, на фонды которого выставка опиралась в первую очередь, объём раннего материала в сравнении с более поздним не велик. Некоторую роль сыграла, возможно, и меньшая аттрактивность экспонатов-документов в сравнении с картами, чертежами, фотографиями, книгами. Вместе с тем представленный на выставке поздний материал настолько интересен, что хронологический перекося практически не ощущается.

Выход в свет рецензируемого издания подвёл итог важному проекту, начатому РГИА и своевременно под-

хваченному Демидовским фондом. На его примере виден удачный пример объединения усилий двух организаций, внёсших вклад в достижение результата. Изданная книга — полезное пополнение библиотеки археографических публикаций, связанных с историей экономики и культуры России.

Примечания

¹ *Хадсон-мл. Дж.* Первые Демидовы и развитие чёрной металлургии России в XVIII веке. Изд. 2 / Отв. ред. И.Н. Юркин. СПб., 2014.

² Демидовы в Европе. Каталог выставки. Екатеринбург, 2019; Первые Демидовы: рождение горнозаводской империи. Екатеринбург, 2021; Наследники Акинфия Демидова: новые пути развития. Уральская заводская империя второй половины XVIII — начала XIX века. Каталог выставки. Екатеринбург, 2022.

³ В статье Т.В. Богдановой приведены сведения о пожаловании Н.Д. Демидову дво-

рянского достоинства (с. 8), с трактовкой которых не могу согласиться. Реальная картина событий была сложнее.

⁴ Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Сост., очерки и коммент. Н.В. Козловой и А.Ю. Прокофьевой. М., 2015; «Помышляя о часе смертном...»: семейно-правовые акты в документах ратуши Сергиевского посада (последняя четверть XVIII — середина XIX в.). Тексты и комментарии / Сост. Н.А. Четырина. М., 2022.

⁵ Так в подписи к фотографии. Исправлю неточность: главный элемент памятника — фигура князя Владимира — отлита в Санкт-Петербурге (*Петров В.Н.* Пётр Карлович Клодт. 1805—1867. Л., 1985. С. 50).

⁶ *Арсентьев Н.М., Дубодел А.М.* Промышленная Россия первой половины XIX века: Замосковный горный округ в планах и чертежах. М., 2004. С. 138.

⁷ Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. 1735—1786 / Сост. А.С. Черкасова. Екатеринбург, 2010. С. 38—43.

⁸ *Юркин И.Н.* Демидовы: Столетие побед. М., 2012. С. 84, 300—301, 400.

Лариса Байбакова

Рец. на: Россия на международных форумах и конгрессах XVII — начала XX века. М.: Международные отношения, 2021. 552 с.

Larisa Baibakova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: Rossiya na mezhdunarodnykh forumakh i kongressakh XVII — nachala XX veka. Moscow, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X24020202, EDN: HNEFFS

Коллективная монография «Россия на международных форумах и конгрессах XVII — начала XX века», подготовленная в Институте российской истории РАН, продолжает традицию изучения места и роли нашей страны в мировой политике¹ и, в частности, использования ею средств конференционной дипломатии, обладавшей значительной степенью автономии и свободой манёвра.

Как известно, в 1648—1850 гг. различные международные конгрессы собирались десятки раз, во второй по-

ловине XIX в. их насчитывалось 549, а в 1900—1919 гг. — 1082². Однако авторы коллективной монографии анализируют лишь наиболее важные из них, прежде всего те, которые оформляли ту или иную «систему» отношений в Европе, фиксировали после очередного военного столкновения новое соотношения сил и определявшееся им территориально-политическое устройство.

Во введении к монографии А.В. Виноградов показал связь, соединяющую вполне самостоятельные

очерки авторитетных в научных кругах исследователей. Вестфальский мир, завершивший Тридцатилетнюю войну 1616–1648 гг., — первый крупный конфликт Нового времени — не только изменил границы на континенте, но и стал исходной точкой для всех последующих международных договоров вплоть до французской революции конца XVIII в. При сложившемся тогда порядке, основанном на равновесии сил держав и недопущении доминирования одной из них, дипломатические отношения впервые были структурированы и приобрели регулярный характер. Россия впервые выступила в качестве полноправного участника европейских дел на Карловицком конгрессе 1698–1699 гг.

А.Г. Гуськов показал двойственность принятого царским правительством решения присоединиться к борьбе с турецкой угрозой и взять на себя обязательства отвлечь войска крымского хана на восток ради приобретения выхода в Азовское море и продвижения к Черноморскому побережью. Сложность положения российской миссии во главе с думским дьяком П.Б. Возницыным объяснялась нежеланием Петра I заключать долгосрочное соглашение с турками. Однако добиться продолжения войны в условиях, когда все союзники стремились её закончить, оказалось невозможным. В итоге Россия предпочла ограничиться перемирием, продлённым в 1700 г. Константинопольским миром на 30 лет. Удержав стратегически важную крепость Азов и освободившись от уплаты ежегодной дани крымскому хану, Россия, по словам Гуськова, «оказалась включена в общеевропейскую систему международных отношений и договоров» (с. 84).

Г.А. Санин отметил, что в рамках Вестфальской системы равновесие сил в Европе нарушалось в пользу Франции и её союзников. Сдержива-

ние их привело к войне за «испанское наследство» и образованию новой Утрехтско-Ништадтской системы, при которой «в дополнение к двум политическим группировкам — вокруг Англии и вокруг Франции — сложилась третья группировка в составе России, Пруссии, Саксонии, Польши и Дании... с преобладающей ролью Петербурга» (с. 129). Таким образом, при Петре I, решая собственные стратегические задачи (выход к Балтийскому морю и оборона южной границы), Россия вошла в европейский «концерт», «пройдя путь от второстепенного государства до системообразующей державы» (с. 130).

М.Ю. Анисимов рассмотрел роль на международных конгрессах дипломатов Елизаветы Петровны. Её царствование представлено в книге как период «окончательного вхождения России в европейскую систему международных отношений в качестве одной из пяти великих держав, которые будут определять судьбу континента вплоть до начала XX в.» (с. 131). Характеризуя «Постутрахтский порядок международных отношений», автор указывает на складывание двух враждебных блоков, отражавшее противостояние Парижа и Вены, на которую ориентировались в Петербурге. Опираясь на неизвестные прежде архивные материалы, историк раскрывает обстоятельства подготовки конгресса в Аугсбурге и причины, помешавшие его созыву.

Участие России в Тешенском конгрессе 1778–1779 гг. освещено Г.А. Гребенщиковой, утверждающей, что именно «это событие... возвело державу Екатерины II на почётный пьедестал гаранта мира» в Германии (с. 182). Благодаря усилиям кн. Н.В. Репнина, блестяще справившегося с посреднической миссией, удалось завершить войну за «баварское наследство» компромиссом

между Веной и Берлином, не допустив существенного усиления одной из соперничавших сторон. При этом «в ходе многочасовых переговоров по животрепещущим вопросам германской политики великие державы воспринимали и расценивали Россию как полноправного и весомого участника “концерта”, без которого ни одно решение по германо-австрийскому направлению не имело окончательной юридической силы» (с. 182).

Е.В. Котова обратила внимание на действия Александра I на Венском конгрессе 1814–1815 гг., который «стал апогеем влияния России, значительно расширившей свои границы, на европейские дела» (с. 261). Примером урегулирования региональных кризисов в рамках Венской системы Е.П. Кудрявцева считает Лондонские конференции 1840–1841 гг., изменившие международно-правовой статус проливов Босфор и Дарданеллы, формально принадлежавших Османской империи, но оказавшихся под коллективной опекой великих держав. По мнению автора, заключённые тогда соглашения, временно смягчив напряжённость в Европе, в долгосрочной перспективе обострили соперничество на Ближнем Востоке, поставили под угрозу безопасность Черноморского побережья России и усилили влияние Англии в Константинополе.

В очерке М.Е. Сороки высоко оцениваются усилия посланников России на Парижском конгрессе 1856 г. гр. А.Ф. Орлова и барона Ф.И. Бруннова, направленные на смягчение условий мирного соглашения после проигранной Восточной войны. Действительно, финальная версия подписанного ими трактата выглядела не столь болезненно, как могла бы. Россия утратила лишь небольшую часть своей территории, прилежавшую к устью Дуная, и не выплачивала контрибуции, но ей всё же пришлось смириться с ограничением

суверенных прав на Чёрное море. Добиться отмены этих унижительных для великой державы обязательств удалось только в 1871 г. После же победы России в войне с Турцией в 1878 г. решения Берлинского конгресса, детально проанализированные И.С. Рыбачёнок, зафиксировали новую геополитическую обстановку, в которой важную роль играли так и не разрешённые противоречия на Балканах — в Боснии и Герцеговине, Македонии, Добрудже, в зоне Проливов и т.д.

В ещё двух очерках Рыбачёнок прослеживаются попытки «европейского концерта» ограничить рост вооружений и создать нормативную базу для мирного решения международных споров. Характерно, что Николай II, выступивший инициатором созыва Первой Гаагской конференции, руководствовался как политическими, идеологическим и моральными мотивами, так и финансовыми соображениями. Но особенно значимым представляется обзор Второй конференции мира в Гааге в 1907 г., которой до сих пор не было посвящено специальных исследований. Впервые введённые в научный оборот материалы АВПРИ позволили автору выявить этапы подготовки этого форума, описать его ход и раскрыть значение достигнутых результатов в контексте изменений, происходивших в начале XX в. И хотя создание общеевропейской системы безопасности и тогда не имело шансов на успех, такие международно-правовые механизмы, как арбитраж, посредничество, международные следственные комиссии и суд впоследствии прочно вошли в дипломатическую практику.

Вместе с тем о некоторых проблемах в книге следовало бы сказать более подробно. Так, Россия не случайно упоминалась в тексте Вестфальского мира в качестве одного из его гарантов, что делало её важным элементом

европейского равновесия. Но каково было её место, каким влиянием она располагала в складывавшейся в то время системе отношений держав? Для понимания этого нужно не просто рассмотреть расстановку сил в Европе в середине XVII в., как сделано во введении, но и выделить основные этапы постепенного втягивания России в различные союзы и коалиции.

В очерке Гуськова Россия предстаёт как страна, включённая на основе решений Карловицкого конгресса в общеевропейскую систему международных связей. Однако, по мнению Санина, такого положения ей удалось добиться только после завершения в 1721 г. Северной войны. Анисимов же называет «временем окончательного вхождения» в этот круг царствование Елизаветы Петровны, правительство которой в 1748–1761 гг. «прошло путь от отказа от допуска на международный конгресс до ведущей роли в нём». Гребенщикова причисляет Россию к «великим державам» уже при Екатерине II (с. 130, 180, 182). Соответствующие критерии (объективные и субъективные) требуют, видимо, дополнительных разъяснений. Ведь в XVII в. заметную роль в Европе играли не менее десяти государств, но само понятие «великая держава» вошло в обиход только после Венского конгресса 1814–1815 гг. и возникновения в 1818 г. «пентархии», включавшей Англию, Россию, Австрию, Пруссию и Францию.

Впрочем, Анисимов не без оснований относит фактическое появление пентархии ко времени Семилетней войны 1756–1763 гг., которая завершилась серией мирных договоров, оформивших новую — «Постутрехтскую» систему международных отношений (с. 131). По словам Гребенщиковой, в конце 1770-х гг. «четырёхугольник Петербург — Берлин — Париж — Вена являлся действенным фактором

в деле сохранения мира, безопасности и спокойствия в Европе» (с. 182). Но как тогда в эпоху наполеоновских войн сложилось то, что исследователи иногда именуют «Тильзитской системой»³, главным признаком которой являлось установление французской гегемонии на континенте? Сменившая её Венская система опиралась на принципы легитимизма и равновесия, гарантированные «концертом» пяти великих держав, регулярно проводивших конгрессы и консультации для разрешения конфликтных ситуаций. Продолжительность её существования и отличительные черты до сих пор вызывают дискуссии. Одни полагают, что она сохранялась до Крымской войны 1853–1856 гг. (этого мнения придерживаются и авторы рецензируемой монографии) или до 1871 г., когда начался переход к системе союзов, разделивших Европу на два лагеря. Другие же доказывают, что её основополагающие консервативно-охранительные идеи, а также «стремление к поиску консенсуса, консультациям, арбитражу» действовали, несмотря на частые и длительные перебои и модификации, в течение целого столетия — вплоть до Первой мировой войны⁴. Рыбачёнок утверждает, что Балканские войны 1912–1913 гг. стали «началом конца системы, созданной Берлинским конгрессом» (с. 402). Однако следует ли рассматривать решения Берлинского конгресса 1878 г. как самостоятельную систему, существенно изменившую расстановку сил, или как модифицированную «подсистему» в рамках Венского миропорядка? Не лишним было бы также уточнить место России в реалиях рубежа XIX–XX вв. при анализе возникших региональных подсистем (балканской, ближневосточной, закавказской, среднеазиатской и проч.).

Так или иначе, авторам в целом удалось реализовать свой широкомас-

штабный замысел, подтвердив оригинальные концептуальные положения широким кругом источников, в том числе впервые введёнными в научный оборот документами из фондов РГАДА, АВПРИ и РГА ВМФ. Ими создано обобщающее исследование, в котором на основе критического переосмысления хода и итогов международных конгрессов, заседавших при активном участии царской России, а также с учётом новейших достижений в области теории и методологии истории, убедительно демонстрируется, что дипломатия, способная урегулировать межгосударственные противоречия мирным путём, не менее значимая сила, чем оружие на поле боя. Данная коллективная монография, несомненно, будет полезна не только для специалистов, но и для всех, кто проявляет интерес к истории международных отношений.

Примечания

¹ См., в частности: Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI — начало XX века: к столетию академика А.Л. Нарочницкого. М., 2007; Формирование территории Российского государства, XVI — начало XX вв. Границы и геополитика. М., 2015; От царства к империи. Россия в системе международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века. М.; СПб., 2015.

² Третьякова Е.С. Основные конгрессы и конференции XIX века и их роль в развитии международного права // Вестник академии права и управления. 2016. № 42. С. 41–47.

³ Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений. 1918–1939 гг. М., 2006. С. 26.

⁴ Системная история международных отношений в четырёх томах. М., 2000. Т. 1. С. 10–12; Ревякин А.В. История международных отношений в Новое время. М., 2004. С. 38–39; Медяков А.С. История международных отношений в Новое время. М., 2007. С. 164; Основы общей теории международных отношений. М., 2009. С. 67–69.

Алексей Ипатов

Рец. на: С.С. Юдин. Солдат империи. Генерал М.И. Драгомиров. Реформатор. Учитель. Военачальник. М.: Яуза-каталог; Российское военно-историческое общество, 2021. 336 с.

Aleksey Ipatov

(Voronezh State Pedagogical University, Russia)

Rec. ad op.: S.S. Yudin. Soldat imperii. General M.I. Dragomirov. Reformer. Uchitel'. Voenachal'nik. Moscow, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X24020214, EDN: HGNTUO

Мнения о концепциях и способностях военных теоретиков и полководцев второй половины XIX в. в Российской империи за прошедшее время неоднократно менялись. В отечественной и зарубежной исторической науке не раз трансформировались господствующие методологии и основные подходы к оценке роли отдельных личностей. В советской историографии царские генералы по-

реформенной эпохи оценивались предельно строго, похвалы (прежде всего от П.А. Зайончковского¹) удостоился, пожалуй, только военный реформатор Д.А. Милютин. В последние десятилетия учёные всё чаще проявляют интерес и к другим крупным военачальникам². Однако, как ни странно, только в 2021 г. вышла первая монография, посвящённая анализу взглядов и деятельности М.И. Драгомирова, оста-

вившего яркий, хотя и неоднозначный след в истории русской армии и военной мысли. Между тем до сих пор «память о нём поддерживается отдельными энтузиастами и военными учреждениями, но противоречивый образ генерала заслонил реального человека и его идеи» (с. 7). Пройти сквозь мифы, окружавшие и окружающие его фигуру, действительно отнюдь не просто. В самом начале С.С. Юдин утверждает, что на первые оценки, прозвучавшие после смерти Драгомирова, повлияло поражение России в русско-японской войне. Но если это и верно, всё равно необходимо понять, почему так произошло. Ведь, к примеру, репутация А.В. Суворова не пострадала из-за неудач русских войск в 1805–1807 гг.

Структура исследования вполне традиционна и включает введение, восемь глав, заключение и «алфавитный указатель» имён, существенно облегчающий работу с текстом. Автор книги исходит из того, что военная карьера Драгомирова «была предопределена семейной традицией» (с. 13). В первой главе «От Конотопа до Петербурга» описаны годы детства и юности Михаила Ивановича, когда он рос в патриархальной обстановке Малороссии, обучался с 1847 г. в Дворянском полку, где проявил незаурядные личные качества, и в Императорской Военной академии, проникался идеями Суворова, изучал европейский опыт в заграничных командировках (с. 10–44).

Вторая (с. 45–75) и третья (с. 76–100) главы монографии посвящены участию Драгомирова в реформировании русской армии после разочарований, вызванных итогами Крымской войны. В 1859–1874 гг. молодой офицер предлагал множество проектов, направленных на улучшение комплектования и обучения войск, активно анализировал различные аспекты тактики и стратегии, смело обличал

существовавшие в армии проблемы и пережитки, часто выступал в военной печати. По словам Юдина, «статьи Драгомирова воспринимались противниками реформ как новое посягательство на власть командиров частей, подрыв дисциплины, и нередко это означало для них наличие самых опасных тайных намерений» (с. 59). Характерно, что хотя сам он и не принадлежал к оппозиции, среди его знакомых было немало тех, кто придерживался либеральных и даже радикально демократических взглядов. Юдин отмечает огромное влияние на полковника Драгомирова командировки в Пруссию для наблюдения за ходом австро-прусской войны 1866 г. Он не только сумел оценить достоинства и недостатки военной тактики и стратегии обеих сторон, но и лично познакомился со многими военными и политическими деятелями, включая кронпринца Фридриха-Вильгельма, гр. О. фон Бисмарка, Г. фон Мольтке и одного из лидеров Немецкой прогрессистской партии Р. Вирхова. Поездка заметно отразилась и на известности Михаила Ивановича как профессора Николаевской Академии Генерального штаба. Впрочем, открыто выражая свои взгляды, он быстро нажил как почитателей своего таланта, так и недоброжелателей, настраивавших против него Александра II. Именно с этим автор книги связывает назначение в 1869 г. Драгомирова, незадолго до этого произведённого в генерал-майоры Свиты е.и.в., на должность начальника штаба Киевского военного округа.

В четвёртой главе (с. 101–144) анализируется деятельность Драгомирова в 1874–1877 гг. С мая 1873 г. он командовал 14-й пехотной дивизией, которую к началу русско-турецкой войны не только «сильно подтянул», но и сделал одной из образцовых. Не случайно именно ей было поручено

чено 15 июня форсировать Дунай. Драгомиров со страхом ждал этого, по его словам, «великого для меня дня, в котором должно оказаться, чего стою я и моя система образования и воспитания солдата, и стоим ли мы вообще оба, то есть я и моя система, чего-нибудь» (с. 133). Но переправа, несмотря на неизбежный «хаос боя», превратилась в триумф драгомировской дивизии и, как справедливо пишет Юдин, «стала одной из самых успешных операций русской армии» за всю кампанию (с. 134). Авторитет генерал-майора, заслужившего орден Св. Георгия 3-й степени, в военных и придворных кругах, в окружении императора и главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича (старшего) резко возрос.

Однако уже 12 августа, вследствие тяжёлого ранения, едва не приведшего к ампутации ноги, война для Михаила Ивановича фактически закончилась: «О возвращении в строй не могло быть и речи. Всю оставшуюся жизнь Драгомиров испытывал проблемы с ездой верхом и подъёмом по лестницам» (с. 138). Оставалось подводить итоги, извлекать уроки, исправлять ошибки. Десять лет спустя генерал признал: «Все мы грешны, все и покаемся, чтобы в будущем прорух не скажу совсем не было, но чтобы было по возможности меньше» (с. 143). Впрочем, в конце главы автор смело договаривает за своего героя (вовсе не отличавшегося излишней сдержанностью) даже то, что он так и не сказал. Например, о том, будто «победа была достигнута вопреки началству» (с. 144). Ещё более широкие выводы делаются от имени «Драгомирова и других участников войны», названных «поколением 1877 г.». По мнению Юдина, видя, как «Россия вступала в войну с благородной целью освобождения славян от турецкого владычества», но «русский народ не получил

от неё прямых выгод», они убедились в том, что «правительству следует не гнаться за идеологическими химерами и не “жениться” отстаивать национальные интересы», а «внешняя политика России должна стать более прагматичной и тщательнее соотносить желания и возможности». Правда, в подтверждение этого заключения приводятся лишь «известные слова Александра III» (с. 143). Однако корректно ли экстраполировать их на всё «поколение 1877 г.»? Во всяком случае не менее известные слова М.Д. Скобелева, произнесённые в 1882 г. перед сербскими студентами в Париже, свидетельствуют об обратном.

Высоко оценивая заслуги Драгомирова, Александр II произвёл его осенью 1877 г. в генерал-лейтенанты, а в апреле 1878 г. поставил во главе Николаевской академии Генерального штаба. Михаил Иванович руководил ею более десяти лет — с 1878 по 1889 г. Многочисленные трудности, с которыми он столкнулся на новом посту, и дискуссии о необходимых изменениях в тактике ведения боя, развернувшиеся тогда в военных кругах, нашли отражение в пятой (с. 145–189) и шестой (с. 190–216) главах монографии. Как утверждает Юдин, «среди всех офицеров Генерального штаба только он обладал должным авторитетом, известностью в России и за рубежом, а главное, уникальным сочетанием педагогического опыта с боевым и практическим» (с. 161).

Вместе с тем в спорах с другими генералами, включая М.Д. Скобелева, Г.А. Леера, А.Н. Куропаткина, Драгомиров нередко проявлял себя как человек неуживчивый, последовательно выступавший против засилья «военной бюрократии» в министерстве и округах, довольно часто высказывавший свою точку зрения и при этом болезненно реагирующий на несогласие или критику. Успешно развеи-

вая некоторые мифологемы, искажающие реальные представления генерала о развитии огнестрельного оружия и его роли в бою, Юдин констатирует, что Михаил Иванович, рассуждая «о влиянии технических новинок на моральное состояние войск», «выдвигал на первый план задачу совершенствования человека, а не технические средства» (с. 209–210). Впрочем, автор явно избегает каких-либо однозначных суждений о верности или ошибочности позиции Михаила Ивановича в полемике 1880-х гг.

В седьмой главе (с. 217–258) говорится о службе Драгомирова на посту командующего Киевским военным округом (1889–1903) и киевского генерал-губернатора (1898–1903). В ней показано, насколько скрупулёзно генерал формировал круг своих ближайших сотрудников, без обиняков заявляя неугодным, что они не работают. Характерно, что, удостоившись милостивого рескрипта императора после больших манёвров в 1890 г., Драгомиров, поблагодарив войска, выпустил специально для офицеров прибавление к приказу, названное «Чего нам недостаёт» и являвшееся, по сути, настоящим «разносом» за выявленные недостатки. В целом, как признаёт Юдин, «это был грубый и порой жёсткий начальник» (с. 230). Наряду с его неравнодушным отношением к делу это нередко приводило к столкновениям как с вышестоящими, так и с подчинёнными. Сказывалось и то, что с годами Михаил Иванович действительно всё подозрительнее относился к новому вооружению и к разного рода достижениям военно-технического прогресса. Значительных усилий стоило ему подготовить официально утверждённый 10 апреля 1904 г. Устав полевой службы.

В заключительной главе «Война, мир, революция» (с. 259–302), характеризуя внешнеполитические взгляды

Драгомирова, Юдин пишет о том, с какой тревогой воспринимали в России смерть Вильгельма I в 1888 г. и отставку в марте 1890 г. кн. О. фон Бисмарка на фоне нагнетания военно-политической истерии, гонки вооружений и колониального раздела мира на рубеже XIX–XX вв., как нарастало осознание того, «что конфликт в Европе стал ближе» (с. 259). Между тем автор убедительно показывает, что и «накануне нового века Драгомиров мыслил о войне, оставаясь целиком в рамках культуры XIX столетия, в которой война представлялась прогрессивной силой» (с. 276). Последние месяцы его жизни оказались наполнены интригами, «в которых личные счёты служили таким же важным двигателем, как и беспокойство о судьбах армии и России» (с. 299).

Не пытаясь идеализировать своего героя, неоднократно приводя весьма нелицеприятные отзывы о нём современников и критически оценивая его идеи и действия, С.С. Юдин, несмотря на спорность и недостаточную аргументированность отдельных утверждений, создал весьма добротный и профессиональный труд, значительно обогащающий современную историографию. Его книга ещё долго будет вдохновлять читателей на дальнейшие исследования, раскрывающие новые грани биографии М.И. Драгомирова и его времени.

Примечания

¹ *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952; *Зайончковский П.А.* Русский офицерский корпус на рубеже двух столетий (1881–1903 гг.) // Военно-исторический журнал. 1971. № 8. С. 39–47; *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973; *Зайончковский П.А.* Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной // Вопросы истории. 1981. № 4. С. 21–29.

² *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольте». Николай Николаевич Обручев

(1830–1904). СПб., 1998; *Дашкуев М.Д.* Побеждает тот, кто умеет лучше думать. Н.Н. Обручев. М., 2007; *Муханов В.М.* Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007; *Господарик Ю.* Пётр Семёнович Ванновский // Высшее образование в России. 2002. № 4. С. 142–147; *Шолохов А.Б.* Генерал Михаил Скобелев.

Исторический портрет. М., 2002; *Гусаров В.И.* Генерал М.Д. Скобелев: легендарная слава и несбывшиеся надежды. М., 2003; Генерал Куропаткин — государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения. М., 2018; *Шаваев А.Г.* Куропаткин. Судьба оболганного генерала. М., 2019; и др.

Александр Пученков

Без Бога, царя и Отечества: из истории Балтийского флота в 1917 г.*

Aleksandr Puchenkov

(Saint Petersburg State University, Russia)

Without God, Tsar and Fatherland: the history of the Baltic Fleet in 1917

DOI: 10.31857/S2949124X24020221, EDN: HGNBTZ

Петербургский исследователь Д.А. Бажанов уже многие годы увлечённо работает над историей Балтийского флота в годы Первой мировой войны¹. Нынешнее исследование Бажанова выводит его наработки на новый уровень: учёному удалось подготовить труд, который может лечь в основу докторской диссертации. Книга охватывает сразу два актуальных и востребованных направления. С одной стороны, она освещает службу дредноутов Балтийского флота в 1914–1917 гг., когда данный тип кораблей считался новейшим, требовал особой подготовки нижних чинов и офицерского состава, остававшегося вплоть до начала Великой войны преимущественно дворянским². Хотя Балтика так и не стала очагом крупных морских сражений, местные корабли должны были защищать от немецких атак Петроград и Гельсингфорс. Другая, не менее важная часть монографии реконструирует основные черты повседневности балтийцев в переломную эпоху. Исследователь дотошно проанализировал все ключевые

аспекты повседневной жизни моряков, служивших в Гельсингфорсе. Бажанову удалось реконструировать быт моряка-балтийца — рутинную сторону его службы на корабле, духовную жизнь, пищевой рацион, режим дня и т.д.

Затронутые в книге сюжеты порождают целый ряд вопросов. Едва ли не самый важный из них: как и благодаря чему за два с половиной года произошла метаморфоза, превратившая матросов Балтийского флота — гордость империи и любимцев всех без исключения Романовых, начиная с Петра Великого, в «красу и гордость русской революции», а после Октября — в своеобразных преторианцев большевистского режима?

На протяжении всей своей истории российский флот представлял собой уникальное сообщество со своими традициями и ритуалами, особым внутренним устройством. В известной степени это была своеобразная «Россия в миниатюре», чрезвычайно остро переживавшая политические и экономические события. Себя моряки-

* *Бажанов Д.А.* Служебные будни балтийских дредноутов (1914–1917 гг.). СПб.: Астерион, 2021. 384 с.

«братушки» считали носителями универсальной и внепартийной идеологии, не зафиксированной ни в каких уставах³. После Февраля матросы стремились руководствоваться только ею, не очень-то обращая внимания на прежние авторитеты. При этом вчерашние нижние чины убежденно считали, что имеют полное право на претворение своих идеалов в жизнь в общегосударственном масштабе. С «неправдой» моряки были готовы сражаться, не жалея «живота своего».

Основу монографии составили неопубликованные материалы, извлеченные Бажановым из РГА ВМФ. Введение их в научный оборот позволило автору представить чрезвычайно взвешенный и осторожный взгляд на события, связанные с историей бригады дредноутов, стоявшей в 1914–1917 гг. в Гельсингфорсе. Подобный подход позволяет получить достаточно точную картину настроений личного состава Балтийского флота в целом. Бажанов избрал хронологический стиль повествования, начиная свой рассказ с лета 1914 г., которое «Гельсингфорс встретил обычной суетой на улицах и в магазинах, разноголосой речью — русской, шведской и финской» (с. 77).

Начало кампании застало флот в стадии перевооружения: в ходе русско-японской войны Россия практически полностью потеряла военно-морские силы, предназначавшиеся для Балтийского моря и Тихого океана. Между тем именно линейным кораблям типа «Севастополь» предстояло выдержать основной удар немецкого флота (с. 3). К исходу 1914 г. на дредноутах окончательно сложился распорядок дня: после пробудки в 6 ч. 30 мин. утра матросы должны были за считанные минуты подняться, одеться, умыться, убрать койку и выстроиться на утреннюю молитву. После завтрака начиналась изнурительная «судовая работа», продолжавшаяся до

11 ч. 30 мин. За ней следовали гимнастика, обед и послеобеденный отдых, после чего возобновлялось выполнение судовых работ. С 17 ч. 30 мин. матросы приступали к уборке и подготовке к ужину, который «на кораблях был событием более значимым, чем обед. Он был наиболее сытной частью рациона команды, поскольку включал в себя первое блюдо и чай (а для унтер-офицеров — какао)» (с. 87–89). После ужина наступало свободное время, продолжавшееся до того, как в 8 ч. вечера матросы сигналом горна созывались на вечернюю молитву, которая проходила, в отличие от утренней, в так называемой церковной палубе (корабельной церкви). Когда служба заканчивалась, матросы шли к раздаче коек и отправлялись в жилую палубу. С этого момента хождение по кораблю кого-либо, кроме вахтенных, воспрещалось. «Жизнь окончательно замирала, — отмечает Бажанов, — когда на корабле гасили огонь на камбузе (около 23 ч.)» (с. 90). Отклонения от порядка допускались лишь в воскресенье, когда сигнал пробудки звучал на два с половиной часа позднее обычного времени — в 9 ч. утра. Дольше обычного длилось в этот день и богослужение, занимавшее важное место в повседневной жизни военного корабля. Кроме того, именно в воскресные матрос легче всего мог получить увольнительную на берег, в отдельных случаях — даже до утра следующего дня (с. 90).

Обратим внимание: утренняя и вечерняя молитвы являлись нормой корабельной жизни. Но хотелось бы узнать, какую роль религиозный фактор играл в жизни Балтийского флота на начальном этапе Первой мировой войны и, к примеру, в канун революционных событий 1917 г.? Каким образом атеизм проникал в сознание экипажей и вытеснял традиционную религиозность? Эти вопросы, к со-

жалению, в рецензируемой книге не рассмотрены.

Большое внимание автор уделяет организации свободного времени моряков. Если офицеры были вольны в выборе своих занятий, то досуг нижних чинов в значительной мере зависел от воли командования. В офицерских кают-компаниях на линкорах работали библиотека, клуб и музыкальный салон. Нижним чинам командование предлагало купание, а также спортивные занятия: соревнования по лыжному спорту, футбольные матчи между командами дредноутов, акробатику, классическую борьбу, состязания по тяжёлой атлетике (с. 107–111). Кроме того, в качестве развлечений командам кораблей предлагались театральные постановки, киносеансы и посещения библиотек (с. 112–115).

Тяготы военного времени лишь к 1916 г. отозвались на снабжении линкоров, но потом уже «кризисные явления возникали постепенно в разных сферах» (с. 102). Вскоре личный состав столкнулся с дефицитом носков, кальсон и т.д., не хватало стиральных и моющих средств на кораблях, ухудшилось качество питания (с. 103–104). Все эти факторы отражались на состоянии здоровья моряков.

Роль линейных кораблей типа «Севастополь» в кампаниях 1915–1916 гг. была неоднозначной. Конечно, введение их в строй усилило оборону столицы. Однако, по признанию Бажанова, «своего боевого назначения они не оправдали» — ни разу не участвовали в бою, хотя трижды выходили на прикрытие минных постановок (с. 105).

Значительная часть книги посвящена событиям 1917 г. Февральская революция кардинально изменила жизнь экипажей. Доходившие в дни революции известия с берега будоражили команды (с. 177). Чрезвычайные меры, которые принимало командование, пытаясь сохранить контроль

и не допустить беспорядков, к успеху не приводили: обстановка в Гельсингфорсе быстро накалялась (с. 186). Бажанов пытается найти побудительные причины, из-за которых в матросской среде накапливалось недовольство, обернувшееся расправой над офицерами в Гельсингфорсе, кошмарное повторение которой на исходе 1917 г. произошло и в Севастополе.

В советской традиции убийства офицеров даже героизировались — достаточно вспомнить знаменитые строчки из «Оды революции» В.В. Маяковского. Бажанов не видит «предопределённости» в избиениях и расправах над офицерами в начале марта 1917 г., полагая, что «в условиях сложившейся напряжённости было достаточно малейшей ошибки со стороны командного состава, чтобы последовал взрыв» (с. 187). Вести из Петрограда доходили до кораблей бригады с запозданием: лишь 3 марта на «Императоре Павле I», «Андрее Первозванном» и «Славе» команды подняли боевые красные флаги, начались убийства отдельных офицеров. Командование в этих условиях поначалу проявило пассивность (с. 190). Политическим бенефициаром событий стал А.Ф. Керенский, прибывший вечером 3 марта в Морской Генеральный штаб и начавший переговоры с восставшими, пытаясь призвать их к выполнению своего долга, а главное — добиться популярности в матросской среде (с. 191–192). Увещевания Керенского и других эмиссаров Временного правительства не имели должного эффекта. Кульминацией тех дней стало убийство матросами в воротах Свеаборгского порта командующего Балтийским флотом А.И. Непенина. Ссылаясь на мемуарные свидетельства, Бажанов утверждает, что убийство адмирала «могло быть осуществлено матросами береговой роты с целью устранения препятствия

на пути вице-адмирала А.С. Максимова к должности командующего Балтийским флотом» (с. 196).

В 1917 г. на Балтике резко снизилась интенсивность боевой подготовки кораблей, моряки непрерывно участвовали в митингах по самым разным вопросам. Нередко команды сами устанавливали себе — без какой-либо видимой причины — дополнительные выходные дни (с. 196—200). В результате сократились объёмы судовых работ, снизилась боеспособность флота, команды очевидно оказались не в состоянии воевать.

Вероятно, автору следовало уделить большее внимание политическим предпочтениям рядового и командного состава Балтийского флота накануне февральских событий 1917 г. Известно, что анархистские настроения получили здесь широкое распространение и во многом сказывались на поведении экипажей. Не потому ли посетивший в апреле 1917 г. Балтийский флот адмирал А.В. Колчак был потрясён увиденным? Выступая 25 апреля в Севастополе перед делегатами Черноморского флота, он подчеркнул: «Глубокие изменения Балтийского флота прежде всего определились падением дисциплины. Флот как бы забыл, что идёт война. Он занялся внутренним строительством, забыв о внешней опасности»⁴. Вряд ли в тот момент даже авторитет Колчака мог остановить разложение на Балтике, недолго сохранял адмирал порядок и на Чёрном море.

Летом 1917 г. ситуация продолжала катиться по наклонной. Запоздалые меры Временного правительства, пытавшегося, в частности, запретить распространение среди команд дредноутов большевистских газет, результата не принесли. Флот стремительно левел, приняв уже во второй половине июня 1917 г. в качестве основного лозунг «Долой войну!», чего не было

весной, на волне февральской эйфории (с. 211). Корниловское выступление ещё больше дестабилизировало положение, недоверие к офицерам стало подогреваться, нижними чинами они зачастую воспринимались как скрытые сторонники Л.Г. Корнилова. Всё это порождало почву для насилия. Так, 31 августа матросы расстреляли четверых офицеров — членов экипажа «Петропавловска» (с. 218).

Бажанов исследовал также и деятельность комитетов — революционных органов власти на линкорах. Констатируя, что «становление комитетов на кораблях Балтийского флота проходило уже после победы революции, являясь элементом новой власти» (с. 230), он отметил их важную роль с самых первых дней существования. Большой интерес вызывает рассказ о попытке командования Балтийского флота соединить комитеты с традиционной системой управления кораблями, предпринятой в марте—апреле 1917 г. (с. 232).

В Гельсингфорсе, в отличие от Кронштадта, состав судовых комитетов был по-настоящему представительным: нередко офицеры занимали в них значительные должности, а работа велась в тесном контакте с командным составом кораблей (с. 300). Примечательно, что деятельность судовых комитетов, состав которых весной—летом 1917 г. дважды переизбирался, затрагивала не только сугубо хозяйственные вопросы жизни дредноута, воспринимавшиеся нижними чинами как исключительно важные, но и, например, следственные функции, включавшие разбор конфликтов и преступлений, а также дисциплинарных проступков (с. 240). Комитеты, вне всякого сомнения, обладали большим авторитетом в матросской среде, где возникал уникальный «комитетский класс», профессиональные депутаты-матросы (с. 235).

В качестве одной из причин упадка дисциплины на Балтийском флоте, Бажанов указывает проводимые новой властью «меры по изменению формы», которые воспринимались как символическая акция в рамках решительного размежевания со «старым режимом» (с. 274)⁵. При этом изменения носили «настолько произвольный характер», что полностью вышли из-под контроля Временного правительства и командования флотом. В результате «произошло нивелирование одного из атрибутов, регламентировавших службу. Исчезновение традиционной символики стирало психологическую дистанцию офицеров и нижних чинов, разрушая тем самым систему подчинения» (с. 277). Авторитет офицеров, не сумевших отстоять свои традиционные знаки различия от нижних чинов, неуклонно снижался.

В монографии также указаны причины радикализации настроений моряков, убеждавшие их в необходимости и полезности насилия против представителей «старого режима», и в первую очередь — офицерства. Из книги со всей очевидностью вытекает, что таких причин было великое множество, начиная, в частности, от тяжёлых условий службы и огромной усталости, накопившейся за время непрерывного пребывания на корабле. Крушение самодержавия в глазах матросов означало освобождение от всех пут прежних лет. Одной из них для «братушек» была и обязательная утренняя молитва. Показательными в этом плане являются приводимые Бажановым факты пренебрежительного отношения балтийцев к проведению флотских богослужений после победы Февраля. Важная в предыдущие эпохи ритуальная часть служения была отброшена как ненужная, тем самым рвалась символическая нить, связывавшая многие поколения моряков. При этом очевидно, что к 1917 г. сами священники на кораблях

выглядели в глазах матросов как архаичный элемент. В силу разницы в менталитете представителям духовенства становилось всё труднее найти общий язык с моряками, последних же привлекал теперь только язык революции.

Оставшись «без царя в голове» (определение историка С.А. Солнцева)⁶, чины армии и флота, в том числе экипажи дредноутов, оказались вовлечены в политику. По оценке Бажанова, политические настроения команд на первом этапе революции были умеренно-социалистическими, однако по мере разрастания общенационального кризиса «братушки» стремительно левели (с. 302). Уже к лету 1917 г. на кораблях бригады сложились партийные ячейки, всё большую популярность среди матросов приобретали идеи социал-демократов, сильны были и эсеровские настроения. Офицеры в массе своей в социалистических партиях не состояли (с. 288—290). К осени 1917 г., полагает исследователь, именно левые радикалы в наибольшей степени удовлетворяли запросам команд, что и обеспечило им на определённом этапе поддержку балтийцев, в том числе и бригад дредноутов. В октябрьские дни моряки Балтийского флота сыграли важную роль в победе вооружённого восстания в Петрограде, повлияв тем самым на приход к власти большевиков.

Следует отдельно отметить продуманную структуру рецензируемой работы, построенную логично и подчинённую достижению поставленных целей. Основные положения и выводы обоснованы и аргументированы. Монография базируется на тщательном анализе историографии, в научный оборот введён широкий комплекс архивных источников, дневников и мемуаров, периодической печати (с. 11—70). Значительное внимание автор уделил понятийному аппарату и списку используемых сокращений,

что, несомненно, облегчает восприятие представленных в работе проблем и явлений (с. 70–76, 380).

Книга адресована прежде всего специалистам-историкам и студентам профильных вузов. Автору удалось подготовить интересное и яркое исследование, которое несомненно несёт новое историческое знание и найдёт своего заинтересованного читателя.

Примечания

¹ Бажанов Д.А. Щит Петрограда: служебные будни балтийских дредноутов в 1914–1917 гг. СПб., 2007.

² Напалков А.В. Офицерский корпус Императорского флота Балтийского моря в годы I мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. С. 15.

³ Елизаров М.А. Матросские массы в 1917–1921 гг.: от левого экстремизма к демократизму. СПб., 2004. С. 42.

⁴ Адмирал Колчак в заседании делегатов Черноморского флота // Русские ведомости. 1917. 27 апреля (10 мая).

⁵ См. также: Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 140–229.

⁶ Солнцева С.А. Без царя в голове. Социальная модернизация русской армии в период войны и революции (февраль–ноябрь 1917 г.). М., 2020.

Александр Вершинин

Новый взгляд на советскую стратегию накануне Великой Отечественной войны*

Alexandr Vershinin

(Lomonosov Moscow State University, Russia; Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

A new look at the Soviet strategy on the eve of the Great Patriotic War

DOI: 10.31857/S2949124X24020235, EDN: HGMCTW

Вопрос о причинах поражений Красной армии летом 1941 г. остаётся одним из ключевых в историографии и неизменно привлекает внимание как профессиональных исследователей, так и общественного мнения. Стоит признать, что историки ныне имеют гораздо более полное представление о стратегической ситуации, сложившейся накануне Великой Отечественной войны. Публикация ряда документов военного планирования обогатила представление о том, какой руководству СССР видела будущую

войну и каким образом планировало её вести. Рассекреченные материалы разведки позволили переосмыслить утверждение о внезапности германского нападения. Определённые успехи достигнуты и зарубежными историками. В целом можно утверждать, что на сегодняшний день удалось выйти из тупика понимания истоков поражений 1941 г., в который зашла советская историография в силу политических ограничений на изучение темы¹.

Вместе с тем говорить о том, что на все вопросы получены исчерпы-

* Кривопапов А.А. В тени теории глубокой операции. Подготовка Красной армии к войне на Западной границе в 1926–1941 г. М.: Яуза; Российское военно-историческое общество, 2022. 400 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00622 «Стратегическая культура великих держав в XX–XXI вв.: сравнительно-историческое исследование (на примере России и США)».

вающие ответы, не приходится. Дело здесь не только в отсутствии полного доступа к архивным документам. Подготовка СССР к большой войне на западной границе по-прежнему недостаточно вписана в общий контекст советской стратегии 1930-х гг. Собственно, сама стратегия до сих пор рассматривается преимущественно с военной точки зрения — как искусство «использования военных сил государства для достижения политических целей»². Из-за этого в тени остаётся другое её измерение — то, что с подачи Б. Лиддел Гарта принято называть большой стратегией или военной политикой, роль которой «заключается в том, чтобы координировать и направлять все ресурсы страны или группы стран на достижение политической цели войны»³. Различные интерпретации предполагают два разных, хотя и взаимодополняющих, взгляда на проблему подготовки СССР к войне. Если первый отражён в ряде работ, то второй до сих пор не устоялся.

Новая монография А.А. Кривопалова — попытка изменить это положение. Главную проблему исследования автор обозначил во введении, заочно полемизируя с А.В. Исаевым, который полагает, что основным фактором поражения РККА явилось то, что Вермахт опередил её в развёртывании. Кривопалов же ставит вопрос шире, рассуждая «о самой возможности Красной армии гибко учитывать динамику внешнеполитических событий и предпринимать в связи с ней адекватные стратегические контрмеры» (с. 8). В результате перед нами — исследование мобилизационного планирования как комплексного явления, неразрывно связанного с самой историей советского государства в рассматриваемый период.

Его основой стал богатый материал из РГВА, а фоном — обрисованная

во вводной главе картина того, как формировалась массовая армия современного типа. Избрав точкой отсчёта военное строительство Наполеона Бонапарта, автор показал, как призыв (конскрипция) трансформировался во всеобщую воинскую обязанность, дополненную механизмом накопления обученного запаса. Первую в Европе массовую армию на этой основе смогла создать Пруссия, что обеспечило её превращение в Германскую империю. В ходе войн, которые вели О. фон Бисмарк и Г. фон Мольтке, стало понятно, что механизм управления такой армией принципиально отличается от того, как полувеком ранее действовал французский император: «Теперь успех на войне зависел от чёткости мобилизации, определявшей успех первоначального стратегического сосредоточения на театре боевых действий, и победы в генеральном сражении. Планирование мобилизации и связанных с ней железнодорожных перевозок требовало высокого качества штабной работы. Один, пусть даже самый гениальный, вождь уже не мог вести армию в одиночку... В изменившихся условиях как планирование войны, так и осуществление высшего военного руководства становились коллективным делом» (с. 23). В этой связи особое внимание уделено вопросу развития такого института, как генеральный штаб, взявшего на себя роль независимого коллективного органа мобилизационного планирования, составления стратегических планов и координации действий войсковых соединений на театре военных действий (ТВД).

К 1914 г. генштабы европейских армий проделали большую работу по подготовке будущих операций в формате «увеличенной в масштабе франко-прусской войны» (с. 32). Первая мировая война продемонстрировала, что подготовка мобилизации армий вов-

лечённых в конфликт стран началась ещё до официального её объявления. Это объяснялось необходимостью успеть со стратегическим развёртыванием сил на ТВД к моменту фактического начала боевых действий. Таким образом, возникала проблема упреждения противником в развёртывании и стратегическом сосредоточении как препятствия к успешной реализации исходных оперативных планов генштабов. Русская императорская армия смогла избежать этого, однако уже первые её поражения продемонстрировали недостатки механизма боевого управления крупными войсковыми соединениями, выросшие из военных реформ 1860–1870-х гг. Соглашаясь с военным историком О.Е. Алпеевым, автор констатирует факт «неудовлетворительной работы Генерального штаба императорской России — конгломерата разрозненных нервных клеток, не ставших настоящим “мозгом армии”» (с. 58).

Кризис боевого управления усугублялся системными изъянами военной машины, прежде всего проблемой войскового резерва. Пытаясь не отстать от потенциальных противников по основным типам вооружений, Россия выбрала путь экономии на тренировке обученного запаса. На фоне общего невысокого культурного уровня населения, не позволявшего быстро пополнять армию качественным «человеческим материалом», это привело к острому кадровому голоду уже на втором году боевых действий: «Армия прирастала... не миллионами активных штыков, но лишь миллионами солдатских ртов, формально зачисленных на довольствие» (с. 67). Эта реальность создавала ряд угроз, воплотившихся в 1917 г.

Согласно гипотезе Кривопалова, три родовых порока русской военной организации — отсутствие полноценного органа долгосрочного стратегическо-

го планирования в виде независимого генерального штаба, ограниченность промышленной базы вооружённых сил, дефицит подготовленных кадров войскового резерва — не удалось преодолеть даже после краха Российской империи. Её обоснованию посвящены две следующие главы монографии.

Советское государство оказалось в трудном международном положении, не имея полноценных союзников и опасаясь потенциального нападения практически по всему контуру западной границы. Ситуация усугублялась глубокой деградацией военно-промышленного комплекса даже по сравнению с такими странами второго эшелона, как Польша и Румыния: «Экономическая архаизация Советской России, техническая немощь Красной армии в сочетании с международной изоляцией и враждебностью, питаемой к Москве большинством лимитрофов, таили в себе значительные риски» (с. 94). В попытках найти ответы на эти вызовы советское руководство решало те же проблемы, что и его предшественники в Российской империи.

В этой связи Кривопалов уделяет особое внимание фигуре М.Н. Тухачевского. Он интересуется его не столько как полководец, сколько как основоположник советского стратегического планирования. Возглавив штаб РККА в 1925 г., командарм задумал превратить его в главный центр подготовки страны к войне, обладающий широкими полномочиями по мобилизации всех необходимых для этого ресурсов. Он ориентировался на опыт германского Большого Генерального штаба, а также повторял мысли бывших императорских офицеров, доказывавших необходимость создания полноценного «мозга армии». В книге разобраны его сложные взаимоотношения с А.А. Свечиным. Автор пришёл к выводу, что в их представлениях о во-

енном строительстве больше сходства, чем разногласий (с. 146).

Логика руководства СССР, не поддержавшего идеи Тухачевского, во многом совпала с той, которой руководствовались политические элиты дореволюционного времени: нежелание допустить административную автономию военного ведомства. Как следствие, непрямым условием эффективной работы военных по развёртыванию мобилизационного планирования являлась санкция верховной власти. С опорой на поддержку И.В. Сталина Тухачевский смог в начале 1930-х гг. выйти победителем из аппаратной борьбы и заняться перестройкой РККА. Он начал с ликвидации «узких мест», которые негативно повлияли на боеспособность императорской армии, прежде всего занявшись качественным улучшением её технической вооружённости (с. 158–160).

Однако такой подход страдал односторонностью: «Тухачевский всегда мог предложить Сталину технократические суррогаты решения практически любых проблем военного строительства» (с. 161). Это отвечало материалистическому мышлению большевиков, но создавало опасную ситуацию отрыва схем военного строительства от реалий стратегического планирования. Данное противоречие отразилось в недооценке проблемы подготовки личного состава и оптимизации боевой ценности войсковых соединений, создававшихся по мобилизации.

Автор подробно проанализировал ключевой пробел реформы — отказ от своевременного пересмотра территориально-кадрового принципа комплектования армии, введённого в середине 1920-х гг. с целью экономии ресурсов, направлявшихся на её техническое перевооружение (с. 177–191). Подобно Российской империи, «Советский Союз менее, чем какая бы то ни было европейская держа-

ва, мог позволить себе дешёвую армию мирного времени... Накопление обученного запаса и поддержание высокой боеготовности резервных компонентов требовали... как более длительных сроков, так и сравнительно большей затраты средств. Подготовить в отсталой крестьянской стране необходимое для тотальной войны количество специалистов технических родов войск и профессиональные кадры младших командиров было значительно сложнее, нежели в странах, опережающих Россию в культурно-экономическом развитии. По той же причине РККА требовалась иная пропорция командного и рядового состава. Там, где германский вермахт вполне обходился 4% офицеров, Красной армии, чтобы сохранять минимально приемлемое качество боевого управления, требовалось 10% командиров» (с. 188).

Ситуация такого дисбаланса была чревата опасными последствиями, однако в предвоенное десятилетие они едва ли осознавались в полной мере. Во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. лучшие военные умы СССР, опираясь на представления о скорой масштабной механизации армии, разработали «на вырост» теорию глубокой операции — оперативно-тактическую схему преодоления эшелонированного фронта обороны противника, в попытках прорыва которого армии стран-участниц Первой мировой войны несли огромные потери (с. 206–209, 226–229). В этой связи автор уделил внимание личности Г.С. Иссерсона — создателя ключевого для военной мысли той эпохи труда «Эволюция оперативного искусства», а также внимательного наблюдателя, оставившего важные замечания о военном строительстве в СССР накануне войны. Анализ его взглядов — вклад Кривопалова в историографию: до сих пор с личностью выдающегося теоре-

тика РККА лучше знаком западный читатель, нежели российский⁴.

Теория глубокой операции по степени систематизированности превосходила подходы к преодолению позиционного тупика, предложенные в межвоенные годы западными теоретиками: само понятие «блицкриг» являлось скорее публицистическим оборотом, чем термином военной науки⁵ (с. 222, 240). Однако эволюция оперативных взглядов значительно опережала развитие практических навыков войск. Уровень подготовки РККА, структура её соединений, технические особенности вооружения мало способствовали усвоению теории как практического руководства для командного состава. Следствием этого явилось то, что «в будущем общеевропейском конфликте слабая тактическая выучка войск, помноженная на кризис штабного управления, зародившийся в императорской русской армии задолго до революции и далеко не изжитый в советских вооружённых силах, грозили опрокинуть любые оперативные теории» (с. 224). В третьей главе автор подробно показывает, как армия на собственном тяжёлом опыте в годы Великой Отечественной войны осваивала теорию глубокой операции (с. 233–241).

Последняя глава — основная. Она посвящена анализу советских планов мобилизации и стратегического развёртывания начиная с первых разработок 1926 г. До 1936 г. в качестве основного противника на Западе рассматривалась Польша; в 1936–1939 гг. предполагалось, что поляки будут действовать при поддержке германского экспедиционного корпуса; после 1939 г. советские планы получали антигерманский характер. Показывая их развитие, автор всесторонне исследовал проблему упреждения в стратегическом развёртывании, одновременно поместив её в исторический

контекст. Значимый эпизод в этой связи — командно-штабные игры, состоявшиеся в Москве в апреле 1936 и январе 1937 г. (с. 268–286). В отличие от известных игр января 1941 г., описанных в источниках и литературе⁶, моделирование войны на западной границе, проведённое при участии Тухачевского, в историографии до сих пор отражено слабо. Критикуя с опорой на архивные документы версию, изложенную Иссерсоном, автор доказывает, что вопрос оперативной внезапности нападения руководителями игр не рассматривался.

Стороны фактически разыгрывали оперативную обстановку, схожую с той, которая сложилась в августе 1914 г. Прежде всего Генштаб РККА заботила проблема сроков стратегического развёртывания: «Даже 4-дневное отставание Красной армии от предполагаемой польско-германской коалиции в сроках мобилизации и сосредоточения считалось весьма опасным и нежелательным», так как давало противнику возможность «бить Красную армию по частям» (с. 278). Главные выводы, сделанные военно-политическим руководством, сводились к необходимости наращивания пропускной способности железных и шоссейных дорог на потенциальном ТВД. Игры 1936–1937 гг., с одной стороны, «отражали растущую уверенность советских военно-политических кругов в боевых возможностях Красной армии» (с. 290–291), но с другой — демонстрировали низкий уровень штабной работы, «слабое взаимодействие частей, соединений, родов войск и видов вооружённых сил при отработке учебных задач» (с. 278–279).

Пренебрежение командования РККА опасностью внезапного вторжения, по мнению Кривопалова, во многом являлось объективным. Достигнуть оперативной внезапности Германия смогла лишь в 1938–

1939 г., решив проблему воссоздания полноценной сухопутной армии: «Немцам пришлось в предельно сжатые сроки создавать одновременно как саму систему мобилизационного развёртывания массовой армии, так и её будущую кадровую основу... Армия, брошенная Гитлером против Польши, развёртывалась по схеме 51+51, то есть половина из имевшихся в её списочном составе 102-х дивизий постоянно находилась в штатах, максимально приближенных к нормативам военного времени» (с. 266–267). Рассмотрение специфики германского военного строительства во второй половине 1930-х гг. как фактора достижения Вермахтом стратегической внезапности в 1939 и 1941 гг. (с. 305–312) — ещё одно важное новшество, привнесённое рассматриваемым исследованием в историографию.

Начало Большого террора парализовало работу по подготовке стратегического развёртывания РККА на потенциальном ТВД. После расстрела Тухачевского оказались преданы забвению его наработки, в частности, замысел вторжения особой передовой армии на территорию противника в начальный период войны с целью срыва его мобилизации. Новый оперативный план, предложенный в марте 1938 г. начальником Генштаба Б.М. Шапошниковым, оказался «старомоден» и предполагал наличие насыщенного «разнообразными тактическими событиями» (с. 298) периода между фактическим началом мобилизации и приграничным сражением. Между тем нападение Германии на Польшу продемонстрировало, что этого периода «вползания в войну» (с. 299) может и не быть: к моменту начала боевых действий вермахт завершил сосредоточение оперативных группировок на основе боеготовых соединений мирного времени и вложил в первый же удар всю их мощь.

Комментируя этот стратегический расклад, автор обратился к последней крупной работе Иссерсона «Новые формы борьбы». Сопоставив ход гражданской войны в Испании и польскую кампанию вермахта, теоретик пришёл к выводу, что Германии удалось подготовиться к полномасштабному вторжению без проведения предварительной одноактной мобилизации, упредив поляков в развёртывании и получив двукратное преимущество по числу пехотных дивизий. «Иссерсон мысленно экстраполировал эту ситуацию на стратегическое положение Советского Союза и сделал весьма неутешительные выводы. В случае заблаговременного развёртывания немцами на советской границе стратегического фронта вторжения Красная армия, отягощённая большими сроками мобилизации и сосредоточения резервов, окажется в большой опасности» (с. 315–316).

Эти идеи не нашли поддержки у командования РККА, а самого Иссерсона арестовали за несколько дней до начала Великой Отечественной войны. Лишь в 1960 г. он смог сформулировать причины катастрофы, постигшей Красную армию. Его записка «О причинах и закономерностях военных событий июня 1941 года» Кривопаловым уже анализировалась⁷. В книге он вновь обратился к её главным заключениям. По мнению автора, ответственность Сталина как военнополитического лидера за возникший летом 1941 г. кризис стратегического планирования не подлежит сомнению. Ключевой проблемой явилась рассогласованность политического и стратегического целеполаганий на высшем уровне принятия решений: «Рассинхронизация в СССР внешней политики и стратегии имела следствием их последовательное ослепление. Сначала советская внешняя политика опасно переоценила значение Пак-

та о ненападении... В начале 1941 г. внешнеполитические шаги Советского Союза отражали неотвратимость близящегося разрыва с Германией, однако на сей раз синдромы профессиональной слепоты проявились у руководства Генштаба и Наркомата обороны» (с. 326–327).

Проблемы с координацией политики и стратегии — застарелый недуг, обусловивший ошибки верховной власти ещё до 1917 г.⁸ Сталинская система воспроизвела его в новых условиях. Однако — и тут автор соглашается с Иссерсоном — не следует забывать о просчётах, допущенных руководством вооружённых сил: «Вопреки очевидной военной опасности “мозг армии”, по сути, самоустранился от принятия стратегических решений. Его действия были в лучшем случае реактивными, в то время как группировка войск в приграничных округах была не готова к отражению удара главных сил вермахта... на важнейшем повороте истории стратегия не сумела вовремя подставить политике плечо» (с. 335–336).

В отличие от 1936 г., в 1941 г. западное вторжение противника обрело реальные очертания. Единственная практическая возможность парировать его заключалась в создании на западном направлении заранее развёрнутого стратегического фронта в составе десятков дивизий в штатах военного времени. У автора нет ответа на вопрос, осознавало ли в полной мере руководство Генштаба РККА положение дел, однако он резонно указывает, что любая попытка предотвратить достижение противником оперативной внезапности требовала политических решений. Это обречало военных на пассивную позицию: как показали события 1937–1938 гг., вмешательство в компетенцию верховной власти могло иметь роковые последствия. Закономерна мысль Иссерсона:

«Сталин не имел в своём распоряжении инициативного и мудрого Генерального штаба “в значительной степени по [своей] собственной вине”» (с. 369).

Свои размышления Кривопапов подкрепляет подробными отсылками к опыту других стран-участниц Второй мировой войны, демонстрируя широкую эрудицию и высокий уровень владения материалом. В некоторых случаях эти экскурсы выступают приглашением к дискуссии. Например, привлекает внимание очерк истории стратегического поведения великих держав в 1930–1940-х гг., помещённый автором во вторую главу. Реконструкция целеполагания участников антигитлеровской коалиции не вызывает возражений. Однако утверждение, что «накануне Второй мировой войны Берлин отнюдь не стремился к тому, чтобы выбить Францию из когорты великих держав, подорвать глобальное господство англичан на морях или обеспечить мировое первенство германской экономике» (с. 135), нуждается в дополнительном обосновании. Оно воспроизводит подход историков-ревизионистов (в частности, наиболее известного из них — А.Дж.П. Тейлора), который в историографии уже во многом переосмыслен⁹.

Изучение мобилизационного планирования в СССР как сложного исторического феномена, связанного с особенностями развития советского государства, существенно расширяет представления об истоках Второй мировой и Великой Отечественной войн. С этой точки зрения рассмотренная монография представляет собой важное достижение. Но она открывает и новые горизонты: советская большая стратегия остаётся многообещающим исследовательским полем и применительно к проблематике послевоенного времени. Эти сюжеты ещё ждут своего исследования.

Примечания

¹ Короленков А.В. Накануне: продолжение дискуссий о событиях предвоенной поры // Отечественная история. 2004. № 3. С. 169–176; Короленков А.В. Причины военной катастрофы 1941-го: из новейшей литературы // Российская история. 2015. № 4. С. 18–34.

² История военной стратегии России / Под ред. В.А. Золотарёва. М., 2000. С. 7.

³ Лиддел Гарт Б. Стратегия не прямых действий. СПб., 2008. С. 415.

⁴ Harrison R.W. Architect of Soviet victory in World War II: the life and theories of G.S. Isserson. Jefferson (MS), 2010.

⁵ Frieser K.-H. The Blitzkrieg legend. The 1940 campaign in the West. Annapolis (MD), 2005.

⁶ Исаев А.В. От Дубно до Ростова. М., 2004. С. 50–54.

⁷ Кривопапов А.А. Полковник Г.С. Иссерсон и его записка «О причинах и закономерностях военных событий июня 1941 года» // Российская история. 2020. № 3. С. 36–47.

⁸ Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Н.Н. Обручев (1830–1904). СПб., 1998.

⁹ The origins of the Second World War reconsidered: A.J.P. Taylor and the historians / Ed. by G. Martel. L.; N.Y., 1999; Maiolo J. Cry havoc: how the arms race drove the world to war, 1931–1941. N.Y., 2010; Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М., 2019.

Алексей Попов, Станислав Рузаев

Многоголосие «живых голосов» войны: особенности источника и возможности историков*

Alexey Popov (*V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia*),
Stanislav Ruzaev (*Museum-Reserve of the Heroic Defense and Liberation of
Sevastopol; Sevastopol State University, Russia*)

Polyphony of the «living voices» of war: features of the source and possibilities for historians

DOI: 10.31857/S2949124X24020245, EDN: HGLIPC

Изучение обороны Севастополя 1941–1942 гг., оказавшей существенное влияние на военнo-стратегическую ситуацию первого этапа Великой Отечественной войны, занимает важное место в историографии. В советский и постсоветский периоды вышли сотни книг и статей, отразивших различные аспекты героической битвы за город в чрезвычайных условиях осады: боевую службу Черноморского флота и армейских частей, деятельность гражданских органов власти и повседневную жизнь населения, предопределённость трагического финала в последние дни борьбы. Авторы этих работ опирались

на широкий круг источников, включая эго-документы — мемуары, дневники, письма, интервью.

Если говорить о мемуарной литературе, то в послевоенный период опубликованы воспоминания десятков участников второй обороны Севастополя, в том числе в виде коллективных сборников рассказов представителей конкретных родов войск и боевых подразделений¹. К 200-летию города-героя, отмечавшемуся в 1983 г., появились сборники, в которые вошли воспоминания не только военных, но и гражданских лиц². Однако все издания такого рода, выпущенные в советское время, идео-

* Исповедь непобеждённых: рассказы защитников Севастополя. 1941–1942 гг. / Отв. ред. С.В. Журавлёв; ред.-сост., коммент.: К.С. Дроздов, С.В. Журавлёв, С.П. Ким, Д.Д. Лотарева, М.Э. Морозов, В.В. Тихонов. М.; СПб.: Нестор-История, 2023. 716 с.

логизированы. Проблемы организации обороны в них зачастую «лакировались», а некоторые темы и сюжеты (например, случаи «негероического» поведения защитников Севастополя или перипетии судеб тех из них, кто по разным причинам оказался в плену) последовательно замалчивались. Лишь в последние 15 лет удалось практически «без купюр» обнародовать некоторые воспоминания участников битвы, оригиналы которых хранятся в местных архивах и музейных фондах³. Также несколько записанных в 2000-х гг. содержательных интервью с ветеранами обороны размещены на сайте проекта «Я помню» (<https://iremember.ru/>).

Рецензируемый сборник документов «Исповедь непобеждённых: рассказы защитников Севастополя. 1941–1942 гг.» не только вносит значительный вклад в расширение источниковой базы дальнейших исследований, но и наводит на размышления об особенностях привлечённых источников и специфике их использования профессиональными историками. Он тесно связан с выпущенным в 2020 г. сборником документов «Здесь кровью полит каждый метр...», собравшим стенограммы бесед с участниками освобождения Крыма в 1943–1944 гг.,⁴ который вызвал значительный интерес академического сообщества⁵. Оба издания подготовлены сотрудниками Института российской истории (ИРИ) РАН на основе хранящихся в архиве этого научного учреждения материалов Комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны, которую также часто называют «Комиссией Минца» по фамилии инициатора её создания и бессменного руководителя.

Основа сборника — записи 52 бесед с участниками обороны Севастополя, собранных сотрудниками Комиссии (позже — сектора истории

Великой Отечественной войны Института истории) АН СССР в 1942–1946 гг. Интервью сгруппированы в пять разделов, согласно профессиональной принадлежности опрошенных: командиры и политработники высшего звена; представители корабельного состава; артиллеристы береговой обороны; морские пехотинцы; лётчики авиации Черноморского флота (каждый раздел — с отдельным предисловием).

Во вводной части сборника подробно описана деятельность «Комиссии Минца» (с. 9–27), что в комплексе с материалами ещё одного ценного издания, подготовленного в 2015 г. сотрудниками ИРИ РАН⁶, позволяет в полной мере оценить вклад этой академической структуры в изучение событий войны. Среди прочего охарактеризована деятельность историка М.Г. Седова и военного корреспондента З.И. Фазина (Факторовича). Именно они (особенно Фазин после ареста Седова по обвинению в участии в «антисоветской группе») при активной поддержке И.И. Минца провели основную работу в данном направлении. Встречи с некоторыми участниками обороны Севастополя проводились в Москве или на Черноморском побережье Кавказа, куда был передислоцирован флот после потери его главной базы. Увы, подготовленная ещё в военное время рукопись сборника «Оборона Севастополя» не только не увидела свет, но и не сохранилась в архивном фонде Комиссии (с. 24). Но историография сражения фактически начинается именно с опубликованной в 1943 г. на страницах «Исторического журнала» научной статьи Седова⁷.

Также сборник содержит вводный исторический экскурс (с. 28–50), что значительно облегчает восприятие включённых в него повествований. Для более удобной навигации читате-

ля по объёмной книге подготовлены не только именной и географический указатели, но и указатель упомянутых кораблей Черноморского флота. Чрезвычайно удачным представляется решение составителей сопроводить тексты бесед фотопортретами — читатель знакомится не только с «живыми голосами» героев, но и с их образами.

Практически все интервью вводятся в научный оборот впервые⁸ и снабжены комментариями. Помимо подробной информации о ходе битвы за город они содержат значительный объём сведений и о других событиях первого этапа Великой Отечественной войны на юге страны, особенно об обороне Одессы, боевых действиях на остальной территории Крымского полуострова и на Кавказе.

Публикаторы интервью видят их главным преимуществом фиксацию «по горячим следам»: хронологическую приближённость к описываемым событиям и характерную для них «живую речь», способные преодолеть и нивелировать различные социальные рамки памяти (с. 2)⁹. Это совпадает с позицией самого Минца, который в одном из писем 1942 г. подчёркивал, что сбор материалов о событиях войны «нужно делать по живым следам: искать активных участников обороны, записать их рассказы, собрать документы, которые в противном случае [могут] затеряться» (с. 19).

Однако вопрос о том, насколько достоверно записи такого рода бесед способны отражать историческую реальность, остаётся открытым. Изучение деятельности Комиссии показывает, что стенограммы могли подвергаться литературной и даже более жёсткой смысловой правке. Однако последнее объяснялось подходом конкретных интервьюеров¹⁰, в то время как собравшего большую часть севастопольских материалов Фазина характеризовала деликатность по от-

ношению к собеседникам и записанным с их слов текстам.

Важную роль играли личностные особенности информантов. Не все стенограммы носят исповедальный характер. Определённым образом влияло на содержание беседы даже присутствие стенографистки, в одних случаях делавшее информантов более разговорчивыми, а в других — более осторожными и сдержанными. Часть связанной с боевыми действиями информации официально носила секретный характер и, несмотря на наличие различных допусков и сопроводительных писем, сотрудникам Комиссии неоднократно приходилось слышать, что «пока война, даже истории не всё положено знать» (с. 15). Откровенность могла вызываться разными причинами — особенностями социально-психологического склада, влиянием пережитых стрессовых ситуаций на грани жизни и смерти, установлением доверительных отношений с опрашивающим, уровнем коммуникативных навыков рассказчика. Таким образом, при определении степени достоверности материалов необходимо критически анализировать каждую конкретную стенограмму, учитывая обстоятельства беседы, личность информанта, круг задаваемых вопросов.

Представленные интервью брались у военнослужащих в звании от адмирала до старшины, что позволяет взглянуть на описываемые события не только из командных пунктов и с капитанских мостиков, но и из окопов на переднем крае обороны. В ходе достаточно продолжительных бесед информанты с разных ракурсов описывали эпохальные события битвы, повествуя о подвигах известных (И.К. Голубец, М.К. Байда, П.Д. Линник) и забытых героев. Однако зафиксированы и факты дезертирства, мародёрства, коллаборационизма, конфликтов на национальной почве.

Кроме того, описаны стратегия и тактика обороны, сопровождаемые аргументированными оценками степени их эффективности в боевых условиях, иногда с прямой критикой руководства. В качестве примера можно привести эмоциональные высказывания командира крейсера «Красный Кавказ» А.М. Гущина в адрес адмирала Ф.С. Октябрьского (с. 221–222). Сам же Октябрьский критиковал контр-адмирала Г.И. Левченко и генерал-майора И.Е. Петрова (с. 73–74). Некоторые интервью (например, с командирами подводной лодки «Л-4» Е.П. Поляковым и тральщика «Защитник» В.Н. Михайловым, контр-адмиралом В.Г. Фадеевым) дают новые сведения об эвакуации из Севастополя в последние дни обороны — даже при том, что этот драматический сюжет подробно освещён в историографии¹¹.

Раскрывается и эмоциональное состояние защитников города. Героически сдерживавшие натиск врага на протяжении 250 дней, в определённых ситуациях они испытывали страх, отчаяние, глубокие душевные потрясения, в том числе в связи с ранениями, гибелью боевых товарищей. «Но тут меня ранили и мне пришлось уйти в медсанбат. Я собрал своих командиров отделения, попрощался, не выдержал, заплакал», — поведал об одном из боевых эпизодов Герой Советского Союза лейтенант Н.А. Воробьёв (с. 383). Наконец, в стенограммах можно найти уникальные подробности фронтовой повседневности, жизни и быта не только воинов, но и мирного населения. Например, узнать о доставке на передовую посылки с подарками защитникам Севастополя из тыловых регионов страны (с. 162–163), об использовании специальных малоформатных агитационных лозунгов для размещения в блиндажах (с. 164), о производстве одеколона из лимонной кислоты (с. 158) и т.д.

Материалы чрезвычайно интересны также с точки зрения «эволюции воспоминаний» и трансформации памяти о прошлом по мере увеличения временной дистанции от описываемых событий. Некоторые из опрошенных впоследствии оставили отдельные мемуары (в основном представители командного состава — В.Н. Ерошенко, Е.И. Жидилов, И.А. Ласкин¹²). Они редактировались и цензурировались настолько активно¹³, что оценить степень «стороннего воздействия» позволяет именно сравнение их текстов с взятыми ещё во время войны интервью. Некоторые руководители обороны (например, Октябрьский) воспоминаний не оставили, но в послевоенный период неоднократно выступали с трактовкой событий, участниками которых являлись¹⁴. Анализ текстов интервью позволяет проследить неизбежную по многим причинам трансформацию взглядов и оценок, смысловых акцентов и самого стиля повествования (например, очищение их от элементов сталинского культа).

Публикация стенограмм полностью или с минимальными сокращениями представляется наиболее удачной с точки зрения введения их в научный оборот. Однако могут применяться и иные подходы, например, формирование тематических подборок фрагментов интервью, как сделано в знаменитом сборнике под редакцией Й. Хелльбека¹⁵. Его недостатки — нарушение целостности автобиографических повествований, субъективность составителей как в формировании перечня тем, так и в подборе цитат для их освещения.

Название сборника указывает на то, что он посвящён всем защитникам города. На деле преобладают стенограммы бесед с участниками обороны, служившими в различных боевых подразделениях Черноморского флота

(49 из 52). Однако в обороне Севастополя огромную роль сыграла также Приморская армия (интервью с её представителями — членом Военного совета И.Ф. Чухновым и командирами дивизий И.А. Ласкиным и А.Г. Капитохиным — составляют остальную часть материалов), другие сухопутные армейские части, авиационные подразделения, гражданское население. «Живые голоса» их представителей хотелось бы услышать как можно громче. В связи с этим не совсем понятно, какими критериями руководствовались составители при отборе стенограмм и почему отдали безусловный приоритет представителям флотской корпорации. Ведь всего, по их утверждению, в архивном фонде Комиссии выявлено 105 связанных с обороной Севастополя стенограмм (с. 26), а значит, опубликована только половина из них. Означает ли это, что среди них также доминируют интервью с военными моряками? (во избежание вопросов, возможно, следовало опубликовать перечень всех имеющихся стенограмм по данной теме, включая не вошедшие в сборник). Также почему-то не использованы беседы с прославившими себя именно во время второй обороны Севастополя санинструктором 514-го стрелкового полка 172-й стрелковой дивизии Приморской армии М.К. Байдой и снайпером 25-й Чапаевской стрелковой дивизии Л.М. Павличенко, хранящиеся в фонде Комиссии. Может быть, это связано с тем, что они опрашивались отдельно, в рамках цикла интервью с женщинами — Героями Советского Союза.

Как бы то ни было, представляется, что расширение круга опубликованных интервью позволило бы сделать сборник более содержательным и полифоничным, осветив дополнительные сюжеты, ракурсы восприятия и оценки происходившего. Однако

и в представленном виде он выступает вехой в изучении истории обороны Севастополя, расширяя источниковую базу и помогая историографическому осмыслению этой героической и трагической страницы Великой Отечественной войны.

Примечания

¹ См., например: У черноморских твердынь. Отдельная Приморская армия в обороне Одессы и Севастополя. Воспоминания. М., 1967; Витязи черноморских глубин. Сборник воспоминаний. Симферополь, 1978.

² За родной Севастополь. М., 1983; Огненные дни Севастополя. Симферополь, 1983.

³ *Кубарский Б.А.* Вместо завещания. Родина могла обойтись без нас, но мы без неё обойтись не могли. Севастополь, 2012; *Пискунов Д.И.* Заключительный этап обороны Севастополя. Лето 1942 г. Севастополь, 2013; Севастополь. 1941–1945 гг. Сборник архивных документов. Симферополь, 2020; и др.

⁴ «Здесь кровью полит каждый метр...». Рассказы участников освобождения Крыма. 1943–1944 гг. Сборник документов / Отв. ред. С.В. Журавлёв; ред.-сост., коммент.: А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлёв, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, Ж.Я. Рахаев, В.В. Тихонов. М.; СПб., 2020.

⁵ Диалог о книге // Российская история. 2021. № 3. С. 182–214; *Гурьев Е.П., Пученков А.С.* Новые издания по истории Второй обороны Севастополя // Российская история. 2023. № 3. С. 215–220; и др.

⁶ Вклад учёных-историков в сохранение исторической памяти о войне: на материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / Отв. ред. С.В. Журавлёв; ред.-сост.: А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлёв, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов. М.; СПб., 2015.

⁷ *Седов М.* Героическая оборона Севастополя // Исторический журнал. 1943. № 5–6. С. 7–17.

⁸ Частично опубликованы тексты бесед с адмиралом Ф.С. Октябрьским, майором А.П. Старушкиным, а также военврачами С.М. Мармерштейном и Л.П. Свиридовой-Мармерштейн (*Дроздов К., Тихонов В.* «Тебя эвакуируют. Жену — нет». Драма семьи врачей, защищавших Севастополь летом 1942 года // Родина. 2020. № 1. С. 116–119; *Дроздов К., Тихонов В.* «Очевидно, товарищи в Москве не верили...»: свидетельства командующего Черноморским флотом и коман-

данта Севастополя о начале войны // Родина. 2021. № 6. С. 15–19; Тихонов В.В. «Я поставил неплохо работу»: интервью с комендантом г. Севастополя А.П. Старушкиным об обороне города в 1941–1942 гг. // Георгиевские чтения. Сборник трудов по военной истории Отечества. Вып. 2. М., 2022. С. 461–499).

⁹ См. также: Вклад учёных-историков... С. 134.

¹⁰ Будницкий О.В. Революция памяти: устная история Великой Отечественной войны // Российская история. 2021. № 3. С. 191.

¹¹ Маношин И.С. Героическая трагедия: о последних днях обороны Севастополя (29 июня – 12 июля 1942 г.). Симферополь, 2001; Нуждин О., Рузаев С. Севастополь в июне 1942 года: хроника осаждённого города. Екатеринбург, 2013; и др.

¹² Ерошенко В.Н. Лидер «Ташкент». М., 1966; Жидилов Е.И. Мы отстаивали Севастополь.

М., 1960; Ласкин И.А. На пути к перелому. М., 1977; и др.

¹³ Будницкий О.В. Революция памяти... С. 187–188.

¹⁴ См.: Попов А.Д. События военной истории 1942 года и их интерпретация в эго-документах Ф.С. Октябрьского // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. Т. 22. 2022. № 2. С. 27–34.

¹⁵ Hellbeck J. Die Stalingrad-Protokolle. Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Übersetzung der Protokolle aus dem Russischen von C. Körner und A. Nitschke. Frankfurt a/M, 2012; Stalingrad: the city that defeated the Third Reich / Ed. by J. Hellbeck. N.Y., 2015; Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев / Пер. с нем. К. Левинсона; отв. ред. Й. Хелльбек; сост. К. Дроздов, Д. Лотарева, С. Маркова, Д. Файнберг, Й. Хелльбек. М., 2015; Изд. 2. М., 2018.

Александр Ватлин

Спортивные битвы холодной войны*

Aleksandr Vatlin

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Sports' battles of the Cold War

DOI: 10.31857/S2949124X24020252, EDN: HGGFXN

Фразу «Спорт вне политики» приходится слышать довольно часто, причём в гораздо большей степени от чиновников, нежели от самих спортсменов. Бойкоты и санкции с политической подоплёкой, отказ от рукопожатий и взаимная травля лишний раз подтверждают, что спорт неотделим от современной повестки дня, а достижения в этой сфере рассматриваются как фактор укрепления национального и международного престижа. Рецензируемая книга иллюстрирует этот очевидный ныне факт, раскрывая его истоки и процесс становления.

То, насколько мощный потенциал «мягкой силы» заключён в спорте

высших достижений, стало понятно достаточно рано. Уже в межвоенный период выдающиеся атлеты приобрели не меньшую известность, чем «звёзды» немого кино. Основатель современного олимпийского движения П. де Кубертен вспоминал «кампанию, нацеленную на то, чтобы Лига наций, недавно созданная и ещё плохо ориентировавшаяся в ситуации, завладела Играми»¹. Подобные идеи «едва ли имели шансы на утверждение», однако после Второй мировой войны ситуация изменилась. Авторы книги справедливо отмечают, что участие СССР в международных спортивных состязаниях открыло новый

* Куприянов А.И., Зубкова Е.Ю., Мухаматуллин Т.А., Прозуменников М.Ю. Советский спорт в контекстах холодной войны. М.: Весь мир, 2023. 487 с.

«фронт» противостояния двух систем. «Осознание возросшего влияния страны на международной арене привело к переосмыслению роли спорта высших достижений в первой стране социализма, преимущества которого требовалось продемонстрировать всему миру» (с. 42). Однако процесс занял некоторое время: в первой главе ярко показана межведомственная борьба по этому вопросу (ВЛКСМ — ВЦСПС — профильные министерства), объясняющая «противоречивые государственные решения, принятые в 1946–1947 гг. в области спорта» (с. 47).

Новую политическую линию сформулировало постановление ЦК ВКП(б) от 27 декабря 1948 г., в котором ставилась задача завоевать лидирующие позиции в мире по основным видам спорта. Акцент переносился с массовой физической культуры на спорт высших достижений, с товарищеских встреч на победы любой ценой. Это решение предопределило ключевые направления развития спорта, причём не только советского, но и мирового. Если западным атлетам пришлось принимать вызов, брошенный соперниками из СССР, то «отечественной системе... не оставалось другого выбора, кроме как воспользоваться отдельными преимуществами централизованного управления страной для достижения успеха... на международной арене»². Руководитель советского спорта послевоенных лет Н.Н. Романов отмечал, что с началом холодной войны «заметно изменилось отношение к итогам наших выступлений на международных соревнованиях. На первый план выдвинулся вопрос престижа, связанного с победами советских спортсменов... Приняв решение участвовать в соревнованиях за рубежом, мы обязаны были обеспечить победу, иначе “свободная” буржуазная пресса будет обливаться грязью

не только советских спортсменов, но и весь наш народ. Так было не раз. Для получения разрешения на поездку на международные соревнования я должен был направлять на имя И.В. Сталина специальную записку, в которой давалась гарантия победы»³.

Авторы справедливо отказались от чёрно-белого видения ситуации. Поворот к олимпизму и конкуренции с «классовым врагом» вызвал в послевоенном СССР волну массового энтузиазма. Популярность большого спорта способствовала развитию физкультурного движения, победы спортсменов работали на легитимность режима. Однако очевидно, что данная модель могла быть эффективной только при движении «от победы к победе». Власть стала заложницей обещанных достижений — любое поражение воспринималось общественным мнением как системный срыв, население не скрывало недовольства.

Классовая борьба на стадионах и вокруг них велась не только в мировом масштабе. Весьма познавателен сюжет об искоренении «вражеских элементов» в спортивном руководстве Эстонии (с. 34–39). Перспективная в научном плане тема спорта как средства выражения национального самосознания народов СССР (например, даже во время международных встреч болельщики отдавали себе отчёт в том, что тбилисское «Динамо» — грузинский клуб, а киевское — украинский) проходит через многие разделы книги.

Оперативный контроль высших и местных властей над исследуемой сферой представлен тщательно и разносторонне, с опорой на документы высших административных органов, включая Спорткомитет СССР. В биографиях большинства его руководителей прослежена «комсомольская линия», позволявшая им чутко реагировать на менявшиеся предпочтения членов высшего руководства страны.

Последние имели различные мнения о том, в каком направлении должен развиваться советский спорт, и после смерти Сталина принятие решений происходило коллегиально. Яркий пример — противостояние в партийных и государственных структурах «профессионалов» и «массовиков», ответственных за политику в этой сфере. Победой вторых, позицию которых отстаивал К.Е. Ворошилов, стало решение 1955 г. о проведении первой Спартакиады народов СССР (с. 132–133, 382). Немалое внимание в книге уделено позиции Л.И. Брежнева, который был, с одной стороны, заядлым болельщиком, с другой — осторожным политиком. Характерны его сомнения по поводу Олимпийских игр в Москве: «Как-то сложилось таким образом, что нами было принято решение провести спортолимпиаду в СССР. Стоит это мероприятие колоссальных денег... Есть и такой вопрос, что из опыта проведения подобных Олимпиад в прошлом могут быть разного рода скандалы, которые могут очернить Советский Союз» (с. 172)⁴.

Красной нитью через книгу проходит анализ ползучей профессионализации советского спорта, которая на словах властями отрицалась, а на деле — прогрессировала. Вторая тема — формирование спортивной дипломатии: растущей политической ангажированности международных организаций, в которые с начала 1950-х гг. входили советские функционеры. Практика быстро показала, что это обоюдоострый инструмент — спортивные федерации выражали протесты и по поводу режима апартеида в ЮАР, и из-за репрессий в странах социалистического блока. В результате СССР долго отказывался от идеи провести Олимпиаду в Москве, хотя родилась она ещё в 1956 г. (с. 139). Однако растущая популярность международных соревнований вела к тому, что

подобные механизмы «мягкой силы» неуклонно набирали вес и влияние, а значит, попадали в арсенал холодной войны.

Водораздел между первой и второй главами — смерть Сталина и последовавшие за ней перестановки на верхних этажах партийно-государственной власти — во многом очевиден. Водораздел же второй главы — рубеж 1960–1970-х гг. — требует пояснения и получает его. А.И. Куприянов говорит о масштабной реформе системы управления советским спортом, завершившей десятилетние попытки передать её на поруки общественности (с. 150–151). Воссоздание в 1968 г. Комитета по физкультуре и спорту при Совете министров СССР стало следствием ряда чувствительных поражений советских сборных, прежде всего на олимпиадах в Гренобле и Мехико. Причём теснить СССР с первого места в общекомандном зачёте начал не только «классовый враг» (США), но и подросшие «друзья» из соцлагеря — в первую очередь спортсмены из ГДР, испытывавшие на себе все прелести системы «научного отбора» потенциальных олимпийцев и врачебно-фармацевтического контроля⁵. Советские специалисты тоже включились в допинговую гонку, однако не добились в ней выдающихся результатов (с. 158–161).

Истинные и мнимые успехи порождали новые проблемы — социальный статус спортсменов высшей пробы настолько оторвался от среднестатистического, что стал предметом обсуждения не только в Совкомспорте, но и в ЦК КПСС. Не минули спортивные движение и приписки, являвшиеся бичом СССР. Так, чиновники довели число занимающихся в секциях до 70 млн человек, при том что на 9 млн «бумажных» легкоатлетов приходилось всего около 6 тыс. профессиональных тренеров (с. 168). Раздел

о 1980-х гг. заканчивается историей двух олимпийских бойкотов. Окончание холодной войны, как многим тогда казалось, поставило крест на подобной практике, и мировой спорт, действительно окажется отныне «вне политики». Спустя пару десятилетий реальность посрамила оптимистов.

Особняком стоит третья глава, посвящённая отражению темы спорта в советском кинематографе. Представляется, что претензия на методологическую новизну воплощена удачно, хотя фильмы, как мы знаем, нужно видеть. Понимая это, авторы отказались от пересказа, сосредоточив внимание на ключевых сюжетах: карьерном росте спортсменов, взаимодействии с «воспитавшим их коллективом», социально-политической подоплёке успехов. Этот перечень можно продолжать до бесконечности, хотя молодой читатель наверняка заскучает, столкнувшись со штампами и эмоциями, которые покажутся ему безнадёжно устарелыми. Неясно, почему картинам послевоенных лет отведены две трети текста (с. 269–331), тогда как в последующие три десятилетия кино затронуло гораздо более широкий спектр социальных проблем, включая теневую сторону большого спорта («Хоккеисты», «Чудо с косичками»). В этой связи следует обратить внимание на важный тезис авторов: большой спорт на протяжении всей послевоенной эпохи практически не имел коммерческой составляющей — за исключением нескольких зрелищных, а следовательно, «хозрасчётных» видов спорта. Затратный характер мероприятий опирался как на идеологические постулаты («долой коммерцию на спортивном фронте»), так и на отсутствие институтов гражданского общества, способных выступить с альтернативными проектами (те же сообщества болельщиков в советскую эпоху являлись исключительно неформальными).

Несомненной удачей книги (и отличным подарком для читателей) стало приложение — истории учёных, которым удалось или пришлось прикоснуться к Олимпиаде-80. Подкупает искренность очеркистов, которые (в меру своих сил) хотели показать товар лицом, мечтали удивить мир советским гостеприимством. Гиды, переводчики, охранники и даже прачки, ярые болельщики, стремившиеся любой ценой попасть в Москву, и неисправимые пессимисты, бежавшие из неё на время действия, — все они представляли поколение, которое можно условно назвать «олимпийским». Некоторые из их родителей помнили Фестиваль молодёжи и студентов 1957 г., ставший одним из символов хрущёвского «раскрепощения». В 1980 г. ситуация оказалась уже совершенно иной, «просто так» ничего не происходило. Несмотря на это, «колёсики и винтики» огромной системы, сработавшей тем летом чётко и безотказно, приобрели уникальный опыт участия в большом национальном проекте, сопровождавший их всю последующую жизнь.

Рецензент это знает не понаслышке. Меня, студента первого курса, поступившего на исторический факультет МГУ с твёрдым намерением стать археологом, буквально мобилизовали на работу с туристами из ГДР, которые заменили схлынувший после вторжения в Афганистан поток западных гостей, желавших увидеть олимпийскую Москву. Сказать, что я вместе со своими подопечными наслаждался спортивными состязаниями, значит покривить против истины. За пару месяцев «курса молодого бойца» в меня успели вложить достаточный минимум идеологически мотивированной ответственности, но радикально улучшить знание немецкого языка не смог бы и волшебник. В результате пришлось осваивать его

на ходу, постоянно переспрашивая незнакомые слова у туристов и впитывая необычную культуру их поведения. Это были трактористы из округа Зуль, что-то вроде нашего Нечерноземья. Они расслаблялись по полной, в то время как я наседкой бегал вокруг группы, пытаюсь внушить её членам требуемые правила поведения. Так или иначе, мой олимпийский опыт не пропал даром — распрошавшись с археологией, я решительно подался в германисты. Это лирическое отступление служит одной цели — призвать коллег-историков (прежде всего молодое поколение) обратить внимание на полезное начинание авторского коллектива. Практика сбора живых свидетельств о событиях мирового масштаба (и особенно об участии в них «маленького человека») должна быть продолжена и заслуживает серьёзного научного осмысления.

Возвращаясь к коллективно-монографической части книги, хотелось бы отметить масштаб задуманного, который вряд ли может уместиться под одной обложкой. То, что для авторов является целиной, в западной исторической науке давно уже привычная тема, о чём справедливо сказано во введении (с. 9—12). Пользуясь лозунгами давно прошедших дней, нам предстоит ещё много сделать для того, чтобы «догнать и перегнать». Так, хотя во введении заявлен транснациональный подход, в основной части он проявляется лишь спорадически. Спортивная политика СССР выступает изолированно от тенденций, доминировавших как в международном олимпийском движении, так и в коммерческом спорте западных стран. Хотелось бы увидеть более детальную прорисовку соотношения в жизни конкретных спортсменов любительства и профессионализма. Победа последнего очевидна, но в СССР она достаточно долго и успешно маскиро-

валась, получая соответствующее идеологическое и фольклорное обоснование (вспомним хотя бы спортивный цикл песен В.С. Высоцкого: «Профессионалам — зарплата навалом... и даже за проигрыш и за ничью»). В книге чувствуется отсутствие единой методологической основы, заметна и разница в стилистике текстов, которую могла бы унифицировать твёрдая редакторская рука. Отсылки к архивным материалам и публикациям документов достаточно, что же касается историографической базы, то хотелось бы не только видеть её во введении, но и чувствовать реальную опору на неё в основной части (исключением является раздел о гендерном аспекте советского спорта). Акцентируя внимание на истории власти, авторы не уделили достаточного внимания спорту высших достижений как инструменту «мягкой силы» и преобразования социума⁶.

Но даже с учётом замечаний следует подчеркнуть: налицо синтезирующий характер представленного исследования. Оно открывает перед читателем важный срез жизни современного общества, желающего быть сильным и красивым, подражая своим кумирам из мира большого спорта. Попытка государства взять это движение под контроль, превратить его в дополнительный способ собственной легитимации и заработать на нём внешнеполитический капитал вряд ли характерна только для СССР. В то же время приведённый авторами книги материал показывает, насколько прочно можно привязать большой спорт к большой политике там, где власть имеет для этого практически неограниченные ресурсы.

Примечания

¹ Кубертен П. Олимпийские мемуары. М., 2001. С. 115.

² Родиченко В.С. Олимпийская идея для России (повторение пройденного). М., 2004. С. 61.

³ Романов Н.Н. Трудные дороги к Олимпу. М., 1987. С. 57.

⁴ Цитируя данную записку, датированную декабрём 1975 г., авторы называют её адресатом К.У. Черненко. На самом деле в тот момент он был лишь секретарём самого генсека, а поступил документ секретарю ЦК КПСС М.А. Суслову, отвечавшему за идеологические вопросы (См.: Пять колец под кремлёвскими звёздами. Документальная хроника Олимпиады-80 в Москве. М., 2011. С. 31).

⁵ Подробнее см.: ГДР: миролюбивое государство, читающая страна, спортивная нация? Сборник статей. М., 2017. С. 175–192.

⁶ Применительно к московской Олимпиаде см., например: Орлов И.Б., Попов А.Д. Олимпийский переполох: забытая советская модернизация. М., 2020. Авторы исследования справедливо отметили, что «каждая Олимпиада активизировала усилия в области культурной дипломатии, поскольку любая страна, вне зависимости от политического режима, стремилась использовать такого рода мегасобытия для улучшения своего международного имиджа».

Оксана Нагорная

Советский большой спорт в контекстах холодной войны*

Oksana Nagornaia

(Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia)

Soviet elite sport in the contexts of the Cold War

DOI: 10.31857/S2949124X24020264, EDN: HGEROR

С недавнего времени особое внимание исследователей привлекает культурное измерение холодной войны. Преодоление понимания её как лишь военного и политико-идеологического противостояния, интерес к межкультурным связям, отход от сосредоточения на сверхдержавах обеспечивают приращение знаний о послевоенной эпохе¹. Актуальные историографические дискуссии исходят из представления о том, что всемирные фестивали молодёжи², туризм³, международные выставки⁴ и театральные гастроли⁵ выступали не только в качестве инструментов пропаганды или конкуренции систем, но и как средство взаимного сближения. В этот перечень необходимо добавить также большой спорт⁶. Победы на крупных соревнованиях (прежде всего Олимпийских играх) воспринимались как свидетельство превосходства той

или иной социально-политической системы, а фасад «честного противоборства» скрывал колоссальные вложения ресурсов, активную работу СМИ, безжалостный расчёт, далеко не спортивную конкуренцию и множество сломанных человеческих судеб.

Сюжеты книги многообразны. Как в условиях глобального противостояния и ограниченности ресурсов СССР делал выбор между массовым физкультурным движением и спортом высших достижений? Кто, когда и в каких целях превратил советский спорт в инструмент внешней и внутренней пропаганды? Какие официальные и теневые механизмы позволили обеспечить качественное превосходство на международных чемпионатах при официальном отсутствии в стране профессиональных спортсменов? Как зрители воспринимали и интерпретировали кинообразы спортсменов? Читатель

* Куприянов А.И., Зубкова Е.Ю., Мухаматулин Т.А., Прокуменщиков М.Ю. Советский спорт в контекстах холодной войны. М.: Весь мир, 2023. 487 с.

найдёт в книге множество новых и увлекательных сведений, почти детективных поворотов в развитии сюжета, неожиданных ракурсов, основанных на детальном анализе неизвестных ранее архивных материалов.

В первую очередь рассмотрены механизмы и инструменты функционирования большого спорта в СССР. Пройдя длительное и болезненное становление в период послевоенной разрухи, структура руководства им неизбежно превратилась в копию самой системы: множество вовлечённых организаций, часто без чёткого соподчинения, хроническая болезнь «оптимизации» (укрупнения, разукрупнения, переподчинения и т.д.), кадровый голод и текучка специалистов. Оптика спортивной политики позволила авторам сделать важные выводы о взаимоотношениях центра и периферии (особенно на примере прибалтийских республик), значении спорта как своеобразного социального лифта для провинциалов и др.

Рассказ о международном измерении советского спорта сосредоточен на проблеме противостояния сверхдержав, прежде всего вокруг олимпиад. Отдельный раздел посвящён особенностям проведения крупных международных состязаний на территории СССР. В этих аспектах влияние холодной войны проявилось наиболее ярко. Приоритет политического и вообразаемая связь побед в состязаниях с лозунгом превосходства советской системы превратили отдельные виды спорта и самих спортсменов в заложников и жертв геополитики. Это проявилось, к примеру, в системных недостатках и проблемах подготовки кадров и развития инфраструктуры, порождённых нерегулярным участием в крупных международных состязаниях. Проигрыш на них грозил спортсменам, тренерам и функционерам потерей статуса, лишением званий

и привилегий. Отсюда — излишняя осторожность при вступлении в общемировые федерации и подаче заявок на участие в состязаниях (положительные решения принимались лишь по тем видам спорта, которые гарантировали победу). Это также порождало борьбу чиновников за место под бюрократическим солнцем, порочную практику фальсификации статистики побед (в том числе на олимпиадах), лишало жителей СССР возможности заниматься «некультивируемыми видами спорта», а в отдельных случаях (культуризма/атлетизма) приводило к гонениям на низовые добровольные объединения. Личной трагедией оборачивалась и политически обусловленная череда олимпийских бойкотов, отнимавшая у спортсменов возможность высших достижений на пике формы. Затронули авторы и вопрос о степени распространённости в советском спорте допинга, хотя вследствие узости источниковой базы он до сих пор остаётся слабоизученным.

Привлекают интерес тезисы о роли СССР в развитии международного спортивного движения, вкладе социалистического лагеря в его демократизацию через поощрение женских видов спорта, обеспечение допуска к соревнованиям развивающихся стран и т.д. Затронуты и взаимоотношения СССР со странами социалистического лагеря. Они, как выясняется, не всегда выступали единым фронтом, а напряжённость в межгосударственных отношениях выносили на, казалось бы, нейтральные спортивные площадки и даже трибуны болельщиков.

На протяжении всего рассмотренного периода советские спортсмены участвовали в международных соревнованиях в статусе любителей, пользуясь при этом мощной поддержкой со стороны государства. Процесс профессионализации, по мнению авторов, завершился к концу 1950-х гг., однако

дискуссии на эту тему на долгое время шли как в зарубежных СМИ, так и внутри СССР: в партийных структурах и даже в художественных произведениях и кино. Их подогревал феномен «меценатства» — предоставления спортсменам материальных благ и привилегий со стороны руководства заводов или организаций, партийно-советских функционеров (особенно на республиканском уровне). «Лжелюбительство», обусловленное специфической обстановкой холодной войны, превратилось в родовую травму советского большого спорта. За ним крылась огромная теневая зона, в которой отсутствовали тарифные сетки оплаты, распределение премиальных выплат носило волонтаристский характер, длительное время не мог решиться вопрос о страховом и пенсионном обеспечении.

В разделах, посвящённых гендерной составляющей, рассмотрены и помещены в контекст эпохи представления о феминности и маскулинности, а также изучено их влияние на спорт как таковой. Благодаря холодной войне максимально проявилась разница представлений о женственности по обе стороны «железного занавеса». Убедительно показано, что в отдельных видах советского спорта (например, атлетизме) дискуссии о запретном и допустимом приобрели радикальный и конфликтный характер. При этом наступление на женскую атлетическую гимнастику, облечённое в специфическую риторику борьбы с неканонической женственностью и недопустимости «неутилитарного» отношения к женскому телу, началось раньше, чем «крестовый поход» на атлетизм вообще. В итоге в числе зрелищных видов спорта сохранились лишь художественная гимнастика и фигурное катание.

Привлекает внимание объёмная глава об отражении советского спорта

на экране, основанная на материалах дискуссий, которые сопровождали создание и показ кинолент, и разборе характерных сценарных и эстетических приёмов. В центре внимания не только популярные фильмы, но и малоизвестные (в том числе республиканских студий), а также совместные с зарубежными странами постановки. Сильная сторона анализа — обращение к сопроводительным текстам: протоколам обсуждений худсоветов, рецензиям кинокритиков, воспоминаниям творческих деятелей. Это позволяет выйти за пределы пассивного считывания «картинки», чем часто грешат исследования кинообразов, и поместить фильмы в более широкий социальный и культурный контекст. Представляется, что перспектива исследований заключается в анализе фактора зрелищности в развитии советского спорта. В монографии отмечена возрастающая роль телетрансляций (в том числе внутри страны) в формировании и изменении иерархии видов спорта, однако данный тезис требует дальнейшей разработки.

Уязвимое место книги — отсутствие авторской периодизации развития советского спорта в контексте холодной войны. Анализ сюжетов проведён в соответствии с периодами правления лидеров СССР или просто по десятилетиям второй половины XX в. Авторы тем не менее признают, что смена личностей на политическом Олимпе не всегда приводила к структурным преобразованиям и идеологическим поворотам в области спорта. Система управления им часто демонстрировала устойчивость к внешним импульсам, и напротив, к радикальным поворотам приводили изменения глобальной конъюнктуры либо внутриполитические факторы, не связанные со сменой руководства страны.

Практически во всех разделах книги чувствуется, что она создана

страстными болельщиками (исключения составляют разделы, написанные Т.А. Мухаматулиным). Эмоциональность повествования, комментарии об успехах «наших» спортсменов безусловно найдёт отклик у читателя, хотя неожиданные в научном тексте характеристики спортсменов («очаровательная и женственная чешская блондинка» — с. 365, и др.) могут вызвать удивление.

Исследовательская часть книги дополнена воспоминаниями свидетелей Олимпиады 1980 г. С точки зрения научного анализа данное приложение может показаться лишним: написанные профессиональными историками тексты тщательно отредактированы и стилистически выверены, что во многом лишило их эвристического потенциала устной истории. Однако доносимое им многообразие реакций на первое столь крупное спортивное событие в социалистическом лагере — от восторга стремившихся на него попасть до попыток покинуть столицу на время его проведения, от привилегированности допущенных до работы с иностранными делегациями до апатии не придававших происходящему значения — отражает

всю сложность феномена восприятия советского спорта высших достижений в условиях холодной войны.

Примечания

¹ *Babiracki P.* Soviet soft power in Poland. Culture and the making of Stalin's new empire, 1943–1957. Chapel Hill (NC), 2015; *Gilburd E.* To see Paris and die. The Soviet lives of Western culture. Cambridge (CA), 2018; Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны (1945–1989) / Авт. колл.: О.С. Нагорная, О.Ю. Никонова, А.Д. Попов, Т.В. Раева, Н.А. Трегубов. М., 2018.

² *Koivunen P.* Performing peace and friendship. The World Youth Festivals and Soviet cultural diplomacy. Berlin; Boston (MA), 2023.

³ *Gorsuch A.E.* All this is your world. Soviet tourism at home and abroad after Stalin. Oxford, 2011; Орлов И., Попов А. Сквозь «железный занавес». See USSR! Иностранные туристы и призраки потёмкинских деревень. М., 2018.

⁴ *Sigel P.* Exponiert: deutsche Pavillons auf Weltausstellungen. Berlin, 2000; *Moyes C., Palmer S.* Expo 67 and its world: staging the Nation in the crucible of globalization. Montreal, 2022.

⁵ *Caute D.* The dancer defects. The struggle for cultural supremacy during the Cold War. Oxford, 2003.

⁶ Орлов И., Попов А. Олимпийский переполох: забытая советская модернизация. М., 2020.

Алексей Николаевич Цамутали (1931–2024)

28 февраля 2024 г. в Санкт-Петербурге скончался замечательный историк, один из крупнейших представителей ленинградской–петербургской научной школы Алексей Николаевич Цамутали. Он принадлежал к той славной плеяде сотрудников Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ, ныне — Санкт-Петербургский институт истории РАН), которые несмотря на многочисленные трудности формировали облик данного академического учреждения, собравшего под одной крышей исследователей прошлого России и зарубежных стран, архивистов и знатоков вспомогательных исторических дисциплин. Их труды по-прежнему высоко ценятся как отечественными, так и иностранными учёными.

ЛОИИ Цамутали отдал почти шесть десятилетий своей жизни. Здесь, в скромном особняке, построенном в 1910-х гг. академиком Н.П. Лихачёвым — историком, энциклопедистом, коллекционером, признанным специалистом в области источниковедения, сфрагистики и дипломатики, ценителем языка и литературы, — он приобщал своих учеников и молодых сотрудников к институтским традициям. В частных беседах Цамутали всегда подробно и уважительно характеризовал творческий путь Лихачёва, хотя и не разделял его монархических убеждений. Особой заслугой Николая Петровича Алексей Николаевич считал собрание коллекций, заложивших основу архива ЛОИИ, а также Института восточных рукописей РАН; принадлежавшие ему экспонаты можно найти и в фондах Государственного Эрмитажа.

Алексей Николаевич гордился фамильными корнями и часто подчёркивал ту роль, которую сыграли в становлении его личности родители: отец — инженер, выпускник Михайловского артиллерийского училища, и мать — учительница, получившая образование в Константиновской женской гимназии. Как вспоминала одна из её учениц, «собранная, сосредоточенная, она умела держать высокую планку доброго, одухотворённого проникновения в жизнь. Её взгляд, слова, интонации были всегда полны достоинства. С ней было спокойно, её общение с нами было живительно» (Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. Сборник статей к 75-летию А.Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 560–561).

Если детские годы Цамутали считал непримечательными, то война и особенно блокада Ленинграда запечатлелись в его памяти с фотографической точностью. В 1943 г., в 12 лет, Алексей Цамутали был награждён медалью «За оборону Ленинграда» и эту награду по праву считал важнейшей в своей жизни. Впоследствии пережитое в то время нашло отражение в ряде его публикаций. Уже в 1968 г. для лекторов общества «Знание» он написал методическое пособие «Героическая оборона Ленинграда», а затем стал автором очерков и глав о второй блокадной зиме в коллективных работах, освещавших беспримерный подвиг жителей города на Неве (Очерки истории Ленинграда. Т. 5. Л., 1967; Непокорённый Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Л., 1970; 1973; 1985).

Любовь к истории, прежде всего военной, закономерно привела Алексея Николаевича в 1948 г. на исторический факультет Ленинградского государственного университета, в стенах которого такие наставники, как О.А. Ваганов и С.Н. Сладкевич пробудили у молодого студента интерес к русской историографии и развитию отечественной исторической мысли. Успешно окончив курс в 1953 г., Цамутали в качестве научного сотрудника принял участие в возрождении в Ленинграде Музея революции. В течение пяти лет он знакомился с богатейшими музейными материалами, часть которых легла в основу новой экспозиции. Р.Ш. Ганелин и А.Н. Кирпичников отмечали позднее, что «служба в музее (до 1958 года) не только расширила жизненный опыт Алексея Николаевича, но и открыла для него новую область научных интересов — историю революционного движения» (Отечественная история и историческая мысль... С. 7). К этой теме он обращался и в дальнейшем, уже как составитель широко известных сборников документов (Штурманы будущей бури. Воспоминания участников революционного движения 1860-х гг. в Петербурге. Л., 1983; «Народная воля» и «Чёрный передел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. Л., 1989).

Четыре года А.Н. Цамутали и его сокурсница В.Г. Чернуха трудились в ленинградской группе Института славяноведения, куда их пригласил её руководитель У.А. Шустер. За это время они проделали значительную работу по подготовке к публикации источников, освещающих политику самодержавия в Польше. В 1962 г. Алексей Николаевич поступил в ЛОИИ, где под руководством С.Н. Валка подготовил и в 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1971 г. её доработанный и значительно расширенный текст вошёл в монографию «Очерки демократического направления в русской историографии 60–70-х годов XIX века».

По словам Р.Ш. Ганелина и А.Н. Кирпичникова, «исследования А.Н. Цамутали в области историографии XIX — начала XX в. приобрели широкое признание среди историков самой разнообразной тематической ориентации. В них умело сочетается показ взаимосвязи историографии с общественной мыслью и анализ тех факторов, которые обеспечивали внутренние закономерности развития исторической науки в России» (Отечественная история и историческая мысль... С. 7–8). Продолжая эти изыскания, Алексей Николаевич защитил докторскую диссертацию, позднее изданную в виде книги (*Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки. Л., 1986). Неоднократно учёный принимал участие в работе над крупными коллективными трудами. В 1960-х гг. он написал большие разделы в «Кратком очерке русской культуры» (Л., 1967) и «Очерках истории Ленинграда» (Т. 5. Л., 1967), а в 1990-х гг. — ряд глав коллективной монографии «Власть и реформы: от самодержавной к Советской России» (СПб., 1996), проанализировав в ней преобразования и реформаторские проекты царствований Александра I и Николая I. Большой вклад Алексей Николаевич внёс в подготовку к публикации документов знаменитого «Академического дела» 1929–1931 гг. (Академическое дело, 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / Отв. ред. В.П. Леонов. Вып. 1–9. СПб., 1993–2015), которое характеризовал также на сайте Большой российской энциклопедии (<https://bigenc.ru/c/akademicheskoe-delo-5ad953>).

Несомненно, огромное влияние на исследователя и его творчество оказывали друзья и коллеги, работавшие в секторе истории СССР периода капитализма

(ныне — Отдел новой истории России): С.Н. Валк, В.С. Дякин, Ю.Б. Соловьёв, Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, Б.Ф. Егоров, В.Н. Гинёв, В.А. Нардова, В.Г. Чернуха и др. При их полной поддержке в 1970-х гг. Цамутали сменил Ананьича на посту секретаря партбюро ЛОИИ, а в феврале 1978 г. был избран заведующим сектором. Алексей Николаевич всячески способствовал его пополнению молодыми, талантливыми историками. Среди них выделялись Т.В. Андреева, В.В. Лапин, С.К. Лебедев, И.В. Лукоянов, С.В. Куликов, М.М. Сафонов и др. На протяжении многих лет возглавляемое им подразделение являлось «головным» и в значительной мере определяло лицо института. С 1985 г. Цамутали являлся членом учёного совета института, в 1990 г. вошёл в состав его диссертационного совета. В 2007 г. он передал руководство отделом более молодому сотруднику, сосредоточившись на научной и педагогической деятельности.

Многие годы учёный плодотворно сотрудничал с ленинградской организацией Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. В конце 1970-х гг. его избрали членом президиума и руководителем исторической секции ленинградского областного отделения ВООПИК. С душевной болью воспринимая любое посягательство на сохранность наследия прошлого, Алексей Николаевич нередко повторял: «Не нами сделано, не нам и разрушать». Не менее активно участвовал он в работе Топонимической комиссии и Комиссии по мемориальным доскам правительства Ленинграда/Санкт-Петербурга. В личных беседах не раз доводилось слышать его рассказы про их успехи и неудачи и размышления о важности тех проблем, которые они решали.

Будучи блестящим рассказчиком с мягким и тонким юмором, обаятельным и доброжелательным человеком, Алексей Николаевич неизменно демонстрировал такт и дружеское внимание к коллегам и ученикам. Неудивительно, что студенты и преподаватели факультета повышения квалификации Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена, исторических факультетов университетов Волгограда, Петрозаводска, Саратова с огромным вниманием и благодарностью слушали его лекции о русской историографии, дискуссионных проблемах отечественной истории, о ленинградской блокаде. В 1996 г. Цамутали стал профессором факультета истории образованного тогда же Европейского университета Санкт-Петербурга и до 2010 г. читал его учащимся курсы, посвящённые историографии истории России XVIII–XIX вв., истории исторической мысли и т.д. Кроме того, он руководил работой пяти аспирантов, успешно защитивших кандидатские диссертации и продолживших дело своего учителя.

В 1999 г. А.Н. Цамутали, автору более чем 350 научных публикаций, было присвоено почётное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», в 2012 г. Высшая аттестационная комиссия России отметила его деятельность присвоением учёного звания «Профессор по специальности». В 2018 г. его включили в состав редколлегии журнала «Вопросы истории».

В 2006 г. Р.Ш. Ганелин и А.Н. Кирпичников констатировали: «К трудам А.Н. Цамутали... обращается чрезвычайно широкий круг читателей. Причина этого — как в их исследовательских достоинствах, так и в широте и разнообразии тематики. Алексей Николаевич столь авторитетен среди историков Петербурга и других городов и стран, и к тому же так блистателен в личном общении, что в институте его всегда ожидают посетители, для каждого из которых беседа с ним — важный шаг на пути к своей исследовательской теме» (Отечественная история и историческая мысль... С. 8).

Несомненно, важное место в жизни Алексея Николаевича занимала семья. Всегда рядом с ним находилась жена — Людмила Ивановна Ивина, коллега по институту, специалист по древней истории России. Окружающие видели их бережное отношение друг к другу. Оба обожали дочь и внука, готовы были всегда и во всём прийти им на помощь.

Искренне жаль, что теперь всё это останется только в нашей памяти.

Не стало замечательного учёного, учителя, друга. Эта потеря невосполнима для всех, кто хотя бы однажды с ним соприкоснулся.

Н.Н. Смирнов

Генрих Зиновьевич Иоффе (1928–2024)

4 марта 2024 г. в Монреале (Канада) ушёл из жизни выдающийся историк, профессор Генрих Зиновьевич Иоффе. Он родился в Москве в «простой», как тогда говорили, семье (отец работал часовщиком). Рос в окружении, типичном для своего времени: дворовые и школьные друзья верили в светлое социалистическое будущее и стремились учиться дальше. Однако с профессией будущий учёный определился не сразу: в 1945 г. после окончания десятилетки поступил в Первый медицинский институт, но ушёл из него через год. Хотел стать философом, но попасть на соответствующий факультет не смог. Не удалось пробиться и на исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

В 1950 г. Иоффе с отличием окончил исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (МГПИ), после чего уехал по распределению в Костромскую обл. работать в педагогическом училище г. Кологрив. Вернувшись по прошествии положенного срока в столицу, целый год не мог найти работу. Пришлось учительствовать в школе рабочей молодёжи. В 1956 г. ему удалось устроиться в Государственную библиотеку им. В.И. Ленина («возил тачки с книжками, штемпелевал старые газеты»), откуда в 1964 г. перейти в издательство «Наука» АН СССР. Судя по воспоминаниям, труднее всего ему пришлось именно там: работа редактора была весьма напряжённой и крайне нервной. Тем не менее о своём «донаучном» окружении — от педучилища до издательства — Генрих Зиновьевич вспоминал с наибольшей симпатией.

Несмотря на немалые трудности, в 1966 г. Иоффе защитил в МГПИ кандидатскую диссертацию на не совсем обычно звучавшую тему: «Англо-американская буржуазная историография Февральской революции в России». Книжки о западных авторах проходили под рубрикой «Критика буржуазных фальсификаторов». Именно в это время началось его сотрудничество с академиком И.И. Минцем, возглавлявшим Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции».

В результате в «большую науку» Генрих Зиновьевич пришёл уже в зрелом возрасте, с запасом житейской мудрости. К тому времени советские историки от догм сталинского «Краткого курса» двинулись к «ленинской» концепции революции, хотя по сегодняшним меркам они различались немногим. И в том и в другом случае историкам следовало подтверждать идеологическую трактовку «закономерностей» революционного процесса, «ведущей силой» которого провозглашались рабочий класс и его авангард — «монолитная» большевистская партия. Тем не менее пространство поиска расширилось — в том числе за счёт показа «краха» противников Ленина.

По словам Генриха Зиновьевича, Минц — член РКП(б) с 1917 г., участник Гражданской войны, затем «красный профессор» — всегда проводил «линию ЦК»: трактовка истории Октября должна была точно отражать очередное постановление партийных верхов. Вместе с тем, будучи достаточно эрудированным человеком, он откликался на новшества в разработке проблематики Октябрьской революции. Ему понадобился исследователь, который предложил

бы «взвешенную» оценку западных авторов для будущего трёхтомника «История Великого Октября». Работа носила взаимовыгодный характер: сотрудники подбирали нужный материал, Минц его использовал, а подчинённые попутно писали собственные статьи, книги, диссертации.

В 1970 г. в издательстве «Наука» вышла первая монография Иоффе «Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии», затем увидели свет книги, брошюры и статьи, посвящённые зарубежным авторам. Он одним из первых смог взглянуть на революцию «со стороны» — разумеется, сохраняя при этом обязательную для того времени риторику. Примечательно, что «критикуемые» им авторы ничуть не обижались, понимая, в какой идеологической обстановке работают советские учёные. Правда, позже «разоблачение фальсификаторов» оказалось поставлено на поток, но и тогда подчас делалось лишь для того, чтобы получить своеобразный сертификат «благонадёжности» от блюстителей чистоты «марксистско-ленинской науки». Тем временем в работах Иоффе то и дело проходил конкретный исторический материал, ставивший под сомнения те или иные догмы.

Тогдашняя обстановка в исторической науке оказалась противоречивой. Идеологическая оттепель заканчивалась. Сначала охранители одёрнули Э.Н. Бурджалова за двухтомник о Февральской революции, в котором тот осмелился показать её стихийный характер. Затем последовал разгром «нового направления», авторы которого усомнились в непрерывном характере гегемонии пролетариата. В то же время под эгидой минцевского Научного совета в г. Калининне прошла серия конференций, призванных показать «крах» буржуазных и мелкобуржуазных противников большевиков. Разумеется, памятуя об идеологических репрессиях, историки лукавили: «разоблачали» тех, кому иной раз в пику надоевшим догмам внутренне симпатизировали. В любом случае, стало очевидно, что революцию нельзя изучать без контрреволюции. Именно эта идея захватила Иоффе одним из первых.

Наибольший интерес вызывали тогда лидеры контрреволюции. В 1977 г. в издательстве «Наука» вышла монография Генриха Зиновьевича «Крах российской монархической контрреволюции». Её название характерно для тех лет: все противники большевиков — вплоть до черносотенцев — изображались более «правыми», нежели являлись на самом деле. Однако автор названием остался доволен не вполне: в узком кругу он отмечал, что среди белогвардейцев монархисты заявили о себе лишь в конце Гражданской войны. В 1983 г. в издательстве «Мысль» вышла монография «Колчаковская авантюра и её крах», в 1989 г. эту тему продолжила книга «“Белое дело”. Генерал Корнилов». Иоффе сумел показать разнородность и эмоциональную неустойчивость контрреволюции, ставшие одной из причин её поражения. Он активно использовал материалы «Пражского архива» — собрания материалов и документов (в основном мемуаров) оказавшихся в эмиграции противников большевиков. В 1945 г. их перевезли в СССР и поместили на специальное хранение в Центральный государственный архив Октябрьской революции (ныне — Государственный архив Российской Федерации). Вероятно, Иоффе стал первым историком, допущенным к этим документам (несомненно, благодаря близости к Минцу).

Перестройку Иоффе встретил уже признанным историком. В новых условиях он пытался использовать своё положение, чтобы привлечь внимание к острым проблемам науки. Так, в сентябре 1987 г. на симпозиуме «Великий

Октябрь — переломное событие мировой истории» в Институте истории СССР АН СССР вслед за В.Д. Поликарповым (которого сам среди тогдашних историков уважал больше всего) решительно заявил, что имеющаяся литература о революции (а она к тому времени насчитывала около 25 тыс. книг и статей) не отвечает читательским запросам: «Мы не пишем книги, мы их составляем». При этом сказывалась известного рода «субординация», которой в науке не должно быть по определению. Примечательно, что на этом мероприятии по причине нездоровья отсутствовал Минц. Однако, думается, в присутствии шефа Иоффе сказал бы то же самое. Тем не менее в прежнем окружении ему стало «тесно», и в 1992 г. он перешёл в новосозданный Центр по изучению новейшей истории и политологии Института российской истории РАН.

В первой половине 1990-х гг. Иоффе выпустил свои наиболее читаемые книги: «Революция и судьба Романовых» (1992) и «Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов» (1995). Экземпляр последней в Российской государственной библиотеке «зачитан» больше, чем любая другая книга о революции. Признание на родине «догнало» зарубежную славу. Когда в 1990 г. на международном конгрессе советологов в Харрогейте (Великобритания) объявили его выступление, зал разразился аплодисментами, что докладчика явно смутило. И неудивительно: по-настоящему увлечённые и талантливые люди обычно не сознают масштабов своей известности. Стоит отметить, что, занимаясь историей контрреволюции, Иоффе вовсе не перешёл на «белогвардейские» позиции. «К переменам, к искоренению догматизма, к свободному историческому мышлению большинство из нас было не готово», — отмечал он позднее.

В 1995 г. на пике научного признания Генрих Зиновьевич «по семейным обстоятельствам» эмигрировал в Канаду — к дочери. Отъезд дался ему нелегко. Позднее он иронизировал: был исследователем первой («белой») волны, современником второй и третьей, участником четвёртой. Сначала бежали от Ленина, затем от Сталина (после Великой Отечественной войны), брежневского «застоя», наконец, от Горбачёва и Ельцина. Что и говорить: парадоксально-многозначительный комментарий к нашей истории!

Между прочим, ещё в книге о «колчаковской аванюре» (в действительно-сти он вряд ли соглашался с данным штампом) Иоффе писал: «Невозможно оценивать всю эту эмиграцию однозначно. Немало людей оказалось за рубежами родной страны не по своей воле: холодные ветры гражданской войны и иностранной интервенции поднимали с мест, бросали из края в край, в чужие края». В известной степени эту характеристику можно приложить и к представителям его собственного эмигрантского окружения. Их нравы и повадки Генрих Зиновьевич высмеял в серии юмористических рассказов, способных конкурировать с текстами С.Д. Довлатова.

Эмигрантское бытие вряд ли возможно без скрытой или явной ностальгии. При этом именно историк на перемещение в иное культурное пространство реагирует особенно остро. В этом смысле примечательна изданная в Иерусалиме в 2009 г. книга «Было время... Воспоминания». Это уникальный источник, показывающий «изнутри» скрываемые или ложно интерпретируемые события. Иоффе рассказал, например, как москвичи реагировали на панику 16 октября 1941 г., затронул и ряд последующих явлений, включая перестройку и её психосоциальные последствия. Уникальны зарисовки, касающиеся поведения некогда всесильных представителей советской номенклатуры, в неформальной обстановке встречавшихся на Патриарших прудах. Мемуарист никого не осу-

ждает, изумляясь, однако, тому, как меняется человек, потерявший привычные жизненные ориентиры и особенно власть.

Благодаря своей активности Генрих Зиновьевич занял заметное место среди творческой эмиграции: выступал автором и членом редколлегии «Нового журнала» (Нью-Йорк), публиковался в русскоязычных изданиях США, Канады, Франции, Израиля. В сетевом журнале «Заметки по еврейской истории» появлялись интересные очерки о людях переломных эпох: от Григория Отрепьева до Леонида Канегиссера, от Я.Г. Блюмкина до Минца. Это особый, «эссеистский» жанр — размышления на базе известных, но «не замечаемых» фактов. Жизненный опыт позволял не оглядываться на авторитеты и не делать скороспелых открытий на базе отдельных документов. Зато тексты охотно разбавлялись поэтическими строками — от А.С. Пушкина до Г.В. Иванова. И это оправданно: историк должен ощущать «дух» исследуемой эпохи и уметь работать в различных жанрах.

Разумеется, в эмиграции Иоффе не терял связей с коллегами. Он не раз приезжал в Россию, постоянно печатался в журналах «Отечественная история» (с 2009 г. — «Российская история»), «Новый исторический вестник», «Новая и новейшая история», «Исторический архив», «Наука и жизнь». Примечателен изданный в Санкт-Петербурге в 2017 г. объёмистый сборник его статей «История среди нас (Очерки из русского прошлого)». Можно сказать, что таким способом учёный смог привлечь внимание читателей к «академическим» — и не только своим собственным — сочинениям. В целом за 30 лет эмигрантской жизни он опубликовал едва ли не больше, чем за предыдущие годы. Правда, это уже иная стилистика — далёкая от советского академизма, внутренне раскованная, свободная, порой ироничная.

Некоторые рассуждения Иоффе о причинах революции стоило бы вспомнить современным авторам — особенно конспирологам. «Истории известны долгие периоды удивительного терпения “низов”, измученных гнётом и лишениями, — писал он в статье о “распутиниаде”. — Пока власть ещё внушает доверие, уважение, трепет, страх — всё равно, — она так или иначе “держит” устойчивость, даже несмотря на свои очевидные промахи и грехи. Но вот в ходе кризиса власть начинает искать выход из него, и наступает время перемен и некоторых уступок “низам” — самый уязвимый момент для старого порядка. Именно тогда начинается сравнение того, что дают народу, с тем, что он требует, и с тем, что ему так легко обещают некоторые политики. Именно тогда народ “бьёт посуду” и “зажигает дом”. Наступает революционная анархия».

Как и положено историку, Генрих Зиновьевич Иоффе жил и в прошлом, и в «своём» времени. Последнее он «опередил». Потому его труды ничуть не устарели. Вряд ли они когда-либо устареют вообще — мысли и прозрения большого учёного легко перемещаются сквозь время и пространство.

Друзья, коллеги

Алексей Борисович Мазуров (1970–2024)

8 апреля 2024 г. ушёл из жизни Алексей Борисович Мазуров, известный российский учёный, деятель культуры и образования, специалист по истории и археологии средневековой Руси, профессор, доктор исторических наук, ректор Свято-Филаретовского института (Москва), президент Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна).

А.Б. Мазуров родился 29 марта 1970 г. в деревне Исаково Воскресенского района Московской обл. Уже в молодые годы он стал одним из «отцов-основателей» краеведческого музея в Воскресенске. Инициативу районного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) местные власти поддержали, но финансирование музеев мог получить только при наличии не менее 10 тыс. экспонатов. Ноша по сбору артефактов легла на молодых энтузиастов — Алексея Мазурова и Константина Остапцова. В поисках старинных вещей они ездили по всему району, неустанно пополняя коллекции будущего музея. С 1989 по 1991 г. уже в должности директора А.Б. Мазуров продолжил дело организации Народного музея города Воскресенска (ныне — Культурный центр «Усадьба Кривякино»).

Алексей Борисович со студенческой скамьи являл собой пример усердия и трудолюбия. В 1992 г. он с отличием окончил исторический факультет Коломенского педагогического института и, будучи уже автором пяти научных статей, поступил в аспирантуру Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. С 1991 по 2000 г. он являлся также руководителем Коломенского археологического центра, осуществляя организацию археологической практики студентов.

Значительный объём научных публикаций А.Б. Мазурова посвящён результатам археологических исследований и открытий. В 1996 г. он защитил кандидатскую диссертацию о средневековой Коломне XII–XV вв. Будучи учеником выдающегося знатока Древней Руси академика В.Л. Янина, Мазуров стремился проводить исследования в русле методологии комплексного источниковедения, требуя того же от своих учеников. Благодарность учителям (М.Н. Шведковой, Н.С. Лариной, В.Л. Янину) Алексей Борисович Мазуров пронёс через всю жизнь, бережно соблюдая заложенные в его воспитании и обучении принципы ответственного подхода к делу. Именно наставники научили его ориентироваться на высокую планку и встречать полученный результат с искренней радостью.

Вернувшись в *alma mater* (с 2000 г. — Коломенский государственный педагогический институт), А.Б. Мазуров занял должность заместителя декана исторического факультета, в 2000–2002 гг. был первым проректором, а в 2004 г. стал самым молодым в России ректором, занимая эту должность до 2019 г. В 35 лет Алексею Борисовичу присвоили звание «Ректор года». Под его руководством укрепились связи института с российскими образовательными организациями, расширилось международное сотрудничество с исследовательскими институтами, углубилось взаимодействие с научными центрами, стала более прочной материально-техническая база вуза. Благодаря усилиям А.Б. Мазурова в 2015 г. институт обрёл университетский статус (ныне — Государственный социально-гуманитарный университет).

Умение сочетать должностные обязанности с занятиями наукой Алексей Борисович продемонстрировал, подготовив и блестяще защитив в 2002 г. докторскую диссертацию «Эволюция великокняжеской вотчины в процессе создания единого Русского государства: Коломна в XIV — первой трети XVI вв.». Основные положения этого труда отражены в вышедшей за год до защиты монографии «Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства» (М., 2001). Данную научную проблему Алексей Борисович планировал развивать на примере других территорий. Помимо дорогой его сердцу Коломны, он активно занимался изучением и других средневековых городов Подмосковья, в частности, Серпухова и Зарайска — крупных средневековых центров подмосковной земли («Русский удел эпохи создания единого государства: серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV вв.» (М., 2008) (в соавторстве с А.Ю. Никандровым); «Граффито о постройке кремля в Зарайске в 1531 г.» // Российская археология. 2022. № 4. С. 162—170 (в соавторстве с С.Ю. Шокаревым); «О происхождении Зарайского Евангелия» // Библиотекосведение. 2021. Т. 70. № 2. С. 193—204 (в соавторстве с А.В. Родионовым)). Одной из своих профессиональных задач в научно-исследовательской сфере А.Б. Мазуров считал комплексное изучение всех уделов Московского княжества периода создания единого Русского государства в XIV—XVI вв. При этом масштабность и глубина источниковедческого горизонта научной деятельности позволяли ему руководить исследованиями учеников в широком хронологическом диапазоне и по значимой малоизученной тематике.

Научно-исследовательскую деятельность Алексея Борисовича всегда отличала практическая значимость. Плодотворное сотрудничество и искренние дружеские взаимоотношения на протяжении десятилетий связывали его с коллективом Историко-культурного музея-заповедника «Коломенский кремль». Широта его научных интересов искренне удивляла. В их числе были археология, палеография, генеалогия, хронология, нумизматика, история церкви, историческая география и картография, демография, история искусства и архитектуры. Благодаря такому многоаспектному подходу публикации Мазурова всегда вызывали читательский интерес и привлекали внимание широкой общественности.

Алексей Борисович Мазуров — автор более 20 монографий, учебников и учебных пособий, свыше 600 статей в книжных, энциклопедических и периодических изданиях. Большой популярностью у читателей пользуется его богато иллюстрированное издание «Коломенский Кремль — символ России и Подмосковья: история выдающегося памятника русского оборонного зодчества» (Коломна, 2015). Эту монографию исследователь подготовил, вдохновившись победой Коломенского кремля в масштабном всероссийском конкурсе символов страны «Россия 10». Он работал над книгой, чувствуя свою профессиональную ответственность перед страной. Мастерски сочетая фундаментальные исследования и талант популяризатора научных знаний, А.Б. Мазуров способствовал приобщению широкого круга читателей всех возрастов к ярким страницам истории и культуры России (см., например, его книгу «Сказ о Кирилле и Мефодии: книга для чтения: для младшего и среднего школьного возраста» (Подольск, 2011)).

Алексей Борисович был постоянным участником международных и всероссийских научных форумов, дискуссионных встреч и «круглых столов». Он —

автор содержательных статей, рецензий в академических научных сборниках. Его публикации в журнале «Российская история» обогатили исследовательскими сюжетами историю княжеской семьи Дмитрия Донского, бытописание юности Ивана Грозного, на источниковедческом материале им глубоко проработана генеалогия выдающихся дьяческих родов XVI — первой половины XVII вв. — Шерефединовых и Мишуриных.

Своими обширными знаниями он щедро делился с коллегами и учениками. Под его руководством защищены пять кандидатских диссертаций, десятки выпускных квалификационных и магистерских работ. Как опытный педагог и прекрасный лектор он пользовался безусловным авторитетом у студентов. С просьбами о консультации и научном руководстве к нему обращались выпускники из других российских вузов, за разъяснениями по вопросам российской истории и культуры приходили представители региональных и центральных СМИ, просветительских сообществ. А.Б. Мазуров являлся экспертом Российского гуманитарного научного фонда и членом Патриаршего совета по культуре.

Своё просветительское служение Алексей Борисович выполнял и на ниве культуры. С консультационным участием Мазурова Коломна в 2007 г. получила из мастерской А.И. Рукавишникова конный памятник прославленному полководцу и государственному деятелю князю Дмитрию Донскому. Он принимал активное участие в увековечивании памяти сражения при Молодях и включении его в перечень памятных дат Московской обл. Погружённость А.Б. Мазурова во все значимые события жизни Коломны и Подмосковья наполняла его график регулярными публичными выступлениями, в которых он стремился показать роль выдающихся отечественных деятелей — от Александра Невского до Дмитрия Пожарского, от Сергия Радонежского до митрополита Филарета. Глубоко передаёт силу выступлений Алексея Борисовича фраза из Евангелия от Луки — «от избытка сердца говорят уста» (Лк. 6:45). Как депутат Московской областной думы V и VI созывов (2011—2021), затем член Экспертного совета регионального парламента, он много сил вложил в совершенствование законодательства, в развитие Подмосковья и Коломны. Дни Алексея Борисовича в статусе заместителя председателя Комитета по вопросам образования, культуры и туризма были наполнены заботами о региональных учреждениях этих общественных сфер.

В 2020 г. А.Б. Мазуров принял назначение на пост ректора Свято-Филаретовского института в Москве. Новые коллеги отмечали, что работа с ним всегда была плодотворной и радостной. Его доклады и публичные лекции получали живой отклик слушателей, пробуждая стремление искать и узнавать новое; его выступления расходились на цитаты. Алексей Борисович обладал уникальным даром тонко и интеллигентно объяснять простыми, понятными словами сложные философские, научные, духовные вопросы бытия.

Научные труды, административно-педагогическая и общественная деятельность А.Б. Мазурова снискали ему признание среди российских и зарубежных специалистов, педагогов. Подтверждением тому являются присуждение Золотой медали РАН для молодых учёных, звание Лауреата премии памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) и Фонда развития отечественного образования. Он — победитель конкурса «Золотые имена высшей школы-2019», Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почётный гражданин Коломны. За заслуги в деле

просвещения Алексей Борисович отмечен наградами Русской Православной Церкви — орденами святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского III и II степеней.

Несмотря на болезнь последних лет, А.Б. Мазуров сохранял верность делу профессионального историка: активно работал с архивным материалом и комплексами вещественных источников; опубликовал работы по иконографии и библеистике, биографике церковных деятелей, истории памятников мемориальной культуры; выступал рецензентом научных изданий (*Мазуров А.Б.* Подписное белокаменное надгробие 1522 г. из с. Чаплыгино древнего Коломенского уезда // *Российская археология.* 2021. № 2. С. 217–224; *Мазуров А.Б.* К истории почитания чудотворной иконы Николы Заразского // *Исторический вестник.* 2021. Т. 35. С. 146–189; *Мазуров А.Б.* Епископ Тихон Коломенский (1520 — ранее 1525 гг.) // *Вопросы истории.* 2022. № 3–2. С. 57–69; *Мазуров А.Б.* «Пять крестов» под Коломной: редкий мемориальный комплекс XVII в. // *Российская археология.* 2023. № 3. С. 121–130). На сессии Русского университета в 2023 г. он подчеркнул значение вопросов истории православной Церкви и христианства для страны: «Наша земля — живая, она плодоносит, есть животворные силы, которые создают будущее и работают на это будущее».

Жизненный путь Алексея Борисовича Мазурова — пример патриотизма, служения науке и народному просвещению во благо Отечества. Его научные труды и педагогическая деятельность, свойственные ему качества глубоко порядочного и доброжелательного в общении человека навсегда останутся в благородной памяти его коллег и учеников.

Коллеги, ученики, друзья

Наши авторы

Аваков Пётр Ашотович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону)

Айрапетов Олег Рудольфович, кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Алферова Ирина Викторовна, доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского

Апанасенок Александр Вячеславович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Бажанов Денис Александрович, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Базарова Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, и.о. заведующей Научно-историческим архивом и группой источниковедения Санкт-Петербургского института истории РАН

Байбакова Лариса Вилоровна, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ватлин Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Вершинин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Дмитриев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Замулин Валерий Николаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Юго-Западного государственного университета (Курск)

Ипатов Алексей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент Воронежского государственного педагогического университета

Казаков Глеб Маратович, кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры восточноевропейской истории университета Юстуса-Либиха в Гиссене (Германия)

Комзолова Анна Альфредисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Конюченко Андрей Иванович, доктор исторических наук, профессор Челябинского государственного университета

Мельникова Любовь Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Мироничев Евгений Павлович, научный сотрудник Музея Карельского фронта — филиала Национального музея Республики Карелия (Беломорск)

Мухин Михаил Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Нагорная Оксана Сергеевна, доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского

Наземцева Елена Николаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН и Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

Носов Борис Владимирович, доктор исторических наук, заведующий Отделом истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН

Попов Алексей Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Рузаев Станислав Валерьевич, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя, доцент Севастопольского государственного университета

Сень Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Смирнов Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Черкасова Марина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор Вологодского государственного университета

Юркин Игорь Николаевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Диалог о книге

А.Г. Гуськов, К.А. Кочегаров, С.М. Шамин. Русско-турецкая война 1686–1700 годов	
<i>Д.В. Сень. История «незнаменитой войны»</i>	4
<i>Т.А. Базарова. Русско-турецкая война 1686–1700 гг.: походы и дипломатия</i>	10
<i>Б.В. Носов. События 1686–1700 гг.: серия конфликтов или война?</i>	15
<i>Г.М. Казаков. Не Азовом единым</i>	22
<i>П.А. Аваков. Первая монография о первой войне Петра I</i>	26

Институты и общности

<i>А.В. Дмитриев</i>	
«Военное сословие» Российской империи: офицеры недворянского происхождения в Сибири рубежа XVIII–XIX вв.	35
<i>А.И. Конюченко</i>	
Служба и быт казаков Исетской провинции в период перехода от крестьянской к казачьей жизни (1737–1740-е гг.)	47

Сюжеты и эпизоды

<i>Л.В. Мельникова</i>	
Французы в Москве и русские в Париже: взаимовосприятие и культурная память . . .	58

Лица и взгляды

<i>А.А. Комзолова</i>	
Граф Е.Ф. Канкрин и Николай I во время русско-польской войны 1830–1831 гг. . . .	78

История власти

<i>О.Р. Айрапетов</i>	
Мобилизация 1876–1877 гг. Первый опыт императорской России	90
<i>Е.Н. Наземцева</i>	
Из Поднебесной на Русский фронт: мобилизация российских подданных в Китае в годы Первой мировой войны	102
<i>И.В. Алферова</i>	
Женская история российской военной цензуры периода Первой мировой войны . . .	115

Профессия и сообщество

<i>Д.А. Бажанов</i>	
История повседневности российских военных моряков в 1914–1917 гг.: методологические аспекты изучения	127

Из истории Великой Отечественной войны

<i>Е.П. Мироничев</i>	
Кандалакшское направление в советском военном планировании в 1940–1941 гг. . . .	139

В.Н. Замулин

Красная армия и срыв замыслов германского командования на участке Воронежского фронта летом 1943 г.	151
--	-----

М.Ю. Мухин

Мобилизация промышленности в годы Великой Отечественной войны: механизм экономической победы	172
---	-----

Рецензии

<i>А.В. Апанасенко</i> — J.M. Hartley. The Volga: a history of Russia's greatest river	192
<i>М.С. Черкасова</i> — С.В. Стрельников, А.П. Павлов. Межевые книги Троице- Сергиева монастыря середины XVI в. // Российская генеалогия. Научный альманах. Вып. 15	197
<i>И.Н. Юркин</i> — Демидовы в документах российских архивов	201
<i>Л.В. Байбакова</i> — Россия на международных форумах и конгрессах XVII — начала XX века	205
<i>А.М. Ипатов</i> — С.С. Юдин. Солдат империи. Генерал М.И. Драгомиров. Реформатор. Учитель. Военачальник.	209
<i>А.С. Пученков</i> — Без Бога, царя и Отечества: из истории Балтийского флота в 1917 г.	213
<i>А.А. Вершинин</i> — Новый взгляд на советскую стратегию накануне Великой Отечественной войны	218
<i>А.Д. Попов, С.В. Рузаев</i> — Многоголосие «живых голосов» войны: особенности источника и возможности историков	225
<i>А.Ю. Ватлин</i> — Спортивные битвы холодной войны	230
<i>О.С. Нагорная</i> — Советский большой спорт в контекстах холодной войны	235

Pro memoria

<i>А.Н. Цамутали</i> (1931–2024)	239
<i>Г.З. Иоффе</i> (1928–2024)	243
<i>А.Б. Мазуров</i> (1970–2024)	247
Наши авторы	251

CONTENTS

Discussing recent books

A.G. Gus'kov, K.A. Kochegarov, S.M. Shamin. The Russo-Turkish War of 1686–1700	
<i>D.V. Sen' (Southern Federal University, Rostov on Don, Russia). The story of the «unknown war»</i>	4
<i>T.A. Bazarova (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences). The Russian-Turkish War of 1686–1700: campaigns and diplomacy</i>	10
<i>B.V. Nosov (Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow). The events of 1686–1700: a series of conflicts or a war?</i>	15
<i>G.M. Kazakov (Justus Liebig University Giessen, Germany). Not just about Azov</i>	22
<i>P.A. Avakov (Federal Research Centre the Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, Rostov on Don). The first monograph on Peter I's first War.</i>	26

Institutions and communities

<i>A.V. Dmitriev (Novosibirsk State University, Russia)</i>	
The «military estate» of the Russian Empire: officers of non-noble origin in Siberia at the turn of the 18 th –19 th centuries.	35
<i>A.I. Konyuchenko (Chelyabinsk State University, Russia)</i>	
Service and life of the Cossacks of the Iset province during the transition from peasant to cossack life (1737–1740s)	47

Scenarios and episodes

<i>L.V. Melnikova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
The French in Moscow and the Russians in Paris: mutual perception and cultural memory . .	58

Persons and views

<i>A.A. Komzolova (Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Count E.F. Kankrin and Nicholas I during the Russian-Polish War of 1830–1831	78

History of power

<i>O.R. Airapetov (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
Mobilization of 1876–1877. The first experience of Imperial Russia.	90
<i>E.N. Nazemtseva (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russia)</i>	
From the Middle Kingdom to the Russian Front: mobilization of Russian citizens in China during the First World War	102
<i>I.V. Alferova (Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Russia)</i>	
Women's history of Russian military censorship during the First World War	115

Profession and community

<i>D.A. Bazhanov (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)</i>	
The history of the everyday life of Russian sailors in 1914–1917: methodology of research	127

From the history of the Great Patriotic War

<i>E.P. Mironichev (Museum of the Karelian Front, branch of the National Museum of the Republic of Karelia, Belomorsk, Russia)</i>	
Kandalaksha direction in Soviet military planning in 1940–1941	139
<i>V.N. Zamulin (Southwest State University, Kursk, Russia)</i>	
The Red Army and the disruption of the plans of the German command in the Voronezh front sector in the summer of 1943.	151
<i>M.Yu. Mukhin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Industrial mobilization during the Great Patriotic War: the mechanism of economic victory.	172

Reviews

<i>A.V. Apanasenok (Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Rec. ad op.: J.M. Hartley. The Volga: a history of Russia's greatest river	192
<i>M.S. Cherkasova (Vologda State University, Russia)</i>	
Rec. ad op.: S.V. Strelnikov, A.P. Pavlov. Mezhevye knigi Troitse-Sergieva monastyrja serediny XVI v. // Rossiyskaya genealogiya. Vol. 15	197
<i>I.N. Yurkin (S.I. Vavilov institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
The Demidovs in documents from Russian archives	201
<i>L.V. Baibakova (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
Rec. ad op: Rossiya na mezhdunarodny'kh forumakh i kongressakh XVII – nachala XX veka	205
<i>A.M. Ipatov (Voronezh State Pedagogical University, Russia)</i>	
Rec. ad op.: S.S. Yudin. Soldat imperii. General M.I. Dragomirov. Reformator. Uchitel'. Voenachal'nik.	209
<i>A.S. Puchenkov (Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
Without God, Tsar and Fatherland: the history of the Baltic Fleet in 1917	213
<i>A.A. Vershinin (Lomonosov Moscow State University, Russia; Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
A new look at the Soviet strategy on the eve of the Great Patriotic War	218
<i>A.D. Popov (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia), S.V. Ruzhev (Museum-Reserve of the Heroic Defense and Liberation of Sevastopol; Sevastopol State University, Russia)</i>	
Polyphony of the «living voices» of war: features of the source and possibilities for historians	225
<i>A.Yu. Vatlin (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
Sports' battles of the Cold War	230
<i>O.S. Nagornaia (Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia)</i>	
Soviet elite sport in the contexts of the Cold War.	235

Pro memoria

<i>A.N. Tsamutali (1931–2024)</i>	239
<i>G.Z. Ioffe (1928–2024)</i>	243
<i>A.B. Mazurov (1970–2024)</i>	247
Contributors to this issue.	251